

Б. ОР. Е.
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
ОCT. 1914
27

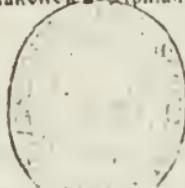
Р У С К А Я
Ч И Т А Н К А
д л а
нижшой гумназии.

ЧАСТЬ I.

СОСТАВИЛЪ

ВЛАДИМИР КОВАЛЬСКІЙ,

ц. к. міністерський консультантъ при міністерствѣ правосудія и редакторъ Крестьника законовъ-документовъ и правительства.

Цѣна экземпляря опрѣвного въ подполотно: 41 кр. м. к.

Тископечатано накладомъ правительства.

въ ВѢДІИ 1852.

1.

Правило житїа.

Все съ Бóгомъ начинай
И съ Бóгомъ поступай
А на концѣ узришь,
Що дѣло совершишь.

B. K.

2.

Добромадти.

(подали Гёбели.)

Въ рóкѣ 1796, коли французка армїа по вóзворотѣ изъ Нѣмеччинки по таунтому вóцѣ надъ Реною долївъ розложена вѣла, тѣжіла одиа мать въ Швайцаріи за скопищ скіпомъ, котрый оставалъ при армїи и о котрому онѣ черезъ дѣлгое времѧ не моглѣ сѧ пѣчного довѣдати и заспокойти ское матернѣе сѣрдце. „Онѣ лаѣ вѣти при ренскій армїи,“ казала до сїе, „а Господь Божј, котрый менѣ егò дѣлж, заведѣ менѣ до него,“ и вѣхакши поштовкимъ вóзомъ черезъ прамъ св. Йоанна въ Базиліи, и перехавши кóло виноградовъ до Сэндгакъ, почала въ своїй простодѣшиости и преветливости, въ макдѣ звѣчайши свѣк всѣ о旣мислы тредѣючи сочнѣстїа и надѣи, а макихъ мѣжи

На тóе не могла ся опа оўжé дóлше вздéржати отъ виðтрениного волнóванa чвистви и скáзала: „Онъ то есть мóилъ скíпомъкъ, котрого ўш шкáю,“ и си чéстне шкайцáрске лищé вкigлаждáло въ той хвíли за пáдто простодéшио въ несподéванои тои рáдости, любкé и изи всткíд8; попéже ся встыдáла, цю мáла вкíти мáтерю сперáла, перéдъ тákъ миόгими людкми, а прéцьникъ не могла тóго затайти. Но господарь скáзали: „Еслí рéчъ ся такъ мáе, дóбраа Пáпе, то позиольте, ако Бáшни пакшники вкíложено въ поштóвого кóза, и менѣ тóго пеðт-кажéти, ако ми вáдтра рáно казáлъ запрағчй каркítк8, и Васи повéзлъ до Бáшого Скíпа до тáбор8.“

Рáно, коли припíла до тáбор8 и обáчила сперáла, позиáла въ сей часк въ сеи пемъ скíна скóго, а молодà жеңицина, котрà дна вчерáйшого ся шамъ гокорýла, вкíла то ей пеңбестка, а дѣтйна ей виðчокъ. Сперáли позиáкии скóю мáтерь, скáзали до скóи сэирéги: „Се опа!“ по чвмъ опи ся поцфловáли и поголéшили, — а любовъ мáтери и дѣтй-нача, такъ ѹкъ икéочество и крótость спакýли до кóкы въ одиò чвиство и проливáли ся рáдост-ными слéзами; — мáти звстала чéрéзъ долгий часк въ падзвычáйномъ вэрбшешо, и то неомáло мéнше чéрéзъ тóе, цю пкнѣ скóнчк наишлà, ѹкъ изи за тóго, цю ихъ оўжé вчéra виðфла.

Гостиникии покерéвшши до лéиста мóилъ: не падвткъ, прáвда, грóши кóмшиомъкъ до хáтки, одиакожъ ради чвисте овжинблкъ бих ся вкілъ нези двóхъ сотъ фрáпкбкъ, ѹкъ колицъ не мáлъ вá-чить тóго, коли дóбра мáти позиáла скóго скíна, и скíна ғрастъе; а оповéдáтель сегó приключéниј

замѣчаетъ: „Есть то найкраще скойство людскаго сѣрдца, цио онѣ такъ рѣдо са придвиглѣ, ели пріятелѣ или складѣ непадѣйно зновъ са сми-
дѣть, и цио онѣ тогдѣ хотачѣ или нехотачѣ не
може ишакше, аїкъ са ини обѣслѣхати авѣ бѣзъ
взрѣшиенїа разомъ съ иными плакати.“

B. K.

3.

Пчолки и ихъ мѣти.

Изъ ўлія летятъ пчолки;
Вѣскъ и мѣдъ сберати;
Акъ повѣрнутъ отъ роботы,
Витѣе ихъ мѣти.

Що мѣти повелѣваѳ,
Все чинятъ дѣточки,
Кажде несѣ свою працю
До свони хижочки.

Такъ працюютъ черезъ лѣто,
Акъ зима настѣа
И дѣточки и ихъ мѣти
Досыть Ѵсти мѣа.

Разомъ робятъ, разомъ Ѵдѣтъ,
И разомъ ся тѣшатъ,
Щастливѣи суть, докѣли ся
Матерє не лѣшатъ.

Чарнянъ Маковицкій.

4.

Ба́йки́ Лесси́нга.

I.

Довродътельства.

„Ци мáешъ ты мéжи звѣрьми волъшого довродътеля надъ насъ?“ пытала пчола чоловѣка. — „О, мáю!“ отворилъ той же.

„А когд?“ — „Овцю! понѣже ей волна есть для мене потрѣшила, а тебѣ мѣди лишь прѣмы. Хочешь ли еїрѣ одиѣ причиинѣ знати, для чоего ѿ овцю за мόго волъшого довродътеля оѣважаю, якъ тепѣ пчолѣ?“

„Дѣже радамъ знати!“ — „Овця даѣ менѣ сквою волни вези найменшии традности; сап же отъ тѣне хочи полѣчить мѣдь, то всегда менѣ еїрѣ треда опасати са твоего жалѣ.“

II.

Левъ и злакъ.

Левъ дозволилъ одиомъ смѣшиомъ злакеви влікше са съ сокрою познакомити. Полкзючи са тօю ласкою, запыталъ одиомъ рѣзъ злакъ ского короля: „Ци праида то есть, ію левъ, котрого мы называемъ королемъ, може когдѣ такъ лѣгко перенѣдити?“ — „Такъ есть, отворилъ левъ; и тобе ѿжѣ не одиимъ мѣдрѣцъ замѣтилъ, ію мы великии звѣрь мѣемъ пѣни маленькии слабость. Такъ и пр. мѣли ескъ чѣти, ію слонъ, скоро христинѣ скрипѣ звѣзде, перелакае са чрезвычайно.“

„Ци такъ?“ перервалъ смѣшъ злакъ и додалъ: „а то и ѿ тенерѣ такожъ понимаю, для чоего то мы злакъ такъ дѣже поимѣ са пеовъ!“

III.

Кёнк и вікік.

На дірвідмін кóшикъ гоніалъ мовъ кітєрж
жівакій хлонакъ. Дікій вікікъ поглáниши на тóе
каїкизак до коня: „Встуїдайся! Хлончішою прé-
цівікъ не дáлжкімъ са покодити!“

„„Но ю““ отпокількъ кёнкъ, „„радо са даю;
ко и іака вкі то дала мéне віла честкъ, хлончіш
скініти изи сéне?““

IV.

Орéлъ и г҃ска.

Одноого разъ запытала са г҃ска брлà: „Дала
чіго ты твої молодії брлата пітгáешъ такж ви-
соко вк воздхесі?““

Орéлъ отпокількъ: „„Я ціжкъ вкі бій поросши
вк пібркé, могай са отвáжити поддаїтати до соп-
ця, еслівкімъ пхъ пітáлъ при землі?““

V.

Бóакъ и бічárк.

Подчаси морóвого повбітря вкігиваля однóмъ
бічарéни цівлà чередà овéцкъ. Докіданши са о
тóмъ бóакъ привілъ оказати своє сожалéнкé.

„„Овчáрю,““ сказáлъ бікъ, ци прáвда то, імо
тобі велікé пеірасткé са пріключіло? Тобі мáла
цівлà чередà біеңкъ вкігініти? Та ж лювéзна,
смиреніна, толстà чередà! Мені жаль текé, а са-
ломъ спірáе са па плачкъ!““

„„Дáкію за сожалéніє пане лáйстерж біч-
лако,““ отпокількъ бічárкъ, и додáлъ: „„І відже, іро
ты дáже чвєсткітєлкного сéрдца!““

„„„О! бѣж дѣже чвствітельного сѣрдца,“““
сказаѣк вѣрній волкогрѣзъ, лежачіи ѿ нѣгъ
бѣзарѣ, „„„скоро при пециѣстю дѣлгого и самъ
терпѣти.“““

VI.

Хлопчина и гадина.

Разъ пакиаѣк сѧ хлопчина сѧ освѣеною гадиной, и кѣже до неї: „не пакиаѣкъмъ сѧ ѿ сѧ то-
вѣю такъ рѣдо, есливъкъ не вѣла пези Ѵди. Ви
гадинѣ естѣ пайлютѣйшиими, певдажиѣйшиими
ствѣрами! О! ѿ читѣлажъмъ, іакъ то сѧ однѣомъ
вѣдномъ селанинови покелѣ, котрый пайшоѣши въ
корчѣ поаѣзамѣрзлію гадинѣ, вѣти мѣже одиѣ
изъ тѣонхъ прародитеleй, поднѣли ѿ зъ милосер-
дїа и сховали за пазѣхъ. Но залѣдко прїйшлѣ
злѣа до сїе, бѣдакиша сѧ скомъ добродѣте-
леви такъ, ію добрый, жичайкий чоловѣкъ че-
рѣзъ єї Ѵдкъ поаѣрлъ.“

„Чѣдю сѧ,““ отповѣла гадина, „„іакъ сто-
ропицами сѣть вѣши дѣвицателѣ! во нашіи цѣл-
комъ шаѣше тѣс сокѣтїе оповѣдѣаютъ: Той до-
прородечниий чоловѣкъ дѣмалъ, ію гадина до-
бѣтию замѣрзла; а попѣже то вѣла одиа изъ сорок-
кѣтыхъ гадинъ, то сховали ѿ колѣ сїе, авы
могли въ дѣлѣ красиѣ шкѣркѣ въ неї виати. Я
цижъ вѣло тѣс красиѣ?““

„Отъ молчї!“ отповѣла хлопчина. „Кождыи
невлагодарный виае сѧ извиати!“

„„„Такъ естѣ, м旣и сїи!“ переркаль ємъ
стѣцъ, котрый прислѣховали сѧ цѣлобѣй розмокѣ.
„Однакожъ, если ви сѧ товѣ придарило колѣ чѣ-
ти о ѻакѣй чрезвычайной нѣвлагодарности, то испы-

тай все докладно, закимъ могла въскъ дозволити, аѣкъ на когдѣ такѣ плаамъ кішено. Правдійши довородѣтелѣ рѣдко коли сконовалъ сопѣ ненлагодарникъ, пакетъ смѣло могъ въ честъ мѣдскости сказати, шикомъ . . . Але довородѣтелѣ, котрѣкъ при субѣдченію довородѣтелѣстїкъ цѣлію вѣстъ корыстомоївѣ наѣ самолюбіе, тѣи заслѣгнютъ, мой скіпѣ, аѣкъ замѣстѣкъ оѣзпана ненлагодарнѣстѣкъ въ лѣгкѣ дѣзнакали.“

VII.

Лісъ.

Прославѣданій лісъ вѣратовали сѧ на мѣрѣ; по аѣкъ могчѣ на дрѣгѣ стѣроиѣ сѧ дѣстать, загадали зятримати сѧ на корчѣ терпѣніемъ. Шастайко сибѣтіялъ сѧ на тойже, однакожъ тѣрпѣ не мало егдѣ поколѣло. „Изждѣшии помочиши!“ коскликивали лісъ, „котріи не могутъ помочи, аѣкъ заразомъ и не покредили!“

В. К.

5.

Ікаѣ стрѣва, такѣ заплата.

Пѣникѣй вѣдникѣй чоловѣкъ, котрого залѣдко на тое стало, аѣкъ сопѣ могла какалокъ чорного засхлобро хлѣба кѣпить — шѣблѣ рази по перѣдѣ гостиницю, изъ котрой запахи въ розлѣшкѣхъ стрѣвѣ виходѣлѣши въ егдѣ пасекѣ таки лѣло оударили, про дихъ шимовѣлько спрѣвили сѧ тѣдѣ. Я вѣло то въ самобѣ полѣнѣ, гдѣ и емѣ вѣлѣ часекѣ вѣшати изъ тѣркы субѣй полѣненокъ и трохъ поспѣйтїи сѧ. Лишондѣчїй кѣло кѣхїе, стаѣ па пороѣзѣ, придувалѣ сѧ всѣкѣй вслчишѣ и каже до сѣве:

„Лай, ковыто вкити къхарёму! Оуже самою пáрою можж вк жити.“ . . . Зачвиши ти посла́дши слова одиных из къхтобих кáже до него съ сауѣхомъ: „„А ктóжъ твой вороницъ пárки? — если хбчешъ, ходи тв ближше, стáнь тв из вбкъ, и живи съ „пáрою“, но онà и такъ за дáрмо кóмпномъ вкхóдити.““ — Поклониши съ за тое, привалиши съ свѣдници чоловѣка до бгии-тра, а вкнавиши събой хлѣбъ просити, авѣ емъ позвблаш къхта тойже падж пáрою потримати. Къхта и томъ съ не скротиша, а свѣдникъ от-свѣживиши събой хлѣбъ, спожиляхъ егò слачию ѿакъ мόже иѣкоши. Изъ толи паджиншблъ и гостиницъ, котрый изъ далёка все тое видали и кáже, авѣ емъ за пárс заплатиши, но они изъ тое не вкхóдити, кто и ѹрё и ѿакъ оў него спожиша; — за все емъ палéжити съ заплати! Свѣдникъ сталъ го-ворить и толкоиаши, про пáра и вези тога вклави вези хбспа для него кóмпномъ оўлетѣла; по все вклило падáрмо; гостиницъ не отстѣшили отъ събого тревбованія. На посла́дки стáли просити съ; и то вездѣлио: и такъ онà стáли съ коровидти ажъ на конеци вкншли на подвёрке, где паджиншблъ ѿакъ пезнаёмъ подорожникъ. Онà при-звали егò за розсѣдца пух спрâни, и оповѣши все изъ самою начаткъ. Розсѣдецъ вкислачаниши все подробно, даихъ такой кирокъ: про гостиницю за кóждъ стрâи палéжити съ заплати; и кáже до свѣдника: „Давай не воже, про маени!“ Той по-сла́дникъ вкнавиши изъ кешениѣ два троички по-дáли до рѣки розсѣдцеви, котрый прихнайши съ дб оўха гостинника заврѣнькали троичками и бра-дáли пух оўбогомъ назадж. На тое пытая съ

зъдмѣлкій гостиницѣ: „„Щожъ то мѣе значити?“ — Розсѣдець: „Ікака стрѣка“ каже, „така заплати!“ Онъ знає, іакий твоїй піара смакъ мѣе, а ты знаєшъ іакий звѣкъ егѡ грбши маютъ.“ Оубогий ѿтѣшили сѧ поїздаж въ дѣлкій скопію дорогѣ, а користолюбивій гостиницѣ засороміялъ сѧ, по всѣмъ вісмѣжали егѡ лакомство.

B. K.

6.

*Загадка *).*

Знавши ли ты, іакъ ся бывай
Прибрѣть назынае,
Що христіанъ красио, гласно
До церкви съзыши?
Ходи въ церковь, моль ся Богу,
Гучитъ и завѣдитъ,
Але самъ, хоть му близенъко
До церкви не ходитъ.

A. Духновичъ.

7.

Байки К. Балагова:

I.

Ракъ и ворона.

Зловѣла ворона рака и неслѣ по надїї вѣдѣ въ клобѣ. Ракъ хотѣлъ вѣхонити сѧ и задѣмалъ здѣрти воронѣ, човкѣ клобокъ розѣкнѣла и каже до пепи: „Коробко, голубико! ковзъ тобѣ сѧ молодай

*) Рѣшеніе слѣдуетъ на послѣднѣй листѣ.

лѣтѣ вѣришь!“ — А воронъ жалко са зровѣло, тай звѣтишьла и вѣмовила: „Ба! ба!!“ — А въ тѣтъ часъ ракъ вѣшилъ изъ розыщеного клюва.

II.

Бѣлки и телата.

Пасли са телата въ огорѣдѣ на ѿпопиѣ, а вѣва градкѣй полбла. Бѣлки зайшолъ тѣдѣ, и вѣзлъ на бѣко телата; спѣрлъ са на падѣ, хотачи перескочити въ огорѣдѣ — ажъ вѣва ѿзврѣши наровѣла крѣкѣ. — А бѣлки иѣвѣто бихъ на телата и гадки не мѣлъ, кѣже: „Цекъ тобѣ! чеरѣзъ вѣнинїи телата не мѣжъ са и въ огорѣдѣ подивѣти.“

III.

Пчола.

Жаловалъ са пчола перѣдъ Бѣгомъ: „Господи, Боже! іака ѿ пестастайка, пѣднаш мѣшка; рѣвлю тѣжко цѣвѣ лѣто — а въ осеніи прїйде зѣвидниятъ кѣроги, чоловѣки, икою мою працю, мѣдъ занерѣ, а менѣ вѣжене, про погодми изъ гѣлодѣ гїнѣ.“ — „Що жъ ви ты хотѣла зровѣти чоловѣкови, авѣ бихъ тѣвѣ лакалъ са, та не панастокалъ?“ вопросиша ѿ Бѣгу. — А онѣ кѣже: „Охъ Боже! дай менѣ такъ сїлѣ, провѣ кѣжды чоловѣку бѣжи мѣро жалѣ зг҃иѣ, товѣ ѿжѣ менѣ никто не рѣшилъ.“ — „Іака малѣ мѣшка, а колко злости ѿ нѣи! И затѣве, мизерна мѣшко, мѣжны вѣнитъ чоловѣкъ гїнѣти!“ сказали Господь — „не бихъ зг҃иѣ, но ты зг҃иешъ, скоро егѡ ѿжалитъ когдѣ, такъ зѣразъ и гїнѣ.“

IV.

Жмѣлк и пчола.

На веснѣ солнце пригрѣло, але сїрѣ ии заморозк добре не постѣла, ии сиѣгї не стаали, отъ лишк про лѣдни лоза та йка попѣкала; схопилъ сѧ жмѣлк, та до пчолки, — крѣтилъ сѧ долгѣ а на рѣзк загѣдѣ: „Женѣлк сѧ“ — Пчолка славенѣка, звѣчайно йакъ въ веснѣ, вѣмовлѣс сѧ: „Най но“ — каже „въ осенї, йакъ сѧ дорѣшилъ!“ —

Наставала бѣник: жмѣлк живійлъ сѧ, гдѣ попало чрезъ лѣто, а про зѣмѣ не гадалъ; — прійшлѣ въ осенї, спѣйтъ въ порѣ, бо немѣ гдѣ поживити сѧ.

Пчола наснерѣла въ лѣтѣ доскитѣ мѣдѣ и на зѣмѣ, та и весѣла совѣ прилаѣтѣ на вѣтришки — до жмѣлка и каже: „Иѣ! поперѣлъ сѧ!!“ — А жмѣлк голоденѣ ледни отѣзидалъ сѧ: „Оумиралю!“ Иѣ не долгѣ дѣхалъ.

8.

Овцѣ и Газда. Байка.

По разъ дрѹгій въ одиомъ рѹцѣ

Зъ бивѣ руно газда браль;

Тихо лежала на бѣцѣ —

Но йакъ съ вѣлою шкбрь удралъ,

Йакъ Валаама бсліця

Зъ болю чудомъ прореклѣ:

„Чоловѣче! йа не крѣця,

„Отъ! зъ мѣне крѣвь потеклѣ!

„Не мучь же ми такъ безъ мѣры,

„Тому, щомъ бѣдя прѣсте,

„Йакъ не стаине на миѣ шкбрь,

„На чѣмъ вѣлна поростѣ?“

Лукѣ въ Ракова.

9.

Припевка народна.

Добрѣ дѣти
Родичамъ вѣнѣцъ
А здѣ дѣти
Родичамъ конѣцъ.

10.

Ипонска родина.

(Изъ Цимермана.)

Нѣшиа іапонска вдовица, мать трёхъ сыновъ, жила въ великомъ недостаткѣ. Рѣчи рѣбята ейъ дѣтии не имѣла достаточна икъ оудержанію родины. Блѣскѣ, коли она въ тѣхъ прѣкрасныхъ сестрахъ съ находиша, ониѣмъ ейъ дѣкретъ праѣтельства, которыи имѣли зиачинъ нагороды каждому, кто бы влѣдѣлъ такаго отдалъ до рѣки спрѣдѣльности. Сынѣи вдовицѣ оѣмѣли съ ними вѣдомости матери, проѣхали для оудержанія матери пожертвованіемъ съ одиши въ нихъ за вложицѣ, проѣхѣ же она мѣли вѣти до посвѣщеніи; жрецъ малъ означити влѣдѣлъ. Наимолѣдшаго, попѣже на него имѣли та же той жрецъ, отиронадили врати до сѣдѣй. Овѣдѣланіи призваніи съ зазывъ до сѣдѣланаго вложицѣства и зестали тѣжко оудѣланіи, а вишители иѣспѣшиено отъ праѣтельства приречеиъ сѣмми. Голосъ вратиенъ любви отказали съ одиакою въ нихъ сѣльно, а на нихъ проѣскы и чесѣзи подкѣстко дозволено ими, посѣщати мѣшлага вложицѣ. Оудѣланіи егда извѣржали сиѣ свой чѣстка и проливали горькии слезы вези исѣкаго воздержанія, во дѣланіи, что въ

никтò не подсаждёв. Но темнichицк, котрый тайно приглашдалъ са томъ осовлйвшомъ д'йствию, и не съ малымъ оудивленемъ слышалъ голоснй плакъ и рыданье, слѣдилъ, скоро онъ изъ темнicy вѣйши, за иыми ажъ до ихъ помешкала. Икже дѣже изъзмѣлъ са бихъ тѣ, почѣвши, съ макимъ некимъ виномъ жалѣмъ вѣргла бѣхъ сѣве непрастайка мати грощи, котрой онѣ прѣчи вратіѧ йако окѣи крии вѣй привесли: „И скорше колю вѣ голодъ оумерти,“ клѣкила онѣ, „йакъ оутримѣвати житкѣ моѣ за невѣниѣ кроикъ сина моего!“ —

Темнichицк гадко тронѣтъ тимъ новымъ прошикающими д'йствиемъ, покѣгахъ до сѣдїи. Такожъ и тогого перенѣло подивленье и сожалѣніе. Оудавленного привѣдено ик сей часъ перѣдъ него, и изтазано егдѣ зѣ пѣка. Постоано зеставалъ бихъ при скобахъ пѣриодахъ созиано; скоро однакожъ пересвѣдилъ егдѣ сѣдїѧ, цо емъ есть свѣдома цѣлѣ таѣлициѧ. Такожъ привѣано и прѣчи овѣхъ вратіѧ, по чѣму всю рѣчъ йакъ пайдокладиѣши вѣласено. Всѣхъ трѣхъ избѣгено ик тѣй хвѣли на вѣло, а похваллючи ихъ осовлѣиѣ скопиши любовь привѣцано имъ пагородъ. Сѣдїѧ звѣстилъ тѣс великолѣпие д'йло Царѣки, а тойже вѣзиначила вратіѧмъ рѣчиѣ платья на часъ ихъ всѣго житѧ.

Отъ тогого дна не виала таѣ родина жадного недостатка, а всѣхъ трѣхъ скоповъ вѣло тое пайдоклаше прѣсткес же не вѣдѣли оуже шѣколи, ажъ ихъ матери вѣ чѣму оудѣвали. Онѣ же благородыла Бѣга, цо вѣй дали такиихъ добрыхъ скоповъ.

— И таки стаала са таѣ родина дла численныхъ юношиескихъ родинъ привѣромъ йакъ про до во-

спітана дѣтій, так і що до дѣтійної любвѣ.
Многий видлаж твою коліск наївѣднѣйші родійн
стакшю са нарази наїзасовнѣйшою въ цѣлой
окрестности, повторѧли часто:

Кто ю съ Богомъ живѣ,
И родичѣвъ любитъ,
Тому щастье пливѣ —
Онъ ся не загубитъ!

B. K.

11.

П р а п о р ы.

Одніх кракѣцк, котрый хорокалъ разъ дѣже
непеснѣчио, малъ таій сони: Ендѣлъ наадѣ ѿбою
голокбю покївайочій праіоръ чрезъкычайнои величи-
нѣ, складаіочій са изъ либжества кѣсковъ розліч-
ниихъ матерій, котріхъ накралъ чеरезъ сброкъ
лѣти, отъ коли замімалъ са скончъ ремеслами.
Лигели смѣрти держали въ однѣй рѣцѣ той великий
праіоръ, а дрѣгюю рѣкою, въ котрой находитъ са
предольное коніе, дотыкали са его нокѣ, въ ко-
троляхъ, йакъ дѣмалъ кракѣцк, мала егѡ сонкетъ
своє сѣдѣланїе. Проездіиши са зробили кракѣцк
овѣти: сонкетио исполнати всѣ порѣчнїя, йакіи-
ви полѣчили па вѣдѣчиестъ отъ скончъ внаѣ-
мыхъ, есливки поперинѣахъ до прѣжнаго здорова. И
въ йестѣ вѣздорокиахъ по йакомъ крѣмени, по
попѣже не докторали постоанності скончъ засади,
наказали однѣомъ изъ скончъ челядшиковъ, авѣ
принодили емъ па памятъ „праіоръ“ каждого
разъ, коли лішь окачити егѡ країочого йакѣ мате-
рию. Нашъ кракѣцк слѣжалъ чеरезъ доскіть дольное

врёма тóчно напоминаний скóго вáчного чeláдника, — по колу однóго раза юкáйскъ погáтый Пáнж велéлъ егò до сéне закáпнати, аки вмò изъ дёже дорогои матéрши зробилъ одéжь, вкíла довродаётель тóго чéстного чолокéка вкíставлена на занáдто велике исéдшéниe, аки ся не рознýла о тóю скалъ. Прикройши сéкиò на речéнè одéжь приложилъ по-жицъ до вкíкроеня однóи сирé камéзéлки; по перервáлъ парáзы егò вкí той ровóтъ памáтий чeláдника словами: „а прáпоръ пáне мáйстерь!“ На тое сказáлъ старый прáктика: „Сéн почи приснýли ся менé повторно прáпоръ, и менé ся вíдитъ, про вкí велики прóчими и такóго сирé сéкиà, юкъ се подъ лбóю рóкою, неставáло, отже аки прáпоръ вкíах достатóчно рéзищеиымъ, то не могъ залинить сéн хорóшои способности, акиимъ сиаих кéснóмъ не причинилъ ся до егò оýсовершениа.“

Таки то кáжется: На все пайде ся вкíмбвка; а кто хóче пса оýдáрить, то пайде и костбръ.

B. K.

12.

Два спéваки.

До лéведа промовлáли величáючий ся шпáкъ: „о мóхъ и юснéхъ подъ свéта говоритъ; тáже по и если не оýтоми́мымъ и си́вкаю свéтъ отъ рáна ажъ до ноздри почи.“ —

Лéведъ тóлько мóлчкомъ дáли отвéть по-гордéшия на тóю самохвáлку. Икъ однáко же гордýна смéрти лéведа спаси́ла ся, заспéвáлъ биz свою пéркъ и послáдиш юснéкъ, але таки жáлостно, такъ чéствителеино, же ся на вéчинѣ

пáмáть втискáла въ сéрдца всéхъ, котрý го слéхали. Давно загиблó въ пáмати сваbольнé преветáнье шпáка, юкъ ещé вспомниáно всю́ды чвсткýтельнó о той однóй красной пéсни оўми-
ráючого лéбедя.

Не миóжество — но совершénство дéлъ рó-
вныхъ такóжъ и чоловéка благорóдныxъ.

— В. Зборóвский.

13.

Лисъ и когдтъ.

(Бáйка.)

Онъ западаючимъ змréкомъ занáли кбрь
свой сéдала и лáгодили ся на почлáгъ, юкъ па-
рázк лíсъ голóдныи прийшóлъ до нíхъ съ такóю
новýною: „Приходжé прóсто изъ лéса, где пти-
цъ и звéрь такé рáдъ рáдили, авы мéжи всé-
ми живóтнами отъ икнé всáка несróда ся за-
кончýла а мéсто нéи вéчикий мýръ настáлъ —
Цéлè соврáнїе оўзпáвши тóго всеконéчиé потréвъ
оўхвалíло, авы предвсéмъ волкъ съ бециáми а
лíсъ съ кбрьмъ ся о тóмъ пороздмéли; и на-
мéне вéшилъ той цастлýкъ жréвий васъ о тóмъ
завéдомити — а ў пéрвый хóчъ тóе дéломъ
ствердítи, же отъ сéи годýши вбдъ съ вáми ми-
ролóбно жýти. Если вамъ оўгрóдно éсть о тóмъ
ся пересвéдчить, то лíшь зи пáнтóвъ вáшихъ
до мéне заетéтъ, а ў васъ вратолóбно притýснъ
до мóго сéрдца, юкъ ещé пéкóли не видáлъте
анé чвáлисте.“ — Кбрь рáдьючи ся изъ тóи
новýны стáли парázк кодкодáкати; по однóихъ ко-
гдтъ похвалáющи тóю веobвиé оўхvalá под-
несли гóловъ до горы и стáли ся въ однó стó-

рои^в цюсъ д^вже днвіти. Повачивши тое сердеч-
ный лісек вопросілж когдта: „а чогд ты врате за
едно такж г^лов^в до горы задирешкъ?“ На тое
каже когдта: „К^л выгладаю стрѣлц^л сж исамі,
котрій отъ и о^уже надвѣгаютъ; по р^{ад}ж вимі,
акі сж и оні тойю новійною потѣшили и сж то-
вюю початокъ тога вѣчного міра д^ѣломж ствер-
діли.“ Скоро ин^д лісек за искі о^уч^лж, іакось
м^в ся наразк зровіло не добрѣ; тай перервак-
ніямж г^лосомж, мокъ зж переп^ѣдѣ, ка же до кѣ-
рій: „Бывайте здор^вий!“ А когдта на тое: „Але
заждій, врате; салм^ж до т^епе злѣз^в — по искі
о^уже и т^ѣтъ.“ Лісек заледко сірѣ сказали: „Псамж
о той о^ухвалѣ зж лѣса сірѣничк не ове^щено“ и
драни^лж, цю ся за німж ажк закіріло.

Незадобло потом^и опаматали ся и кѣрки зж
свого одбр^в и сказали когдт^и: „тако^й то, цю
голов^л, то и роз^вмж!“

. Не вѣрь лѣгко сѣму, тому;
Звѣдай на самъ перѣдъ: „кому?“

B. K.

14.

Повѣждѣнк^е зла.

Трѣдій ся непрестанно, цювк^и та о^упкілость
не докел^л до пѣжды.

Подвергай севѣ законамж обрестка, вж ко-
трому жїешк.

Нѣкогда не отходи отъ пра^кды.

Обходи ся сж всѣми людкм^и честно и спра-
ведливо.

Поступай и говори всегд^а искренно.

Езды о^услаждай вж к^лаждомж чоловѣк^в.

Обходи ся се єми по людски.

Не дѣлай и ѿчо, ѿбѣти ти вѣтѣдъ, покашають и не оудовѣльство приспорѣти могло.

Вѣтѣдъ само го се єе вѣльше, іако ѹныхъ людій, а сохранишъ не вѣнибѣть дѣши.

Слѣдѣй чѣкетъю, котрое Сотворитељ въ сѣрдца нашаго вѣлѧлъ, а онѣ не вакедѣ тво єе на вѣздорожка.

Испѣтѣй се єе само го кѣждого нѣчера, за кѣлько че рѣзы цѣлай денъ въ добрѣли постѣпѣль сесь на перѣдъ.

Быстригай ся прїйтѣ въ искѣшѣнїе и не до вѣрѣй сѣламъ тѣомъ.

В. Волинъ.

15.

Споръ звѣрѣвъ о преуменѣтвѣ.

(Подѣя Лессинга.)

Одно го разъ поистѣлъ мѣжъ звѣрѣли вѣлікій споръ о преуменѣтвѣ. Акі той же залѣгодитъ, какъ конь: „Закаічмо чоловѣка за розсѣдца тога спорѣ!“ Онѣ не падѣжитъ до жаднои спориони сторопнѣ и мѣже про тое вѣти вѣзторобиць въ той спрѣвѣ.“

„Дѣажъ ли онѣ розѣмъ къ тому потрѣвики?“ замѣтили крѣтъ. „Ему трѣва іако на шрониклайвшаго, акі мѣгли рознѣзиати нашаго часто гаѣвѣко оѣкрѣтїи совершѣнѣства.“

„Дѣже мѣдро скѣзано!“ опизвалъ ся хомакъ.

„Еи ѹстѣ!“ додѣлъ такожъ Ѵжъ. „Не хоче ся вѣрить, акі чоловѣки доскіть выстроѣлицихъ вѣла въ той спрѣвѣ.“

„Молчѣти!“ росказаљ копъ. „Иы ѿжѣ знаемъ: же кто наименше скони спрѣки есть пѣвныи, той звѣзды есть готоби солищѣвати сѧ въ градомъ розѣмъ сконго сѣдїи.“

На тѣму стало, про чоловѣка зровлѣно розсѣдцемъ. —

„Тѣлько ешѣ слобо поизоль менѣ“ сказаљ кеанчестіенкай лѣви, „закиши даси вѣроки! Но ѹакомъ праиніа, чоловѣче, хочешъ пашъ карѣбеть оцикнити?“

„Но ѹакомъ праиніа? Нези солищна поддалѣтѣпепа“ отпокѣли чоловѣку, „їакъ ви менѣ вѣльше аво менеши ѿжиточкими есть.“

„Таки!!!“ замѣтилъ ѿраженкай лѣви. „Но, токи менѣ прїйшад доскитъ далѣко за осломъ столѣти! Ты не можешъ спорѣ пашого вѣти розсѣдцемъ, чоловѣче! Онѣстъ паше сопранке!“

Чоловѣку откликнулся. — „А вѣдинъ“ сказаљ рѣграючий сѧ крѣгъ, а съ шапкой откликнулся сѧ хомакъ и ѡжихъ ви такиже самъ тоби: „а вѣдинъ, копю! и лѣви таки салто дѣмае, ѵакъ мы, про чоловѣку не може вѣти пашими розсѣдцемъ.“

„Но цѣлакомъ ви ѿкыдъ и важиѣйшидъ при чинихъ ѵакъ ви!“ сказаљ лѣви и поднялся сѧ на шухъ съ преврѣніемъ. Потомъ продолжали свою рѣчку таки: „Спирѣ о перенекстѣ, если тобе добре розкакѣ, не ведѣ до шѣчоего дѣяропо. Держѣти менѣ за пѣркшого палъ за послѣднаго, то менѣ одиако, — Но ѵакъ сенѣ, зиаю!“ И съ тѣми опѣстѣли сопранье.

За шимъ вѣшишолъ мѣдрый слонъ, вѣдрый тигръ, поважинкай медведь, хитрый лисъ, влагородный конь, коротко кесъ, котрии, сенѣ и свою

вáртóсть пôзвавáли, авò здавáли са тóю пôзвавáти. Межи тýми, ꙗо на конéцъ вýйшли и дёже са погрызли тихъ совраниемъ, вýшли мáлпа и оселъ. —

B. K.

16.

Молодкýй зáлцъ.

Попáжимъ крóкомъ,
Акъ бы великий зúхъ
Повериуль эмрóкомъ
Домбъ молодкýй силюхъ:
Ндесъ му скривалéный,
Чолó бýло збýте
Рóть розвалéный . . .
„Подивуй ся свѣте!
„И бýдь справедливъ
„Въ называнию звѣрѣвъ —
„Заяцъ не трусливъ!
„Одинъ изъ ста примѣрѣвъ
„Дáльгемъ нынѣ всѣмъ,
„Дѣломъ тимъ моимъ!“

„Та юкимъ, юкимъ?““
Вопросиуль егò дѣдъ,
„Великимъ? новымъ?
„Мститель есь ся за свой рôдъ!
„Ци на стрѣльцѣвъ выпра́ва?
„Ци съ исáми была спрáва?““
„Нѣтъ! я си бýлъ,
„Що стáло сильт . . .
„Съ мышью въ дѣрѣ,
„Где жадий звѣрѣ
„Не малибы охóты
„Выробляти сей пеóты!“

B. K.

17.

Л е в з.

Лéвъ ёстъ одиныхъ наистрашнѣйшихъ звѣрѣвъ. Онъ мае поважный и величественный видъ и для тога называють егò въ вѣснахъ царемъ всѣхъ звѣрѣвъ. Надзвичайна сила соединяе сѧ въ иѣли съ судивитѣльною лѣгкостю. Зѣки егò такъ сильны, что лѣгко може раздробить и наилѣвѣдшіи кости. Очи егò скѣтатъ сѧ изъ темноты такъ якъ огнъ котлъ; они и вѣ почѣ дѣпре видитъ. Страшный рѣвъ есть егò звичайный голосъ, которыи дѣже далѣко разлагаетъ сѧ. Онъ мае коли сиитъ и лѣгко прокиджаетъ сѧ; ходитъ гордо и покажено. Онъ потрепѣе для поденія поживленія надъ 15 фунтовъ мае. Нѣ мае, но лѣгше може стерпѣти голодъ якъ жаждь. Кѣкъ звѣрѣвъ егò воѣтъ сѧ, для тога често причаляетъ и хокаетъ, проеки злокити якое инѣдкъ животно. Постерѣгши скрою донѣчѣ, мече сѧ на то инезапно изъ скопъ засѣдки, раздирае онъ пазорами и риѣ зѣбами, потрасаючи при томъ скобю дѣлгою гривою, которою голова егò и шия суть покрыты, и мае хвостомъ съ великою силою. Онъ любитъ лѣгше мясо вѣлкихъ звѣрѣвъ якъ малкихъ, осовѣлое вѣвлѣодѣй и молодыхъ слоновъ, которыи не маютъ еїрѣ зѣбахъ и не могутъ коронити сѧ.

Въ Европѣ и Америцѣ лѣвъ не родятъ сѧ. Отѣчествомъ ихъ суть разлѣгліи африканскіи стѣпы и горачіи азиатскіи стороны. Чѣмъ горачѣйшій климатъ, въ которомъ они живутъ, тѣмъ спакиѣйшіи, отважнѣйшіи и скирѣишіи выкаютъ. Въ вѣлкихъ стѣпахъ и въ бѣзѣ вѣснѣ не охотятся

мыхъ чистѣхъ южной Азии и Африки находятся съ нимъ доскітъ много. Бѣдѣйшие молодѣи живутъ лишь по степахъ и пустынамъ; но скоро начинаютъ съ старѣтии и становятся съ неспособными къ любви дикими зверями, привлекающими съ ними опасеніемъ лѣстцѣострѣмъ и вѣвѣрамъ опасными для людей и для домашнаго скота, хотѣя и рѣдко нападаютъ на пѣрвыхъ, если тѣи не раздражаютъ ихъ.

Левъ вѣвѣра 8 до 9 стопъ дѣлгий и 4 до 5 стопъ високий. Акушѣ мѣнѣши сѣть якъ лѣвъ, и тѣмъ отличаются съ отъ посаѣднѣхъ, что не мѣютъ гривы, сѣть такоже свирѣпѣе, особымъ колѣ съ находятся при лѣвѣтахъ. Изъ всѣхъ животныхъ не воѣтъ съ лѣвомъ посортѣи, тѣгръ и слонъ. Левъ воїтъ съ змѣй; по вѣснѣ голѣсатъ, яковѣйши мѣлъ съ страхомъ пѣшия корѣтѣ.

Лѣвѣиѣ любятъ часомъ велѣніями прилечѣніемъ до тѣго сокаками. Нихъ кожа есть грива, одинакже можно ю лѣгкою кѣлею прострѣланти ако кожа несли проностѣи, хотѣ оны отъ одиони раны не скончаются съ. Раненіемъ левъ мѣре съ всѣю кетѣклостию на скота гонитѣлѣ. Любатъ ихъ такоже въ вѣконапиѣ газибѣйши змѣи, котрѣи въ лѣгка хворостомъ прикрываются. Коль змѣи кладѣтъ якобѣиши въ жибѣто, котрое левъ бѣзъзвѣши мѣче съ на него цѣлобио сѣлою и бѣзъпадає въ змѣи. Такими способомъ зловѣніемъ левъ на дармо шипитъ съ по змѣи и терѣвъ свою подростѣ. Тѣти разъ приспѣшаютъ чатѣючи въ далѣка лѣвицы, вкладываютъ въ горы цѣпки на него, накладаютъ на мордѣ каганецъ, и отпривѣдѣютъ кѣда имъ бѣгодно. Сѣть такоже отвѣжнѣи людѣ, что бѣзъослатъ

молодий лъвата, а еслі́ за піми го́нити лъвиця, то оні́ мечткі вій одно леватко, а коли́ оні́ тóе запо́сити наза́дъ вік свою печéръ, о́удає сѧ тимъ часомъ о́уйти дерзкимъ лобицамъ.

Хотѧ тутъ звѣрь таки есть скрѣпкій, однако́жъ можно егò о́укротити; биже за молода злобленкій и междъ домашнімъ скотомъ віхованкій, привыкає до человѣка. Би історіи придківщемъ, що вік дрѣвніхъ временахъ запрагали часто лъвівъ до триумфальнихъ колесницъ. Такожъ вік історіи паходили призвѣри, якъ тіи звѣрівъ пакетъ вік дікости своїй памятати тога, кто имъ разъ йакъ добрѣ сдѣлалъ.

B. Волянъ.

18.

Найденіи осла.

Три пастаковатіи исотинки надківали одного разъ жидка спокойного, котроль хотѣли досадити скоплив дотешнімъ концептомъ. „Добрый день, отче Аврааме!“ мовили нерікій.

„Добрый день, отче Исаакъ!“ кричали вто́ркій.

„Добрый день, отче Иаковъ!“ додали третій.

„Ошибаете сѧ, мой Папикъ!“ отповѣли сѧ смѣхомъ жидоку; „я не называю сѧ аиѣ Авраамъ, аиѣ Исаакъ, аиѣ Иаковъ; по Габлѣ, синъ Киса, котрый війшоли гладѣти ословъ своего отца, и вачъ . . . се, оні́ есть здѣ.“

B. K.

19.

Самохвалство.

Два кіицѣ стáли сѧ одного разъ сварити, при чѣмъ одніхъ дрѣгомъ, авы егò йакъ глашица

выйставити, сказа́лъ: „Ки вімъ тебѣ скорше сто
разъ продалъ, зáкимъ бы ты мене оди́нъ разъ!“

„О тóмъ ѿ на́веть ся и не сомнева́ю“ сказа́лъ
Артгий; „понéже за тéбе не далъ бы и́кто злóма-
ногого гроша.“

B. K.

20.

Гордам г҃ска.

„Кто вýбралъ менé въ возве́сь, на мóри?“
кричала гордам г҃ска: „Не о́умéю ли ѿ пла́кати?
Лéтати? Кто, ѹакъ не мои прéдки вýратовали
Рýмскíй Каи́толь?“

„Изъ истéк“ перервáлъ мéдрый когдти цевет-
лýкоди самохвáлици, — ты о́умéешъ лéтати, од-
на́ко жъ о́ударáешъ крýлами о зéмлю; а смотри
но на брлá, ци долетйтъ тeбý зráки до него, не
мóвлю о́ужé, ци изнесéишъ ся ты сама́ такъ вýсó-
ко; ты о́умéешъ и пла́кати, оди́акожъ паймéниша-
рывка лéчишь отъ тéбе пла́кае; — отъ, ксегó о́у-
мéши по трóха, а и́кчóго дóbre, а тимъ мénche
совершено!“

Не тóе „цио“, по „ѧкъ“ кто цио зиáе и о́у-
мéе, чиинитъ егó слáвили.

B. K.

21.

Срéдстно противъ смéрти.

Зъ пéкного малéнъкого мéстечка, въ ко-
трóмъ крайна и́жда мéшикала, прйшóлъ дёже
вéдныи чоло́вéкъ до головнио́го мéста, и просилъ
одио́го жестокосéрдого вогача, авы о́умилосер-

Ділж сѧ надѣк нимъ и далъ ємъ милостию. Но
богачъ хотѧчи егò отпраќити сѧ иѣчили, оўка-
зали ємъ двери, въ котрыхъ овериѣшился же-
вракъ сказаљ: „Дайте менѣ цю пивѣдь, а от-
крою вамъ спосѣдъ противъ смрти.“ Тѣи слова
взвѣдѣли въ богачъ цѣкавость, и дарилъ вѣднаго
шѣдрою милостию, которѣ полѣчилиши же вракъ
отвѣчали: „срѣдство есть тое: Еы есть богачъ;
перемѣстѣтъ сѧ въ наше лукстечко, въ котрому
еїмѣ иѣколи богачъ не оўмерк.“ — Богачъ лѣгко
тое отгадалъ: „но егò оў васъ може иѣколи и не
выло“ по замѣлку.

B. K.

22.

Крѣчный человѣкъ.

Запытано разъ бывшемъ знаного крѣчного чело-
вѣка, где они сѧ пасчали такои чѣмности и крѣч-
ности — на цю они отповѣли: „Іа жили по вѣль-
шой части мѣки нечѣмными и некрѣчными людь-
ми; но изъ всегда тога, что они дѣлали, ровнажамъ
противное, а такж іа цѣлкомъ отъ нихъ отро-
ділъ сѧ.“

B. K.

23.

Болж и оселж.

Байка.

Разъ волъ съ осломъ на паствиску
Зайшай, собѣ въ сваръ:
Котрому зъ нихъ болѣшій розумъ
Дѣли бози въ даръ?
„Мудрѣшій іа“, каже воликъ;
Но осель: „„ба! іа““
„Мой прѣдокъ!“ тамтой каже,
Но сей: „„иѣ, мої.““

И тákъ ся вáдили дálше
 Зубъ за зубъ засиблъ;
 Волу неуступилъ бсель,
 Ни бслови волъ:
 Ажь на конéцъ сгодили си
 На тóе оба:
 „„„Здаймо сибръ нашъ на розеудцѣвъ —
 Отъ! ходимъ до льва.
 То панъ мбжный и учéный
 Знае всéму строй
 Онъ пра́вду намъ скаже щиро
 Ци твóй верхъ, ци мой!“““
 Прíйшли предъ льва — склонилися,
 Вýточили рѣчи.
 Той зиркнулъ на иихъ эъ укбса
 Не рéкъ эъ разу ииичъ;
 Но иаконéцъ по росирáвѣ
 Вýдалъ судъ такий:
 „„„На шо свárки? коли оба
 Естè дураки!“““
 Такий отибѣть взявиши — пойшли
 Спустивши нбесь въ доль.
 Котрыйже эъ иихъ выграхъ сиráву?
 Ци бсель? ци волъ?
 То не знати; либонъ жаденъ — —
 Тому то ещé
 Видно эъ густа, що волъ съ осломъ
 За рбзумъ си прё.

24.

Штвчка.

Одного рáзвѣ, коли Людовикъ XIV., король
 французской пересмотрѣвалъ войско, овáчила пев-
 икий селанинъ, що на егò ииикѣ, котрѣ засѣвали
 горóхомъ, стояли цѣлый полкъ, котрый такж
 потопталъ горóхъ, же изъ него и слѣдѣ не вѣло.

Селаниих, котрый съ многими иными зре́тельми въшолъ на мѣстце пересмотрѣ войска, не могъ съ эхъ разъ опамятати опачивши икнѣ чориѣ землю тѣмъ, где ешѣ передъ хвѣлею зеле́нѣлъ съ гѣсткѣй горохъ. Отѣмкиши съ однакожъ оѣложиахъ сопѣ штѣчкѣ, котрѣ емъ вѣнагородія попесенъ шкодѣ. Скоро садчаемъ король свалижилъ съ эхъ нѣмъ, почалъ дихъ эхъ цѣлобого горла кричать: „Чѣдо! чѣдо!“ — „А чоего такъ кричиши?“ вопросилъ его проѣздѣжайчий порѣшикъ; — Но селаниихъ не даючи емъ жадного отвѣта кричали ешѣ голосистѣше: „Чѣдо! чѣдо!“ Той неоѣстѣникѣй крѣкъ дошѣлъ на конецихъ ажъ до короля, котрый замѣтилъ селанина о причинаѣ его крика. „Баше Белычество, миафестиѣшай Пане!“ сказали селаниихъ: „И посѣдалъ на сей рѣлѣ горохъ, а теперъ эхъ него съ стало чѣдо, во покыростали самїи волкѣ!“ Тамъ дотѣшость селанина подбогала съ королеви дѣже, а селаниихъ хотѣ не спиралъ горохъ изъ свои рѣлѣ, малъ однакожъ эхъ ласки своего короля поблиши мѣхъ горохъ.

B. K.

25.

Люба днинा.

Сонце всходитъ,	Младенъко
Днинка мѣла,	Приспѣває
Пташки встають	Изъ травбочокъ
И гукаютъ	Скакуночокъ.
По дубинѣ,	Любіи цвѣты,
А въ долинѣ,	Весны дѣти,
По подъ гаѣ	Оуже встають,
Солоденько	Свой лѣчка

Отверають,
До сбненка
Обертаютъ.
То взлѣтаетъ
То нуряе

Жавроночокъ
По воздусъ
А поточокъ
Генъ, генъ въ лузѣ

То цвѣточкомъ пригравае —
То закинйтъ, забулькотйтъ
То съ камѣнцемъ ся посваритъ,
То заплаче, то щось шепче,
То съ собою ся сколбить
То знобъ спбочне, подумае,
То знобъ прудко оутѣкае.

Люба дніно! Іакжесь мила!
Іакъ все тѣшитъ ся тоббю!
Іакъ всёсь житъёмъ пристройла
Щастъёмъ, міромъ и любвою!

І. Наумовичъ.

26.

Богъ знае, чимъ чоловѣка карати має.

Были одніхъ господаркъ заможній, и добре заможній; малі вѣдкіковъ достаткомъ, вкіло где и съ чимъ дѣти са. Малі бих оу севе едноого разъ гості, та сказали до нихъ: „Коні мой вѣдкіки погорблені, і вімъ знали, где и йакъ ставити са.“ — По бих дѣфали вк гроши, а малі ихъ такої хоробрихъ. — Рѣки, и стало са . . . коли таки са гостямъ заважале, ажъ вкішоли ктось на двери, а вірѣ скоріше веришли са и мовити: „Горите!“ — І господарь: „Най тамъ, во й таки хоча.“ — И самъ не гасилъ и драгимъ не дали гасити, и таки спонеалъло все, инде мѣстце са лишило. И бих ва и дѣже и не жарити са; а

мешкали надъ водою, та въ вербѣ заховали свой грбши, то сонѣ и безпѣній вѣл. Невѣкомъ спала велика пѣвѣдь, и зѣкимъ оглѣнѣла сѧ, водѣ оѣжѣ вербѣ подмѣяла, та и понесла. — И тогдѣ сталя бѣзъ вѣдѣній, про прїйшлѣ сѧ емъ дрѣгимъ сѣжити: мѣсѣцъ панамъ листы посыти.

Придало сѧ разъ, про шѣвѣлъ сѧ листомъ и заскочила егдѣ пѣчъ въ дорѣзѣ; про же тѣти ровѣти? проситъ сѧ до одного чоловѣка на пѣчъ, а вѣлъ тѣти чоловѣку добрѣ сѧ малѣчий, вѣлъ и людлакъ, такъ каже: „Добрѣ, тажъ менѣ, чоловѣче, хѣтъ не перелѣжишь.“ — За тѣмъ часомъ жѣнка зварила вѣчѣрать, а повечѣрѧши Богъ сѧ помолили, и зѣкимъ спати полагали, то о тѣмъ то о сѣмъ вѣлѣвали сонѣ. И сталя подорожникъ розкѣзовати, якъ то и самъ вѣлъ замѣжникъ, якъ погорѣлъ, и на вѣдѣ прїйшолъ. „Малъ ѿ, каже, виже троха грбши и сховалишъ вѣлъ въ вербѣ, але паджишли великии вѣдѣ, подмѣяли вербѣ, а мой грбши пойшалъ сѧ водою! — Такъ ѿ сѧничимъ остало сѧ, а тепѣрь приходитъ сѧ не разъ просити хлѣба оѣ людий.“

Скоро господарь тое почѣли, глаинѣла на свою женѣ, во тѣа вервѣ пришлѣла вѣла подъ пухъ стодѣлъ, а коли взѣли ѹю рѣвѣти, посѣпали сѧ изъ неи грбши. — Вѣйши онѣ окѣ въ коморѣ, и стали радити, якви то емъ тѣи грбши отдати, про вѣзъ бѣзъ и не знали, заѣ бѣки то сѧ онѣ оѣ нѣо взѣли. Радати; ажъ каже господарь: „Отъ про зробимо? бѣкроемо въ хлѣбѣ спѣдѣ, вѣверемъ мажкѣшъ, влѣжимо грбши, и знови закрыемъ шкѣркою, а якъ отходити вѣдѣ, дамъ емъ пѣкви то на дрѣгѣ.“ — Такъ и зробили: на дрѣгѣи день,

колій вралъ сѧ дálъше ити, даютъ емъ вoхонà хлѣба и кáжутъ: „Бозъмѣтъ! здáстъ сѧ въ дорóзѣ.“ — Взâлъ, склониаъ сѧ, и пойшолъ въ свої пѣтъ. По дорóзѣ срѣтили егò кбпцѣ, сбдники, котрій то не рази вкнáло и до него заходиаи, и пытають то за сесе то за тогò, за чимъ ходиаи, а бихъ отповѣдáе: „Колісъ то и оў мёне вкнó! наїшлò на мёне нещасткè, — погорѣлъ и теперъ дрѣгимъ сльжë. — Колі тóе мóвлаи, торкидаи въ невáчка по тóрвѣ, тай кáже: „Отъ кбпцѣ совѣ хлѣбъ, ѿ макось пе голоðенъ, а тâжко менѣ егò нести; бóрше здáстъ сѧ въ дорóзѣ ѿкій грóши.“ — Тóрги въ тóрги — сгодиаи сѧ, кбпцѣ за хлѣбъ а бихъ за грóши, и розншліи сѧ.

Зайшліи кбпцѣ до тóго самóго селà и ветвьши до тóго самóго господаря, отки той хлѣбъ вкнли и стáли оў него звѣдовати сѧ за свое дѣло. — „Не ѿ, по Гóркі мáе!“ каже бихъ, „сâдкте за тýмъ часомъ, и сподчижтк“ — и послáли за почестниками. А оні емъ кáжутъ, наї сѧ не трéдитъ; по дорóзѣ кбпцѣмо вoхонецъ хорóшого хлѣба оў макоѓось чоловѣка, цю съ листомъ шшолъ. — Господаря ажкі за сéрдце тропѣло, догадали сѧ — а скоро кбпцѣ вкншли и положиаи хлѣбъ на столѣ, оўзвѣлъ тотъ самый хлѣбъ, цю далъ подорожномъ; зиркидаи про тóе на жѣнкѣ, и каже до гостей: „Закипи цю вѣде, ходѣми оглашати, мóже цю и вѣште. — Ходѣми!“ и вкншли изъ хаты, а бихъ на жѣнкѣ моргншлъ, и онà оўжè впáла, цю бихъ хоче. Колі оні вкншли за скончаніемъ дѣломъ, господиша внесла дрѣгий хлѣбъ и положила на столѣ, а тотъ спрѣтала. — Бер-

нѣли сѧ, поснѣдали — чи сгоділи сѧ чи нѣ, и пойшли.

За юкійсь часж пдѣ зноўвѣ той чоловѣкъ сѧ лістомъ и заходитъ зноўвѣ до тога господаря на нѣчк ѿжѣ іаки до знакомого. Прійміли егѡ, рады емъ вѣли, во дѣмали, чи не ѿдѣстъ сѧ тенерк іакимъ спосовомъ отдати емъ грóши. Погодовали, переночували, и іаки вѣйшоли вѣли изъ хатки, занікши грóши вѣ платоцъ, положили емъ вѣ тóрвѣ, дѣли поснѣдати и бтивестії. Пойшоли бихъ, а пдѣчій стежкою чеरéзъ саджъ, подѣмали сопѣ; „Ехъ! іаки йавлока краєнїй! ѿрвѣ сопѣ трохъ на дорогѣ.“ — Знѣлъ тóрвѣ и покїсилъ на дѣревѣ, цюкі мѣ не занаджала, а самъ спишавъ сѧ за йавлоками. — Яжъ тѣтъ господарь пдѣ — бихъ ѿзврѣши егѡ, цѣлихъ ворище икъ тѣки, и бтивѣгахъ тóрвѣ на дѣревѣ. Господарь ѿзврѣши тѣ тóрвѣ, іаки на сѣчкѣ віситъ, цюкъ сталя дѣмати, а далѣй и каже: „Налакаля сѧ неборакъ, та и о тóрвѣ занѣлъ.“ — Знѣлъ тóрвѣ и мовитъ: „Дорога емъ на кладкѣ, занѣгнѣ онъ тѣдкі лозамъ, цюкъ мна не ѿвідѣлахъ, и положи на кладкѣ, а ѿжѣ тамъ то ю пекло вѣзме.“ — Таки и зровіли. Озвѣгахъ вокали, положили грóши на кладкѣ, а самъ за корчёму не дѣже пôдалекѣ присѣлъ, паздрѣли па гладдѣ, цю сѧ стаіе.

Невѣкому надходитъ и подорожній надж кладкѣ и спиестіїши очи дѣмаве — а цотомъ и каже: „Добрѣ, цю вірѣ хотъ сиѣти вачѣ, та могъ икъ дорогѣ ходити; та сопѣ іакоекъ на хлібахъ заровити! Цюкъ йа ровіли, колици йа вѣли отемнѣлахъ, іаки вѣ чеरеѣ сю кладкѣ пе реїшоли? Откъ поварачѣ, цѣпкы сѧ ѿдѣло?“ — Та важнѣрѣши очи,

стѣкъ стѣкъ по кладцѣ палічкою, стѣпѣ прѣмо, перестѣпилъ грѣши, и пойшолъ — Я господарь ажъ звѣмѣлъ сѧ, тай каже въ голосѣ: „Прогнѣвилъ Божа!“

Мих. Тимякъ.

27.

Бесновка.

Цвѣтка дробнай
Молила пеньку,
Весну ранену:
— „Нѣне рѣдная!
Въволи ми вѣло,
Дай менѣ дѣло;
Щобъ ій зацвѣла;
Весь лугъ скрасила;
Щобы ій бѣла
Иакъ солнце ясна,
Иакъ зоря красна,
Щобымъ сгорнѣла

Весь свѣтъ до сѣбе!“ —
— „Доню голубко,
Ікалъ менѣ тебѣ,
Гарная любко.
Бо вихоръ свѣсне,
Морозъ потѣсне,
Буря загудѣ;
Краса змарнѣв,
Личко зчорнїв;
Голбоньку склониша,
Листопадки збриниша,
Ікалъ сѣрдцю будѣ.“ —

М. Р. Шашкевичъ.

28.

Деревцѣ. — Байка.

Видачій, же сокурѣ пѣровокъ несѣ, деревце молоденкѣ до него сѧ овѣзвало: „Любезный пѣровче, вѣрѣвай въ крѣгъ менѣ лѣски той подстарѣлый, но ій не могъ ростѣ свободно, вѣдѣти подда вѣлѣ. Ишѣ корѣнкѣ моѣ просторѣ не мѣе, аиѣ вѣтерѣкъ коѣ мѣнѣ добре не протѣгнѣ, все менѣ заваджѣ. — Слѣпки въ окѣло не тѣи дерева приѣдкѣ, ювѣлихъ рослѣ подж певеса, а за рѣки за два цѣллѣ та долина мнюшки сѧ рѣдовала, мѣю ѿкрасила,

и небáкомъ съѣтъ вѣ не оўвѣрилъ, же и ѿ колись вѣламъ хворостына.“

Бзѧлъ пáровокъ за сокирѣ, тай стáлъ рѣвáти, и небáкомъ изъ всѣхъ сторонъ стéжкъ противнáти; а закимъ вазѣла заковáла, простóръ вѣлъ въ окбло — по оутѣха деревинки не вѣла дѣла! — То солице деревцѣ печѣ, то грáдъ, то дождъ егò вїѣ, лжкъ виуоръ на конéцъ розлóтишился зломилъ го юккы тростинъ. — „Прѣмѣдро!“ сказала тѣтка до него стараѧ сбсѣда, млица! „всѣ дерева тобѣ заваджали, просилюсь, лбкъ ихъ подтати, отжеесъ сонѣ догоудило, а теперъ трéва тобѣ въ разъ съ нымъ лежати. Бѣда твоѧ виуордила сѧ лишкъ въ вѣдкі чѣжопи, о котрѣ ты пáровка таки красно просилюсь. — Слай вѣск мѣждъ миогими деревами хотѣло вѣло возрастати, тобѣ заверѣха и виуоръ тобѣ не вѣли докѣчили, во здоровїи сбсѣдки вѣлишки тевѣ хоронили. Я слышки и съ часомъ ихъ вѣло не стáло, и по лѣтакъ часъ вѣ самъ ихъ новалилъ, а ты тонкѣ деревцѣ о толкко вѣло подрослъ и згрѣвѣло, сиахъ паврало и вѣлкше сѧ оѣкрѣшило: то икѣшишн сѣдкы ты вѣскъ не вѣло дѣзиало и вѣрю икѣшишн пѣвио вѣдержало!“ — — — — Я потомъ додѣлъ вѣре до того старкій дѣни:

„О! не суть то пусты крѣки,

Бо насъ тое учатъ вѣки:

Же кто подѣй нымъ юмы конае,

Самъ найчастѣйше въ тѣи впадае!

Кѣже иѣкого не лае,

Но кѣждому честь отдаe,

Того будуть всѣ щиро любити

И бнъ съ нымъ многи лѣта жити.“

Bac. Зборовскій.

Молодый Евкасович.

Цесарева Мария Тереса посещала разъ дому кадетовъ, и спросила при той случайности директора: котрый изъ питомцевъ на найбольшъ заслугѣ похваль?

„Баше Величество!“ вѣдь отвѣти, „и хотѧ не могъ о жадномъ злѣ сказати, однакожъ молодкій Евкасовичъ есть отличнейши.“ Тое само подтвердили и иной наставники, котрый тѣю похвалѣ предъ всеми на рѣченіе орѣжемъ стоялъ.

„Славно, молодкій Далмато!“ сказала Цесарева, „и кымъ однакожъ желала, егда видѣти рожденчаго орѣжемъ, нозмий до рѣки шиадѣ.“ —

Иккъ покорно и спокойно молодкій Евкасовичъ прѣждѣ перѣдъ Императорскому столу, такъ отважно и смѣло поднялся, скоро почали въ своей рѣцѣ шиадѣ — и поставили ея. Съ многими проводами ся и оказали таку велику звѣниость и вѣра, же гдѣ вѣло елиѣ юрбинати. — Цесарева отдарила егда дѣканадцаткѣ чѣрвоцѣмы.

Изъ болѣка дній посѣтила оїа зновъ дому кадетовъ и спросила разъ за разъ за молодкимъ Евкасовичемъ.

Призвано егда, по колѣ ся ставилъ, выглядалъ волзайко и весь дрожалъ. — Ласково и съ оѣсмѣхомъ спросила егда Цесарева, „пропустить всѣ спадъ оѣже дарованіи грѣши? Чогдѣ дрожишь; мѣви, гдѣсь пухъ подѣли?“

„И,“ мѣнилъ бихъ тресливыми голосомъ, „послалъ тѣи грѣши мѣемъ отцѣ.“ — „А кто же есть твой отецъ?“ „Мой отецъ былъ по-

рѣчникомъ, полѣтъ однажды навсегдашикъ бѣзъ искъ, и жиѣ тепѣрь везде жалованіа въ недостатокъ въ Даамаціи. И не знахъ я лѣтъ зровити ограждитокъ въ ласки Башого Благочества, иако подаючи моямъ вѣдомъ, старомъ отцѣ помѣчъ.”“

„Хорошо молодче!” сказала Царѣвна, и погладила его по лицу, „коэкий” продолжала, „чернило, перо и папье, и шить.” — Кадетъ зровитъ такъ емъ скажано вѣло, а Царѣвна съдѣючое вѣдѣла писати:

„Любезный Отецъ!”“

„Листъ, котрый пишъ, проказовала меня Царѣвна. Мое спрашиваніе сѧ, мої пильности а осовѣнно мої склонности любобъ подбивали сѧ Царѣвой такъ, же бы, любезный отче, бѣж сен подішки мѣстѣ подѣлать рѣчного жалованіа по 200 зол. рѣ а що пишъ тепѣрь знову подѣлай подѣрокъ 24 червонца.”“

Цижъ не исполнили сѧ тѣ слова искама святого а именно четвертого приказанія: „Чти Отца твоего и Матерь твою, а добро ти вѣдѣ на землѣ?”

B. K.

30.

Загадка *).

Черезъ ширину и пространство
Говорю съ тобою;
Чтобъ услышалъ кто мой голосъ,
Того ся не бою —
Хоть я иѣмый, то вѣсть мню
Все порозумѣешъ;

*) Рѣшеніе слѣдуетъ на послѣднѣмъ листѣ.

Гдеколи гôрько заплáчешь,
Абò ся засмѣшь —
Хоть никому не побожиЛЬ,
Тайну держù гôдно,
И только тóму іаваљю
Кому знать здôбоно.

— А. Духновичъ.

31.

Ивáсь въ ірастю.

(Подал Гrimma.)

Ивáсь слѣжілъ сѣмнадцати оўтъ вогáтого господаря, до котрого рази промóвила: „оўже менѣ и часы вѣйшолъ, теперъ радъ бы йа зновъ покерібти до дому до матери, а за мою слѣживъ прoшъ о замѣженіи.“ Господарь сказаљ на тое: „Слѣжілъ еси Ивасю менѣ вѣрию и оўчтіко, ѿкъ твоѧ вѣла слѣжка, така мае вѣти и занапаѣ,“ и подаљъ вмѣ грѣдъ золота такъ иеликъ, ѿкъ Ивася голова. Ивáсь вѣдовълъ скою платину, завѣнѣлъ грѣдъ, взялъ ю на плѣчи и вѣнѣралъ сѧ въ дорогъ до дома. Идѣчомъ такъ и лѣдко ноги за сопою влекѣчомъ виѣлъ въ очи вѣздѣцъ, котрый жвако и весело па дѣрзкомъ копику проѣзджалъ. „Ахъ,“ сказаљ Ивась голосно, „Ехати веихомъ, ѿкъ то есть красиво! сѣдѣть сѧ ѿкъ на стѣлѣ, не завѣдиши ногою о жадне камѣнке, чобѣти можно отрадити, а чоловѣку постыдно дѣлкше, сѣмъ не знає ѿкъ.“ Вѣздѣцъ, котрый тое чѣли, овѣзвѣлъ сѧ до него: „Ивасю, а чогожъ ты вѣжіишъ такожъ пѣшки?“ „Е! йа маю твоѧ грѣдъ домбки нестї, хотѧ то есть золото, но йа не могу при тѣмъ головы просто держати, такожъ гнете мене той таїгаръ въ плѣчи.“ „Знаешъ

ли щò, „сказа́лъ ъзде́цъ и стáлъ съ конéмъ „за-
мьнáймо сѧ: ѿ да́ми тобъ мóго кóника а ты да́й
менѣ твою гра́дъ.“ „Дѣже рáдо,“ отвѣтýлъ Ивáсъ,
„но ѿ Бáмъ мóглю наперéдъ, цио Бáмъ стáне той
тағáръ гóрько.“ ъзде́цъ злѣзъ въ конà, прїй-
мíлъ збóто, и помóгъ Ивáсéни на конà сѧ
всадокýти, втиенѣлъ емъ въ рðки по́воды и сказа-
залъ: „Ели хóчешъ ворзéнько садýти, то потре-
бовéши лишь мázкомулбóскити, и гóри, гóри крýк-
нити.“

Дѣшà сѧ рáдовала Ивáсéни, їакъ бýжé на кó-
никъ съдѣлъ и выгóдно тай сковóдно ъхалъ. За-
хвáлькъ однáкожъ захотѣло сѧ емъ поскорйти,
почáлъ про тóе лóскати мázкомул и гóри, гóри
кликати. Кóнику посадилъ скóрымъ скóкомъ, а
зáнимъ сѧ вірѣ Ивáсъ до кóника приложилъ, зле-
тѣлъ въ нéго и покотилъ сѧ въ рðки, котрый пе-
редѣлалъ брнє по́ле отъ гостинца. Кóнику вѣлк-
вы не знали вѣдà побиа́лъ, сливы егò не спи-
нилъ селажинъ, котрый наджишóлъ и преди сковó-
дилъ корóвъ. За хвáлю Ивáсъ прїишóлъ до сéве и
встáлъ на ноги — но їако́сь емъ не вѣло изъ лáдъ,
про тóе сказа́лъ до селажина: „О! ъзда то не фáр-
дà, если вірѣ до тóго патрáфитъ кто на таکъ
шкапъ, їакъ се сà, цио лібнитъ скидáти — та то не
тáжко кárкъ скрѣтити; о бýжéжъ ѿ не всáдъ па-
нио иѣкóли. Отъ Бáша корóка, то цио ѿншого; за-
нéю мóжно повольно тай неспéчи сковé постѣпá-
ти, же ажъ ліово, а при тóмъ достаё сѧ отъ нéи
цио дénъ и молокò и мáсло и скýръ. Щ! ѿвky
то ѿ дáлъ, іронíмъ лишь таکъ корóвицио мáлъ.“
„Та,“ отповѣлъ селажинъ, „если Вы таکъ дѣже
за тýмъ, то ѿ радъ мѣнáти съ Бáми корóвъ

за конà.“ Ивáсь на́дзя звкічай оўгáдованыі склонілъ сѧ до оўгóдкі: селапіш ве́зла на конà и пастілъ сѧ мовк стрѣлъ.

Ивáсь гналъ спокойно перéдъ себёю корóвъ и задбмáлъ сѧ на́дзя ірастлівымъ торгóмъ: „Екóро вѣ́дь мати кбсень хлебна, а на то́йже чей мене стáне, то могъ, коли схóчъ, до того мати зáразъ омáстъ; а схóче менѣ сѧ пыти, то потрепбю што подойти мою корóвцю, тай маю молоко. И чого́жъ менѣ трéпа пблкше?“ Въ тóмъ гналъ перéдъ корчмою, зъ келікои оўтчехи по́блк все, що при собы: малик, до крýхты, и напіалъ сѧ по́слалъ тóго пблк стка́лки піка, котръ за послéдній шéлюгъ сонѣ кбшилъ. Потомъ гналъ корóвъ перéдъ себёю дáлкше дорóгою до села, где мешкала егò мати. Спéка однáко́жъ стáла сѧ кóло по́лбдня незносимою, а Ивáсеки трéпа пкло шті по́блему добръ вірè мýлю. Нарáзъ зровнáло сѧ емъ таки горячо, же и сліша по́дъ язкікомъ вкісхла. „На такé ліхó“ погада́лъ Ивáсь, „вестк оў мене спосбик и порáда; а корóвка на ю? по́дбою ё трохъ, тай закропаю сѧ молокомъ.“ Оўказа́лъ корóвъ до сэхóго корчà и по́дстáпілъ по́дъ сюбі шкбрланий кáскеткъ, однáко́жъ мýмо егò вслікого оўсéлована сѧ не показáла сѧ ашѣ капла молокá; а попéже не знали онходіти сѧ сю товáриною, то зиороклена оўдáрна егò зáдными погáмы таки сильно въ гóловъ, що ажъ покотілъ сѧ по землі и не мóгахъ чéрезъ дольгий часъ рознбзнати, где сѧ нахóдити. На ірасткë надзишóлъ тóю дорóгою рéзникъ, котрый кезакъ на тачкахъ по́дсвіника. „Я то іро за прýкалючка?“ ска-
зала біж и помбгахъ Ивáсеки встáти. Ивáсь роз-

розвов'ялъ все, їакъ сѧ-дѣло. Рѣзникъ подаљъ емъ на тое флашкѣ и мόвила: „Напійтє сѧ и покрѣп'єть сѧ! короба знáти не хóче давати молокà? Бóжкъ то и оўжé стара ходовина, хиба ешё потагиѣти здѣвна або лішь на зарѣзъ.“ „Див'єть же сѧ“ отзвалъ сѧ Ивась и почхралъ сѧ въ чѣпцинѣ, „и комѣжъвки тое прїйшло на оўми? Та то праѣда не зле бы вѣло, ковыто такѣ товáришъ можж дома зарѣзати, цювки то вѣло мáса! но ѿ за мáсомъ въ коробки не копиче; во то онò не мáе доскітъ вкѣса и не сочісте. Що ѹного, ковы то мáти такоѣ подсвинка! мáсо егò цѣлакомъ ѹпкій мáе смáкъ, а при тѣмъ ешё колбáсы!“ — „Знáете цю Ивасю!“ сказалъ на тое рѣзникъ, „отъ їакъ дла Бáсу, то хóчъ мѣниати, и оставало Балу синю за коробъ.“ — „Най Балу Бóргъ дáстъ все докрò за Бáшъ прїазнь!“ сказалъ Ивась, дали емъ коробъ и казалъ подсвинка въ тачóкъ откладати, а посторонокъ; на кóтромъ тойже вкѣлъ оўкалзаний, сопѣ до рѣкъ подаѣти.

Ивась продолжалъ свою дорогу и погадалъ, їакъ то прѣцѣникъ все такої по егò желанію сѧ дѣє; а еслівки и тамъ сѧ емъ цю пріключило, то онò їакось сѧ вблизъ залагодитъ. Потомъ прілечиалъ сѧ до него їакийсь хлопакъ, котрый неслых подз паходою краенѣ вѣла гѣскъ. Явкы сѧ плиз не кѣчило, почалъ Ивась оповѣдати емъ о скобахъ прастию, и їакъ то бихъ все мѣниалъ сѧ хбеному дла сеїве. На тое кіндалъ хлопакъ слóво, а потомъ згаднѣлъ, цю бихъ тѣю гѣску несё на крестыни. „Поднесиѣть по ю“ продолжалъ бихъ, „їака опа тажка! но тое не дівъ, вóжкъ то и самыми вареницами

годовали ю съ польши бѣлье. Но! кто тѣю
печенью вѣде кѣшати, той овѣтре самъ толстость
зъ овѣхъ сторонъ.“ „Вѣ иѣтѣ“ сказали Ивась и
важили на рѣцѣ гѣскѣ, „она вѣжитъ вогаѣто; алѣжъ
во и мѣй подсвиноки не сгѣрши.“ На тѣе задѣ-
малъ сѧ иѣбыто хлопаки, потрѣсли може при-
тѣмъ и головою; тай сказали: „Та... но менѣ
сѧ вѣдитъ, чо Баша свиня пававитъ Баскъ може
не мѣло клоботъ. Слѣхайте; вѣ селѣ, чеरѣзъ ко-
крѣ чо инѣ переходилюсь, оѣкрадено оѣ самога
вѣйта свиню. Незнаю, незнаю, чо Вѣ ю не три-
маете тѣхъ на посторонкѣ; по тѣговы Баша и
трѣба, ковы Баскъ сѧ нѣю злоклено. А знаете
чимъ то пахнѣ? Дѣкамы тай темнѣцею!“ Ивась
сѣви зровѣло сѧ лжкъ не добрѣ. „Бойте сѧ Еога“
сказали, „ратѣйтѣ вѣ тѣй вѣдѣ! Вѣ ачайже зна-
ете сопѣлѣчши дѣти рѣдѣ, козырѣть мою свин-
ю, а оставѣть менѣ Башѣ гѣскѣ.“ — „Но вѣжъ,
переважъ, не знаю,“ отповѣли хлопаки, „одиакожъ
не хочъ вѣти причиною, акисте самоходѣти вѣали
ви вѣдѣ.“ Бѣлли постороноки до рѣки и ноги али
попоною стѣжкою свиню дѣлкше; а Ивась отрѣ-
павши сѧ вѣ клоботѣхъ продолжали сѧ гѣскою
поди пахою свою дорогѣ. „Селї добрѣ роздѣмлю“
мовили сами до сѣни, „то при тѣй замѣнѣ такой
мѣй зѣски; оѣжѣ сама печенья, потѣмъ тѣе ми-
жество толстости, та, то вѣде омѣсти до хлѣба
мѣло цю не на подлѣрокѣ; а поѣмъ тѣе краѣне вѣле
иѣркѣ, іака то вѣде вѣ нѣго подѣшка; тѣжто вѣде
добрѣ на нѣй спасти! А мѣтери, іака же то вѣде
оѣтѣхъ!“

Идучи чеरѣзи посаѣдне селѣ минѣлъ шліофѣ-
ра, котрый при сїбѣ рѣбѣтѣ сопѣлѣчиевалъ:

Все тупे, щербате,
Ржавые, зубате,
На бстрю и гладкю
И всему порадкю;

Такъ всѣ дни збываю,
Шлюфую, спѣваю:

Все тупе щербате, и прѣч. и прѣч.

Ивась сталя, придилаля и присадбывала сѧ емъ, потомъ промѣнилъ до него: „Оу! Бася гарайдзъ, но есцѣ веселый при ровотѣ.“ „Таже!“, сказала на тое шліофѣръ, „ремесло лѣчишь отъ золота. Добрый шліофѣръ то совсѣмъ чоловѣкъ; потрекнешь лишь до кешеніи сажибыти, тай гройшиі оу! него польна жленія. А вы зъ отки маесте такъ красиѣ гвекъ? гдѣсте ю квашыли?“ „Кі ю не квашыли, но замѣнилъ за моего подсвиника.“ — „А подсвиника?“ — „Полѣхнѣемъ за мою коровѣ“ — „А коровѣ?“ — Полѣхнѣлемъ за коня.“ — „А коня?“ — „За коня дѣлжнѣемъ грѣдъ золота, такъ велика, іакъ моя голова.“ — „А золото?“ — „А! тое золото полѣхнѣлемъ въ заплатѣ за сѣмъ лѣти слѣжвы.“ — „Но! то іакъ віджю, вы зналисте звасѣдкы совсѣмъ сѣ сѣрши рѣдити,“ сказала шліофѣръ, „коихъ лишь вірѣ Балыкъ сѧ оудѣла така штѣка, все мати польна кешенію гройшиі, то оужеекъ не трѣпавы Балыкъ иѣчіого вѣльши до Башаго цѣаста.“ — „Ба! іакже вы менѣ сѧ до тога врати?“ отповѣли Ивась. „Балыкъ іакъ стой трѣва стати сѧ шліофѣрѣмъ; а до тога не трѣва вѣльши иѣчіого, іакъ единаго точнѣца, а все прѣчое сама оужеекъ иакось пріїде. Отъ, та маю одно, хотѧ трохъ цербате, по за тое не дастѣ менѣ вѣльши иѣчіца, іакъ лишь Башъ гвекъ; сѣрда?“ — „И ційже можете сѧ о томъ солигѣкати,“ отповѣли Ивась, „та такѣ цѣасткѣ

не хóдитъ пéшкii; сиl ю могъ маti грóши кóж-
дого рáз8, скóро сáги8 до кеshéн8, то мен8 жé-
рить са не трéба?“ и подáлъ емъ гвéск8. „Коли
такъ“ сказали шлюбфэръ и подиáлъ звичайниy,
неовдéланыи kálménkъ, котрый слачайно коло нéго
лежáлъ, „то маste до тóго ещё одиных дóбркий кá-
мénkъ; о! рбчю Балу, про егò не спотрeбште. Возь-
мётъ си егò и захóвайте юкъ са палéжитъ.“

Ивáсь попраиáлъ са, взяли kálménkъ на плéчи
и потаиáлъ са си шилы дálкше; егò бчи ажкъ сиб-
тили са отъ рáдости. „И пéкно въ чепцú оýро-
дáлъ са!“ казáлъ жíво до сéве, „все, про лíшкъ
зажелáю, то са исполнáе, юквъ все по мóему
итти мáло.“ Но понéже отъ дóснéта все вýлиз на
погáхъ, то и оýтомиáлъ са не мáло; такожкъ и гó-
лодъ почáлъ докчáти, понéже весь запáсы въ
оýтéхъ про замéшан8 корóв8 парáзы сибль. Оýже ледко са мóгкъ волочкъ, про крóкъ трéва
вýло отночиáти, а при тóмъ и тажéлши камéн8
не мáло са емъ давáли въ знакъ. Не мóгкъ виk
лишити са гáдки, проекъ то дíже дóbre вýло,
сликъ влásne тепéркъ биk не потрeбовáлъ ихъ дíй-
гати. Мóвкъ салмáкъ залéзъ виk юкóсь до колó-
дáза, при котрóмъ хотéлъ трóха вýночать, и
зýмною водóю са закропи8ти; авкъ одиáкоjкъ при
сéданю на зéмлю камéн8 отъ шкóды захорони-
ти, поклáлъ тий си памéсломъ коло сéве на цим-
брин8 колóдáза. Потóмъ опернáлъ са и хотéлъ
са согнáти, авкъ зачерки8ти водó; но юкóсь
не оýважáлъ, потрéтили, а ова камéн8 лишиk бол-
ки8ли тай пропáли. Оýвидéвиши Ивáсь юкъ опи
въ гáбáи8 са гáбáи, подсcoчилъ въ оýтéхъ,
плéси8лъ въ долин8 а потóмъ оýпáлъ на колéна и

дáковалз Бóгъ, імо ёмъ такъ зробилз лáскъ, же тимъ способомъ оўвóлкийлз єго отъ камéній — во лíшь єщє ёмъ тóго не стакáло, абы мóгъ пазвати са совершеною цластлíвымъ. „О, такого цластлíкого“ вкíкликизлж, „єщє въ свéтъ не вывáло.“ Съ цѣлкомъ лéгкимъ сéрдцемъ и сковóдникъ отъ всéкого тағаръ поскорíлз и не опинíлз са ажъ оў скóп матéри.

B. K.

32.

Кóминъ и ворóна.

(Байка.)

На бéлый кóминъ ворóна сéла;
А биъ до нéп! „мáкась ми бéла!“
Поколыса́лась, въ нéго зазрéла,
Три разы кráкла, тан отповéла:
„„Бéлый есъ зъ вéрха — вчёра та нýнѣ,
А въ серединѣ?
Я не кáжу, імо я бéла.““ —
Ещё кráкнула и злетéла.

A. въ Рáкова.

33.

Хóдъ до пíсаной кирнíцѣ.

(Урýвокъ.)

Бýло то въ марѣ, передъ Келікóднмыми свáты. Сибéгъ не знашóлжись вýлз оўжé и па лéкъ въ горахъ, хивà на Бержáшѣ та Чорногóрѣ. Трава за-еќала са мокъ прéть по сватой землíци и бицѣ попескали вýли всéгды. Несéло дѣли верхóвши-скii молодцѣ въ трéмбéты, імо ажъ верхній хо-дíли, а гóлосъ сопѣлки колыса́лиз са по коздá-хахъ, юкъ рýвка по ширóкому Дніаю, и бтви-

вáль са мýло и принáдно о горы и вóрки. Сóнце сбываю са зи полvдна къ западови и неслò всé ской лvчи къ полонинé, подъ котрои самéмъ верхомъ стремитъ огромна скала, сагáюча чоломъ высоко въ воздвхъ. Ез скалъ находитъ са широка пещера, здóвна вóльше двадцати хлóпа полvстити въ сóбѣ, и приходоронити отъ дожджъ и вóръ; а зи горла пещеры довзвáе са криштальна водà овáлыми стрвамъ, и такъ стvдёна, про лvтомъ не возможно еї малю чárкъ дорáзи вkyти. Всé стvны пещеръ пописани суть всакими знаками. Найдешъ тámъ нашины крестиками, то подрцvви, вóкви и цвáлыx именъ тыхъ осбезъ, що колисьто саbчайно аво нарóкомъ сюда приходили, и чарбючими по всехъ верховинахъ вýдолахъ наслаждалисъ зи бжéни смы, чéрствкою йаки пérвший дéнь бýръ водю. — Есть то ова пýсана кирнйца, котóра изъ давныхъ часахъ вýла еднýмъ изъ тыхъ беспéчиx привéждици опрýшикъ, где ляочи подъ скóмъ бóкомъ кесю прóсторонъ отъ запада, сбнера и майже цвáлого костока, сбпокойно могли оши розкладати са тавромъ на кóлька дíй. Цвáлá окрестность вýла ймъ тóтъ подъ рвкóю, а сéла съ двóрцами лежали пérеду пýми йаки на долини. — Кирнйца тáа зовé са вци по днесъ „пýсана кирнйца,“ але полонина сама, па котрои верхъ она лежитъ, приправля по минувшихъ на ней саbчадухъ прôзвище Добошонокъ горы, или впростъ Добошовки, и назывáе са такъ до сихъ поръ въ цвáлой окрестности. —

H. Устiяновичъ.

34.

Надгробникъ сварливой женѣ.

Ту моя жена, небожки могила;

Допоки жила, пыты ся сварила! —

Читателю, не медлъ зъ бтты уходыти,
Бо встание и съ тоббю буде ся сварити.

— *M. Козановичъ.*

35.

Старкій пѣсъ.

(Поддля Гrimma.)

Пѣнкій селашинъ малъ старого пса, котрый сѧ называлъ Сѣлатанъ, и той постарѣлъ сѧ такъ, чю не могла оуже кѣсти. Селашинъ не млючіи изъ сонаки добропи оуслѣги сказалъ разъ до скониженіи: „Зѣстра, скоро денъ, розстрѣллю тобе старе стервище, нашаго Сѣлатана, но и чю менѣ по пѣмъ.“ Женѣ зровѣло сѧ жалко и про тобе рекла: „Онъ памъ отъ такъ дѣни саджитъ, чюкы го дѣло сѧ емъ ласкавый хлѣбъ дати.“ „Пѣстѣ твоѣ пѣсѣда,“ сказалъ лѣжи, „оу него оуже пемѣ и одного зѣва, а злодѣеки лишь такихъ сторожевицъ потрѣба; съ рѣштою за тобе, чю памъ саджилъ, не мѣло сѧ пажеръ, а коли теперъ зъ него пѣакон оуслѣги, то и не копиче памъ егѡ потрѣба.“

Песъ, котрый не далѣко отъ тога лежалъ, чѣлъ кѣждѣ слѣбо, — перелѣкъ сѧ не мѣло и вѣдѣ неспокойныи, маки то зѣстришиныи денъ для него вѣде. Наразъ пригадалъ сонѣ, же мѣсѣ доброго дрѣга, а тиши пѣли вѣлки. До тога заколѣки сѧ вечеромъ до лѣса и оповѣдалъ емъ, мака сѣдѣла егѡ ожидѣе. „Не жарѣ сѧ,“ сказалъ на тобе вѣлки,

„я тобѣ пораджю. Завтра досвѣта вѣдѣ твой господарь съ господищею до сѣна, и онъ возмѣти свою маленьку дѣтину съ собою, котрѣй положатъ въ тѣши за корчёли, а тебѣ вкинадае положити сѧ кѣло пѣго и ограждакати сторожа. Потомъ прійдѣшъ ѿ изъ лѣса и похощѣ дѣтинѣ, а ты тогдѣ суперѣ всѣ твої сѣлки и скочь за мною якоюкись хотѣли менѣ отыгнать. И яко дѣтинѣ, а ты ю звонки затащиши подъ корчъ, ішо онъ огнѣдѣвші, не схотовати къ избавителю свои дѣтинки вѣти такъ неплагодарными, акѣ сѧ надѣши звукокомали; но за тое ты прійдешь до ласки и па иничѣмъ ти не вѣде звѣбати.

Така гадка сподѣвалася сѧ исѣни и подда пѣн стало сѧ. Селашинъ скричали въ цѣлобого горла, огнѣдѣвши болка огнѣходачаго съ похощѣніемъ дѣтинио; по скоро тое старкій Сѣлатанъ назади пріиѣхъ, вѣли бихъ звонки кеселкій, гладили и мѣвили: „О! тебѣ иничѣ злого сѧ не стаине, вѣдѣши єсти хлѣбъ ласкавый, поги жити вѣдѣши!“ Потомъ сказали до скони женѣ: „Иди по до дому и пакарѣ старому Сѣлатанову лемѣшики, до пѣн не трѣга емъ вѣдови, а мою старѣю подѣшиши такожъ емъ дарѣю, акѣ емъ вѣло мѣгко лежати.“

Отъ тога часу малъ Сѣлатанъ такий гараздъ, яко съ себѣ лиши жалати мѣглъ. Болки посѣтили его разу и не мало сѧ рѣдовали, ішо пухъ палани такъ добрѣ сѧ огнѣдали. „Слѣхай по вратчикѣ!“ казали бихъ, „ты ачайже прижалѣши ѿко, слѣпкими ѹ хотѣли тѣлестѣ бѣцио вѣнести? во иѣрь менѣ, ішо менѣ такъ іроекъ огнѣ же отъ дѣвна млоити.“ — „Нѣти!“ откликнули пѣси, не ишо тѣлестои не дали тобѣ вѣнести, по такои ишакоп, во ѿ мѣму госпо-

дійнѣ єсмъ предъ всѣмъ вѣрныи, а хотѧ тобѣ за твою оѣслѣгъ єсмъ вѣдѣчи, то однакожъ не допѣціѣ твѣ до ишаковъ исоты!“ Болкъ же дѣла, цо пеєзъ только жартѣе, прїишолъ въ почї по присмачокъ; но ошывъ са горько, во вѣрныи Сѣлтанъ вѣё сказаля сибомъ господинови, котрый чатѣвалъ, ажъ пойки болка не привиталъ. Сѣланинъ доджайочи свомъ Сѣлтанови еїре вѣльше, часто говориаъ: „нема то, йакъ старый и вѣрныи слѣга!“

B. K.

36.

Знаменѣа погоды.

Изъ Перемышлянина.

Хорошъ погодъ предскажиотъ облаки, если лѣгкіи и клочковатіи выдаются са, и если они синъ неса юкіи тоненікою тканію покрываются, авѣ и скоподно въоздѣсѣ розходятся са; если вѣтъ юкъ мраки въ долинахъ стоятъ; если при заходѣ солнца червонно опарвлѣши суть; если въ нихъ дѣга появляє са, котрои сина и жолта парка цо разъ крашше провыкає са; если воздухъ есть дѣже юсній и прозрачный; если много росы спадає и на дѣлие остає са; если мгла низко стоятъ, роздѣлѣя са, апо по дождю въ долинахъ встає и стоятъ, авѣ по надъ рѣки, и розходится са.

Слѣпогодъ оѣказываютъ клочковатіи облаки, котріи цо разъ въ блакши склоняются са и чорнѣйшиими стоятъ са; чорніи, червоніи и водопаркіи хмѣры по огнистому заходѣ солнца; если по дѣлгой посѣсѣ въ передъ, закимъ начнѣ дож-

Діти; дігра покаже сѧ; если жадна роса не спадає, або если спадаюча їкъ дождь скоро висихає; если въ низинѣ мрা�ка визионитъ сѧ, або предъ всходомъ солнца облакообразно разходится сѧ, то спадає въ вечеръ іакъ дождь снош на землю; но осення мрака, котрѣ предъ первымъ морозомъ истає и ростеюше сѧ, приноситъ звичайно ажъ слідбючого дня дождь; дже смердача, або въ воздухъ шумача мрака, зимний вѣтеръ по короткомъ дождю; если предметы чрезъ воздухъ видимы побольшають сѧ, то знали, что есть многое падки въ немъ, и тое предсказывало дождь такъ іакъ и тогда, если шумъ рекъ або іишихъ звуковъ, котріхъ ишими разомъ не чти на пр. звонекъ зконали, добрѣ слышитъ сѧ.

Свѣрни вѣтру, котрій предъ полднѣмъ при ісподї погодѣ вѣхати начинаютъ, предвозвѣщаютъ дождь ожѣ на переду. Если южный вѣтръ и вѣюти и заразомъ дождь падѣ, то погода не змѣиас сѧ, хотіши и въ западинѣ вѣтеръ перешолъ; если же свѣрни вѣтеръ вѣхати начали, то дождитъ мало.

Сильно вѣючи южину и западину вѣтру суть предвозвѣстителами дождя.

Славокитїи люде або таки, котріи рано не дѣви загоено, або котріи послали вѣздоровки або въ прочемъ мають дже дражайши нѣрки, чистибюти далѣко напередъ вплакивши погоды, закиши таїа настаніе. — Занадто напреженими нѣрками стоятъ сѧ волгкѣ погода докблайвою, а ославленїи оутомляютъ сѧ вище побольше, если тажене воздуха перемѣниас сѧ.

Ещё вольше предчувствуютъ тѣю перемѣнѣ жиботна (скоты, звѣры), а дольши огражданиемъ подали мѣдемъ возможность, въ предчувствіи тѣхъ же кождѣ перемѣнѣ погодки съ волышою або меншою пѣвицтво предсказати.

Хорошъ погодъ предсказываетъ зеленіе жавки, если подъ откѣрствомъ воздухомъ высокомъ сѣдали и рѣжутъ; а папки (метопыры), если нечестивъ въ мѣжестѣ лѣтаетъ; дѣцѣ, если въ нечестивъ несѣло и живо то тѣди то сидятъ прыкаютъ и разыгрываются сѧ; жакоронки, если сильнающи долгомъ высокомъ и въоздѣсь задерживаются сѧ; соловѣи, скопытымъ прѣятствомъ и неперестанноимъ пѣніемъ; гнѣдый и жѣликъ и свѣтлаки (скатопианскій лѣшикъ), если на окѣло лѣтаютъ.

Зас погодъ пророкуетъ мѣде въ тѣго, если и сѣ трапѣ скѣдаются и качаются сѧ, а бѣты частво лѣжатъ сѧ и мнютъ сѧ; если кертицы надзвѣчайно высокомъ морилки паркуютъ; синица грѣаютъ и скѣй корликъ размѣтываютъ, если рогаты скоты горѣ въ воздѣхъ вѣтрится и свой поздри вѣливѣ; дѣцѣ скѣяты и головами межи собою тѣцкаются сѧ, закачає на пашѣ пашрятъ сѧ, падчии до дому въ паши частвѣши трапѣ зпасаются и неохѣти до кошары заходатъ; такожъ если мѣши шпиратъ; залівцы предъ веходомъ солища дмутъ сѧ скінати; коропы по надъ высокий вѣдоваѣ, скалы и дѣрева лѣтаютъ, головки и вѣдъ занѣрляются сѧ; если и ершати штѣцѣ запоришаются сѧ и въ боросѣ и въ пѣму валиются сѧ; если ластовки вѣлизѣ стѣни або гдѣ пѣзко землю и по надъ вѣдки лѣтаютъ; если

жъравлѣ, коршѣнѣ (сѣпки) и інїи хѣщни
птицѣ єщѣ за хорбши погоды сильно въ воз-
дѣсъ верециатъ, а сѣйскѣ надзвѣчайно кѣплютъ
са; если вѣзкы молдии вѣзьчата въ гиѣздѣ
прикрываютъ; гольщики са кѣплютъ и подздно въ
вечерѣ домбки прилаѣтъ; когдѣ тѣ не изъ звѣ-
чайныхъ часіи пѣютъ; вѣркѣ печалко хѣдатъ
и пѣра си приглѣдѣютъ, а то послѣдне наивѣльша
часть штѣцъ преди дождѣли дѣлае; если жавы и
зѣмнїи глысты (чѣркы, хрѣбы) вѣлазятъ, а
дѣчкѣ и ѿрѣркѣ въ сбояхъ притѣлѣцахъ ѿкры-
ваютъ са; если зеленїи жавкѣ подди бѣрѣ-
стымъ нѣкомъ иѣзко сѣдѣтъ и рѣхкаютъ; если
жѣки рано лѣтятъ; комаркѣ изъ западови сбоя-
ца изъ тѣни граютъ и мѣхъ жаленїеми сбоями
на людий и скоты нападаютъ. Продолжитеакиий
дождь предсказываетъ стафи вѣркѣ, если не зѣ-
разъ въ початкѣ, йкже дождь настае, подди дѣхъ
скрываются са.

Но помѣжи тѣми всѣми животиами сѣть
наѣки пайпеникѣи корожинѣ погоды и пухъ
преджѣвѣнїя ѿже колкка дній аво годину предва-
рляютъ, зѣкии погода перенѣхѣ са. Кѣдала спо-
собъ спбаша скони наѣчишки дѣлатъ са онѣ па-
ви сѣачїи аво ѿглобїи наѣки, а отъ призіаки,
котрѣ гдеко трѣ маютъ тѣлко изъ лѣтѣкъ ронити, а
въ зиумѣ изъ дремликомъ (сбопомъ) перенѣстиѣ пе-
ренїкѣати, пазкіяютъ са тѣи лѣтикли, йшши же,
котрѣ и изъ зиумѣ не сѣть пези дѣла, зиумо-
кѣли.

Висѣачїи наѣки, до котрѣхъ такожъ нашъ
крестовикъ палѣжитъ, спбіютъ всѣ для сбоя
лѣклѣ колесоокрѣзи сѣть и остаются са подди бѣ-

върстъмъ въздръжали отъ веснѣ до Жълтия, гдѣ они тогдѣ за недостатокъ лѣваѣ въ скопъ бѣгликахъ ходяють сѧ и безъ мѣстнѣ зембютъ. Они про тѣс природнѣ суть яко вѣцѣнѣ погодки толкъ къ лѣтѣ и създѣюши въ шумъ лѣсамъ предсказанія погодки:

Хорошъ погодъ предвиџають памъ ви-
сѣчѣи паскѣи, если въ мѣжествѣ поимѣлють
са; если пільно и неѣтъ мѣсто сибіотъ скою пас-
чнѣи; если и въ почѣ не перестаютъ скою сѣтъ
бронеклѣти, покъ осенѣи и то широко единъ отъ дрѣ-
гопъ затяглють, болокъ си вѣдирають и мѣцѣ не-
суть: тѣ погоды долгѣ вѣнѣе красна. — Если они
съ всѣмъ пасчнѣи не сибіотъ, ако если
жадного въ шумъ невидѣти, то настѣнти вѣ-
теръ и зла погода; однакожъ если шиѣ гдѣлѣкѣи
покажутъ сѧ и сибіотъ на малкѣи сѣтѣхъ, то пѣде
погода измѣниа. Если же они сирѣ на дождѣ
добрѣ осенѣи птицы затяглють, и все тѣс
шакнѣнѣко дѣллють, то незадобро вѣнѣо
дитъ сѧ. Для тѣго то не трѣба сѧ дѣти звестї
единѣмъ ако дрѣгимъ полосомъ дождѣемъ, си
они на хорошъ погодѣ показуютъ, но въ бѣре
прѣцѣ шумъ вѣнѣнѣе єсть правдѣное.

Если паскѣи напрасно вѣляшъ ако мѣшъ чистъ
скопъ пасчнѣи бѣркуняють, то мѣсъ настѣнти ви-
хоръ, предъ котрѣмъ они хотѣ единъ частъ скопъ
сѣти охоронити хотѣнїи; красна погода зибѣи
приходитъ. — Оу грабѣи паскѣи сибіотъ си па
бѣглиахъ мѣрбикъ и бѣгли лѣдко не корабелѣднѣи съ
землею рѣвиолѣгъ ткани (пасчнѣи) съ южною въ
задъ затканиою, котрѣ имъ за притѣлѣнїе и лѣ-
стце схѣвкъ сѣживутъ. То сѣтъ властнѣи зибѣ-

вѣи падкій, и могутъ ѿко вѣщнѣи погоды въ зиимѣ и въ лѣтѣ ог҃житыми быти.

Прознаменованіемъ ѿсновы и схѣмы погоды подаютъ ог҃глобкии падкіи, если изъ скрытыхъ мѣстъ своихъ вылазятъ; а если таин погода мѣе требасти дѣлше, то показваютъ головы, и выставляютъ такожъ и ноги изъ скрытыхъ ѿминки, и чимъ дѣлше выталагаютъ, тѣмъ дѣлше вѣде красна погода. Часомъ падчинаютъ они въ почѣ скрою тканіишишою покою падчиною, а тогдѣ можно падчинацать до четырнадцати дній хорбони погоды падѣвати сѧ, и то тѣмъ неизѣйше, если они до тога ской яйца кладѣти, чю при горланихъ лѣтакъ до семи разъ дѣве сѧ. Если они въ себѣ притягиваши обернѣти сѧ, и починаютъ падчестъ головы показвати тѣла, тогдѣ сѧ неизѣстїю дождикъ падѣвати сѧ, и то на такъ долгъ, доки они въ тѣлѣ состоѧши остануть сѧ.

Малыи сїрѣ за прѣдѣстинки дождикъ, ако падати маечони не погоды сѣдѣючое, ѿко кѣренке сѧ соломенкихъ дахѣви по дождикѣ сѧ грозою, славѣ и дрѣмлине горѣнке огнила на огнищи, трѣпанке лѣнихъ и свѣчихъ, ихъ пиреканке пскри, тѣлне и не ѿсне горѣніе, многовѣрнико влески коло ихъ поболѣши; такожъ коли въ коминахъ дѣмѣ запирѣтъ сѧ, коли подѣ коротко и безъ шьмѣшишъ, коли схѣмѣ дерево и каменько потѣти сѧ, сблѣ мокрѣе и смрѣдѣ въ изжинки и капалови вѣхѣдитъ.

37.

Цвѣткѣ до вѣнка чести и братней любви.

Нѣкого не лай,
Каждому честь дай,
То будешь съ всѣма жити,
Всѣ будуть тя любити.

Будь терпливъ,
Не сквапливъ,
Бо кажда рѣчь мае свой
часъ,
Про тое не всѣго на рѣчь!

Все лишь прѣду говори
За другихъ ся не жури;
Каждый за сѣбе,
Нѣкто за тёбе
Не отвѣчай,
И спрѣву здаи.

Роби но небоже,
Богъ тобѣ поможе —
Скоро загнѣши руки,
Не докажеш штукы.

Будь бережливъ,
Уживай твой сѣлы;
Будешь щастливъ,
Будутъ тя любили.

Всѣхъ людій ся радъ
Съ нѣкимъ ся не вадъ;
Свой разумъ май,
О сѣбе дбай.

Люби всѣхъ,
Наветь злыхъ;
Буде гараздъ тобѣ
Поминать ти и въ гробѣ.

Простѣ всѣмъ
Акъ грѣшинымъ;
Бо, до лиха
Чай безъ грѣха
Нѣкого нема
И мѣжи пама.

Кто не лѣгко вѣритъ,
Лишь сто разовъ мѣритъ —
Най ся не лякай —
Наразъ противай! —

Лѣкше кому сто разъ дати,
Акъ самому разъ дѣлати.

Лѣкше все другихъ ганити,
Акъ самому ишь зробити.

Кто всѣмъ хоче догоудити
Той не знає свѣть цѣнити.

Не всѣ Ангели въ нѣбѣ,
Они суть и на землѣ.

Пре́двсéмъ потрéба, а въ кóждый зъ насъ па-
матáлъ на свой обязáнности и повинности: Пе́р-
вый есть Бóгъ а потомъ свéты!

Старáй сѧ твои повинности погодítи сѧ
твóею честью, понéже пе́рвшии мають быти всéгда
для насъ святéмы, а таia непарашéна.

Не одиныхъ чоловéкъ привáдилъ бы житье пра-
стие вéйше, если бы мéсто грóшай посéдáлъ из-
лишии и полéзшии нашки; во той есть пайбогатvéй-
шии, которыи из привáдкъ сказáти моéже: все моё
сѧ миою, а тóго менéй докóлько пéде.

Очñи сѧ все основно и пíльно въ шкóль, то
вáдешъ и позднéйше въ оциежитии знали либо́го
— а кто сеbe ошвéксе за мóлодь, той вкáе ошv-
какий и на стáростъ. Ажни́къ лишикъ кáже:

Кобыто азбúка,
Вся была наука;
Тобымъ ся не мóчишъ:
Всё никóлы выучишъ!

B. K.

38.

Г л ó н .

Слóнъ есть пайбóлкшии изъ всéхъ зéминыхъ
звéрьши. Онъ мае ке́ликши гóлоиъ, дóлагши и тóл-
стши оýха, малéныкши бчи, овкí слове чéренко, соги́-
ткий хрéвётъ и толстши пе́зопráзнии ноги. Но изъ
всего пайзпаменитшии есть оý пе́го пóск пан хó-
вóти, и збвки. Ховóти подбóникъ есть до трéвки,
а слóнъ моéже егò не шио дживáти и згинáти, по
такóжъ стягáти и вкíпрагáти, скривлáти и по-
вóли на ке́въ стбóронки шимъ маxáти. Онъ оýпо-
тревлáе егò из мéсто рéкъ, верé шимъ жíвиость

и подносятъ ю къ ротъ, склоняе тракъ, разклюзяе
бугалы, замыкае и отмыкае засовки и проч. Подж
хоботомъ влізъко грѣдїй находитъ сѧ егò ротъ
съ двома дѣже дѣлгими клюками, зъ которыемъ
мамъ извѣстивъ слоновъ костк. Що три годы
трѣтииъ бихъ тѣи клюки, а налиѣстъ старыхъ вѣ-
ростають емъ новыи. Кожа егò такъ грѣва и по-
мѣриена, же не мѣжна ю вѣлею прострѣлти.

Еднъ славній пекітателъ природы зробилъ
тобе прилученіе: слонъ маке не ибо понятлив-
кость вѣбра, искусство малыи и чистотыелкость
иса, но вирие перекышаше къ всеси тѣи животна. Кроїшъ егò маке сильѣ бѣновѣди єгò великости. Онъ живѣ дѣже долго. Клюками свойми повѣждаде
бихъ льва; землю дрожитъ подж егò ствіали; хоботомъ вкрайкае бихъ дерена съ корѣнемъ; развалиює тажестно ского тѣла каменіи стѣни. Онъ самъ днігасе волкіи маки и побитъ на
свѣтѣ таки тягары, которыемъ шбестъ силихъ
кониѣ зъ лѣстца не поднігнутъ. Онъ есть бѣ-
важникъ, посланикъ, а вѣдчий раздроченіи
подшибѣ тобо, когдѣ любитъ, хотѣй и не оставляе
безъ отміренія, если егò кто образитъ. Онъ
живитъ сѧ рослини, про тобе всеи животна не
млюютъ причини волтиса егò и всеи егò любата.

Слонъ живѣ изъ южныхъ сторонахъ Азии и
Африки. Азиатскій слонъ сѣть волкіи и сплошной-
ши бѣ африканскіи — онъ вкрайаютъ десантъ до
четырнадцати стопъ високіи. Къ бѣце таки
рости ихъ йаки и старабестъ занесаютъ отъ подсона,
живности и состоянья; на волкіи вкрайаютъ
волкіи и жиотъ сто пятьдесятъ до двохъ
сотъ лѣтъ а паветъ и дѣлше.

Дікші слόны не съѣтъ жаждиіи крви и сирѣпїи, но крѣткіи и оѣнотреblаютъ сѣлки ской лишь для опоронки. Они ходатъ по вѣльшой чаѣти стадам; одиных изъ пастаршиихъ идѣ на перѣдъ а другій изъ заѣдъ такого стада, молодой остаются въ середиіи; матеріи носатъ маленькихъ слоновъ держачіи ихъ ховотами. Но такій порадокъ захобываютъ они лишь тогда, коли въходатъ на оѣнравленіи полѣ и подвержены вѣкаютъ опасностемъ.— Въ лѣсахъ и степахъ ходатъ они съ меншою осторожностию; однакожъ не отдалѣе съ одиныхъ отъ другого, акіи въ потрѣбѣ скорше сокращити съ ногами. Галчакъ съ, про часомъ поединокъ далѣко остаются съ изъ заѣдъ отъ цѣлобого стада, и такихъ только лідѣ ловити осмѣллюютъ съ; падати во на цѣліи стада слоновъ не вѣловки порадно и самомъ вооруженомъ войскѣ. Они подѣтъ прѣмъ на скопахъ неприятелю, и кромѣ тѣжкости ихъ тѣла, могутъ также скоро вѣгчи, про оѣнѣгнистъ перѣдъ иными тѣди. Они люблюютъ сопѣхъ ходить по надѣ вѣрѣ рѣкѣ, по вези водѣ долгѣ вѣтромати не могутъ; често кѣнѧютъ съ и плаиваютъ преисходно, хотѣй съть таки тѣжелыи и везиковраziи. Но полѣхъ рѣватъ великиѣ шкоды, и тончѣтъ вѣльше ногамъ, икже скѣдлюютъ, хотѣй сдѣлкъ слону проденію около 150 фунтовъ траковъ для пожикающа потреbѣ.

Слоновъ лѣгатъ только чередъ хитростъ. По середѣ лѣсахъ, въ которихъ они находатъ съ, оставляютъ лѣстце гребенями столпами, сваляютъ тѣи докшии поперечинами платками оставляющіи между иными только лѣстца, проеки лишь чоловѣковъ перейти вѣло можно. Въ той зѣгородѣ

оставлѧютъ едѣнъ болѣшій отвѣрж подѣбныи до коротъ, котрѣмъ бы слоны могли перейти, а иных скорѣ посерѣдѣ тога отвѣра находитъ сѧ, спѣскав сѧ на него нечалино зѣхлошка, въ котройши и въ перѣдѣ и въ задѣ осководитъ сѧ не можетъ. Оѣтотомѣ вкладають на ховотъ и ноги ланцѣхъ; потомъ приводятъ до него двоихъ или троихъ оскоеныхъ слоновъ, спрагаютъ егѡ съ ними и въ болѣкѣхъ даѣ сѧ хѣтростию, лѣкамъ и лѣскою осковити. Въ иѣдѣ же слѣчаю, хотѧчи слона зловить, выкопаютъ галвокѣи и широкѣи ямы по добрѣгахъ, котрѣмъ слоны пачастѣйше хѣдаутъ, покрываютъ тѣи ямы дробинами галвокѣемъ и присыпаютъ землею. Еслѣ слонъ попаде сѧ въ такою яму, то не можетъ самъ изъ неї выѣхать, а тогдѣ выѣдѣ лѣгко егѡ оѣкrottити (осковити). Осковеный слонъ оѣже иѣкоди болѣше не дичѣе, дихъ стаѣ сѧ смѣрикѣи и послышаниемъ звѣрѣмъ. Въ короткому часѣ падчитъ сѧ понимати всѣ знаки, различнѣи голосъ и ровити, цио емѣ роскакѣ сѧ. Оихъ иѣкоди не оциѣвне сѧ въ розызанію, голоса ского Пана, и исполнѣе егѡ приказы тицателю, въ болѣна и розѣнио. Мѣвутъ, цио дихъ дѣже любитъ посѣти на сѣвѣ вишрѣчий оѣвѣрж и хорощи покроикала.

Приѣнѣи слоны запрагаютъ сѧ до возвѣзъ, и падти поколѣкѣи и рѣкими крокомъ. Въ Індїи просылаютъ сѧ всѣ тажкии токары въ единаго мѣстца на дѣгое на слонахъ. Погони чѣдѣти звѣчайно слонови на каркѣ, тримающи въ рѣцѣ жезливи молотокъ, котрѣмъ егѡ часомъ изъ голосъ вѣѣ, скоровки ставати хотѣли; но често дескитѣ единаго голоса, авѣ егѡ подкинати, осовлѣко

если слоны давно привыкли к своему погонилю. Он из его так же любит, что никакого кроме него не садится. Бывали примьеры, что слоны садились в гнезды своего погонича, потом самим садились за тоски. —

Всех некоторых лягушек статских есть велики слоны в великой почести; там же тримают их в великолепных заведований, призываючи отца для них особливо сложив, которая ими обходится, кормлата ими из золотых соединяющих пайковорнейшою пашею; покрывают ими погатыми обрамами; и не заплачивают ими до жадной праць.

Из истории знаем, что в древних часах в Изии и на Кавказе и в Египте деже часто слонов в войнах охотились для добычи и народы Индийской владели ими охотясь в кониими слонами не только для выда, но в самом деле для них на войне охотились темперь при изобретении пороха стрельного и оружия пальнико не можно; они же деже вошли с огнем. По большей части охотились слонов для ловли диких слонов.

Судить на слоне есть беспечно, но они некоими не потыкаются, но не выгодаю. Они также любят арахи, горчицу и прочий спиртеский напиток. Всегда большей страсти ведущий цадити они тихи людям, которых ничему злого не видят не зовут. Из сладкого призыва можно видеть, как тое животное памятае добро, которое есть съедобное съест: Всегда Пондишери посыпку еденым волаки тамбочной залоги слона колька разы горчицею. Одного раза тот волак из памяти состояния был привинчен и оутякан, — но стражи войскова глядя за ними; они оживились того слона, который

коліск напа́лж горбълкою, сховалж ся подъ нѣго и засиблъ. Бѣслана за бѣлкомъ стражъ кѣсїла ся колъка разъ схватати егд, по слонъ отгналж ихъ своимъ ховотомъ. Бѣлку переспавши ся, дѣже ся настражаша, видачй, надъ собою такъ страшнъ потвѣрѣ; по слонъ не дѣлаючи емъ жадного злѣ давалж емъ подзиати, апкі откишолж и не воалж ся.

Цижъ не встыдѣе тое животино не одного чловѣка, котрый пропаѣвъ ского пераѣзъ найболѣшаго благодѣтела, не шо же не есть вдѣчныи, по еїрѣ и ліотыи?

— *B. Воллянѣ.*

39.

Потокъ, ставъ, сонце.

Близъ при ставѣ
Въ густой травѣ
Сварливъ потокъ
Повали тѣкъ. —
Разъ го ставъ
Запыталъ:

„Мілый сусѣдо! що за причина,
Що все воркочешь, якъ Божа дніна?“

А потокъ
Такъ отрѣкъ:

„Можный сусѣдо! по що пытати?
Мою недобру самъ моженъ знати;
Той, що надъ нами висячий огень
Пече мя, палитъ, сквирить весь дній!
По каменицяхъ ся въ нуждѣ толчу,
Кроплю по кропли вищѣ волочу!
Кобы я въ воды, якъ ты, богатый,
Не дозналъ бымъ быль такои страты;
Пустайлъ бымъ зъ сѣбе, густую пару
Заслонилъ землю отъ тѣго сквиру,

Тай тебè, тай себè!““
 Стáвъ ся зъумъль — —
 Весь запумъль;
 Якъ Етны пъчъ
 Якъ дёнь такъ нôчъ
 Гуманы цáры
 Якъ густî хмáры
 До горы зъяе,
 Тай — — высыхáе!
 Тенéръ потóка сонце пытáе:
 „„Що ти, потóче, такъ докучáе,
 Що разъ въ разъ гомонíшъ
 Сéрдишь си тай сварíшь?““
 А бнъ смиréнио такъ отновéсть:
 „Мóго сусéды бóде мня злóсть,
 Шось го згубíло,
 Ясне сиѣтило!
 Онъ то хотéль тебе затымити
 Отъ твóихъ лучъ свѣтъ заслонити!““

Що инò рѣкъ.
 Уже не тѣкъ! — — —
 Онъ безъумный не позналь,
 Що самъ зъ ставу вышывалъ

— — — — — Лукà зъ Рáкова.

40.

Каэка: „Тáкк скéтк платítк.“

Разъ икес селашинъ зъ лбса тóлико, а коли тағарк въблж мë ся въ плéчи, оутомленъ кийнблз го на зéмлю, сблз на камени стерчачомж изъ скалы, провъ бржихити и на сýлахъ покрпитьися. Въ толик зачвкае зойкъ изъ пећери: „Ихъ чоловéченкъ вóжий, мðй татшненкъ всемилостый! помилуй мене бкаанию, отвалй камънь,

во загінъ, въ твоихъ рѣкахъ молѣ дѣла, а ѿ ти
бтилачъ, йакъ сиѣти пайлыше платитъ!“ — Селаніи
възблѣзъ сѧ не мѣло, ію то могао вѣти,
смотритъ, ажъ то велика гадина ірелішио
виставлѧе годовъ. Чоловѣкъ сей, добродѣшникъ
и на вѣбрѣ, не долгѣ дѣмалъ, по този часъ
отвалилъ камуникъ, а оутѣшена гадина висѣла
са изъ печерки, звѣла сѧ въ крѣпѣ и кидала сѧ
горѣ, а отрѣпавши сѧ такъ какъ сѣомъ влаго-
дѣтелекъ: „Но чоловѣче, лѣгоди сѧ, тепѣрь твоѧ
смерть!“ — Гесѣ скончалъ моя мѣдѣніи
въ сѣрдце селаніи, ожасъ прошибъ его кости,
лѣдво ію дѣхъ довѣкалъ сѧ изъ грѣди, тай очи-
нѣвшіи гдѣиро говорилъ: „Та ію ты говоришъ?
ци до тѣнѣ пристѣнило? не менѣ ли каїваласъ на
помѣщикъ, не йакъ ли отвалилъ камуникъ? не йакъ
ли тобѣ жиѣникъ спасъ?“ — „Все то добре и хо-
рошо, ио и менѣ стойти догоноѣръ додѣракати, а
й тобѣ овѣцѣлла такъ заплатитъ, йакъ пайлыше
сиѣти платитъ.“ — „Але искъ сѧ Бога, ци менѣ
оуже засиѣти въ пайлышнѣхъ лѣтакъ жиѣши?
амъ молѣ жѣнка повдохѣти, мої дѣти спротали
лишити сѧ, и молѣ криака праца запроастити
сѧ?“ — „Все то пиче не поможе, такъ сиѣти пла-
тити!“ — „Коли менѣ оуже гдѣ на сиѣти жити,
молію та ешѣ перѣдъ кончишио о единѣ милостѣ:
отдалъ мое сесіо спраѣкъ подъ рѣзбѣждѣніе ішнѣхъ,
пай, если такъ сѣдъ понедѣйтъ, знаю, ію спра-
ведливо сесе менѣ сѧ приключило.“ — „Шо на тое,
то извѣдю,“ рече гадина, „але знати, ію, если
молѣ вѣде праѣда, тобѣ скончати тотъ часъ!“ —

Падѣтъ овѣс гладѣти сѣдїо, чоловѣкъ, а сѣ
шилъ гадина, гѣйви дѣаколъ ію грѣшио дѣши,

и го́дъ ві́ ся спéкати лі́во пзвѣ́гчи. Вз тóмъ прихóдатъ до еднóго мѣстца и вáчѣти, ажъ тамъ оў плóта стойти старкý совáка на оўва-зи. — „Іакъ ты поживáешь, вѣ́рный стóро́ждъ дó-мъ?“ спросíлъ прихóдцъ — „„Отъ, іакъ вáчи-те.“ — Чоловѣ́къ: „сдѣла́й мілостъ и вѣ́дъ роз-сѣдцёму въ пáшой спра́вѣ;“ и сталъ емъ прý-ключкъ съ всѣми подбрóвными овстоа́тельствами розкáзовати. Однáко прýсь вѣ́слюхали съ тер-пли́востю, и спросíлъ гáдинѣ: „а ци тákъ вѣ́ло?“ — „Тákъ вѣ́ло!“ отповѣ́ла гáдина — Брýсь до гáдинѣ: „Тко́дъ спра́ва добра,“ — а до чоловѣ́ка: „чоловѣ́че токъ оўмирати, во тákъ скѣ́ти пла-титъ! Кі по́кимъ вїлъ молодкý, вїлъемъ лю-бýмцёму моего пáна, лóвля везъ мéне шкóли не отвѣ́лá сѧ, ѿ кѣ́шю паньскѣ наполи́алъ зáаца-ми, сериáми и вслѣкою дичинóю, панъ ходи́лъ въ лі́саҳи и волкáхи, котріи ѿ гони́лъ, позднѣе сте-рѣ́глисъ дѣмъ оти злодѣ́въ, панъ такъ мене люби́лъ, іро дáвано за мéне каркитъ и цѣгови́ кónъ, по днї за жáдни грóши вїлъ вкі мéне не отстѣ́йлъ. Тepéry же, коли ѿ сїже старкý, рѣ-шати сѧ и гáдати не могъ, вѣ́харѣ лї́лъ на мéне кишлатóку, а пáветъ мене сюдà вївеши, до плóта привлаза́ли, и ма́е прїйтъ, а може и пдѣ палáчъ, іро бы на́лкою сдѣла́ти конéцъ мóей иждѣ.“ —

Непáстныи селю́нъ паччай, іро прогрáли спра́вѣ, прóсигти закáзаного товáриша о бтнéсенїе сѧ до ѹшого сѣда. Гáдина и на тóе пристаे. Пdѣтъ обе по йарѣгахъ, вертёпахъ, дѣбрахъ и лѣсахъ, а на конéцъ прихóдатъ на тóлокъ и вá-чати старого конíска, ѿкъ спѣстили гóловъ; вó-къ егò стиснёши мовъ дóска, овади́лъ овѣ́ла

цѣлкій толѣкъ; поти лїв сѧ, не мѣвъ силы кѣсакъ
бѣтигнati, вѣтеръ лишь розѣвѣвѣ егѡ грикою. —
„Кѣкъ сѧ мѣшикъ ты влагородный скотъ?“ спросилъ
приходицѣ. — „Такъ, йакъ вѣчите!“ — Просили егѡ
вѣдати сѧ въ тѣю ихъ спрѣвѣ съ додаткомъ, що
чоловѣкъ въ єдиной істаниї ѿжѣ пронграли спрѣвѣ.
Бысалъ хавши коніско предложеніе терпако,
выйдаѣ сѣди: „Гадиши, твой прауда, но такъ скѣтъ
платити! Къ колись вѣлжемъ молодкій, ѿмѣжалемъ
розвѣчий штѣки; йакъ вѣнѣли менѣ изъ стайи, то
їа всѣ гости завѣвали. Що вѣльше, посыльлемъ
мого пана въ вѣйиѣ, коли градъ кѣль сѣпалъ сѧ, не-
рѣзи швѣдкостю мінхъ конѣтъ спасажемъ жизнъ.
момъ панѣ и допомогли емъ до славы, — для тога
ходило коло менѣ заѣдно двоихъ людий, менѣ два
разы на денъ чесали, онесли и сѣни поайдовориѣй-
шев давали, въ стайи вѣло йакъ въ сѣктѣици, въ
лѣтѣ про окадио влагали на менѣ сѣткѣ, и май
панѣ за половинѣ селѣ вѣла вѣ менѣ не дѣлъ. —
Коли же йа сѧ постарѣлъ, то морили менѣ гѣло-
домъ, паветъ и соломы не давали, дѣже на по-
слѣдокъ вѣволокли менѣ сюда на тѣлокъ, іо вѣ
вѣлъ менѣ ѿдусли.“ —

„Що тенеръ чоловѣче?“ спрѣшѣ гадина. —
„По ѿжѣ двицши сѣвалась менѣ милость“ ѿ-
повѣзъ селаниихъ, „еїрѣ пропашь до третѣго разы,
если твою вѣде прауда, то ѿжѣ ти вѣльше доскѣ-
лювати не вѣдѣ; тогдѣ ровнѣ съ миою, що хо-
чешь.““

„Еїрѣ разы,“ сказала гадина, „предъ твоею
смертью, пай вѣде по твоею желанію; по зналъ,
іо то вѣде разы послѣдній и ты падешъ мертв-
цемъ.“ —

Идѣтъ овбѣ кѣпю, дѣже по подъ лѣсѣ на овболоню лисъ вѣжитъ. „Гей, пане лісъ!“ клякнѣли, „погоди не мибого; вѣдь сѣдїю въ спрѣвѣ такой и такой; оѣжѣ въ двохъ гистаціяхъ проиграна.“ Лисъ, мѣдра голова, дѣмлє си, що вѣто за дѣло вѣло, що вѣто го лисъ не змѣдрокалъ, но садѣгае йакъ роскѣзюти. Моргнѣлъ потомъ на чоловѣка и шепнѣлъ вмѣ: „А даси менѣ вѣтъ твої кѣры, то та извѣвлю изъ нѣжды.“ — „Що кѣры?“ сказали чоловѣки, „нѣветъ и гѣси, а хѣткы и цѣлобѣ имѣнкѣ: оѣжѣ менѣ жизнь дорожна наѣдъ все!“ — Лисъ привѣрѣлъ пѣсла тога виду незвестороннаго сѣдїї, тай говоритьъ сѣнѣрникамъ: „Есть то наѣниа спраꙗ, во тѣтѣ пдѣ о житкѣ и смѣртѣ, тамъ тотъ сѣдїли, а не перескѣдчили сѧ, таѣ спраꙗ на тѣмъ мѣстци рѣшиеня вѣти мѣсъ, где сѧ вѣлаугла. Отъ налих трѣба на мѣстце пойти, и очевидно перескѣдчити сѧ, котрѣ сторона праꙗдѣ мѣсъ.“ — Иакъ сказано такъ и сѣдѣлано . . .

Иакъ прїшлѣ на непрѣстное мѣстце, мѣжитъ лисъ сѣнѣрникамъ: „Теперь спраꙗ мѣсъ сѧ точити изъ самаго початкѣ, ты чоловѣче садѣ си на тѣмже камени, на котрому сѣдѣлъ есь, а ты гадиню лѣзъ въ печерѣ, гдесь вѣла. Овбѣ послѣшилъ боли сѣдїї; чоловѣки сѣли на камени, а гадина вѣшила сѧ въ печерѣ. Тѣтѣ моргнѣлъ лисъ на чоловѣка: „Нѣже швидко прикалуй ганквѣ,“ а той не дѣлъ си два разы сказати, по сей часъ прикалуй камень на отвѣрѣ печерки. Чоловѣки лѣдко що змѣгли вѣрити свѣемъ цѣстю, стали благодаѣти скобо добродѣлъ, що лішь за его помочию спасенїи отъ пепизѣжимои смѣрти. — Лисъ отвѣ-

чáе: „Але тáмк тky за кóркý, зáттра досвéта вáдз па твóему оникетю по си́хдáпоку.“

Приходитец чоловéкъ до дома фáрадовалаць йакъ бы ся дрбгий разу па си́хтк пародýль, и роскáзве скóбей жéнцѣ кею скóбо пригóдз, кеалие мáдростк лíса и привалле, іро за тогъ штбкъ оникцáлъ емъ все кóркы, и іро зáттра досвéта мае по шихъ прйтти. — Але жéнка не соглашала ся не сесе предложéнке, во йакъ зъ единой сторонык рáдовала ся спасéнкему скóбого лíика, такъ зъ дрбгои сторонык мариковала за кóркмъ. —

На дрбгий денк досвéта жéнка пдè къ бки, а повáчинши, йакъ лíсек по подкóбрю хóдити то тъ, то тáмк, а все ся къ бки по дýкитк, склýкизла разому па лíжа: „Чéшик старкý, гдéск ся тъ лíсек перéдъ бкиамъ взáлъ“ — „А то той ливоик, іро менé изкáниах, прйтшóлъ по кóркý“ — „Хивá вкули зъ фáма скшила, цовкули ўзъ кóркý дáла, — отъ, слáва Бóгъ, колі тky здорóвъ. Козкамъ рбчишцю, тай зáстրéли лíса, вáдешк ешé мати за шкóбрз кóлкка рéпкскихъ.“ — Чоловéкъ послахалъ скóбю женъ, взáлъ рбчишцю и скрóзъ бки по вкинали до лíса. Гéдныи лисеиско ражéни смертоносно ко склýкизла жáлко: „Тáкъ то си́хтк платить!“ и застйлъ па лу́бестци.

————— Неремышлянинъ. —

41.

Що естъ лóчше?

Ци на самомъ вершкù горы стáвити хатину?

Ци ширóку и зелéну обрать долину?

Лихъ вéтры горóю вéютъ, все зъ нéи скидáютъ

А долины тихóнькои рéдко досягáютъ. —

————— И. Гушалéвичъ.

При́тча о ю́влоцѣ.

Еди́нога разъ роздѣмовали лю́де о тѣму: якъ цѣастъе комъ сѣджею. Дѣло не вѣло вѣзъ зѣнистъ: славиіи зѣнидѣвали здороўимъ, молодиши ста́ршили, а осоналико вѣднии вогатыли. Бѣдни твердѣли, же цѣастъе лишъ самъ становитъ вогатство, и же коли человѣкъ есть вогатый, то все ємъ недѣ сѧ.

Андре́ецъ, вѣслѣхавши кѣ тѣ нерозѣмий придѣмки, скавалъ сѣдѣючъ при́тчу: Знахемъ коли съ оди́нога вогача, жилъ би въ вѣзолоченкухъ палатахъ, посѣли тонкое, дорогое пла́тке; солѣдко щакъ, солѣдко пілакъ: исакиіи денъ оѣ нерѣ дѣма вѣлъ моякъ то широкъ якъ. Рази прѣхалъ до вогача въ гости старкій дрѣгъ, давио оѣже опіи не видали сѧ; икъ радости вогачъ приготовиахъ широкъ келійшъ и созиаляхъ гостей. На столѣ вѣли поставлѣніи золоти и срѣбрании пачина, а въ пачиниахъ вѣли дороги стрѣлы; вѣки такожъ вѣли золоти, а въ вѣкахъ пачинаи сѧ заморскіи вїна.

Долгъ сѣдѣли прѣстелѣ за столомъ; щакъ и піланъ, и вѣли кесе́ли; лишъ господаркъ мѣло про щакъ и піланъ, хотѧ и вѣлъ потѣшии вѣсѣдѣ съ скопами гостями. Пѣдъ конеци оѣда привѣшишъ дрѣгъ скавалъ до вогача: „иѣгдѣмъ не видали такого вогатства и такого роскоши, якъ оѣ тѣне, должно скавати, же иѣти чоловѣка цѣаста не ѿшего отъ тѣне въ цѣломъ сиѣтѣ.“

Вогачъ постхнѣли, взалъ пзи золотого пачина яблоко, и подѣли его прѣстелеви; яблоко

в́іло рѣмáне и сеѣже на в́ідк, — но коли егò розкройли — въ нелю сѣдѣла червакъ и точилъ егò серединъ.

Есѣ гостъ съ оѣднвлѣнїемъ посмотрѣли на ногача, а той промовилъ: „тёс йивлоко єсмъ я; въ відѣ я ірастлівъ; а иѣкомъ не замѣтио, же чеरвакъ мене точитъ.“

По тыхъ словахъ ногачъ рознериблъ свое ногатое плаѣкѣ и всѣ оѣднідѣли, іто на грѣди егò вѣла страшнаа, нензажимаа рапа, котрѣ пазывалоутъ ракому.

„Отъ, моѣ и ірасткѣ“, сказали ногачъ; „іто менѣ по дорогѣ стрѣль? — не солодка она миѣ; іто менѣ по золоткыихъ пачипахъ? — ніими рапки не замѣшишь; іто менѣ по грѣшечъ? — за ніихъ здороваа не вѣшишь!“

П отъ той поркі перестали званидовати ногачъ. —

Що тѣти о ногатетѣ говоритьъ са, то можно и о всакомъ дрѣгомъ дѣлѣ сказати. Не званидѣй ни старишинахъ, ни сѣлкыцихъ, ни ногатымъ; илжможе вкіти часомъ сѣмибѣйше, пежеши тобѣ. Ала-ламъ лодѣ по рѣцѣ ходитъ и рѣдко на неї вѣда вківаке; вѣлкій коракѣлъ по морю плавае, за то вѣрја егò въ дровезки розникаке. Посмотрѣй, кудѣ громы пйотъ, — не въ нізкій корчикахъ, но въ високое дерено.

Богу дѣлъ нали оѣмъ на тёс, іровкисьмо могли и свое добрѣ оѣмножити, и отъ вѣдкі охоронити са; кто оѣменъ и оѣчень, томъ чаѣтше дѣло поведѣ са; но Богу нали дѣлъ оѣмъ и на тёс, іровкі въ неіастю дармо не парѣкати, ио вліжше посмотрѣти: отъ чегò прийшадѣ неіасткѣ; та сїе

дáлъ пáмъ Бóгъ оúмъ и на тóе, юзовъ никóмъ не завéдовати и знáти, ю оú кóждого ёстъ ёвой червáкъ на сéрдци.

Не все зóлото, ю са свéтитъ — по прóтивно миогий сéть кéри, котрый са не свéтятъ, а сéть дорогоцéнныиши ми ѹакъ злóго. Чиста сóвьестъ и въ пайбдакшой скрýтости есть скáрволъ вóльшили, ѹакъ не ѿ скáрви цвлóго снéта.

Вѣстникъ.

43.

Скитáлецъ.

„Куда хóджу,
Куда бróджу,
Все сумóю,
Часъ гайиóу,
Ту ѹа дную,
Тамъ ночóю,
И не знаю,
Куда маю
Ше ходить,
Все блудить!“

„Куда гляну
И где стану,
Нѣ хатины,
Нѣ родины,
Аиѣ браты,
Аиѣ свáта
Я не знаю
Въ жáдиомъ краю,
Бо скитáлецъ
Самъ ѹакъ палецъ!“

B. K.

44.

Двá товáришъ.

Лéгкимъ кроóкомъ спескали са двá человéки
изъ одиои изъ пайкишайхъ полоинъ. Бескíдски
Стрýйского окрýга, пришáраючи до Опóроюи
рѣки, добѣ стромкими и крýткими стéжками до
блíзкого пекелýчкого селâ, ю то тѣхъ по при поло-
инъ надъ рѣчкою рóзвростéрало са. Ова вóли
майже еднакóвого взроста, но не еднакóвыхъ

лѣтъ. Пѣрвый зъ шихъ, вѣка то молодѣцъ въ
полной кеснѣ сѣлъ. Честивый, ѡдрикій, лѣгкій.
Подоба егò вѣла складна и надѣбна; лицѣ, хоть
причориблѣ, але рѣмѣное, бѣко йспе, чоло високое.
Але въ цѣлѣй той подобѣ знаходило сѧ проѣкъ не-
припадного, дѣкого. На чолѣ, где зачесъ, вѣкъ
са здѣсъ, пригѣдки житѣ гладкѣ рѣшишъ гаѣвѣ-
кими поорѣли скіпами, залагралъ вѣка съ тѣмнаж-
хмара и овѣсала по надѣ гѣстѣ врѣкѣ вѣкѣ мѣрѣ-
ній тѣлѣнѣ по надѣ пѣлонишии вѣрхѣ, а въ очи
вѣснѣхъ скѣркало чѣсто нѣкрами, лобъ голокнами
зъ розжаренопи вѣздѣнѣ. На оѣстѣахъ, крѣхѣтѣ
за широкихъ, поаклѣло сѧ проѣкъ пѣкви попошѣнѣ
и непакистъ, а въ гаѣвѣхъ проломахъ тварѣ го-
рѣчака пристрастибѣть и занѣлѣтѣ. Однакожъ осѣ-
дѣло часами на тѣнѣ оѣстѣахъ и чолѣ проѣкъ такъ
мѣркого и тѣжлікого, а въ очехъ така вѣка съ
адѣмчица скѣка и вѣлѣзинъ, про вѣ той хвѣти тѣжко
кто не прихналѣкѣ сѧ цѣлѣмъ сѣрдцемъ въ пѣмѣ.
Слѣвомъ граммота лицѣ тога молодца мѣла въ
себѣ вѣка съ тайное и, казавши, сѣнерѣнѣо
письмо, котоroe и дѣже письмѣниомъ тѣжковы
вѣло прочитати. Одна тѣлѣко ємкость и откѣга
вѣкѣвѣкала сѧ розлѣшио въ кѣждѣлѣ егò рѣхъ, въ
кѣждѣли позрѣшио. И егò вѣтквицини гѣдѣ
бтгадати. Зъ одѣжи сѣдѣлѣкѣ, про есть лѣвира-
николи въ Кѣти, про за козами хѣдлатя; по
присадѣхавши сѧ вѣсѣдѣ, тай по хѣдѣ и кѣчерахъ,
въ нелѣдѣ на широкое плечѣ спадаючи, при-
сѣгжвиисъ, про егò родила Вѣрхѣниа. И малъ на-
себѣ жианѣ хорѣшии изъ синого сквиа, шолкѣвѣй
побасъ тканыи въ партѣцѣ ск позолоченными тѣ-

ро ками, си вѣ шапкѣ съ чёрвонакимъ верхомъ на головѣ, и жолтии сафіановіи чуботки на ногахъ. Зъ подъ жиниа, котрого обѣ полы подъ поясъ высоко вѣли заложеными, вѣдко вѣло синий широкий штаны, высокий ремень гвоздками изъ гваста цаткобаныи, а за ремненемъ вѣсили часомъ, юкъ са пола изъ ходѣ вѣльше бѣшила, двѣ рѣкоемы пистолеты. Подвѣйка и тайстра чёрезъ плече, тай хорбаша изъ пасечки вѣла, становили послѣдний приспособности сего чоловѣка.

Его токариши вѣли то сопѣ гѣйки дѣвчаки середокѣчики, съ широкими юкъ днѣри плечами, але съ маленькими очима и горбатыми носами. Изъ него твари сиѣдѣи и протаты и гладко запалыхъ зѣници мѣжна вѣло догадовати са, про изъ той печи оѣжѣ дающіе вѣгорѣло. Отѣденѣ спозиралъ бихъ оѣжѣ на сиѣти около севѣ, по позбрѣ сей маленького чорного бка не корожилъ ишчя цѣнного. Былъ то позбрѣ лѣса, про за кѣломъ ходити. Одѣжа его вѣла подѣна до одѣжи пѣршиго токаря, одинакожъ бного, май лѣнина и дорожиша юкъ сего, и здакалонкисѧ, про сей естѣ слѣгбю бного, авѣ подѣвлѣши мѣлѣ скомкому. Привѣдили бихъ за сюбою два дѣвлаши конѣ, котрши на пѣршии взбрѣ рознѣзиати вѣло мѣжно, про сѣтѣ гѣцѣлѣскими.

Долгѣ шали онѣ не промовляючи до сѣве аиѣ одиного слѣва, и пѣршии здакалъ са сиѣдѣти за орломъ, про гдѣсь изъ подъ полонинки пошли са, и чимъ разъ вѣжше и вѣжше али проганати, а дѣгти позиралъ цѣкако то изъ тѣю то изъ билю стѣронѣ до сѣли послизнихъ, юкви рознѣзиакаючи, котрѣ крашне, погатиши. Аже дѣлѣй сталя молод-

шій, зи́алк въ плечѣ подвѣйкѣ, и каже до ста́ртого: „Чи ви́дишъ йакъ вълѣвъ въсѣко, по й го мѣшѣ въсадити; идѣ дѣлѣй съ конеми и ждї па ма подъ полонину, менѣ кортицъ доконче онѣю штицю спрѣкити, не одио онѣ ѿгнѧ оўвила.“ И звѣргъ въ головѣ шапкѣ, лѣгъ горѣ градѣмъ въ продолинкѣ, скілкъ сѧ въ тѣснѣй клаѣвѣкъ, приложиа подвѣйкѣ до прѣкого ѡка, тай нача́лк пе-рѣхомо сѣдѣти за докончею. Майже дѣаше годи-ни крѣтѣла сѧ штиця въ високихъ вадѣхахъ, и то въносіла сѧ, то въвѣкъ спаскала сѧ, то въвѣкъ вѣдѣтѣла вѣшие, плаваючи крѣгомъ по наදк нѣго йакъ козацкая чайка по широкому морю. И майже вѣлкіе годи-ни лежа́лк на ши пезнакомый, скіт-кій въ клаѣвѣкъ, держачій овома рѣкамъ кобло аи-циа подвѣйкѣ, готовкій въ кѣждѣй ѹпіан падиѣти пею до вѣдѣючи штицѣ. Але орлие ѡко не лѣгко вѣдѣши. Оұжѣ сѧ спастиа вѣла вѣзъ наදк ми́мкій жиръ, оұжѣ задрожа́ла ватаская жілка въ рѣцѣ вѣдѣника, по йаки раженкій звишлакъ сѧ напрасно орѣлк, и ижъ на ибко на вѣзмѣжное море. И вѣркесъ сѧ въвѣкъ въсѣко, и йакъ макове зѣрио жалк плавати крѣгамъ по наදк полонинѣ, ажъ на посаѣдокъ спастиа сѧ мѣло шіже, стағиѣлж товк въ дѣѣ долинѣ сагоکій крѣла, и польтомъ каменка пеरженоого въ нѣва, метиѣлж собою на до-вѣчѣ. Но не долетѣлж жиекимъ. Въ половици до-рѣги срѣтила ег҃о кѣлка занза того лѣвца, и роз-трѣскала на зѣксе високоподиин крила. Ватаск скіпили сѧ, протағиѣлж сѧ йакъ стрѣна, и кониѣк-ши ногою штицю, про о два кроки кобло нѣго оұ-пала, поспѣшилж спорымъ хѣдомъ за товаришеми скіпами.

Крѣткими дорогами чеरѣзъ перкогиѣчніи ворки, кѣдѣа хиба звѣрь са просвѣтъ, садѣли онѣи въ потоѣа икъ потоѣа, и достаѣли са па посѣлѣдокъ па краенію польши, гдѣ мѣжи старкими йашцѣами подѣя стрѣмкайахъ, скалкими же перегородка стояла зи-
мовка. Запѣрѣна и старостїю похилѣна, не дѣже она падила къ сопѣ, по глаинѣши изъ еї тѣснаго
бѣница, аѣдѣ икайшовши па прѣстокъ бѣзвѣдъ
всѧ пепаглѣдни красоты природы. Зъ однѹи сто-
роиѣи полониша, котрѹи веѣахъ до пѣва здаѣ са
сагати, въ дрѣгии ворки, про йакъ заклѣтии вѣлиты
дрѣмлѧютъ отъ иѣка по пади потоѣи, а въпередѣ
иа долинѣ селѣ, котрѹго хѣткыи лѣстбкачай
г҃иѣзда до стѣнъ Бескѣда посприѣшиши икдаюти
са, а середѣ селѣ маленкала цѣрковица са ѿснѣахъ
крѣстикоахъ па ваннѣ. А все тѣе йакви въ золотѣ.
Но тѣи красоты здаѣ са не промовлѣли до двоихъ
иѣтииѣдни. Скоро па польши икайшанъ, подскѣ-
чиахъ молодшии до двериѣ хѣжи, толкнѣахъ трічи
вѣлтою, и не ждѣчиѣ аїкъ мѣ кто отчийшти, сталяхъ
колѣноахъ смотрѣти, чѣкы са безъ тѣго не могло
овидѣти. И икѣсли двериа ониѣ икайшалъ до зи-
мовки.

И. Оустѣянѣвичъ.

45.

Крециенкѣ Володимїра Велїкого и Кїевлани.

Володимїръ Велїкий, синъ Сватослава, а
Ольги виѣкъ, овнѣликъ по Кронополїѣ, вратиѣ сво-
ему 980 года правленкѣ країнѣ отцѣвскихъ, коли
вїрѣ лѣдво не иесь парѣдѣ ии волканопокабистиѣ
зеставаля. Не за долгъ, т. е. 981 года завоювалъ
Володимїръ Рѣсъ Черкѡнѣ, звѣстивъ подѣя йме-

иелу Чиркенскых Городовъ, а слава дѣлъ егд по кесеихъ стопонахъ розлагла сѧ, ибо народы со-сѣдніи и далѣкіи за побѣсть сеѣмъ мѣли приклонити егд къ скончанію вѣрѣ. И въ праѣдѣ стараши сѧ о тое; по приходианіи до Кієва послы Магометаніи, Ка-фоликои и Исламскіи, Жидовъ Таврійскіи, а на конецъ іѣвилъ сѧ и греческій мѣдреци. Каждый изъ нихъ сѣловалъ сѧ привести егд до скончанія вѣры; по Великій Князь завѣталъ своимъ воларбекъ, онѣкакъ имъ предложиша послы и занесли ихъ о ради. Воларбе стараний о гаранди Князя и Отечества своего присѣдили, ибо всѣкіи чоловѣки свою вѣрѣ хвалиты; и бѣрадиали, коли хоче пайдашъ изъ иныхъ вѣврати, то пай людий мѣдрекъ розкшилѣ по различиныхъ краяхъ для переселенія сѧ, котрый пародъ пайдостойнѣйшъ не есть отдае истииномъ Богъ. Володимиръ по ихъ ради вѣславъ дѣлатъ мѣженикъ обученіи для звѣданія рѣзниихъ царствъ и краївъ сиѣта, ионокъ сѧ тамъ въ влізка пригладѣли оврѣдами различиныхъ пародовъ, а верившіи сѧ въ о всѣмъ вѣрии справѣ здѣли; а оттакъ мѣль сѧ бѣзъ склонити до той вѣры, котрѣ мѣ пайдашъ здавати имѣти сѧ.

Послы по приказѣ егд обходили рѣзии країи, и наконецъ пришли до Царкгорода. Царь греческий, Василій Баграпородицкий, доѣданиши сѧ о прикытии послы рѣскихъ и о цѣвиахъ ихъ походѣни, а знающіи добре, ибо покерхна пыхота вѣльше ихъ бѣмы займеть, иакъ сама праїда и пака, вѣлѣлъ ихъ завести до церкви святого Сѣфіи⁷, ико до пайзапечатленітшаго храма Царкгородскаго. Вкишоши тамъ застали Слѣживъ Божъ; салу Натріархъ Николай Хризовергъ священподѣйствко-

вáлъ. Вéличиство и вогáтство хráма, притóмностъ дхóвénьства изъ цфлои столицъ, красоты малкоvана, оздóбы овразбвz, зáпахъ кадíла, милозвчное шéнье лíкóвz; таинствéниа покáга оврáдóвz, все тóто привелъ въ задвмленье Реси-
пóвz; имъ здавáло сѧ, что Всевíшикъ сámъ про-
вёвáе на сéлихъ мéстци и непосерéдно овхóдитъ
са съ поклонниками своими. Эк симъ впечатлé-
шему поверилиши въ свою сí, превозносíли и хва-
лили въбрз грéческъ пáдъ всéхъ дрбговъ; а Володи-
мíръ пáдъчи за ихъ рáдою, и мáвши приамбрz скóи
вáвки Ольги пérédъ очíма, задвмалъ стáти сѧ
Христíанишомъ по грéческомъ бврлдъ.

Володиmíръ мóглии сѧ вкíлъ и въ Кíевѣ
окрестыти, во оúжé изъ давна вкíли тамъ цéркви и
дхóвнии Христíанишii; по гóрдкй Киáзвъ, захó-
тевши свéтлости и вéличiя при такъ вáжнолихъ
оврáдъ, загадáлъ ажъ изъ Царъгорóдъ и покéд-
ною рéкóю пришáти въбрз Грéкóвz. — Эк вéли-
кии вóйскому вкíправилъ сѧ 988 рóкъ на Грéцiiо,
здовкíлъ по дорóзѣ Хéреона, а мáвши оúжé путь
бтвéрткý до Царъгорóда, вкíправилъ послóвz до
Цéсаpъкъ грéческихъ Басíлїа и Константина въ
сваты до иúже сестры Анны, съ погрóзою, сáкъ
мá бтнокéли, то самъ кержé сѧ на ихъ столицю.
Цéсаpъ кíдъкиши непорáдокъ и свáрии въ скóему
цáрети, при сíлахъ сбíречицкъ почéвши пé-
мочь свою бтнéрти пáпадъ, а при тóлихъ оúсмо-
трéвши хосéни для сéбе и союзъ съ такъ сíлк-
иымъ сосéдомъ, охóтио привóлии на подрб-
жéнье, пóдъ одиою вкíмъникою, провкъ Володиmíръ
перкше въ кíпелъ въбрз сватои огíдне погáньство
семéлъ. Володиmíръ оúжé давиò на се готовый,

съ рâдостю сгодилъ сѧ на тóе, лишь зажелалъ, що бы на порѣкѣ ихъ пріорости и приїздили прислали пéрвше свою сестру. — И то стáло сѧ: Цѣсаревна оточеяна дѣховенствомъ и знаменитыми особыми, привѣла кораблѣмъ до Херсона. — Жъ тенéрь оүсбываши всѣ перешкоды, отпралилъ Владыка Херсонскій оврѣдъ святого креіненія на перѣдъ на Болодимирѣ, котрого панименовалъ Василіемъ, а оттакъ и на почтѣ егъ волардикъ. По креіненію настѣнило вѣничанье сѧ Цѣсаревною Ашою, и Болодимиръ покеризалъ оуже Христіаніемъ и скомѣли греческихъ Цѣсарівъ до Кієва.

Ио не ишо Болодимиръ самъ привѣлъ вѣръ Христовъ; онъ хотѣлъ, авѣ и весь народъ свѣтой креіненіемъ святыхъ отъ оукази поганства освободити. Розваленіе волквицъ попередило тотъ святій оврѣдъ. Головиѣ пожирие Пердна привѣзано до коначного хвоста, волочено оулицами Кієва, вѣто кіамъ, а наконецъ вспахано за вѣрега въ Днѣперъ. Зъмлѣломъ народъ не вѣло коли и жаловать и воронить своихъ боговъ, во здравъ дрѣгого дна наказали Болодимиръ оголосити въ столицѣ, що бы Федоръ: панѣ и слѣги, богатыи и оувѣрги до креіненія привѣвали.

Народъ позвавленій предмета дѣшии вѣры и поклонъства громадами валілъ на переги Днѣпра сѧ пресвѣдченіемъ, що нова вѣра есть правдива и святая, коли Київъ и воларе замѣнили ѹза дѣви. Привѣли тамъ и Велікій Київъ оточеній священниками греческими. — Тенеръ за дѣніемъ знакомъ везчилище міожество народъ встѣнило въ рѣкѣ; подросли стояли въ водѣ по груди или по шию; батьки и матери держали не-

мовлата на рѣкѣ, а сващеннники читали молитвы крециенія и голосами славы Всевышнаго. — А таикъ огже исполнено обрадъ святой и Кіевскихъ овѣніателѣвъ Христіанами названо, Болодимиръ въ радости и возхищении взнесши очи до Неба, голосно промовили: „Сотворители Неба и земли! благослови синь новыи чада твой; сподоби ихъ подзвати Тебѣ истиннаго Божа, и оутверди ихъ въ вѣрѣ православной. Быдъ помочию въ избрании до славы, аукамъ достойно славиши имѧ Твоє святое!“ . . . „Небо и земля“, каже Несторъ, „радовали сѧ днио семъ.“

Народъ крециеній, загребивши всѣ саѣдки воловопоклонства ставили церкви и олтарѣ на честь правдиваго Божа, въ чѣмъ самъ Болодимиръ вѣлъ приличромъ, поставивши церковь св. Василія на томъ самомъ месте, где колись стоялъ боладъ Нерзина полканъ.

Анат. Добринскій.

46.

Сила дѣха человѣческого.

Истинно высоки суть на землѣ горы,
Але ѿщѣ вѣшний сиравы человѣка!

Онъ то свбимъ духомъ сягаетъ ажъ зорѣ,
Онъ си не умѣне гробового вѣка . . .

Котоное лишь тѣло мертвое притискае,
Но умышль дѣла духа отнюдь не теркае.

И. Гушалевичъ.

Малé и велíкe.

Въ Японії, въ горахъ Таврідескихъ и въ іныхъ мѣстцахъ жїє рôдкі окецкъ „аргали;“ онї сдѣлъ дѣже великии въ сорозмѣриости до нашихъ, скопѣскихъ окецкъ, крѣпкии а при тѣмъ дѣже полохлайвii, и мають дѣже великии роги. Еслї такий звѣрь, ци то въ борьбѣ ци чеरезъ йакъ пригодъ, зг҃витъ однихъ рогъ, цио често са дѣе, то тамошнии лисицамъ тое дѣже есть въ ладж; во онї не потребуютъ тогдѣ сокѣ йамѣ ровити въ землї, но дѣмлючи, ци той рогъ есть для нихъ привычный, влазатъ въ тойже и овнатиотъ въ нему.

Найменшіи итицѣ, котріи знаемъ, называють са „колібрь.“ Ихъ отечество есть южна Америка, онї мають дѣже красне золотомъ и серебромъ лѣнивче са пѣркѣ, несѣтъ са, и ихъ йайцѣ не есть болѣше отъ горохъ — ихъ не можно стрѣлать шротомъ, по дробиенъкимъ пѣскомъ, во никакоеничеговы са изъ нихъ не дишіло. — Въ кѣлѣткахъ не можно ихъ долгѣ тримати, онї за кѣлѣка днїй гинѣти, по въ вѣльиблъ воздѣсѣ могутъ жити. По при нихъ живѣ паѣкъ, котрый тихъ колібрѣвъ такъ лѣвитъ, йакъ вѣ комары и ссе изъ нихъ кроїсь.

Не такий есть йагнѣтишки, котрый провѣваетъ въ Тирольскихъ и Швайцарскихъ горахъ. Ростъ простѣртыми скойми крѣлами покрытъ онъ дѣлгостъ осьмі до десѧти стопъ, и має доскитъ сѣлы, авѣ днїй козы, йагнѣта и дѣти повалити и съ собою покинутьти.

Найвболъша изъ всѣхъ лѣтѣючихъ птицъ есть кондоръ, крѣль колибра. Онъ розпростерши крыла замѣае шѣстнадцать стопъ, егда передніи пѣра оѣ крѣль суть грѣбни на добрый палецъ, а коли рѣшилъ сѧ, то такой чѣти шѣмъ, можъ за далѣкого грѣма.

Найвболъшою одиакожъ изъ всѣхъ птицъ есть стрѣсъ проводникъ на островѣ Азии и Африки, котрый про свою тажѣлость и про короткіи свой крыла не може лѣтати, по мѣсити завсѣдь оставати на землѣ. При томъ всѣмъ посити биа свою голову дѣвати до десяти стопъ до горы, може докола сѣве далѣко вѣдѣти и вѣликии состояніи, икъ добрый ткарникъ, по приѣздцѣ сѣдѣющаго на конѣ вѣгчи и склонимъ сѧ размовляти, если бы имѣлъ песяды и рѣзмы не враковало.

Осликъ, такожъ въ Азии, вѣжитъ болѣ квѣтла и есть найменшое межи всѣми извѣстными живѣтнами, котрый ходати на четырѣхъ ногахъ и даютъ сеати своимъ молодымъ. Осликъ же есть дванадцать до четырнадцати стопъ высокий, и вѣжитъ до 7000, фунтовъ.

Найменшого живѣтна на землѣ не вѣдѣли никто, навѣть и побольшѣочими стеклами; найвболѣшое же есть китъ, котрый вѣросты може въ длину ажъ до 120 стопъ и вѣжитъ свыше тысячи сотиардовъ.

B. K.

48.

Свѣти надземный.

Ослице, лѣнъ, звѣзды не могутъ не заманять человѣка не только своею красотою, но

также благодѣтелыными, скончаными, отписаныеми къ землѣ. Особенно же солнце есть источникомъ светла и теплоты къ живши такъ многимъ тваремъ на ней какъ ей плодородію, а только къ горячихъ сторонахъ провозносатъ людии надъ биене лѣни. Не малыны мно дни, сине не вѣло солнца — а какъ сѣмнашь вѣла вѣкъ вези лѣни и звѣзды? Солнце, лѣни и звѣзды исправляютъ истины человѣка въ пѣстринахъ и на мори. Наконечъ они яковы огненными вѣкками проповѣдають славу и красоту Божа, Творца и Владыки скаго, а смиряютъ ищущихъ гордость, подавляющи сѧ по землѣ, котора то гордость не огнитъ сѧ понимати величия Божаго.

Оуже къ глубокой древности Китайцы, Халдѣи, Бактрии, Персы, Арабы и Египтяне а потомъ Греки занимали сѧ познаваніемъ звѣздъ и ихъ законовъ, и оутворили наѣдъ о звѣздахъ и ихъ законахъ, или звѣздословіе, астрономію; а обученыи людии предподаючи таѣ наѣдъ познаніи звѣздословіи, астрономіи. Оучишице Александрийсковъ прославило сѧ дѣже астрономами, изъ которыхъ оуже въ III вѣцѣ предъ рождествомъ Христовымъ Аристархъ оутверждалъ, что земля овѣграе около солнца. Трѣдами Грековъ, прославившими Египетъ ползовались Арабы. Съ XV. вѣкомъ изѣли сѧ къ астрономии Германы, икнѣ наѣченійши пароды, Италіаны и ишши западніи народы. Знаніе звѣздъ оумножило сѧ при помочи кіишено математики и телескопіи (далековидовъ). Кикъ математика оумножила далековидѣніе дѣдовѣ, такъ телескопы оумножили далековидѣ-

иє єка тѣлесного, кото́роє, слаи ихъ оўпотреблѧє, называє сѧ „коордженыи.“ Не воордженыи же єкомъ не можно самыхъ влізкихъ предметовъ достаточно дозрѣти и розличати, и онъ въ многихъ обманює насъ; то тѣмъ больше такоє єко може обманѣти въ предметахъ отдаленыхъ, напротивъ котрихъ предметы влізкии выдаются сѧ намъ вѣти вѣльшили, якъ сѣть въ сроненіи съ дрѣгами отдаленими. Однакожъ въ астрономии має єко мѣждъ дрѣгами чѣствамъ неоспоримое превѣщество, и инымъ возибситъ сѧ чолокѣкъ въ пространствѣ въ высотѣ, кото́рѣ дѣхъ съ извѣмленіемъ счислѣ, по сопѣ виразити не може. — — Восточныи народы тѣсно свѣзовали жрѣцій чоловѣческій съ звѣздами якъ и до нынѣ можно слышати „о прастайной чїей звѣздѣ.“ На сѣмъ, хотѣй ложиомъ свѣзований жрѣція чловѣческого съ звѣздами почивала „Астрологія“ или „зікѣздочетіе,“ кото́роє паче вогамъ почитало сѧ тѣлеса небесныи.

Солнце, лѣна, звѣзды роздѣляютъ день отъ ночи и становятъ времена лѣтами. Жидобе мали годъ лѣниий и опредѣляли нача́ло егѡ и нача́ло каждого лѣсаца по колѣниемъ. Мы нынѣ сиѣ вѣдимъ жидоби въ дни по колѣни молачихъ сѧ. До нынѣ сиѣ линіамають на небо и подношю лѣни сѣдати, въ новомъ дому осѣдати, женити сѧ, нѣгтѣ и волоскѣ стрѣгти, а при оўциерѣ лѣни косить, жати, рѣвѣти, волѣзши прогонять и миого ѹшкіхъ подобныхъ предметовъ. Тѣрки, когда есть затѣмъ солнца авѣ лѣни паче стрѣляютъ изъ пушокъ, авѣ прогонять и оўбити миого змїа, хотѣчаго солнце или лѣни пожерти. Искій

вóпль, тákóе отчáнїе и тákii гадáнїа именно о вóйнáхъ не вывáютъ при и́влéнїахъ комéтъ, съ-
верши зори, при заткмéнїахъ сόлица и льни, тákже въ врéма мóлний и грóмбóкъ?! А всéго тóго
причиною есть недостатокъ науки о сόлици, льне и о звéздахъ.

— *М. Малиновский.*

49.

Образъ смéрти.

(Басня.)

Мéдного Зороáстра оúчишшого ся небесной
мáгии отъ бóга Оромáза, посéтилъ однóго рáзв
и ѹкай молодкý Киáзъ, притагиенý слáкою тóго
великого мéжа ажъ отъ верегðовъ Гáпгеса. Дéрзкий
нерозсвдокъ овладáлъ юношево; бихъ хотéлъ про-
никнуть за кéсъ, котóрою пожестко закрыло сва-
тилище природы. Беденъ вéдчъ симъ Персид-
скимъ фíлосóфомъ переходилъ осваиенији поясы
цáрства дхóбъкъ. На конéцъ просилъ ся пройческою
отвáгою скóго кóжда, авѣ емъ показалъ образъ
смéрти. Зороáстеръ оудáрилъ своево, изъ слонéков
кости вýдѣланою пáлицею о зéмлю. Бéздна от-
ворила ся передъ пíми а изъ мрáчного бóю зéка
началъ ся вýдимо подносить цárь оужаса. „Що
вýджъ!“ закричалъ трясчий ся молодецъ, „влéдбе
страшнлище поднимáюче на мéне крáвый кин-
джалъ! Расскажи Зороáстру, авѣ счéзло! Оутéкай-
мо въ бтсы!!“ —

„Е́ше мóй,“ отповéлъ мéдрéцъ прйтель-
скимъ голосомъ: „и не вýджъ въ тóму зжéвлéни
жáдного страха. Менé ивлáе ся прйтныи генéй,
овлечéный сиáшиемъ льни и держачий въ рðцé скóей
золотый ключъ Сиáреáма. Смéрть есть то хамéле-

онъ, принимаючи всегда видъ той дѣши, къ ко-
трой приближася сѧ.“ —

B. Волянъ.

50.

Кто достойнейший?

Перо, що мибого писало
 Такъ ся колись величало:
 „Зъ мене мудрость отъ азбуки
 Ажъ до наивышшои науки
 На панѣръ въ передъ слизавае,
 Потомъ розумъ просвѣщае, — —
 Сиисую я мідескій справы,
 Церкви и свѣтскій уставы,
 Означаю добрымъ платау,
 Шлыхъ отдаю подъ мечъ кату.“ — —
 Мечъ злоногий якъ страшало:
 „Не хвалі ся гусье крило!
 Злетишъ, скоро вѣтрѣцъ свісне,
 Мечъ врагови въ очи блісне!
 Тото пишешь, що мечъ каже,
 Що напишешь, не разъ замаже.
 Науки ся снують роемъ,
 Коли мечъ дарить покобемъ.“ — —
 „Умирять ся, низко прошу!
 Мою справу вамъ заншу:
 Лишить трохи менѣ славы;“
 Заговорить плугъ зъ подъ лавы. —
 Мечеви гибву не стало,
 А перо ось такъ сказало:
 „Нынѣ прауду ясну бачу,
 И ты честныи есь орачу;
 Всесъмо другъ для друга здатнїй
 Жайможь съ собою въ скодѣ братнїй!“

Лукѣ зѣ Ракова.

51.

П а ё к з.

(Изъ Гебля).

Мáло есть кто мéжи людьми, а бýк ся не врý-
дил падкóмъ, а мнóгий и воáтъ ся тóго жиkотна,
котré однáкожъ въ мнóгихъ дла наси есть пoбчý-
тельныи мъ. И такъ и. пр. падкъ не мáе двоíхъ
очий по бóкамъ. Не однiz соръ погадáе, про то не
есть дíвно, си тое жиkотно такъ скóро оýки-
дитъ и лóвитъ мðхъ и комары, котрый покýснётъ
на егò падчий. Однáкожъ мðхъ мáе подлa из-
слéдовáиी испытáтелéвъ природы мнóго сотъ
очий, а прéцъникъ юкóск не оýкажáе на сéть аиý на
своего гðкитела, котрый нерáзъ занáдто есть ве-
ликий, а бýкъ егò не мóжно хóтьи и единýмъ óкомъ
спостерегч. И про же слéдъ за тóго? Же не до-
сéть есть мáти очи, по трéба мáти и рóзмъ и
вýти опоротыи мъ и оглáдныи мъ, если кто хóче
щастайко въ сeбtъ жити и не оýпáсти въ ѹакъ
скрýтии сéти.

Икà тонкà есть нýтка, котрý падкъ въ най-
вóльшой скóрости потáгне отъ единой стéини ѿжъ
до дрëгов?! Я однáкожъ оýкéрлюють наси испы-
тáтелé природы, про така единà нýтка, котрý за-
лéдко óкомъ доголáнти мóжно, складáе ся вéже
изъ шести тýсачъ шитóкъ. Тое джé ся такъ:
Падкъ мáе на сóвъ шéстъ железóки, въ котрýхъ
выхóдятъ нараzъ нитки. Кóжда же изъ тыхъ
железóки мáе зновъ юкýхъ тýсачъ малéненъкихъ
отвóрочекъ, въ котрýхъ жáденъ не есть везъ цéли.
Если про тое кóждого рáзъ изъ всéхъ тыхъ откó-
рочекъ выхóдитъ така нýтка, то нéтъ сомнéниa и про

до числѣ шести тѣсачъ ииточокъ; про тое мόжна и тое понять, що така иитка, хотѧ она есть тонка, заразомъ и таки мѣщиа вѣти мόже, що тое животно не только же іаки наивесечнѣйше по ней то до горы то изъ долинъ мόже лаѣти, но и подчасъ заверѣхи а непогоды са оудержати. Чиже не належитъ здивувати са надъ искѣствомъ и звѣнностю тихъ то животенъ, придивлѧющи са имъ спокойной и пільной ровотѣ, и при тѣхъ погадати на великого и мѣдного Створителя, котрый о всемъ свое попеченье має и оумѣє таки чѣда оукрытии изъ такихъ маленькомъ и незначимъ естествъ?!

Що животна тога рода сѣтъ розлічнїи, відно тое изъ розлічности имъ ткаинки и прѣжи изъ волкоблю воздѣсѣ, па шивахъ бконъ, изъ кѣтикахъ, по болахъ, тѣ и тамъ. Гдѣкотрии не пра-дѣти съ всемъ, по скакутъ за способю здокнічею. На юрѣ, а єїє волкіе сухого, тѣплого и позднаго лѣта за наѣто често віднош вѣлии иитки лѣтніючи на воздѣсѣ. (Ви нашихъ стбонахъ называюти тѣю порѣ „вѣлеске лѣто.“) Єсѣ дѣрева сѣтъ пераѣзъ гѣсто такими иитками обвѣшненіи и стоятъ гейки сѣткою прикрѣтїи, а капеліохи, и шапки подорожникъи отпраклѧющи сїдїи пѣтъ гостинцѣли окполѣкаютъ са гѣсто такою пастыною. Черезъ добрїй часъ не могли ліоде отгадати, зъ отки тѣи иитки и клочки вѣрѣти са, и представалио сопѣтъ тѣю рѣчъ вѣвлѣко. Тенеръ знаменъ съ пѣнностю, про то есть прѣжа везчиненыхъ маленькихъ чорныхъ пастбокъ, котрый про тое называютъ са „пастками лѣтніючого лѣта.“ Тѣ зноби віднимъ ѿсно, либго то и незначими

сíлами дáсть сá зробítи, скóро лишь миóжан тóе самò д'влáютъ и къ едиöй ц'блн зм'ярлóутъ соединéными сíлами! . .

Мéжи падkáми сéтк и шкодлíвий, а тий на-
хóдатъ сá въ нíжшой горáчой Ітáлии. Онъ сéть
звéстий подъ именемъ „тарантзль“ и мáютъ
такóжъ людий квáти, чéрезъ цо тий послéдний
стаюти сá недéжными и задéмчýвыми. Сред-
ствомъ протíвъ топи хорóбы мáе вýти пéвный
танéцъ, котрый назыváе сá „тарантзла.“ Скó-
ро недéжнии почvюти отповéди мéзíкъ, то па-
чишиаютъ танцювати, ажъ ибки зи оутомленá сá
не повалáтъ сá зи поги, по чéму прихóдатъ
до сéбе и здоровéютъ. Тóе мóжкви сопéти тимъ
спóсомъ вýтолковати, цо чéрезъ сíльне порт-
шéнке выгонáе сá ѓдк зи тéла; однакожъ тóе
тóе си пéвностю кáжdtъ, не д'je сá онò вези
оурóеня и пересáды, а пáветъ и не вези овмáны.

Инne особлíвше живóтно тóго рóда живé въ
пéвныхъ окóлицахъ Америки и назыváе сá „кв-
етовикъ.“ Той не доколáе сá мéхами пáшиами
домáшиими и комарами. Онъ шéкáе и лóвитъ
малéнкii птицъ пéвного рóда, д'cитъ тий и сse
изъ нихъ кровъ тóкъ и спожирáе ихъ щечка.

B. K..

52.

Кýтица рóзвоцвéта.

Кто лáшь сíлу въ сóбѣ чуё
Най ся къ прáци не лéниё.

Дáвнiи пригóды
Борóнятъ отъ шкóды.

Ты молодыи и не знаешь ся въ свѣтѣ дѣа,
Працоюи, роби, твоє щастье само зазорѣе.

Новины.

Такъ, мой брате! Не часъ стойти —
Но трѣба ся нимъ пользовати!
Бо якъ си нѣбо ночію покрые
И якъ волна съ новымъ вѣтомъ завѣе,
Куда же кораблёмъ чахати?!

H. Гушалевицъ.

Шо придобаю
То и маю;
Не бажаю
Всё, что знаю.

Не на всѣ вѣки
Суть однѣ лѣки —
А що година
Ишиа новайна.

Вся красота свѣта зникнѣе,
Добре дѣло всегда тврдѣе.

Кто малии рѣчи презирѣе,
Той си потомъ о менишій старае —
А кто знае рѣчь кажду цѣнити,
Той ся мбже чогбось доробити.

Кто другихъ кривдитъ, здирае,
Нѣкому щастья не знае

Несгода цѣльи свѣтъ валитъ,
Сгода худо дѣло хранитъ.

B. K.

53.

Зѣрна для родинной нѣви.

Анѣ солнце, анѣ смѣрть не даютъ сѧ осмѣтывать спокойнѣмъ возврѣнїемъ.

Если высьмо не мали вадж, то вѣсьмо ихъ не открывали такж радо на дрѣгихъ.

Жáлко, же не єсьмо достатóчно, сíльными послáхати въ ксéмъ нашого розсéдкъ.

Щáсткъ овертáе всё на корыстъ тихъ, ко-
трýми спрї́де.

Не ма жáдного нещáстного приклíочéníя, изъ
котóрого бы мáдрин ліо́де не оўмѣши где ўакон
корысти вýдоевти, на с্বиротицъ же не ма тákъ
щастлíвого приклíочéníя, котрè бы нерозвáжкимъ
не послáжило въ кréдъ.

Пráвда не розшиráе въ сиѣтъ тóлько доврà,
кóлько злóго розсéкае лóжъ пôдъ позбромъ прáв-
ды; — однáкожъ тáм овмáнио тóлько на ўакийсь
чáсъ, тамтá же на вýки перескíдчáе.

Належítа прíлипíостъ єсть для тýла тýм-
же самíмъ, чимъ єсть для рóзвмъ здорóвє
понáтїе.

Далéко лéкише вýти мáдрымъ для кóго иного,
иакъ для сéне самóго.

Не доскíть на тóмъ: посéдáти велíкíи да-
ровáнíя, трéва ихъ оўмѣти оўпотреплáти.

Циόты гўвлатъ са въ корыстолібíю, иакъ
рѣки пропадáютъ въ мóрю.

Кréчиостъ єсть жадáнíемъ: авѣ са и съ наáми
такъ сáмо овхóджею и насъ такъ сáмо шанóвано.

Фалšíйши понáтїа рóдатъ оўпéртостъ: во
человéкъ съ такýми понáтїами не мóжে въ то
вýрити, що лежítъ за крýгомъ егò пóзвáниѧ.

И заслáги людíй мáють, такъ иакъ óкоци
въ пéвиблmъ часéи свóй цвéтъ.

Еслí мы закрыváемъ глáбинъ сéрдца нашого
перéдъ наáими прíятелáми, то дíве са то чáсто
не тákъ зъ недовéрїя къ нимъ, иакъ къ наáмъ са-
мýмъ.

Въ и́стинѣ дорогоцѣнныи мѣсто есть той, котрый издревле каменѣ и стекло дасть сѧ рѣзати, но биже салик рѣзати не дасть сѧ. Въ и́стинѣ сердце человѣческое есть тое, котрѣ всѣ терпіти, и наиболестнѣйшѣ рѣны зибсити, но драгомѣрынѣ задати иѣколи не допустити сѧ — во не есть каменѣмъ!

Сожалѣнїе есть чѣвство влѣсныхъ терпѣній, котріи вѣдимъ оѣ драгиихъ. Есть то предчувство нещастныхъ приключеній, котріи насъ самыихъ могутъ искать заѣтра доткнуть. Мы, если драгимъ помогаемъ, то здаёмъ сѧ имъ завозывать, такожъ и нали при подобныхъ случаахъ принести помѣчъ — а овѣи оѣслѣги, котріи имъ жертвовать, не суть чимъ инымъ какъ добродѣтельствами, котрыхъ выскользи и для сѣве приготовити рады.

В. Зборовский.

54.

Повѣстка эзъ Апостола Павла Гѣлла.

До пѣвнаго молодца, котрый, хотѧчи оѣходити за оѣченаго, про тое чѣсто мѣшалъ не оѣживаяеми словѣ и пристарѣлѣи реченія въ скобѣ вѣсѣдѣ, сказалъ разъ любомѣдреци Фаворину:

„Нашіи прѣдки, Кѣрпий, Фаворікій, Корѣнкайій и давнѣйшій сирѣ Гораций мѣнили вѣдно до скобихъ родимцѣвъ по прости и при томъ вѣрѣнно; не оѣпотревалѣи онѣ иѣколи въ скобихъ мѣвахъ речениіи Агрѣнциѣвъ, Сиканідовъ авѣ Пеласговъ, овѣихъ то давнѣйшихъ житељевъ Італіи, по мѣни такжъ, какъ за ихъ часобъ вѣло въ звичаю. Длѧ

чогожъ ты, молодче мόвишь и́ббы азкікомъ
Егáндра, въ такъ застарѣлому нарѣчию, же никто
не мόже тебе въророзмѣти или познать, чого ты
хочешь. Тое самое можешь оучинити такожъ
тогды, если въдешъ — молчать! По за колько
однакожъ оскѣдчашъ, же старина подобает сѧ
тобѣ чеरѣзи сквою покагъ, добротъ и скромность;
то жий подла овкичайекъ минувшего времене, а
мόвъ словами теперѣшнего.”

B. K.

55.

Бандурѣстъ.

Бувало веснюю якъ лѣсъ розъвѣ ся,
И чистыми птичокъ гукне голосами,
Дубровы якъ дѣвка въ цвѣты приберѣ ся,
Пчолка зазвонить лугами, полями,
Стадами весело заграѣ долина,
А въ рѣчцѣ рыбонька ажъ ибситъ водю;
Съ пѣснию изъ поля вертая дѣвчина,
Плагаторь за плугомъ съ долгю думою. —
Бувало веснюю, мовь глубъ сивѣнький,
Съ бокомъ юспиенькимъ, якъ бко святого,
Подъ полю бандурка, въ устахъ пѣсень много,
Що рбку прихбдитъ соловѣй старенъкій.
А всѣ го за батыка родиенъкого мали:
Старин и дѣти, хлопцѣ и дѣвчата,
Якъ батыка зъ дороги всѣ егд витали,
И въ селѣ му кояжда своиа була хата.
Бо и гдени булъ тбго. — Бувало зъявитъ ся
Мовь солнце на небѣ — заспѣвать, заграѣ,
То всякий веселый; о журѣ и не снить ся;
Божъ то не ма пѣсни, якъ сей заспѣвай! . . .
Заведѣ долгими думку голосами,
Зъ подъ могилъ, казальбысь, холодочкомъ вѣв,

Зъ тиха поговоритъ съ батьками, князями; зъ супругами. Стары молоди ють, бо ѹ самъ молоди ѿе.

Акъ гомонъ по лѣсѣ; вѣсть несё сѧ мила!

— Идѣ соловѣй нашъ! новы несё пѣсни,

И пѣсни нечувани и думки незвѣстній!

И радость въ всѣкомъ сѣрденьку зацвѣла,

И вѣйшили на зустрѣчъ, и ждали на мостѣ,

Подходить; витаютъ, згомонили: „Гостѣ!“

До села приводятъ — всѣкого витаетъ;

О щастю, здорово, роднѣ пытаетъ.

И чогожь то въ лѣзѣ головку склонилъ,

Вѣдай тучу чуе берёзочки бѣла?

Чогожь то пѣвецъ нашъ, чогдѣ бытъ сумуе? . . .

Видко съ тижкою журбю несё си;

Бо око стемнѣло, тижко сѣрце бїе си,

А на личку смутокъ — чи нещастье чуе? . . .

Идѣ селомъ, бувало весело и смѣло,

Съ хаткою, съ деревцемъ койдымъ розмовляє,

Ударитъ въ бандурку, зъ дробиенька заграє

Козачкѣ чи шумку — ажъ згадати мило! . . .

А нынѣ, акъ не той — сивый волосъ клонить

На грудь пѣснословину — журитъ си, сумуе,

Молячи поступає, пѣсеньку не звонить,

Съ дѣтимъ си не бавить — чи ліхо вѣщуе?!

Чи жаль тисне сѣрце за другомъ миленикимъ,

Може за сестрбю, за братомъ рѣдненикимъ? . .

Чи може идути зъ далекони дороги,

Ходомъ утомитъ си и примучитъ ноги? . .

Не змучилъ бытъ ноги, ходомъ не утомитъ ся;

Учите иташки, чогдѣ закуритъ си. —

Приеѣль на царинѣ, моля обступила

Акъ цвѣточку пчобы — а старинна сѣла. —

И винилъ бандурку и обтеръ полю,

И сталью стройти, и повѣль рукою

По струнахъ зъ легонька ... струны згаморилн... .

Пѣвецъ розумѣвъ, бо съ нимъ говорили;

Отъ лѣтъ сорокъ колька ихъ бѣсѣду знає.
 И ударили силеніи и скропше тручає,
 И стали гремѣти та Бескідскимъ громуомъ,
 И стали шумѣти та степнѣвымъ шумомъ. —
 То знобъ закинѣли, какъ воды старого
 Отця Словутіцѣ — бо о нѣмъ думаетъ
 Цѣвецъ, и мыслю честь ему сиѣває. —
 То знобъ злебедѣли, какбы галіцы многіо
 Стадами злетѣши чисте поле укрыли.
 То знобна зъ легонька зъ тиха гомонили;
 Мовь загадка лѣтъ давныхъ, минувшион доби,
 Що разъ то тихи и тихи бреиѣли,
 Съ думкою пѣвца розыгылись по боли,
 А на конецъ зглухи — съ всѣмъ занѣмѣли! . .

Маркіанъ Р. Шашкевичъ.

56.

Человѣколюбіе.

Павлинъ, похождѣна изъ одногъ найблагороднѣйшихъ и найдавнѣйшихъ римскихъ родинъ, отзыскалъ скойми грбшми свою водѣ везчеслениполѣ множество небольниковъ; поплатилъ всѣ долги, за котріи многіи изъ его современниковъ вѣли оузвѣзненіи; вѣносячи многіи дочери поджизнѣльыхъ родинъ; вдокицѣ и сироты находили въ его особѣ искреннѣйшаго покровителя, найласкавшаго добродѣтела и честивѣйшаго отца — и всѣ помочи требующи не имѣли мѣстѣ. Но ла, но и въ цѣлой окрестности, полечали отъ него дѣжъ, стрѣль и дары. При томъ не зважаючи онъ и въ домѣ ешѣ лишь одинъ вѣчонецъ хлѣба. Пріишолъ же вѣракъ, котрому онъ казалъ той по-

слѣдній вѣхонецъ дѣти. Однакожь супрѣга егѡ опасаючи сѧ о здоровье свого мѣжа, отказала егѡ велѣнію, а жеврѣи отшишали безъ милостиинѣ. Былъ вѣчеромъ тогоржь самаго дна пріїшли посланцы и звѣстѣли Павлѣнѣ, чѣо егѡ корабль съ виномъ и збожьемъ привѣли до пристани въ Кампании, — по однѣмъ затопили сѧ съ всѣю поклажею. „Бѣдишь,” сказали Павлѣни до своя супрѣги, „что ты оѣкралась той погибшій хлѣбъ оѣвѣгилъ. Однѣ вѣхонецъ отжалась оѣвѣкествѣ, а цѣлый корабель велѣлъ Господь тобѣ отшикати.“

B. K.

57.

Коли вѣда есть найболѣша,
Быває помочь найблѣжша.

I.

Маркъ Яврѣлій.

Царь Маркъ Яврѣлій провѣдалъ вѣйнѣ съ Квадами и Маркоманами. Непрѣятелѣ звѣвили егѡ въ лѣсъ и обскочили въ оѣзкой долинѣ, въ котрой аиѣ капаѣ подѣ не вѣло — а дѣжало сѧ тѣсно въ такий часъ, коли егѡ войско, то чеरезъ великии походы, то чеरезъ вѣрви и зраненія цѣлѣкомъ изнемогло. Жаръ солнца причинилъ сѧ до тога, чѣо аиѣ однѣхъ войскъ не могли сѧ оѣдержати на ногахъ. Опасность вѣла дѣже велика и здѣжало сѧ, чѣо тѣ кесеми прииде гибелъ. Непрѣятелѣ и не дѣмали о тѣмѣ, авѣ сѧ съ Маркомъ Яврѣлемъ въ вѣтвѣ запастити, — во казали „мѣемъ егѡ оѣжѣ въ клѣтиѣ, въ котрой и таѣ

емъ загибати прїйде!» — Межи легеонами царскими находилъ сѧ однѣхъ состоѧтии изъ самыхъ Христіанъ, котрѣи здѣвши сѧ на Есемогбішего Бóга, горѣчши до нѣго засылали молитвы. Оумилосердіи сѧ Богу надѣ иѣми — и наразъ просѣнила сѧ чорца йаки ибочь хмара, изъ котрой таіі рясный и холодный дождь на полемертьвыхъ Римлянъ ленду, що не шѣ оніи могли сѧ покрѣшити, но и жаждѣ своихъ коней заспокоїти — а за дрѣгой стороны таіі гѣсткій градъ йаки и великии грому вѣли, що перепѣдженіи сиротииники огъходили въ пайвѣльшомъ непорядку въ лѣстцахъ своїхъ миімои славы.

II.

О всѣдѣнїе мѣста Нисівїи.

Рокъ 350 осадилъ перскій Король Сапоръ II. мѣсто Нисівїю. Икона, епископъ тогожъ мѣста вѣйшолъ на лѣстскіи окони въ присѣтствіи чи-слѣшнаго народа и молілъ Бóга о помѣщь протиевѣ Невѣрии. Егò молитва вѣла вѣслѣдана, и наразъ бѣло сѧ множество мѣхъ подаваючихъ на саранчѣ, котрѣ обесѣла хоботы слоновъ и докбчала всѣми звѣралми военными такж, що оніи разлюшили сѧ и великий пополохъ въ тѣворѣ сдѣланіи — по чѣмъ Сапоръ оѣзнающій въ тѣму владѣніе, вѣшшии рѣкѣ, отстѣшилъ отъ всѣдѣнїя мѣста и оттағиблъ сѧ вѣскомъ.

B. K.

Коравéль воéнныи.

Не мόжно сопрѣтъ лёгко представити, що то все належитъ до великого воéнного коравелла. Такъ и пр. на аирлайцкій коравель, котрый есть въздований на сто пѣшокъ, выходитъ 1000 крѣпкихъ дѣбликъ, отъже можж сказати цѣлый лѣсъ; по тѣмъ 200,000 фунтовъ же лѣза. На парсѣ трапеца 6,500 лѣктвъ парсѣнки; линии вѣжатъ 164,000 фунтовъ, а если есть панцирѣніи дѣтремъ, вези чогдѣ не мόжно сѧ овихти, то вѣжатъ 200,000 фунтовъ. Бага цѣлобо коравелла есть 5 лїлбонокъ фунтовъ или 50,000 сотиардовъ, вези осады и житиости, вези побоюхъ стрѣлкого и кѣлкъ; а прѣцѣ паки не дихъ такъ лёгко и веснѣчию на кодѣнии падѣ, кѣда человѣкъ загадае.

Если бы одніи человѣкъ малк вѣдовати такий коравель воéнныи, и если бы виали всѣ ремесла, котріи до тога належатъ, товѣ трапаля его ропота черезъ 480 лѣтъ. Сли про тѣс 480 людий при тѣмъ есть оѣпражиеніи, то вѣздюти цѣлый коравель за одніи рѣки. — Одніи коравель можно оѣпотревалати найдолише черезъ 50 лѣтъ, если не прискалечитъ сѧ йакѣ неірастке.

B. K.

Лёгко прїйшлò, лёгко и пойшлò.

Казка.

Въ пекелайчкомъ мѣстечкѣ нади Окою, жилъ вѣдникъ мѣщанинъ зашмалючий сѧ оѣжѣ отъ де-

сѧтъ лѣтъ переносомъ че́резъ рѣкѣ. Кѣлько то
перемѣнило сѧ че́резъ тѣс врѣмѧ паймѣтељевъ и
господа́рѣвъ, порома, и Тимоѳе́йчъ ке́въ перехо́дилъ
изъ рѣкѣ до рѣкѣ, отъ оди́нго господа́ра до дрѹ-
гого и все́дѣ вѣлахъ ста́ринахъ поро́міишикомъ.
Тота́ ропо́та живи́ла егò, дихъ до пе́н привѣкъ; а
же вѣли́человѣкомъ чести́камъ, погово́лзи́н-
ицкимъ и николи не овама́новалъ скóго господа́ра въ
счѣтъ, то емъ и вѣрили все и хоро́шо покажа́ли.
Дѣдка Тимоѳе́я зна́ли ке́въ, отъ малы́и дѣти́-
ши ажъ до пайстаршихъ людий, а съ гдѣ́котрыми
вѣли́ческихъ и покѣмали сѧ. Замо́жного добра́ вѣло
не ли́бого ѿ́ него; за дѣслѣ лѣтъ лѣдва придвѣ́зъ
сокѣ на оди́нъ пра́здничики жи́ли, та дѣ́влѣни,
ко́жѣхъ, а си́ндю шапкѣ, вѣло ѿ́же дрѹгий рѣкѣ,
томъ, же лішь кѣни́ти си́нѣе сѧ, а коли вѣка́ло
прийде до лѣбѣда на рѣкѣ, про вѣ запасти сѧ
на три, на четвѣри дни хлѣбомъ, то зайде та-
ко́жъ и лежи́ браминищѣ, розглѣни сѧ по шапка́хъ
и ста́не торго́вати сѧ и опѣтъ поки́не. Зы́чайшо
при ропо́те ходи́ли дихъ въ старой, сполоскайшой
спанчайшѣ.

Хотѣ и привѣкъ нашъ Тимоѳе́йчъ изъ дѣли
своей, оди́акожъ не везъ тѣсъ вѣка́ло, про вѣ ча-
са́мъ не жаловали сѧ, та смотрѣ на дрѹгихъ не
заки́довали имъ. „Отъ вѣчкъ, за про Бóга да́лъ
томъ онъ тѣс, а томъ тѣс, а ми́въ не даё! та́какъ
вѣдно дѣла, мо́л, не́растайка!“ И ча́сто на́кетъ
сталъ жаловати сѧ передъ людьми на вѣдно́сть
свою и просить Бóга о вогрѣтство. „Тóжто“, дѣ-
мали дихъ, „порблѣли вѣ й сокѣ! И вѣдно́въ врѣ-
тию не поки́нѣлъ вѣмъ, овдѣлали вѣмъ всѣкого
ю́вѣгого!“

Нѣ вѣ сего нѣ вѣ тѣго, небѣвкомъ кайчѣтъ Тимодѣнча до горѣдской старшинѣ; а посланецъ сѹжѣ такъ низенѣко кланяе сѧ перѣдъ нѣмъ и поздоровлѣє егѡ всакими добрими желаніеми. „Приишлѣ“, каже емъ, „вѣсточка, цио ты розвогатѣлъ есь, вѣтъкъ Тимодѣнчию; йакиѣ дѣдъко твої ци своѣкъ помѣрѣ вѣ Ростовѣ; биѣ вѣли записаный вѣ кѣнцѣ, и грѣшнїй придвѣлъ знати вогато, а дѣтїй сѹ нѣго нѣмѣ, такъ все вачь дѣстаѣ сѧ тобѣ!“

Задѣмали сѧ Тимодѣнчъ, почѣхралъ сѧ вѣ головѣ, цио за пригода? Глѣнѣлъ на посланца, вѣчнѣ, тотъ вези шапки стойти перѣдъ нѣмъ и все кланяе сѧ емъ и поздоровлѣ; вѣдитъ сѧ, цио не обманюе, сѹжеѣкъ вѣ биѣ таки дармо не понижали сѧ. Пѣйшблъ Тимодѣнчъ, и дорогою все на гаѣде сопѣ, и на концѣ спомнилъ: цио вѣли сѹ нѣго вѣ допрѣдѣ дѣдъко, и вѣчнѣли гдѣсь тамъ, по сѹжеѣ вѣлкше деслати лѣтъ, йаки піакон чѣтки о пѣли не вѣло.

Такъ стали Тимодѣнчъ вогачѣмъ. Не дѣвио томъ, йаки торговали сѣкю шапки на торзѣ, та и подѣмали: „дорога! три рубли — вѣ отки ихъ вѣзкмешк?“ И теперѣ паравѣ кѣжѣтъ емъ щѣхати до Ростова, тамъ тебѣ тревѣе начальство и перекаѣде: цио помѣрѣ дѣдъко и отказали тобѣ дѣмъ и два крамы и сто тысачъ готовыми грѣшами. Это тысачъ! то не таки легко начислити, йаки вѣговорити; а тѣтъ чѣти: все твоѣ, та ециѣ дѣмъ и два крамы!

На сїаѣ вѣбрали сѧ Тимодѣнчъ вѣ дорого: люднї йако ск не довѣрѧютъ, никто не хоче вѣзви чити, а свонихъ рѣблѣкъ нѣмѣ, такъ ни о чѣли и

жчати. Однакожъ на концѣ запомѣгъ господарь; Тимодѣнчикъ заѣхалъ и бѣмъ не вѣритъ; не видѣлъ и къ сихъ тако го вогрѣтства и не знае, иакъ съ чимъ оѣпорати сѧ; тѣлько и тѣлько грѣший розкѣзвѣютъ емъ, належитъ сѧ тобѣ по заѣмомъ письмѣ оѣ того кѣицѧ, а стѣлько зновъ оѣ дрѣгого, трѣтѣго; такий и такий тѣваръ отправленъ вѣкиарѣмъ тѣдѣ, а за іиншій належитъ сѧ подѣчить тѣлько то. Тимодѣнчикъ не знаа письма, спѣлъ сѧ съ всѣмъ зѣ толкѣ и не мѣже сопѣ порадити, цио и иакъ дѣлати.

А тѣтъ виѣ сокѣтникѣвъ и прѣйтѣлѣвъ новѣихъ насѣло сѧ ци мало; оѣмѣшиюотъ ег҃о крѣгомъ и звѣли зѣ оѣма съ всѣмъ. Одінъ кліче до сѣве, та величѣ, оѣгоциае; дрѣгий зновъ салъ вирошѣ сѧ изъ гостѣ, иѣвъ то на новосѣлкѣ, тѣтъ зновъ заїдѣтъ иакійск старши дадінки, та стаіиѣтъ такж перенѣдювати, цио Тимодѣнчикъ и слѣва не розѣмѣе, лішь сѣдѣтъ, та очіма гакъпае; а тамъ зновъ ктоск подмовлѣе до ноконъ торговаѣ, та оѣкѣцѧ великий варкишѣ; слѣкомъ, не знае пѣдниий Тимодѣнчикъ, ци скола голова оѣ нѣго на пле-чѣхъ; ей, вѣдѣ! зѣ рѣдѣ не видѣлъ бихъ такои вѣдѣ! —

Іакъ не розвикѣлъ сѧ Тимодѣнчикъ вѣ тѣмъ клопотѣ, а дѣлѣй вѣдитъ, цио самомъ емъ гоѣ оѣпорати сѧ, гоѣ сѧ такімъ вогрѣтствомъ концѧ дѣйтѣ. Оѣжѣ ег҃о и къ сѣдѣ позвикѣли и катѣзали платити на иакійск тамъ небожника дадѣка заѣмнїи письма, котрѣихъ бихъ и перечитати не оѣмѣе; тѣтъ зновъ емъ самомъ не доплѣчѣютъ, а бихъ не знае, кѣлько емъ належитъ сѧ; а тамъ пропуститъ речищецъ, та и напишѣ пропало, и

позвикай, якъ хочъ дѣлжника; тѣтъ зновъ тре-
буетъ по макоѣскто торговѣй оѣмокѣ патъ тѣ-
сачъ, а обрахѣнии, вѣдѣти, вѣдѣти ажъ на вѣз-
рѣкъ; по все положеніи сѣтъ торговѣй речицѣ; ажъ
тамъ днѣвѣ сѧ, брѣка пропаля, фѣрманъ оѣтѣкъ,
товаръ спродалъ комѣшъ пивѣдѣкъ и грѣши съ сокѣю
запрѣлъ; слоікомъ: пайшлѣ вѣдѣ така, цио хочъ
верога розтиерай.

Тѣтъ якъ напѣ сѧ Тимоѳеинъ въ бѣрлѣ, якъ
оударитъ скобю сїкою шапкою о землю, такъ и
пойшлѣ все оѣ пѣго крѣблы, мовъ по піточцѣ, и
горѣ гдѣсь бѣтѣло бѣтъ сѣрдца и тѣжіти якось
запѣлъ. Однакожъ тѣс плахѣе срѣдство звѣнѣти
жѣриѣ; по не звѣдешкъ сѧ вѣ на долгѣ, и лѣдва іро
по розгѣллешкъ сѧ дѣвре та стаиешкъ изъ лѣгког
рѣкѣ жити, то непакомъ днѣвѣ сѧ, якъ стой роз-
вогатїешкъ горемъ, тѣгрю и пѣждою еїрѣ горише
якъ внерѣдъ.

Сталася такаже пригода и сѧ Тимоѳеину.
Говорилъ сѣѣдки о пѣмъ; хотѣ и не вѣпокѣри
изъ пѣго, а прокѣрили все! Сколько то оѣ пѣго
порозносіли, а сколько везѣ лѣкѣ пропаля, сколько
бѣтъ недоглѣдѣ, а сколько и сали пропѣстѣли и
ненаскѣтие скобѣ горло, та змаринѣли, оѣго-
циаючи всѣ мѣръ попаний сѧ вѣдѣ поди рѣки. Го-
сподѣ егѡ зиае и никтѣ вѣльше; во и бѣкъ сали
лѣдва тѣмитѣ іро, по рахѣниѣ не зиае. Зиаели
лишь, цио комѣ вѣдѣлака вѣрѣлакъ сѧ рѣзъ смѣр-
тѣлко и пѣлакъ въ ской хоромы, такъ оѣсѣлакъ
гдѣсь тамъ на подѣ, и звѣскии сиѣчкѣ згасити,
закѣргъ дѣмъ, и погорѣло все до крѣхти, лѣдко
егѡ самого оѣсїли еїрѣ икитаїти, и то въ окѣ-
рванилакъ кафтаниѣ, и вѣльше не остало сѧ при

дышій егò. Всё пропілж, а остатки погоріли до посаїдного трошà.

Гóркé віло похмільє в'їдномъ Тимодéнчу, то праіда; по хотà їїкъ гóркко, а все такої буя вадохніблє словодиїйше и на сéрдцю лéкіше стáло, їїкъ бтъ самого прїїздъ въ Ростовъ вірè не ви-
вáло; гóркко, а на дыші лéкіше! „Не стáнти грíзти чоловéка тенéрк“, подѣмалж Тимодéнчк; „не вѣдѣти и оїкрадати крѣгомъ моїхъ корóнъ, не вѣдѣти її відкіше вкілачовати!“ Борж знає чий заем-
ний письма — та и не вѣдѣти відкіше; бу-
кінчіло ся все, моїхъ сонж тажий въ плеїй зва-
ліло ся. А грóши тотій прїїшай ашикъ на ліхъ
годійнъ — подѣмалж си ділкіше — „не нали паж-
іто, таки и не нали достаіло ся!“ Наїніахъ Тимодéнчк и пойшодж въ скітъ и въ очій спінуж
клéкéтишківъ.

Я пойшодши; панілж ся за роботника бу-
макогось вілаочника, жілж бу нéго хоромо и чест-
но вільзко платъ гóдбки; заробіли сонч і грó-
шій и достаікви ціламáло, и все складалж на чорнъ
годійнъ — пôдкъ стáрбстъ іеріблж ся на родійнъ и
салж сталж промысловати тільке ремесломъ. Бу-
вало що рана пдè Тимодéнчк булищею и на пестрó-
комъ фартжеск, ся шапочкою на голої и при-
співевш:

„У наєь колачъ,
У наєь горячй —
И грóшики бáли
Та въ Ростовѣ спійали . . .
Колачъ, горячй!“

Всé знає Тимодéнча, всé любіли егò, їїкъ
старого прїїтеля, и розширяючи бу нéго колачъ,

слѣхали егò пріказокъ, — а онъ працею своєю и съ тверезою головою прїйшолъ до великого богатства. Всѣхъ заохочвалъ до роботы вскáзвѧ, що кто рбнитъ, то сѧ чогось дорбнитъ; — а зазнавши великихъ вѣдъ спомагалъ кóждого, кто сѧ не лѣновалъ въ дѣлѣ и мѣнилъ: ю радъ даю кóждомъ запомогъ, кто любитъ працювати, во въ працї сѣть некичерпаемїи капїталы; — кто працюе, тóго стаНЕ отдати и долгъ, и змѹже ѹось совсѣ сложити.“ Иного послаѧючи емъ стали сѧ великими богачами и честными людьми.

Влад. Даля.

60.

Мáти и дѣти.

Когда весна ся сближаетъ,
Птички ся радуютъ,
На галузкахъ ченератыхъ
Дѣтёмъ домъ будутъ.
Мáти дѣтёмъ устелити
Колыску желаетъ,
Лѣтать геть тамъ на перинку
Можъ, пѣрца сбераетъ.
Акъ ужѣ въ гнѣздѣ устелену
Колыснику маетъ,
Несе пѣця, сѣдитъ на нїхъ,
Илодъ свой огреваетъ.
Акъ ся начиутъ изъ хижинки
Потятка клювата,
Шкарунинку позоряво
Откиршує мáти.
Желаючи покрѣпить
Слабеньки потятка,
Пинцу, напой дѣтёмъ носитъ
Печалива мѣтка.

Дѣти въ гнѣздѣ постулянѣ
 Мати ожидаютъ
 ІАкъ ся ёвитъ, голоднѣнъкѣ
 Пынцки отвераютъ.
 Свой кловы къ мѣмчиному
 Клову надставляютъ,
 А отъ мѣмки благодарно
 Нокармъ отбераютъ.
 Коль ся гдѣкто къ гнѣздѣ сближитъ
 Смутитъ ся мѣмичка,
 На вкругъ лѣтатъ, дѣти хранить
 Бѣдна самичка.
 Когда дѣти пороснѣли
 И знаютъ лѣтати,
 Летитъ съ иѣми иѣщи глядѣть
 Учитъ ихъ сберати.
 Посѣдаютъ на галузы,
 Славятъ Отца въ небѣ
 Онь имъ даѣ иѣцу, бѣжъ,
 Помагать въ потрѣбѣ.

Чернякъ Маковицкій.

61.

Пескъ зъ горы Св. Бернарда.

(Пѣдля Вакернагля.)

Чеरезъ величъ горѣ Св. Бернарда въ Швейцарии ведѣ дѣже прикрытий проемыкъ зъ кантона Баллена до Гтален. Ехъ пѣстай, высококо-скалистай до линиѣ, окрестянеи горамъ покрытыми вѣчиными сиѣгомъ, стойти пайкишишое человѣческое жилище въ старомъ свѣтѣ, монастырь святого Бернарда. Ты овѣтѣ дѣсятъ до двадцатъ попожныхъ монаховъ, котрый лишкъ тимъ са трѣдатъ, чю подорожныхъ певзлатно обѣгоицяютъ и имъ всѣ-

кимъ спосо́вомъ по́мощь пода́ють. Че́резъ бе́змъ або́ дёнатъ ми́ссації въ ро́ку, коли си́нѓи, мгла, не́погода и метео́рица ро́ватъ дёже не́веснечи́хъ до́рогъ, овхóдатъ тѣи сиаціешики або́ ихъ слуги про́дено́ко ксіо́да, авки вѣшайти зва́тка́вшихъ ся или ратовати загрâжшихъ. Отъ ли́гихъ ѿ́жже лѣти о́употре́вало́юти опіи въ ратованіе въ не́пра́стке по́на́дшихъ, такожъ и осо́нено вѣтченихъ велікихъ не́бикъ. Тѣи вихóдатъ або́ саміи або́ защи́роятъ ихъ мѣша́чи ся сонбю. Ско́ро не́скіи ѹако́го пона́шого въ не́пра́стке вѣнчітрити, перта́е монъ въ стрѣлбю на́задъ до сво́го пана и да́є своё вѣкрытие пози́ти че́резъ гáйкане, скавѣлене и не спокойне скáкане. Потомъ оперта́е ся, за́едно дивлачий ся и́хъ задъ, ци и кто емъ поса́дѣшъ, и недѣ́ ско́го пана на то́е мѣстце, где лежитъ пона́шій въ не́пра́стье. Чáсто вѣшають тѣлихъ не́амъ на шкóю фла́шочкъ ся покрѣпліючиши на по́блани и кошичекъ ся хлѣбомъ, авки то́е ѿ́томлёнолъ подорожномъ пода́ти къ посы́лению ся.

Такіи ся вѣлахъ оди́ши зокомъ Барий. Че́резъ дивна́дцать лѣтихъ вѣлахъ не́упомімкій и вѣрикій ик ѿ́са́вѣ человѣчества, и бѣхъ самъ, по́ки жилъ, вѣратовали житкѣ вѣши сорокъ особъ. Ревіостъ, ѹакъ они при то́му окáзовалихъ, вѣла чре́звычайна. Николи не трéба вѣло напоминати егò до слѣжки. Ско́ро ся не́по покрѣло, мраки за́лігли или не́веснечи́хъ си́нѓакіи вѣланію си́рѣ изъ да́лека вѣло вѣдио, то ѿ́жже шиши не могло егò зде́ржати въ монастырѣ. Безъ ѿ́станикъ овхóджа́вали гáйканочи всѣ ве́ртены, и не ѿ́томлѧхъ ся по́колькапа́дцать разъи загла́дати въ не́веснечи́и мѣстца, циши не могли запада́ючого стрѣлати

нан запа́вшого вкіопати, а сан не міграх помочи, то саділж вкіскокомъ до монастыря и приковділж за тобою помочкъ. Икк оўжѣ вкілж везсіленц и постарғаз ся, послалж егò честикий іргеменц до мъста Берна, въ котрому скончалж ся. Въ тамошнімъ мэзені захобано егò яко осовлівостъ про памлаткъ.

Скоро віднішь чю мӯку,
Не пытái ся кто биъ вестъ —
 Най биъ бүде кто инбүдъ...
 Ты на него не забүдъ!
Сама вымагае честъ,
Абысь подаля ему руку!

Бо и безъумніи ствёры
Не пытáютъ: кто? якій?
 Неша́стного ратууютъ,
 Вспомагаютъ, жалуютъ —
А сми ты не есь такій,
Бері изъ нихъ собѣ избрь!!

B. K.

62.

Пригода въ лесе.

Соище спочіло — смéркало ся — тýхъ пѣткама насе́ла тýхъ та оўзкии звóрки, вѣтеркъ осенікій менталж хмáрами отъ верхà до верхà, и гнáлж споло-вѣлкимъ листкемъ въ горж въ тёмни роздоблы, то зновж поди крѣтъ стременъ, скриплачій голькими гнáлами бтвѣши дѣніинки, монк величайочи ся скóею літостю, а рѣгáючи ся въ пхъ педѣги; скѣръ шелепотълж чагорамъ за жиролих, часамъ вѣлкъ голодомъ пе́рткій дѣніикии занкала голосами; перѣстїи опоки, заклѧтии нади вѣзвѣсткамъ стоѧти, здавали ся при настїглой побидѣ мрацъ

проживати, та ской мѣнѣти становища, прохода-
чї сѧ мовъ ибнїй мѣркы, во ѿакъ то каждѣкъ: „оѹ
стрѣхъ бчи велїкїй.“ — Смѣло стѣпаликъ отважный
Семенъ по крѣглому грѣхотѣ и по розмѣтаныхъ
костехъ, перестѣпаликъ колодки подносачи високо
ноги, и въ прѣтиска ихъ ставлаликъ, цювѣроѹ ѿакъ
мѣра не подвѣла; чорна пѣтъма го за бчи хва-
тала, скоро оѹзрѣли тѣманы по корчахъ, волоскѣ
мѣ горою сѧ звелѣ, кроикъ сѧ стинѣла, а стрѣхъ за
сѣрдце ѿакви мертвѣцъ зѣмною памалѣ рѣкою, а не
можѣ казати, цювѣ не малы отважи, во сѧ нерѣзъ
добрѣ довелѣ; — але въ маленька чѣвалъ о замѣ-
тыхъ ліцахъ, о скаменѣлыхъ рѣцарахъ, о недо-
стѣплѣныхъ про змѣиѣ рѣскихъ птицахъ; то о
едибоцкѣ Татарахъ, людоѣдахъ, великанахъ, и
о многихъ ішшихъ лихіяхъ дѣхахъ; — а скоро то
все стало на оѹмѣ роѣмѣ (а часи, ибнѣ тѣмиа и
мѣстце, горы, дѣпры и чагорѣ по томѣ вѣли), то
тогдѣ и наимѣлѣкомѣ тѣсомѣ ставати — а Се-
менъ посмѣхѣючи сѧ на зазори вѣлка або медвѣ-
да, при наимѣнишомѣ лопотѣ застѣкаликъ — во то
либонѣ сѧ ліхомѣ вѣла спрѣка.

Замаачѣло въ далечинѣ гей катрою широко
розложеною; вѣло то емѣ, цю жѣничкамъ въ жар-
комѣ лѣтѣ вѣтрѣцъ холоденкій; вдивѣли сѧ въ
ни цѣлобю дѣшёю, а рѣдѣстѣ въ егѡ дѣши каліною
зацвѣла, и оѹтихомиряли сѧ дѣхъ егѡ, ѿакъ при-
рѣда по шайпой тѣчи, и зрадовало сѧ сѣрдце ик
иѣмѣ вѣлкми тѣти сподзиали во Данілка,
котрого въ дворѣ вѣдѣлъ, цю то такъ дѣко и
люто ѿаки розвшинака вѣгладѣли, цю то на обѣ-
цланкѣ пана вѣти на кесѣліо, ик стѣкиѣ по вѣсѣв-
ски сѧ оѹсмѣхѣли. Оѹтѣшили сѧ видячї егѡ, а

зрáдовалъ сѧ ециѣ волъше, скóро почвли: „одна
намъ дорóга“ — стиснѣлъ егò за рбк8 и повратали
са, и разомъ въ двойнѣ ствпали кремъничатою
стéжкою пôдъ крѣтъ горѣ къ высоکой вárѣ.

Пôдкишли на мѣстце. Семёно бûзрѣвшіи
изъ за дѣва кôлька надцать вородачѣвъ при широко
разложенѣмъ егнї, наганѣлъ си дванадцать раз-
вѣйшиковъ въ кáзвѣ, чю вѣсѣлъца бтрѣвали и
пекаї на рожнї, наложкалъ сѧ, спинилъ сѧ, аиѣ
крокомъ на перѣди, и мали сѧ вѣртати. — „Не
страхай сѧ“ промовилъ Данилко, „не такий чортъ
страшний, ѿкъ егò малюючи; пристой, таже ты
христіанінъ, не врагъ, не вѣсѣрманикъ, лише вѣд-
ный селашинъ.“

— „Павѣть то наша жвакый вандбрійстъ Данилко“ — озкало сѧ кôлька грѣвыхъ голосовъ —
„несе онъ намъ прось потѣшного; для него нѣмѣ ни
воротъ, ни жеалѣзныхъ дверей“ — и поскочилъ въ
стороны, отки голосъ ишолъ, привели овѣхъ, згор-
нѣли сѧ въ Данилови всѣ пытлючи, ѿклии свѣ-
томъ докершити имъ гайду; во Данилко никоши
на дармо не трѣдилъ сѧ — а рѣдючили сѧ там-
тѣмъ около Данилка, и поинвѣтили могорійчъ
на вѣдбѣ добрѣ спрабѣ, Семёно смокали при-
слѣтрбючи сѧ тымъ дивоглѣдами въ бѣкоса, то
рбчинїцами, то ѿсными топорцами стремлѣчили
докола кѣрища, то парылци съ парбхею; однакожъ
частѣйше погладили въ чоркій лѣсъ, чи не ѿвѣти
сѧ гдѣ ѿка стара стѣжка, бѣзбечнѣ и спастї сѧ. Вле
наганѣлъ си егò повратили Данилко, скóго товá-
риша, пристойялъ къ нѣмѣ съ кблѣли: „Богъ дай
здоровъ вѣли! ткъ сѧ намъ знаадбвишъ; не смій,
зрѣдешъ сѧ пынѣ а съ товою міогї твобихъ со-

сѣдз; пій на погівель врагамъ, такъ чишино вѣкъ,
такъ чишицъ и нашъ ватажко. Отъ вачкѣ и бих
нде, а ѿтѣшитъ сѧ тобою.“ — Но Семенови не
до соли вѣло, ѿзврѣши егò, и маю цю кѣхла
не ѿпістѣлъ — по такою ни вѣдѣмати мѣгахъ.
Сталъ Медведіокъ піднебесною чорпою горою;
варки егò — то изъ Бескідахъ камінь; егò пра-
віцъ — йакъ дѣвъ; вробы егò — йакъ дѣвъ гориши
хмары; а бчи егò — зи підъ тѣхъ хмаръ дѣвъ
моляши; а городѣ егò — пічъ тѣмна осеньша; а го-
лосъ егò — громъ середъ лѣта; а стѣнилъ погою
— земля стогнала; кергли сѧ на врага — вѣй —
тѣроли валилъ. . . . —

„Годѣ! не тердаймо часъ,“ озвали сѧ сілки
ватажко; — „на конѣ! Башкѣ сж шесткама въ за-
мокъ; заверї, цю нали сѧ здастъ, а цю не вѣзъ-
мешъ, разомъ сж замкомъ пай огнѣмъ саде! не
много тали трѣдѣ вѣде, однакожъ покаже сѧ, шкъ
са спрашивши. — А тѣ, Семене, поведѣши насъ на
веселкѣ, потанцюемъ сж гравителами, вражили
сынамъ!“ —

Розбѣгли сѧ вѣтроли по вайракахъ за конь-
ми; огнѣк погасли — грани мѣркотѣла — кѣрире
са лишило — ѿтихомирило сѧ.

Маркіанъ Р. Шашкевичъ.

63.

Рѣчка.

Чомъ рѣченко домашня?	Годѣ плысти самотю,
Такъ плывишь повѣли?	Часъ ужѣ тугу збуты:
Чомъ водицѣ не розміешъ?	Шумъ гудъ фаленькою,
Зъ береговъ по поль?	Щобъ далѣко чуты!

— „Акъже менѣ , юдныи
сайу ,
Не пысти поплы ?
Высокіи берёженъки ,
Ещё ѹ рбнне побле

Бўли тўчи , дождикъ грбмы ,
Воды забреїли ;
Щожы ! . . подрыли беренъки ,
Воду сколотили .

ІА бы въ фадю загремѣла ,
Та водицъ мало ;
За то гладкое личко мое ,
Чисте якъ жеркало .

Лучше пысти по ти-
хонъки
Та певицъкимъ ходомъ ;
Оминати остробоянъки ,
Камъни и колоды .

Такъ поплыну тихо , смироно ,
Безъ шуму , безъ горя :
Съ личкомъ чистымъ , неизмученнымъ
Чей дойдё до мбри !“

— IA. Головацкий.

64.

Ошибка въ розчетѣ.

Однажды богатый человѣкъ, котрый не малъ и дѣтей и сродниковъ пѣакихъ называлъ змаринѣвата всѣ ской маѣтокъ, и подѣлъ егѡ таѣ, провѣ вѣнѣ вѣстало на сѣмдесѧтъ лѣтъ полагающи за вѣроно, про вѣре перѣдъ тими часами бѣлрѣ. Но онъ дѣже ошибся въ сколькихъ розчетѣ, во жилахъ патъ лѣтъ дѣлше. Старателъ всѣ ское имѣнѣе, привѣждѣнѣй вѣлъ жити жевранкамъ хлѣвомъ. Онъ просилъ милостиинѣ сими словами: „Помилуйте вѣдного человѣка, котрый въ розчетѣ ошибокъ сѧ !“

— B. Волгинъ.

Добра рецепта.

Пóки тáмка вбдe траbati o Бéдни, поти вбдатъ роскáзовати жýтелъ тóго мбста о мбдрости и великодbшю Цéсаря Іóсифа II, котróго головнýй shoю задáчею было наbично ксюда и всегдà ся о всёмъ пересвéдчити, кóждого вýсланчati, кóждомъ порáдити и справедливость вýмѣрити. Кóждыи знáе, такий то великий и довродѣательный вýл монáрхъ, но не кóждомъ вбдe извѣстно, ци той слáвный мбжъ вýл однóго раза лѣкарёмъ и вýлъчили пéвиb оубогъ женциинъ:

Одна оубога женциина захороняла и кáже до свógo скíна: „иди чили вóрше и проси до мене лѣкаря, по мои воли сбыть дбже великий — пай ми дáсть рáдъ!“ — Сынъ покéргъ то до однóго то до дрбгого лѣкаря, но жáденъ изъ нихъ не хотéлъ посвѣтить хóрбъ женциинъ, во не малъ побéки полбчить оти пéднои „рéньского среbромъ,“ ико звýчайни по той часъ нагóродъ за одиныхъ хóди до славного — а вбдныи хлопеци не малъничъ крóмъ слезъ, котрой однáко же лишь ви нéвъ за дóбрь оубходати монéтъ, но не оуб веbхъ на земли. Але коли хлончайна ишолъ до трéтего оубжé лѣкаря, перечéзджáлъ Цéсарь ви откéртой карытъ по при него. Хлончайна оубажающи егò за йакóгосъ вогáтого пáна, хотѧ не знали, кто бы есть, подбмалъ сопѣ: „спровбю,“ и кáже: „мýлостивый пáне! ци ви не вýлисте ласкáвый мене даровати рéньского среbромъ, майте милосéредie!“ Цéсарь погадáлъ: „Сей корóтко ся выражáе и дбмле, если полбчъ цéлого рéньского на разъ,

то не потреблю шестдесать разъ о краицарѣ просити.“ „А чиже не вѣло бы доскѣть с орѣбом цѣлый и болѣрѣнскаго?“ вопросилъ Цезарь. Хлопчина отвѣтилъ: „Нѣтъ!“ по менѣ кончѣ трѣва для лѣкаря цѣлобрѣгѣнскаго — и росказаля все подробно. Цезарь вѣрѣдавши сѧ о извѣски и помешканиѣ егѡ мѣтери, подалъ рѣнскаго хлопчика, котрый подѣчился той же поѣзгъ до лѣкаря; а Цезарь закипѣвши сѧ добре изъ плѣти, ажѣ не вѣликъ лѣгко подѣяній, казалъ щати до дому вѣднонѣженіи, котрѣ застала дойстно въ описаніи пайпринѣрѣніи становѣ. Женцина дѣлающи, про пришѣдшии мѣжчина есть лѣкарь, роспокѣдаѣ вмѣ ское положеніе и проситъ о порадѣ. Незнаемкій вѣсѣльчакъ ѿ и пересвѣдчившися сѧ о всѣмъ наѣто, сказаля: „Запишѣ вами реценѣтъ, чей она поможе.“ „Боже Гамъ заплати!“ сказала хѣра женцина и показала на перво и пачѣри ского хлопца. — Паписавши реценѣтъ роспокѣдаѣ мнѣмыи лѣкарь, до котрого антики мѣе хлопца, скоро прїядѣ, послати, положилъ реценѣтъ на стѣлѣ и желаячи лѣчшаго здорова бѣжишолъ. По хѣли привѣлъ хлопецъ съ правдивыми лѣкареми. Женцина издѣвѣвалася сѧ не мѣло, и сталя сѧ извинять, же тѣ ѹжѣ вѣли одѣнъ лѣкарь, котрый проѣзъ записалъ, а она ожидала лишь ское дѣтины. Лѣкарь хотѧчи сѧ подивить, кто ѹ неи тѣ вѣли и про роспорядилъ, здѣвѣвалъ сѧ не мѣло и сказаля: „добромѣлъ вѣдѣ лѣкарѣви попадисте сѧ въ рѣки, понеже записалъ вами двѣдцать и пять дѣвадонѣвъ, котрѣи мѣе вами вѣплатити ц. к. платнѣчий ѹ рѣдъ, а подписано есть Иоанифъ, если ѹ знаете. Такъ масть не могъ вѣли ѿ вѣли вами записати!“

Женà въ вдâчности и вървшёна не въла въ станъ слόва сказати, ашикъ взнесла очи къ горѣ и засылала горачий молитви. — Гроши въплатилъ оўрдъ, а лѣкарь роспорядилъ лѣкарство, котрѣ при лѣчшибли добрладъ борзо скѣткѣвало, и хора встала къ колѣхъ днехъ цѣлакомъ здорова. Такимъ способомъ вѣлѣчили лѣкарь женщины хорѣ, а Царь вѣди. — Она жила послѣ тога еще долгъ и своего сына пільно посыпала до школы, котрый рѣзъ для неї въ потѣхъ — а оѣкончики школы пойшолъ въ цѣсарекъ слѣживъ.

B. K.

66.

О благодарности.

Мѣждъ всѣми добродѣтелей здає сѧ вѣти найлѣкшою и найпрѣятѣйшою до вѣтолеи „благодарность.“ При всѣхъ юныхъ добродѣтеляхъ мѣсмо сѧ мѣшие наѣ вѣкше привѣждати, пожи до нихъ не пакинемо, для тога, ци имъ често противатъ сѧ либо такиши вѣздъ страсти, либо паше лѣничество. На привѣрѣ: предротѣ противитъ сѧ скѣность, оѣмѣренности сластолюбіе, отвѣжности рѣвность, терпѣлиности нѣдовѣльство скоймъ становихъ, великовѣшію проптивитъ сѧ гибкъ. Но чѣствованье благодарности, котора состоитъ въ тѣмъ, авѣсъмо не замѣти на полѣчении памъ добродѣства, любили нашихъ благодѣтелей и не только желали имъ добра, но и старали сѧ привѣкомъ слѣпай вѣти имъ оѣслѣжными — тое чѣство таки властіикумъ есть памомъ сѣрдцю, ци диковати сѧ потрѣва, макъ людии нѣблагодарными

выйти могътъ. Невлагодарность про тое справедливо почитъє сѧ до найболѣшихъ пороковъ.

О колко лѣгкою въ исполненіи вѣдитъ сѧ вѣти таа добродѣтель, о толькоже она есть и прѣятною. Пригадуючи совѣтъ на полѣчѣніи наਮъ добродѣйства, здає сѧ наਮъ, ѹакъ колївъско мо ихъ по дрѣгий разъ полѣчали, и наслаждавши сѧ при томъ оудовѣльствіемъ. Благодарность скажана выявѣ езъ любовью къ томъ членѣку, котрый наਮъ добрѣ сдѣлалъ; а любовь есть оуже сама совѣтъ источникъ оудовѣльствія. Икако то рѣдость чѣстивъ, если нахѣдимъ слѣчай отплатити та же доброму томъ, когдѣ любилъ и отъ котрого добрѣ полѣчалисько, аво принаймѣни доказати емъ, ци мы охѣтновки то сдѣлали, есливъско только могли! Невлагодарный членѣку горшій дикого зверя; онъ негоденъ, авѣ его земля носила. Тоe чѣство вродженое есть такъ поединокъ освами, ѹакъ и цѣлѣмъ овѣствали; во нахѣдимъ въ исторіи либого слѣчавъ смѣртию оукаранопи невлагодарности. Щастливый тотъ край, котрый корытъ вѣдчикихъ горожанъ! щастливий родичъ, вѣкаевши влагодарніи дѣти! Подбній хорошо обрѣленомъ болю отдаются они изобѣльно сѣмена, влагодѣтельною рѣкою въ сѣрдцахъ ихъ посѣжши, справедливостъ и членѣколюбие и всѣкаа добрѣдѣтель процвѣтѣтъ въ нихъ, миръ и согласіе вѣдѣтъ сѧ. иими овѣтати.

B. Волянъ.

Дръжеска гостъвъд.

Първи гостелюбивъч човѣкъ гостълъ свѣтъ
его знаѣмого чеरѣзъ кѣлька днїй оѣ сѣве, и изви-
нѣлъ при отходѣ свѣтъ госта, сквдибѣть свѣтъ оѣ-
гошено, хотѧ всегда доловицъ стараица зронити
его превѣваніе оѣ сѣве прїемници, выгѣдници.
„Нѣчо, нѣчо“ отиѣтилъ гостъ, „однакожъ если
колисъ до мене прїидѣшъ, то постараю сѧ о лѣчшѣ
гостъвѣ, нежели твоѧ вѣла.“

Незадобло послалъ тѣго приключило сѧ въ пѣтѣ,
що давиѣши гостепрѣимецъ вѣлъ гостѣмъ оѣ
свѣтъ знаѣмого; но не постерегли и найменшаго
предизготовленія для свѣтъ прїатїя, аиѣ жадныхъ
осовѣшившихъ выгѣди, що его не мѣло задивѣвало.
Господарь полубрковакши полубшателѣбѣсть
свѣтъ госта, помѣгли ѿко съ емѣ изъ спа продѣр-
ти очи и каже: „Тобѣ вѣдаѣ сѧ вѣти моѧ гостъ-
ва трохъ дѣвною, однакожъ цижъ ѿ тебѣ оѣжѣ да-
виѣши не прирѣки, що оѣ мене лѣчша гостина
вывѣ? Ты наѣтиочи сѧ мене въ твоимъ дѣмѣ
мати, тѣсачини поровиля есь предизготовленія,
їакъ слѣвимъ ѿ вѣлъ тебѣ чѣжий — оѣ мене всѣхъ
тихъ выстанистий шѣтъ, но ѿ тебе оѣважаю за-
членъ мои родиши.“

Правдѣва гостинибѣсть состоитъ въ не вѣмѣ-
шеніомъ, по звѣчайнѣомъ прїатїю нашихъ прїате-
лѣвъ, везъ осовѣшившаго предизготовленія.

B. K.

68.

Загадка *).**Развивае ся весною****Цвѣтами украшены;****Людемъ, скѣтамъ и пернатымъ****Онъ весьма улюблёны;****Дай му покой на голбку,****Краса вгде пропаде,****Цвѣты высхнутъ, а на траву****Чёрна земля нападе;****Але кажда чёрна скіба****Мѣсто цвѣтковъ дасть ти хлѣба.****Духновичъ.**

69.

О звѣздахъ.

Подъ пазканиемъ „звѣзды“ разумѣемъ свѣтлую на небѣ точку; но не суть то точка, лишь величественнѣй тѣла, вѣдь то вы въ однѣомъ разстоянїи или оутверждены на синемъ скѣдѣ, ико вы на такої твѣрди.

Свѣзды раздѣляютъ сѧ: 1) на „не подвѣжнѣи“ т. е. такии звѣзды, которыи всегда остаются межи себю въ томже разстоянїи, а такжѣ скаковы не двигаютъ сѧ, которыи мають свое собственное свѣтло иено свѣркаючое ловѣ врилѣнты, и которыи самомъ вооруженымъ бѣзъ, кромѣ яснѣйше еїрѣ свѣркаючого свѣтла, тѣла скога не скакаютъ. Къ такиимъ звѣздамъ принадлежитъ

* Рѣшеніе слѣдѣвъ на послѣднѣмъ листѣ.

нашое солнце; а понеже онъ ближше есть къ намъ, та^кже прбчии неподвигнii звѣзды; то для того представлѧе сѧ намъ такъ великии, и воображенное око видитъ кромѣ егѡ скѣтла такожь и егѡ тѣло. 2) „Планѣты“ т. е. таки звѣзды, которыи отъ одного неподвигнного звѣзды къ другой ходятъ, та^кковы вѣдимы и скитали сѧ, которыи перемѣниаютъ свой лѣстца, свой положенія на небесномъ скѣдѣ напротивъ звѣздамъ неподвигнныхъ, которыи не находятъ сѧ по всему нѣвѣ, которыи мають только позиціи скѣтла, не свѣркаютъ а блестятъ сѧ и овѣглаютъ окольо солнца. Къ симъ планѣтамъ принадлежитъ наша земля. Если бы мы находили сѧ на тѣй звѣздаѣ, имѣю планѣты, токъсъмо видѣли наше землю свѣтлую сѧ въ просторѣ и движайочю сѧ звѣздѣ, та^кже видимы изъ земли иной планѣты. 3) „Комѣты“ т. е. волохатыи или косматыи звѣзды. Такъ называютъ сѧ тѣи звѣзды, которыи состоятъ изъ двоихъ частей: изъ головы, которои видима величинѣ часомъ досагае видимонъ величинѣ солнца, и изъ дѣлого хвоста. Комѣты вѣжатъ въ области солнца нашего окольо него изъ различныхъ стремленіяхъ, изъ чрезвычайно подобновато — крѣглихъ лѣтахъ. Мы видимъ комѣты только при ихъ появленіи, потомъ они исчезаютъ, и по многихъ лѣтахъ вертлюютъ сѧ къ намъ, иной же не вертлюютъ сѧ никогда. Комѣты приближавши сѧ къ солнцу на близкое разстояніе, звукъ оудалляютъ сѧ отъ него, и проходятъ далѣко за самыи отдаленіи отъ солнца планѣты. Где та^ки дѣлаютъ, про искоторыи комѣты оудадляютъ на солнце. Оумиинъ же люби вѣрблючи въ Божа всему овла-

дáючого и вся премѣдро оўстроáючого, отъ комéти иѣчóго не волѣтъ сѧ. Иѣсто людні говорятъ, ѿконы комéты предвѣщали войнѣ, морж, голодъ и іншіи иѣжды. Аиоего вѣрвало на землї иѣждъ вези всакихъ знамéній на нѣкѣ. Не разъ вѣли такии знамéнія, а не прикаючала сѧ на землї жадна иѣжда. Еслі же іногда звѣзды хвостаты сойшлиася съ вѣжнімъ іакимъ прикаюченымъ на землї, то сїе не отъ нѣи. На землї въ бѣре закеѣды дѣбѣ сѧ не мѣло доброго, но такожъ и пустого и злого. За посаѣдное иѣти причины овшишти комéтки, а таѧ винѣ падає на людій самкіхъ. Кромѣ поманѣтыхъ звѣздъ сѣть паконѣцъ. 4) „Падающіи звѣзды“ и „огненіи шарки“ или „змѣи.“ Падаючий звѣзды іакилюютъ сѧ осовѣнио междъ 12—13 Листопада, и междъ 9—14 Сентябра. Въ одиодѣ годинѣ числено ихъ 240,000. Паденіе ихъ скороѣ представляє сиѣтаки сѧ лѣчк. Аиимаючи, цио онѣ сѣть малѣйшиими планетами нашего солнца. Екѣтло огненіиыхъ шаровъ или змѣекъ есть іногдѣ маркони и осаѣннителкыи вѣлости. Онѣ движеются сѧ въстротою молніи и оставляютъ по сбѣ огненіиий хибстъ. Часомъ съ трёскомъ разрываются сѧ, дробятся сѧ на кѣснѣ (метеоры т. е. воздушніи іакилюїа) или испекаются потоки поломена, который запаллѣ. Тогдѣ воздухъ и земля потрескаются сѧ и даѣ сѧ сквишати сѣрчаніиий за- паухъ. Аиесса ихъ не есть отъ землѣ нашои.

Неподвѣжніи звѣзды сѣть по всѣмъ небеснѣмъ свѣдѣ. Числа ихъ не можно счислить, а чѣмъ лѣчшии телескопъ, тѣмъ болѣше ихъ видно. Невоорѣжніиыхъ окомъ видно ихъ до 5,000; но сѣть способы счислить ихъ до 500,000 миллиоповъ.

Всё ли они о́уже? Если бы мы находили ся на солнце, или на какой-нибудь иной звезде, — тогда несомненно, якобы мы с вами находились бы ближе к звезде! И днём мы смотрим на звезды на небе, но они притягиваются к земной сфере солнца, при том же в ночь из наших половины земного шара видно только один пологий свет звездами, а в другой день есть иная половина света из других звездами над нами.

Неподвижный звезды есть то великий солнца свет величайший из наших; и наша солнце владыко есть однажди из малейших неподвижных звезд, который представляется ся нам так же малым для своих отдалённости. Одна неподвижная звезда склоняется к себе другим, и по силе склоняется сколько дозволяет ся ей на мере стечения.

Ахи о́уже, неподвижные звезды в розлившихся сокращениях или вспышках, которые называются «созвездиями». Такими созвездиями о́уже простолюдины дают розливший называли, в. п. возвышились, косарши, чешуи, кирочка и т. п. — Одни таковые созвездия, малый звезды четвероугольные по трёхугольнику созвездиями называются «малые медведи» а последние из которых трёхугольники по созвездиями звездами называются «поларные» или «северные». К сей звезде всегда есть определена земля северинама концепция своих осен. Есть также подобное том, по большему созвездию «великий медведь» или «возвышение» — На право от него есть звезды одна над другой, называемые «блазиаты» — На право от них есть прекрасное созвездие «Орион», также называемое по имени одного наисловейшего

и ро́д. Ек тóмъ созвéздíи три звéзды разомъ на-
зываютъ „полсоми Ориона“ или „корóмысли“
или „косарáми.“ Прáко верхъ отъ корóмысла есть
кóпа малыхъ звéздъ (60 ихъ есть), называема
„грéдкою“ или „крабкою,“ или „плевадами.“ На лé-
во отъ корóмысла понижше его влеститъ однà са-
мà яркà звéздà „Сирéсъ.“ Онъ есть наивлýжшю
изъ пáмъ неподвижною звéздóю, однáко бтетойгъ
отъ земли 4. вїллбны миаъ!!! Икбекъ то его
множество скéтла и мкà огро́мностъ егò! коли
льчъ скéтла пропéктъ въ сенбидѣ просторонъ
42,000 миаъ — отъ Сирéса потревéе про тое изъ
памъ летéти три гóды и 6 лéкаций! Сéтъ
звéзды, которыихъ скéтло многого тýсачи лéтъ
потревéе до насъ летéти... Св. писáниe не только
о Гóзѣ, Творци звéздъ говорятъ, но такожъ и
о тóмъ, же они прéждé земли сéть сотворени. Ик-
ишиое ихъ состояниe огýзритъ са жýтеламъ зе-
мли допéрва посаъ прошествя многихъ тýсачи
лéтъ. И такжъ мы не идимъ теперéшного состо-
яния звéздъ, по дакио прошедшое.

Земля наша ик опоротъ окóло солнца, то при-
ближáе то огýдалáе са мїллбнами миаъ отъ ик-
которыхъ неподвижныхъ звéздъ, однáко же тое
не злбнáе ик кидѣ ихъ икого, и все однó изъ
которого вбдъ мéстца дикитъ са на такъ звéздъ;
а то огýказбе такожъ па ихъ огро́мню бтда-
леностъ и величинъ.

Мéждé созвéздíями говорятъ са о созвé-
дияхъ „здéака,“ или о крéзѣ созвéздий, посá-
чиихъ по вдлкшой чáсти имена розлýчиыхъ „жинó-
тей.“ Такихъ созвéздий есть дванáдцатъ по чи-
слу дванадцати лéкаций рóкъ. Ик кóждомъ

мъсаци солнце, смотрѣвши въ нѣмъ изъ землѣ, стойти въ йнѣмъ созвѣздіи того края животенъ, такъ же за одиныхъ рѣкъ перенесены всѣ дванадцать и знову на пѣрвѣ приходилъ. Числатъ са симъ радиолихъ: варанъ, где солнце стояти въ мъсаци Мартѣ; вѣкъ, где въ Цвѣтни; влизната въ Май; ракъ въ Червени; левъ въ Апрѣли; дѣва въ Сентине; вѣски въ Бересине; скорпіонъ въ Жюльине; стрѣлѣцъ въ Августопадѣ; козерогъ въ Грѣдине; водолей въ Сѣчине; рѣка въ Лютомъ.

Такожъ и неподвижніи звѣзды находятся са въ отношеніяхъ между собою; и движатъ са одинъ наѣ множай въ иныхъ около другон, хотѧй ихъ движеніе не дасть са такъ лѣгко привѣтити. Называніе звѣздъ „неподвижными“ есть про тѣе неистинное. Съ солнцемъ падти и егда планѣты. Такъ наша земля и просторѣ искрѣ тѣти а завѣтра гдѣ и паде, и Богъ ибѣстъ, прииде ли онъ коли въ твоемъ самбю стѣронѣ просторы, икбю икнѣ займѣ. Мы видимъ пади собою гаѣши просторы, а въ той просторѣ летимъ сюда туда мѣллѣонаами миа.

На иѣвѣ видимъ такъ званіе „молочнѣй дорогѣ.“ Есть то соединеніе непечислимого множества самыхъ отдаленыхъ звѣздъ, которыи лишь вооруженіе око лѣчшимъ телескопомъ различати може. Такъ изъдалѣка движити са на лѣсъ, то видити са цюсь зеленою, въ вайкѣ же, наѣ чеरѣзъ поклоняющое стекло различаюти са дѣрева. Чѣмъ лѣчшій телескопъ, тѣмъ болѣше звѣздъ различає и молочнѣй дорозѣ око наше.

За пространствомъ сего мѣра могутъ быти просторы съ новыми мѣрами, о которыхъ ниже известія не ладимъ.

— M. Малиновскій.

70.

Богъ на дѣлѣ!

. . . Що було,
То ся минуло;
А що ѿщѣ буде
То не знаютъ людѣ

Все лишь Богъ самъ знає
И на насъ съсылáє,
Іакъ для насъ потрёба,
Бы прѣсто до Неба,
Всѣмъ намъ мόжно зайти
Царство вѣчне найти —
Онъ есть наша радость
И правдива сладость,
Въ Нѣмъ все уповаймо
И добрѣ дѣлаймо.

— B. K.

71.

Родство и служба.

Въ однѣмъ изъ словѣній имѣній Симбирской губерніи жила родина Еорошиловыхъ. Они были селане заможные и статочные; у отца было пять сыновъ дорослыхъ, все лишь по годѣ старши, та ерѣ двѣ ци три дочки. Жили они мирно, спокойно. Боги благословили труды ровотачихъ сыновъ и старого отца; не зазнали они ни борзни печали; ажь наразъ розписана стала вѣнка.

Ворошилінъ патъ хлопаковъ, гдѣ; кончѣ прїйде чѣрга хотаи на одного; молодишъ хлопцѣ стали призадѣмокати сѧ.

Дикалечъ сѧ на тобѣ созвалъ старикъ въ недѣлю по слѣжкѣ Божій всѣхъ сыновъ и такъ заговорилъ до нихъ: Дѣточки, Царь тренѣе отъ насъ вояка — никѣда дѣти сѧ — не пойшоль въ єдинакъ, може бы и двойникъ и тройникъ ковѣло, а тѣ васъ патъ; вѣде кривда дрѣгушъ; вѣдно кончѣ итѣ комъ никѣдѣкъ изъ васъ. Не тѣжѣтъ; скѣти великий, не клиномъ перѣдъ камни росипростеръ сѧ; не тѣлко скѣта, цио въ дкиѣ; добромъ человѣкъ и на край скѣта добре вѣде; цио тѣти, то и тамъ, — тѣти ропыните на сѣбе та на царское подѣшие, а не лежали житомъ до горы; а тамъ послѣдните Царю, за тобѣ васъ и живити вѣде. А дастъ Богъ въ здорово дожити вѣка, то и царсконь милости дослѣдити сѧ можно; вѣи всѣ добрыи хлопцѣ, васъ всѣкай полюбить; а коли же прїйде гѣлокъ положити, то и на тобѣ вѣла Господа, и Онъ самъ помѣщѣ та-кого. А кто изъ васъ пойдѣ, о旣же томъ менѣ старбого не видѣти вѣльше, трѣва на вѣки попрашати сѧ, менѣ и такъ о旣же не дѣлре вѣковаше, пора вѣи о смѣрти подѣмати. Живите же въ дрѣжелѣбно, мѣрно; цювѣ ии свѣрки ии лайки о旣 васъ не вѣкалъ; цювѣ помѣбъ вѣла отъ врата вратѣ; цювѣ дрѣги за дрѣга Бога молили сѧ; ци розжидѣте сѧ кождкай на ской пай, ци разомъ вѣдете жити, понажайте Началкство,焉кѣ о旣 васъ вѣде и повинѣйтѣ сѧ емъ; шанбите старшаго по миѣ, чтѣти врата врата. — Ихъ! кто жъ изъ васъ идѣ?“

Наймолодший сынишка Степанижа повалился ся до ноги отцу и просился благословения — „Двоих мониха старших братьев,” каже они, „женатых, третий ожег заскатали дьячина, а четвертый Григорий славный, на службе не здатиний. Кто падь!“ — И пришли . . .

Минило времени лета въ двадцать съ окладоми; старый Борошилих дакио къ земли, съятые его посыпали, — благословили Богу и имъ кресты доставлены, иажды и вѣды не знаютъ, и господинъ побрати хороший и добродуш и живѣть вези гора, а о Степаниѣ и слышъ идетъ, ешь изъ той поры, отъ коли проходачий отшибеный вѣжъ въ того самого полка розказовали, про они жиже и здоровы, и начальство его любитъ. Бысть тамъ прійшлѣ ешь за житѣ старого и они дѣже нею порадовали ся вѣлъ; но отъ той поры о Степаниѣ вѣжше и чѣтки не вѣло.

Около Покровки, коли, найстарший Борошилих ожегъ завирадах ся вѣдати замѣжъ донъкѣ, и запросилъ на вѣчерѣ въ хатѣ свою скатки и скажи съ женойю, поставили ктось оѣ крикѣцѣхъ двери, а же не скоро вѣйшли отчинити, то имъ и не до того вѣло, то они стѣкизали палицею своею оѣ скончи. Вѣзвѣглѧ дьячина, отперла засеки оѣ двери, и вернувшись ся опять, каже батькови, про прійшоли таинскѣ вѣслженки вѣжъ и проситъ ся на помѣщеніе. „Зови его сюда на радость,“ отвѣчали батько; „коли Богъ послалъ гостя на нашъ праздникъ, то не годится ся и отказатьти ему. Оѣ мене же и братъ Степаниж вѣлъ колиско вѣжоми, помани его Господи въ царствии своемъ; чей померъ ожегъ дакио“ — и прекрестился.

Вхóдитъ вóлкъ, по лицю ещё молодецъ, вблъшче сорокà лѣтъ не вѣде емъ, и пригожий та-
кий; юнкого пошокати. Помолілъ сѧ, поздоровилъ
всѣхъ, подѣковалъ, чо впѣстіли, зкінблъ зъ
плечий свою тóрвѣ, та и сталик середъ хáты и
гладитъ по лібдѣхъ: кто, котрый межъ ними,
ци не спозналъ бы когд? Пригладае сѧ долгъ,
и онъ на него смотряте а на конеци пытае: „а
ющо, братъ мои любезныи, ци поминте бы еще
отцѣвскій замѣтъ, ци молите сѧ бы за мене
Богъ? И за насъ все молілъ сѧ!“

Тѣти крики и гласъ таіи побѣжалъ на всю
хáту, чо никтò слоика чѣжого не розвере, та и
самъ скобго не дочѣ. Кехъ изънали Степана; где
кто ошиимае егò, тотъ въ ноги емъ, тотъ въ
передъ, тотъ изъ задъ, а тотъ въ вóкъ — сло-
вомъ пришали Степана юнкъ гостя въ тамтого
свѣта, рознѣтоали о всѣмъ до самбъ подночи;
потомъ вѣшили въ здоровкѣ поно-жеицѣвѣ и
розшишали сѧ по домамъ.

Не минѣло лѣсѧца, ажъ Степанъ говорицъ
старшому брату Андрею: „Брате, Андрею Оши-
симовичю! найди ты лиѣ пакѣстъ — хотѣвъ и
вдовицю, а лишъ бы вѣла господина въ нѣ.
Гробъ ў гдѣ чю трохъ пришесъ изъ сажекъ,
спасибоги батькамъ начальникамъ, чо изучили
складати; а и бы не откажете сѧ помогчай, коли
изжда юнка вѣнаде; а ў ещё хвалити Господа не
старый и здоровъ; на животѣ гдѣ лежати; отъ
заведъ господарство, та стане жити хотѧ бы и
по вѣшомъ. Ты оѣ насъ замѣсть батька тѣ-
перь: благослови, та и дѣло готове.“

Такж и стáло сѧ. Постáвила Степáнъ хáтъ, завéлъ господáрство, оженíлъ сѧ и жíль совѣ нѣ гóриш е врати. А лжж би сѹвѣ гáрный, въ тóмъ егò Бóгъ не оскорбíлъ; дѣшà оû нéго дóбра, ладъ оûмъе дáти всëмъ и всюдъ, потóмъ що надивíлъ сѧ на всáкъю вслuchи, и выкаль въ всëхъ кóни-цахъ Рѹси, вýдѣлъ и замѣчáлъ про до чого и макъ все рóвитъ сѧ. Народъ вýдитъ, що Степáнъ Ворошилихъ изъ слѣжки лíхъ не вкíпѣск; би и всáкомъ даё рáдъ, и всáкое слóно егò къ доврѣ а не къ лíхъ. Пожíлъ Степáнъ въ рóкъ — и громáда вкíврала егò къ старшини, а Начáльство по-твérдíло. — „Га! трéва,“ кáже Степáнъ, „опáть слѣжити; гóдъ про дѣлáти, еїрè макъ дѣти на свое мѣстце не постáвили, и Гóсподъ знае ци доро-стѣти опи коли до тóго!“

Громáда вкíвракши Степáна Ворошилина въ старшини, нѣ завелà сѧ; що ипò дóброго можно вкíло зровити въ завéдѣ господáрскомъ, все то би по сóвѣсти и по покой прислѣзъ скóеи тóчио исполнíлъ. На коновóдбъкъ та на передáйчиковъ ихъ, про то оûкрáвиши послéдию конакъ отъ за-прáгъ, и ипрати вѣдного селанина въ одиши пачь съ всëмъ егò довkítкомъ, приложилъ Степáнъ дóbre ской рѣки, и не вкíло имъ отъ нéго поцáды ии пожáлоканя: выкаль коли оûзнае вѣрио, про такий злодѣй и азъика дáлъше нѣ дáстъ и кóница хоронити оûмъе, такж про и въ сѣдѣ съ шилъ кóница нѣ дойдёшъ и нѣ оûличишъ, то старшина сей часъ созвѣ рáдъ, и мѣрекимъ прóстылъ прý-говоромъ спровáдитъ злодѣя тѣдà, где кóзамъ рóги простѣютъ — гóдъ оû нéго вкíврѣтии сѧ; або коли мѣжикъ по корчмáхъ волочатъ сѧ, та на-

пивáютъ сѧ, а господáрство въ пивстóпашъ пдѣ, то старшина по два и три разы на тýждень дохóдже до нихъ, кто, ишо рбвнти, кóлько наробити, все знае, всакого догладае, и оýже спокóю не дастъ, ишо не оýпóрае сѧ съ нýми, та не застáвити жить по лóдски: однóмъ за долгъ отровлaти иакáже; дрбгого дастъ пôди наðзбръ прíсажного; трéтего добримъ слóвомъ займе и застáвити опаматáти сѧ; а звѣстно, ишо и грбмъ не звссе оýдáрити, хотѧ и загремйтъ, а чело-вѣка хотѧ и вкíвешъ, то ислла тóго и самъ скáже спасибогъ за наðкъ. Старшина наша завѣлъ огорóдки оý господáрбкъ; вкíрбвили гостинцъ, где трéба вкíло; насадили крабспи дерекйны; по-засыпали пекспечинъ дебры; поровили гáти; поправили слóзы; покривли стрѣхи; запровáдили стражъ чвбаючи нади огнёми; вкíставили шкóлъ, и велѣли веъ дѣти до неи посыпали на наðкъ — слóвомъ сдѣлали мнóго добра, всѣ егò благословиши.

Ез тóмъ самомъ селѣ, где живъ четвérтый братъ Степана, Григорий, звонилъ сѧ бти дождёвони оýлкни ровеци, а зи рбвцъ за рбки вкíшила и деверка, та оýже така, ишо стáло и хаткі пôдм лювати. Я лóди вѣкало скидѣти сѧ по пеcицѣ, погладати на дебрѣ, почхраютися —, потолкѣютъ, ишо конче трéпавки ю перегатити — тай съ тимъ розвидѣтъ сѧ.

Прѣхали наша старшина, розгладѣли, та и роспорядили: „Бы братики мои,“ сказали они селанамъ, „внідно молодиш ецие, хотѧ и постаратели сѧ: породà оý ваки ихъ пôаси, а розъмъ такой короткий. Я чейже ви не видите, ишо на веcицѣ

дёйра подъ хаты надхидё? Тогды цо станиете ровити? Наск тѣти есть сѣмдесатъ шѣсть тѣглыхъ; сѣмдесатъ настъ позатъ землю, кождый настъ привезе по пять разбки, то вѣде всегдѣ триста пятьдесать разбки — а того докольно —; шѣсть же тѣглыхъ парѣнайте и привезѣти хкоростъ подъ гатъ — и дѣло готово. Тогдѣ и кода пойдё оу васк ийжными рокоми, а селѣ вѣде цѣлѣ. Памятайтесь, цевѣ на Сиаса дѣло выло оукончено.“

Пріишолъ речищець, а дёйра такой сїрѣ не засыпана. Оу никоего не ма охоты, пёркомъ взяты са до дѣла, все однѣхъ оглашадае са на дрѣгого; а скоро четвѣртый врати Степана, Григорій, котрый лишь однѣхъ рокомъ вѣзъ старшии бѣзъ него, вздѣмалъ не сльзати старшинѣ, такъ прѣчи задививши са на него, махнѣли рѣкою.

Старшина созвалъ господарей приказомъ до спрѣкы. Скрѣтили са сюда то тѣдѣ — а однѣхъ вѣстѣніахъ и каже: „Цо же ты, Степане Онисимовичъ, на насъ однѣхъ таки са сѣрдишь? Про цо же ты врати ского не ззвѣши, таже и онъ не далѣко бѣзъ насъ бѣзъ?“

„А где врати?“ запыталъ старшина, „А ѿхомъ призвати егдѣ сюда.“

Кажѣтъ, „не хоче ити.“

Степанъ послалъ за нимъ и велѣлъ егдѣ присты. Привелъ. — „А цо? врате,“ запыталъ Степанъ, „ты же дамъ чогдѣ не пдѣши, коли старшина за тобою шле? То не хорощий приличиръ дамъ парода; ѕи не звалъ тебѣ къ совѣ до дѣла, ѕи вѣмъ и самъ потрѣдѣлъ са до тебѣ прійтѣ; ѕи звалъ тебѣ на розпрѣвѣ, вѣ приказъ. Цо же,

скажи, ты своимъ патъ возвѣзъ сѧ на дѣбрѣ?“

„Нѣтъ, не привѣзъ я, бѣгъ чалъ вратъ; „та за чимъ я вѣдь возвѣти? ци то незъ мене на рѣда мѣло? ци я тобѣ наѣмитъ? Що ты менѣ за панъ, я старайшій твоей вратъ; тобѣ менѣ слѣхати, а не менѣ течѣ.“

Тогдѣ Степанъ сказалъ: „врате любезныи, погоди, не гибѣтай сѧ; а вѣдно тебѣ конче трѣна поѣти, про вѣ ты знаѣлъ, якъ си старшии бѹ горѣти и якъ егѡ садѣхати.“ Степанъ тогдѣ же наказалъ положити ского врата и отлучити вѣ при вѣхъ, сколько кѣпало — а скончайши дѣло, при вѣхъ поклонілъ сѧ вѣ въ ноги и сказалъ:

„Простѣ, врате! не изъ гибѣка се тобѣ; я люблю васъ вѣхъ, якъ салъ ты гибѣашъ; не изъ оѣпроки сказавши, я за вѣс до войска подїшолъ; но одиѣ только половицю отцѣнскаго завѣція помнишъ, а дрѣгъ вѣдно позавѣжесъ: прѣмѣ же врате наѣкѣ, и не сердї сѧ; я почитаю вѣ тѣни старайшаго врата, якъ отецъ велѣлъ; шандѣ же ты въ мѣнѣ начальство, якъ то бихъ, царство вѣ небесное, наказовалъ.“

Братъ подїшолъ до головы по рѣзьмѣ, помѣрился сѧ си вратомъ Степаномъ, просілъ салъ оѣнѣго прощенія и вѣполиніахъ, про старшииа приказовали; а на него задививши сѧ и громадѣ не смѣли протѣвити сѧ вѣли старшии ского, и оттаки засѣ поважали всѣкое слѣво егѡ и исполнѣли всѣкое приказаніе.

Влад. Даля.

72.

Любовь дѣтей къ мотери.

Милая есть рода мати
 Всемъ юнощимъ стварамъ,
 Не лишь людемъ, но и дикимъ
 Свѣримъ и потибрамъ.
 Дуже тяжко выразити,
 Что то значить мати;
 Се може только сердце
 Дѣтей чувствовать.
 Немолятку прибѣжашемъ
 Есть мамчино лбю,
 Радиѣ тамъ, лакъ на престоль.
 Богатъ сущий ои.
 Въ пѣдрахъ властной матерѣ
 Больше всѣго блага;
 Бо лѣ ся насы материной
 Любви тепла влаги.
 Грудь, матерѣ заспокойть
 Чада всѣ жадости;
 Ибо она есть источникъ
 Наиболѣшыхъ сладостей.
 Плачущое дѣти мати
 Къ грудемъ притулѣ,
 Грудь материна плачь дѣти
 Доразъ утоли.
 Наисильнѣшіймагнесь въ мамчомъ
 Лбю пребыває,
 А той дѣтину къ матері
 Сильно притягает.
 Наисолѣща въ сердцахъ дѣтей
 Есть матері память;
 Хотя и все позабудутъ,
 Матерь всегда тѣмятъ.
 Въ отдалности когда помнутъ.
 Матері науки,

Объимають и цѣлаууть
Воздухъ мѣсто рукѣ.
А если бы мали крила
И могли летѣти,
Отъ разу бы отлетѣли
Въ лбино мамки дѣти.
Вѣру въ Бога, любовь къ мамцѣ
Сей свѣтъ не загаситъ,
Вѣрно — любящіи дѣти
Богъ застѣнитъ, спасетъ.

Чариянъ Маковицкій.

73.

Пешти́нскій волкы́й тóргъ (шармарокъ).
(Подпись Коли.)

Пешти́нскій географи́ческій средоточіе краю
есть такожъ средоточіемъ всѣи ѿгурской тор-
говлѣ. Онъ має до рѣкѣ четвѣри великии торгъ или
шармарокъ, котріи по ихъ значности, слбшио на-
зывають ся ѿгурскими всевѣрокраѣвыми тор-
гами. Наи важнѣйшии изъ всѣхъ есть той, что ся
начишає си концемъ Сѣрпна, понеже по той часъ
находатъ ся всѣ гостиныци въ Оўгурции въ
наилюбчшомъ состоанію, Аѣнай есть волкыи, при-
нятніи дороги суть сѣхъ, и тогда то наиболѣше
всѣ на зѣмѣ крибутъ.

Зѣ рѣнѣ вѣло все ѿверенѣе переполнене тѣс-
чами торгоуленниками. Кораблѣ, пароходы, ве-
ликіи дѣнайскіи гаїоши, лодкѣ въ Тѣсы, ракбескіи
лодкѣ въ горѣшнаго Дѣніа и иной изъ Землииа,
Гѣлограда, Сирмии и проч. пристыралы къ берегу въ
порадкѣ и отрѣдахъ. Часть ихъ токарбовъ лежала
въ гѣрматахъ на кольной площади ѿверенажа. При

кораблѧхъ стирчала на перѣдѣ на самомъ концѣ дѣлга жердка съ юкимъ предмѣтомъ и. пр. съ келікимъ горюкомъ, съ флахъю отъ винѣ, съ столяцемъ, столомъ, лѣтлою, крестомъ, корытомъ, нѣцкамъ, съ огроною парѣхъю и т. д. Изъ начала дѣлахъ, про чеरезъ тое мѣло са означати товаръ, котрый тѣи кораблѣ привезли; оу-чѣлжамъ одиакожъ скоро, про тое сѣть лишъ зна-менїя або иѣвкыто гѣрви, котрый привалѣжатъ корабламъ, аки оу-же зъ далѣка скопли звѣ-какъ кѣщамъ стати са зримыми. Но тое ви-давало са юкось дѣвио, про кѣи тѣи вѣрши не пред-ставлѧли са лишъ въ бѣразѣ, юкъ то звѣчайно на нашнхъ корчѣмиыхъ або юкыхъ вѣкѣскахъ, по валанкали са доистно въ патѣрѣ по воздѣсѣ.

Найболѣшии и на мѣцъ вѣдованіи рѣчию кор-
аблѣ тѣго середнѣго Дѣнио (юкъ начаша са кѣло Рѣвы, по прѣвѣдѣй сторонѣ Дѣнийской плѣши, котрѣ са паходитъ понижше Землина коло Дѣни-
йскихъ подоспѣдовъ), называемы са по оугорски „телтюгайоши“, т. е. то само, юкъ цѣлѣи або со-
вершении кораблѣ. Тѣи сѣдна сѣть въ бѣзїе най-
болѣшии наддѣнийскими рѣчниками кораблами,
юкъ лишъ на юкѣмъ сплѣниблѣ прѣтѣрѣ тони рѣки
са паходатъ; иихъ носителѣстѣ есть десатъ до-
двадцатъ тисачъ мацъ шенепѣцѣ, котрый то таѣрѣ рѣвиа са паклажи не цѣлакомъ малого
мѣрского кораблѧ. Найболѣша чать тихъ сѣ-
деніи юкъ и найлѣшии изъ иихъ вѣдѣютъ са на Тѣссѣ въ Георгіи, котрый есть надъ тобо рѣ-
кою такъ само найболѣше торговѣлкне и про до-
плѣвѣи найзначиѣшее лѣкето, юкъ Пѣшти надъ
Дѣниемъ — юйи зъ тихъ сѣденіи вѣдѣютъ са въ

Осъкѣ надъ Дрѣвою. Осъкѡ полѣчѧе твѣрдѹ и крѣснѹ
дѣвнѣ на тѣи коравлѣ въ лѣсѣхъ Славонії, а Ге-
гедінѣ въ лѣсѣхъ Семигрѣдскїхъ.

Изъ осмѣотрѣвалиемъ такѣ Гегедінскѣ єзднѣ
подробно, и дѣлженѣ есмѣ призиати, що онѣ
бѣло наївѣлѣшили и йакъ наїмѣцїйше звѣдѣва-
нили изадѣнѣйскими, рѣчикими коравлѣли, ко-
тркій маѣ вѣдѣлик; хотѧ биже малъ обѣжѣ двѣдцаТЬ
и сѣмь лѣтъ. Звѣчайно дослѣдяюти тѣи коравлѣ
лѣтъ трѣдцаТЬ и сишикъ того, понеже сѣть звѣ-
дѣвнѣй йакъ изъ паїлѣшаго дѣвнѣвого дѣрева,
принаїмѣй естѣ звѣсѣдки изъ тѣго дѣрева сподна
часть, котрѣ заѣдно звѣстаѣ въ водѣ. Зи причинѣ
великои спекоткѣ изъ Оутгѣрїнїхъ терпѣти горѣшила
часть болѣше и бѣновлѣє сѧ про тѣе чѣсто. Жеъ
коравлѣ напрѣвлѣаюти сѧ тѣки: всѣ фѣги и шпѣ-
рки заткнѣаюти сѧ клѣчкѣами, а на тѣе прививаюти
сѧ лѣтки и то тѣки, що єдѣнѣ гвѣзды по придрѣ-
гого стирчити, черѣзъ що и ихъ великии металлѣ-
внї головкї сльжати коравлѣни зарѣзомъ и оз-
дѣвѣ, йакъ то при старомѣдинихъ шкѣрланыхъ
стѣлциахъ пашнїхъ сѣдалрѣвъ.

Єздна тѣго рѣда вѣдѣюти сѧ що рѣкѣ сѧ болѣ-
шою прикрѣсою и лѣчишේ, и йа вѣдѣликъ лиожанъ на
Ткѣсѣ, котрїи можкъ вѣи звѣживши овѣтоѣтель-
ства а йменно порѣвиаши ихъ сѧ коравлѣли горѣшиєго Дѣнѣа називати вѣвѣрикими вѣдѣнїками,
хотѧ не конче вѣвѣрикими. Напрѣваленѣ коравлѣни
естѣ почасти звакоми взмагающаго сѧ опоротѣ въ
Оутгѣрїнїхъ, по части посигающествѣ опо и само-
мѣ опоротови.

Каѣткы, котрїи вѣдѣвалиемъ, могли мнѣго въ
сѣвѣ лѣстити, а изъ зѣдѣ кѫждони находилїемъ

ВЕЛИКЕ ОГНИРІ, КОТРЕ НАЗИВАЮТЬ „ТИШІГЕЛК“ Т. Е. МІСТЦЕ ОГНЯ.

Товáрky найважішого сóрта, котріи приходять тýми велíкими стáтками, становлять віджкé зу Банáтъ и зу Бáчки, огнічъ тóроже и міо́го інного. Головнійши місця їхъ єзди єсть по єдиному вóцю Нéштэ, по дрбóму Сеgeдіи, а потбóм такожъ Рáва, Осéкъ, Новий Садж и т. д.

Крóль щекáхъ гайбóвк приходять такожъ міожестко мéшихъ коравлéвк зу долíшихъ надднáйскіхъ окóнищъ. Такж и. пр. відвалють на Нéштійскому огнєжки тогдá ѹкіхъ деслатъ велíкіхъ поромбк, котріи всé вкíли наложениі горітиам, сорокато покрашеними скрипами, мéблами, товáрами рбóпон роботк, велíкими грбдами смолі и міогами ѹкіли всéкого рóда предметами, закінченими на торзé и призначеними до Тéречини. Оу Ибáцькихъ чти всé місів о „твéрдкіхъ“ и „млгкіхъ“ коравлáхъ. Підк твéрдкими розмічують відбóвани зу дніового дéрева, преиміщественно Сеgeдійскіи и Осéккіи телти гайбóни, підк малгкими же звідбóвани зу іаліни, особено тó такж зонім „Пасеáвскіи щілаф.“ Кі гадаю, про тó підк тóю нáзвою приходять всé коравлé зу Пасеáвки, Ліпци, зу Бакáри и зу Ракбесе. Оні звичайно не повертають дніаєли назáдз, но остаються са тó и продаються са на дровà, аво тó направляються са и покриваються, и єдуть рбкóю дáльше. Оні привозять по найважішої частині гайбó, товáрky черапáни, калюжніків, келгáймек, карандáшъ (графіти), відбóвк и ѹїні предметы. Ракбескіи товáрky рбкодéческій дóброго сóрта приходять парохóдами авò схоп-

темъ. Тыи Пасса́векии цілѣ позвівані сѣть изъ доирокъ, где на єпротивъ томъ ѿгурецкии кораблѣ сѣть изъ самкхъ врѣсокъ. Райци (Сѣрви) сѣть на той чаѣсти Дѣпѣл пайнервши ми корабельниками, и можно тбѣ си пѣкностю доказати, ѹро вѣкаша чаѣсть корабельниковъ походиши вж ихъ народа.

Коло ѹкораблѣвъ поважише находиши сѧ тбргу на токарки черепанїи, и ѿ мѣшѣ призиати, ѹро вж лбеми житїе не вѣдѣлиемъ па одиоми овшарѣ вж кѣиѣ таки много товарокъ черепаныхъ а особено таки много чудесного, чудосторбннного и особлившого налѣни изъ глины. Хочъ гдекотрии вж ихъ описати, попѣже онї менѣ подаюти спосибуети где ѹро надмѣниши о ѿгурецкихъ овчакахъ и звукчакахъ.

Прѣди всѣми стояли дѣлгии отрадки вѣлитнныхъ горюковъ на ѿгурца, ик котркхъ заховывиоти ѿгурцы скіпскеске сало и насоленый скіпскій тѣкъ, котркій то ик пухъ господарскии и кѣши таки значиша становити рблю. Потомъ можъ вѣло вѣдѣти глинянии рымки до печеня мяса. Югурцы спотребиша таки рымокъ много, попѣже спожиша мясо ик велікому количеству. Потомъ лежали велікни кѣши цѣдилы (дрѣшлаковъ). Тыи глинянии цѣдила сѣть па сподѣ поджаривани. На тыи даюти сѧ вж водѣ варении клюскы, вж котркхъ водѣ варяткаше дѣркали. Безъ числѧ вѣдно вѣло особено лѣпленіи паникѣ для споражаша ѿгурецкого народа иго присмачкѣ „петишк.“ Той рбовити сѧ изъ шененицѣ, котрѣ прѣди всѣми лбчиши сѧ вж водѣ. Колициѣ, котрїи вѣжестити изъ севе, откидаюти сѧ оти вѣжешеныхъ зеренъ, а потомъ варити сѧ замешене тѣсто вж бѣли горюковъ поб-

ты, пóки не овтáгне ся прынáтию повéрхностю. Тáл стрáва мáе вкéсъ, хотà вкí и безъ цéквь и корéниа, ўкк пайаéшного колача. — Знову дálкше лежáли вк велíкіхъ гáрмахъ звýчайніи оúгóрскіи ванккі на вóдѣ. Тыи выгладáютъ такъ: Шкíя, котрóю вибекáе ся вода, естъ твéсъ, а вк ей рéръкъ паходíти ся сýтко, котрè та-кóжъ есть изъ глýнки. Сýтко слáжитъ къ томъ, авкі до ванккі не зайшлò про нечайстого авò ўккій óгадъ. Изъ шкíи одиáкожъ не пë ся вода, по изъ бýши-ка. Тóе менѣ ся вкýдало ўкк вкі перенéреніи свéтъ, а одиáкожъ онò есть та-къ. Оúшко есть дзdkóвате а егò откоръ стоítъ вк сváзкъ сx кнý-трéмъ. На вибъ мáе онò дéркъ, а чéрэзъ твó пë ся вода. Оúгръкъ похвалáютъ тóе спарáдке, по чéрэзъ замкнéнъе докóла вквáе напóй долго хо-лóдныи; по ѿ не могъ тóго понáти, ўкк можно при такомъ оúгáжено ванккъ дла долóкого оúжýткъ, есть вк óбíре къ Оúгóрцишъ отъ Мадáрóвъ, Нéм-цишъ, Рéспибикъ, Словакдикъ и Болóхдикъ оúжýка-ное начинъ до штà, котрóе слáжитъ подчасъ подорожни, при рокóтъ вк поли и при пásеню хо-дóвъ, т. е. слáкна „Чéтора.“ Понéже на Пе-шитикскому вáлкнóму торзъ мáлкемъ слáчáй-пóстъ вкдýти принаýмишъ кблкка ткíсачъ тóго начина, то вáде тó па довѣ, принаýмишъ хотъ одиò вк тыхъ ткíсачъ описáти. „Чéтора“ (во-кляжóкъ) есть крéгла, грбовыпáчна чárка изъ дéрева, по обóхъ вокáхъ пришлющéна, сx малóю и оúзкóю шкíею; она тóчитъ ся звýчайно вк одиòго

кавáлка дéрева, въ горéх и на спóдѣ лишáе са бтвóрх, чéрéзъ котрýй мóжно виðтрéе еï вýчистити. Въ горéшикýй бтвóрх веаджáе са потомъ шкáя, спóдникýй же затыкáе са дóбрë пристаючимъ и за-плáшёнкамъ дéревцéмъ, и пришивáе са потомъ на той чóпк оздóвка зъ розлýчной шкóрь. Зкычáйно овтагáютъ са чéторы, авкì скрéпить ихъ тоñкй дéревáйш стéникъ, шкóркою зъ лошáтъ; въ прóчёлк сéть опù зáвефдкí оûкрашéнїи рымáрскою ро-вóтою, и вýсажи на ремéни, котрýй на плéчи мóжна завéсити. Такóжъ пахóдятъ са при шихъ чéткýи малéнкýи, дéже корóткýи и влýзко севе стóлчий ибжкъ; на котрóхъ не мénше сx нéкостю мóжет постóати тáк чéренáта машина, ажкì по еï вýпорожненю салъ властýтель, хотà не разъ за-нáдто дóлгий мае иоги. Нé пайденъ майже жáдно-го дóмъ изъ Оûгóрцишъ, въ котрóмъ не придкíвано въ чéторы веáкои величинкъ, чáсто пакетъ такъ великихъ, про рóвнáютъ са почдáцъ. Пакетъ и Оûгры вýшишого сослóния такъ полюбнáи сончъ чéторы, про тáжко пакъ везъ шихъ овжитъ са въ подорожаухъ, на лóваухъ и при подбивкахъ са чай-ностéхъ. Почáини отъ Токáйского вýна ажк до кодкì зъ калавáин, ажкì пйотъ пастхýи въ стéнаухъ, споживáютъ са зъ тóи фóрмы флашóкъ миожáй-шии оûгóрской напóжъ ци то пайкиворибийшии ци пайподлбийшии. Естъ то очевидно, про парóдк оûгóрской сx великими залюблéнкемъ приоздóвнлъ чéторé предъ всёму пыкимъ пачинкéмъ и всеста-ранио тóю вýдѣвалъ. Естъ такóжъ много приспé-ковъ до чéторы, и солищкáти са не трéба, про той шкóркою зъ лошáтъ овтáгненкýй посéдокъ по-

тепέρь такж само са спораджáе, юкъ вірè тóйже спораджáли Мадárky въ непáмáтиныхъ часóвъ.

На конéцъ обизврѣльскомъ засóбки гáйнаыхъ тарéлъвъ слѣжáчихъ на „таргáно“, котръ дѣже чáсто споживáютъ въ оўгóрскихъ стéпахъ. Тáа „таргáн“ есть то на квасномъ молоцѣ ровчнéне тѣсто, котрё въ бывшихъ тарéлахъ падъ огнёмъ са осéшиае, дробитъ и сбивитъ. Въ такомъ состоянію остаётъ онъ че́рёзъ все лѣто, а пакетъ, си отъ мокроты доброе са захóвє, че́рёзъ два до три лѣта. Тамбшнii жýтелъ ве́рѣтъ колька шкóрланыхъ лѣхъвъ тóи стрáвки съ сокомъ въ стéпы, и даютъ ей по полбй прýгориши до свиньши. Пастбхáли и поедионикомъ жýтеламъ птицы, котрши не кóждого часа могутъ все, чогд потрёва, мати при рѣцѣ, рбвятъ „таргáн“ такимъ спосовомъ великии оўслѣги; осовлико такожъ для тóго, попéже тáа стрáвка трóха тлѣшити окоё ми́жество тóлстости, котрё оши тали споживáютъ и хоронить ихъ пакетъ по чáсти отъ советнéннп оўгóрской хорóвки, въ юкъ они при споживаніи ми́жества мáса и тóлстости лéгко западають, т. е. отъ „чéмера.“

Той „чéмеръ“ есть въ Оўгóрщинѣ такж всеобщий и звичайний, про не могу понехáти, авкъмъ зáразъ тѣ о птицахъ не мóвили, и то по тѣмъ вóльше, же влáснѣ колò бывшихъ горціківъ мáжевемъ слѣчайностъ ви́дѣти по разъ зéрній челоуѣка мѣченого тилихъ „чéмеромъ.“ Отъ спдѣлъ тали юкійсь старый Мадаръ; котрый въ гладáли дѣже х҃до, позѣвалъ и витягáли са, а скоро мы егò вопросили, про ёмъ такоего, то отвѣтили намъ цѣлакомъ жáлостно: „Ахъ Ісéсé, Мáріe, мене напáли чéмеръ!“ Звичайно не значить „чé-

мерж“ вôлкшë пîчóго, яакъ „мérзôстъ,“ „иôдьгà,“ а: „ї маю чéмерж“, значýтъ: „менѣ са зровйло цѣлкомъ не дôвре“. Но „чéмерж“ есть такожъ пéнкий родъ иôдьвк, котрый послѣдне чéрезъ єженъ мнóго лâса и часто дôже пâгло са окáзъе. Неджинъмъ рóвнитъ са предъ всёмъ не дôвре, онъ трататъ охóтъ до ѹдь, сътъ пришлаждéний везиреркнио и пехотачи позѣвáти, чбюти са въ сûдахъ ослагленими, пре ихъ въ плеchахъ, и онъ дôстаотъ при тбмъ звичайно малыи прыцрѣ, кѣлкіи аво гѣзкіи па тѣлѣ. Онъ дôмаютъ, іро па тbю хорóвѣ жáдного не ма лѣкѣ, и іро онѣ всеконéчио лâс чéрезъ три дни траятъ, котріи онъ перекиїаютъ позѣвáючи заедно и въ постѣ. Голокиїише сûлекшение приноситъ или патиранье плеchii, вкігішанье и гнѣтенье состáвовъ. Простий людѣ кáждътъ пâнетъ сердечий кѣлакіи сонѣ въ вôки садити, ногами севе тоитати, рѣки до горкі подносити и сілкылии пόтагомъ знови звѣшиати и т. и. и онъ дôмаютъ, іро тбс имъ осовлїшие дôвре рóвнитъ и ожже само прогоняе хорóвѣ.

Людѣ, котріи продавали вѣшие помлїтїи вѣци, вѣли по вôлкшой части Словакіи и Мадáры. Такожъ находитъ са тамъ съ такими неопредѣлеными искуственными производами, мнóго иѣмѣцкихъ селаніи, населенішкбъ въ бтдаленїишихъ окольицѣ Оўгурціи. (Съ жівностками и предметами продѣнного спотревлана приходатъ въ прочему по вôлкшой части линъ иѣмѣцкии селаніе па Пештийскїи тъжднїеи торги, попёже пайвлїжша окрестибстъ Нéшта чїслитъ многи иѣмѣцкии осадки.) Тыдъ селаніи приходачи въ

отдаленъишихъ сторонъ не можно легко яко и въ-
мѣцкихъ познать, понеже ихъ Ивлѣччишъ покры-
ваютъ густыи оѣски, широки штаны, ширококрѣши
каспелии (кресанѣ) и цѣжмки (каракаты), и про-
тѣе выглядятъ онѣ на первыи поглѣдъ, якіи
писти Мадары. Одинъ изъ тыхъ селани, до ко-
трого заговорилъ и которыи привѣтали изъ Бако-
нскаго лѣса съ токарами рѣзѣцкими ровоты, съ
ложками, вѣлаши, лопатами, ваниами и т. д. пот-
вердили менѣ взглѣдомъ оѣспѣхахъ садженю кар-
тофель такожъ и про до ск资料а сѣстру тѣи самыи
добринъ вѣсти, якіи посыпалъ и надъ озеромъ
Найзидерскимъ. Такожъ и они оповѣдали, про
Оѣгры перѣдъ тридцать, а наветъ перѣдъ двадцать
вѣцѣ лѣтъ лишь все злобе о картофляхъ вѣ-
ли и давали тѣи лишь свишамъ; теперь однакожъ
садятъ и они въ Баконю тѣи оѣже мало не по-
коюдѣ.

Однѣмъ изъ найзапачишихъ артиклиовъ а
при тѣму и чисто оѣгорскимъ было въ той сторо-
нѣ торгла мыло. Изъ писти находило сѧ тѣ на плѣ-
тиади великое количество тогоже. Тое все мыло
робитъ сѧ изъ оѣгорскихъ стѣпахъ, основліко надъ
Ткиссою, коль Деврецина и тамже якъ и въ Сиге-
дѣи. Найцѣнишьше приходится изъ Деврецина,
изъ великихъ, долгихъ въ видѣ цѣглы, каменисто-
твѣрдкіихъ штѣкахъ. Изъ середиинѣ выглядѣе онѣ
якъ альбірскій скиржъ, въ гдѣ отрыхъ сортахъ
болѣше вѣлѣве гейблѣ лѣй. Онѣ есть дѣже легке и
сухѣ. Господиинѣ оѣвибалы сѧ коль тога старанно
и закѣнѣвали той артикли звѣгашко. Отъ Девре-
цина приходится все чисто мадарске. Изъ Девре-
цина приходатъ властіко наиболѣшаго сорта оѣ-

гóрскии произвóдки, та́къ и пр. лишь что помаштый произвóдки, котрый въскисде са тамъ въ не мénше та́къ сто милю́риахъ. — Въ Девреции є пахóдитъ са звáшь дv'естъ краицъ въ, котрый рóватъ: „кенéшики“ — а до съмсóтъ д'влáтелии „цéжмбви.“ — Въ Девреции є рóватъ правдико оўгóрскии люльки, и то что рóчию одынáдцать милю́риахъ штбикъ, изъ чогои въшало на кóждъ д3шъ королéства по штбикъ: „Пойдёти до Девреции“, мóвили менѣ мибринъ въ Пештъ, сми хóчете познáти Оўгóрции. Понéже такóжъ въ Девреции є и кóло Девреции ростѣтъ пайкрасицъши и пайблъши мелонки, котрый сéть зновъ правдико оўгóрскимъ бкофемъ. По исей Оўгóрции є розиространено ихъ теперъ д3же, а Мадáрки самыи сéть отличицъши ихъ племкáтельши. На Пештикеомъ торзъ ви́дно въло осопéнио ке-лике такóжъ количеству какоиди, котрый тъ сéть д3же ви́дни а звáчайно подчасъ торга въ Сéрпине и дозрѣлии — и изъ той то причине называюти отъ той торги такóжъ „торгомъ на мелонки“. Какоиди споживаютъ са въ Оўгóрции тручи ииакиши та́къ въ России. Въ России краюти са тий на плáстры, при котрыхъ приналéжна часть лб-тии са остави и потомъ въсáе са ихъ та́къ, та́къ какáлокъ хлебъ. Въ Оўгóрции одиакожъ ве́ре са цéвлáй мелонки предъ сéве и выдольбе са его лóжкою, вълбомбючи одиши въсень за дрб-гимъ и чéрпаючи зарáзомъ сокъ лóжкою. Той спосéбъ подобае са менѣ болльше, но отповѣдáе характерю мелондикъ лбчше. Въ Пешти ви́дѣлиемъ отъ господáрского токарíшества въиста-вленый мелонъ маючи вагу ш'естдесатъ фунтовъ.

Одных Оүгөрж әз пәдже Деврецина росказовала ж миғъ, әто не әз әбдека көлө иңхң цыкрабий мелонки кыростають ажы до ваги ста фәйтөвж, и при тәмж, әто есть головнйшша, остають сонершено солодкий и вкденин. Көлө селла Самеона недалеко Деврецина сәткө онни пайланышши, и тәз влестике есть жерел и мәсете походжеңа көбүнчүлүгөрских мелондик. Такожж и арвазж сәткө тамж тажкин скыныш сөтиара, а биң малы видағти мибажан маңчани ваги дүкестең фәйтөвж. Бұданбайшши лиде спожинаяют вә Оүгөрцини мибога арвазбик; онни краюти их на пластиры, некштк макаштапкы аженрийни продають их по бүлицилар.

Пештіңкский торгъ есть не шо для всен Оүгөрцины великого значеня, подаючи различим ж частем ж краю способность до мѣниана на взаим скончих токарбек, по такожж, а може и болкшного значеня для областїи пограничных из Оүгөрцинию, таки для төрекских на юргъ, макк для пропущих аустрийских на сибирь. Прокицки Ракбески, Морака, Шлеско и Галиція различают сѧ широкими тавороми окбою вогатони скирин, не видалии производы Оүгөрцины добрим ж квицеми промысловых мѣстк, котрой и видалии видают көжж, волни, ваколни, шолки и йиши тօго рода артикли. Тә паходаут сѧ вирабы әз ржкодѣланей мѣстк, котройх ланцбүх начинше сѧ отк Девлати Церковж, иде чеरези Нове Мѣсто и Бѣдиню, әз Бѣдна тажне сѧ дамкшне чеरез. Берно до Тѣшина, и гѣвити сѧ паконеци чеरез Бѣлов вә Галиціи. Головнйшши артикли, пошвакланни әз тых ж сторонж вә Пештѣ сәткө: ваколна, волна, тютюнж и кожи, потомж такожж коски, виндо,

збожье и многое вещи из дровищих венцей, иако то: дубинки, деревца, галасы и проч.

Жиды есть то предвсемое, которое поманиттии провинции посредством своих комиссий и разыскательства из складов оудерживают из Оугорчиною а именно из Пештийским торговли, такъ и из Знова Райцѣ есть тимъ пародомъ, который преимущественно занимаетъ съ оборотомъ доль Адана до Тбилиши, а Нѣмцѣ оудерживаютъ оборотъ из Бѣднѣмъ и можь сказать всю пробыю торговлю из цѣлой Оугорчины.

Головникамъ про тобѣ зрешили поманиттого оборота есть легонска изъ жидовской дѣланщи, всеѣ велики подкѣра изъложъ великой королевской оулицѣ, которая съ тагие посередъ Терезиенштадта, и изъ которой то окопицѣ наибольша часть жидовъ мѣшкаетъ. Той гостинецѣ есть подчасъ торгъ наибольше залюднѣнныи. Жиды, Оугры, Семиградчане и Болохи крѣтатъ съ тѣмъ заѣдно то изъ тѣхъ то изъ бывшія стороны. Козы изъ заправомъ четырехъ, шести и оскали коней, покрѣтіи келитицами крѣвали и поймани кожу або иныхъ предметовъ то выѣзжаютъ изъ врамъ то заѣзжаютъ изъ тѣхъ. Часомъ подскакиваютъ по при шестеро коней вѣнѣ двѣнадцать, а также многое коней есть чисто оувѣзаніи изъ тѣлѣ про потрѣбъ або, если съ оудасть, на продажу. Изъ вѣтренихъ дѣрища и легонскихъ оказѣ съ вридота, нехлопистко, непорядокъ, гаморы и галасы, иако гдѣ ишде тѣжкое надѣвати.

Приглѣнившіи съ тѣмъ оудаинсько съ на келікѣ, идетъ налоциадъ, которая однакожъ подъ той часъ также вѣла переполнена людьми и скотомъ

всаких народастий и рассек, що можь ви сказати, же та віловы ся на що дивити хотиши че рези подаж років. Думаю, що ся не ошибиш, ели скажеш, що тогді на той площаці и єй окрестности припіймішкій до тридцать тисяч людий ся огнівкало. Ноземельє тон площаці віло дуже не рівне и про тое становило то малін від виду велич оказуючи ся горбкій то знову низки були. На одному з таких горбкових заложило можь сказати іаких стоянців тобі на кірки, ся пайцами и живілами дробомъ. Та відно віло горбоки осадженій великих стадомъ синій, тамъ на рівнинѣ продавали тавчнами конівъ, тамъ знову прикрывали великий овшарж беци. Та наді спадомъ а тамъ знову наді ровомъ огульствіли ся отрады словакіхъ торговелників полотномъ, а поміж всімъ тутъ віла ся дорога саміхъ крамів ся огорбескими ціківками и піківками обв'яли. На вершинахъ горбка зарослого мідраю застроміли вертепники своє хорбовкі и изжасніли огорбескими лзінками, четвери послідні смітий хвіль: житла Цезаря Наполеона, котрій був від подлішків образахъ на скам'яхъ вертепників возвіз. При вході на торги съдѣлі вздоложи мідря дольгий раді перекинокъ ся паприкою. Імъ ся чудовіли наді величими количествами того бестрого квіества, котре опі таїкъ продавали. Польши міжхъ віло відно того червоного паприкового борохі, з якого котрого сама крихітка на конці ножа може війти налих достаточна, авкі іакі страви зипсовати, а прещінь лиожество того звичайно відно по всіхъ огорбескіхъ гармаркахъ. Від гостиниць на Огорбенії подає ся коктейль, на его желанье, всіка страва ся папри-

кою, и. п. „мáсо ез пáрикою“, „рýва ез пáрикою“, „солонýша ез пáрикою.“ Що са тýчнitz простолібдиновъ Оўгоръ, то самò са изъ сéве розмѣс, же везъ пáрики при жáдной стрáвѣ са не овзїдѣ, и здаё са, юковы рослѣ въ Оўгра пивнýци, кбхни, стáйни и въ поли все бýжѣ такои самò изъ сéве смѣшане ез пáрикою. Только хлѣбъ не печѣ са тамъ вицѣ изъ пáрики. — Въ прóчемъ есть та пáрика стрѣбокъ ѿкои рослїши, котрѣ называють „тбрéцкимъ пérцемъ“ или „пérциою“, и котрѣ ростѣ въ Оўгбóрїшичѣ, въ цѣлѣ Тбрéчшичѣ, въ южной Россїи ажъ до Хвалінскаго моря въ всѣхъ огорбодахъ, рѣшителки однакожъ въ Оўгбóрїшичѣ находитѣ скóго отличицьшаго привержéнца. Зерна и самѣ стрѣбокъ трѣти са на побоюхъ, понежѣ все перейшлѣ перчистымъ огнѣмъ.

Словакиѣ суть на тѣхъ терзѣ пérвыми торговельниками полотномъ, котрый то артикуль есть дѣломъ ихъ роботы. Они замѣшиаютъ сѣверно-западнѣ частѣ Оўгбóрїши, котрѣ граничатъ съ Шлескомъ и Моракою, и изъ тыхъ то країнъ розглазбило са вицѣ много іныхъ отраслий промысловъ чеरезъ граници до шахъ. Чимъ суть Чехи для всѣи австрийской монархїи, тимъ суть земли Словакиѣ для Оўгбóрїши; между ними находитѣ са о много болѣше фабрикъ и промысловъ, юки и котрой индѣи части королевства.

Оўгбóрѣ можъ надѣвати кбло конїй и рогатого скота. Тѣ подаё са чиста способность, подивлѧти некѣства юздкѣ верхомъ чикошдвъ (тавѣнинкѣвъ), котрїи повсюдѣ песяредъ толпъ люда са бýганаютъ, авѣи своихъ кбнцѣвъ до кбнна заоднотити. Быдѣлземъ одного такого человѣка,

котрый осовлів вилк моторный; кіпець, передъ
котрымъ быкъ коня на обзоръ виѣвъ, замѣтіе
емъ, про сѧ здаётъ, йаковы конь при навертанію не
выкручивалъ сѧ досыть зрѣчио. „Що? не выкручеве
сѧ?“ кликнули на тое чикоши, спинали коня
острѣгами, про ажъ въ возвѣхъ подлеѣвали и ка-
зали емъ потомъ на задніхъ ногахъ, йаковы въ
крѣзъ, три разы коль сѣве вѣти овертаса.— Оу-
гры суть то ѿже въ родѣ пародомъ ѿздѣцкихъ,
и хотѧ они ѿже отъ таки дѣни покинули житѣ
кочевніче и осѣли тихо виѣтрѣ пѣнныхъ граніцъ
ихъ теперѣшнаго отечества и ѿправляютъ землю,
то однакожъ не ѿтратили они той замѣтчаніи до-
стойної похвоти, котрѣ сопѣ въ Язїи подчасъ во-
локитнаго житѧ присказали; бышими цвѣтѣ онѣ
мѣжъ иіми вірѣ заживѣдки въ даний сѣль. Гдѣко-
трїи ѿчѣнїи дѣмаютъ рѣшительніо, про икнѣвшіи
Оугры и дѣшии Парды суть одніи и тимъ са-
міи пародомъ, и въ самомъ дѣлѣ не можно
того, про Римлѧне росказываютъ о Парарадахъ, иска-
зати и порозньѣти лѣчше иигдѣ, принаймнѣй въ
Егеронѣ, иакъ въ Оугропишѣ. Хотѧ цѣлкомъ роз-
личного кореня, то однакожъ суть въ миогихъ
взглядахъ съ иіми покреинѣніи про до дѣха и овмы-
чавшихъ Полакіи, котрїи такожъ становлѣатъ великий
пародъ ѿздѣцкій. Отъ обоихъ тыхъ пародовъ т. е.
Оугоръ и отъ Полаковъ полчища Егерона отли-
чились отрасль сконѣніоты — отъ первыхъ
Гессаровъ отъ посла дѣнныхъ же Оулановъ. Гессары
суть чисто ѿгурского кореня, про такожъ слово
„геск“ (т. е. двадцать, понеже подла дѣнного
враночного закона малъ въ двадцати мѣсяцѣ одніхъ
быти ѿздѣцъ, подла чего „Гессаръ“ значить

приближительно тóе, іто „два́дцать“), котрè есть чисто мадárске, даё бýже познáти. Оўлáны здаóтъ ся вкíти тóлько чéрезъ Полаковъ поправлéна и оўсокершéниа первоначáлиа вкíдsmка Татáровъ или Козаковъ. Есть то дíвно, іто, хотà такж ве́ликими природыами ғэдцáми суть вси тий парóдки, Татáры, Козаки, Полаки и Оўгры, прéцьник дýже малó мóжно пайти межи иных ғэдцéвъ неквествéнихъ. Вкí пестъ есть тóе замéчáлиа гóдныи, іто, зако́лко гóрше юкíй парóдки оўжè вк дóмъ вк бóре керхóли ғэдити оўмýе, бих нали за тóлко́лко гóрше ғэдцéвъ неквествéнихъ доставлáти здаё ся. Найболыша часть ғэдцéвъ неквествéнихъ, котрýхъ вíдни, суть Евгéйчики, Францéзи и Гралиáне, а влáснъ тий парóдки не суть вк дóмъ пайлбчшии кавалеристы.

Такожъ и Цигáнбек вкíло на тóмъ торзé до-вóльно миóго. На однóй плошáди падíкальемк двана́дцать ко́ло столбовъ поставленыхъ цигáн-скихъ жениховъ, вк котрýхъ кóжда ко́лъка кавалеровъ полотниа продавала. Они нали мóжили, іто тóе полотниа налéжитъ до словáцкихъ селанóкъ, котрýи нали тóе на продажъ порðчили.

На тóмъ торзé вкíло то такожъ, где ў по-первой разъ оўчблíемк цигáнскé гóдьи, и то вк мýстýлии тáнцéвъ ко́ло торгъ. Ты паходило ся самé хлóпство, все изи пайи́жшии и пайспаль-ибýшии версткы Мадárловъ. Хотà мýстýлии для тóмы лóда вкíло за оўзкé, то однакожъ тýмъ ревирéшии вкíли тий, іто танцовали. Цéла, юкі то кáжетъ, хáта ходила, а вк подлобгъ такж выбывало и тýпано, мовкéи сто цынáми молотýли. При тóмъ вкíла задbха, іто гéдъ вкí-

трилати, а хотълъ по рохъ звѣтълъ всѣми чередами и перѣзджайочими възносіахъ сѧ гѣстѣми кадвами въ въздрѣхъ и тиснѣахъ сѧ въ бѣтѣретїи двери и окна, то однакожъ тѣбѣ и цимбалы Цигановъ преодолѣли все. Но середъ тѣхъ вѣдѣкъ гѣдѣлъ молодкій, сѣхорлакій прѣйтѣснѣти и вѣлъ въ головиѣшій кѣждон циганскому гѣдѣвѣ щетрѣмѣнти, въ цимбалы. Тѣи циганскіи цимбалы не сѣтъ въ прѣчѣли тѣс, про въ дрѣвиѣ єсторѣи о кимвалахъ читѣли, т. е. два металаѣши котлы, котрѣми одиши о дрѣгїи ѿударено, по есть то родъ подолгокатон, несчислѣнно лиобили стрѣнами патѣгненоп цѣтры, въ котроп вѣдовѣвѣ сѧ звѣки посрѣдствомъ дкохъ малѣнѣкъ пальцатковъ, котрїи сѧ кончатъ въ дѣѣ шкѣрою оптѣгненїи изговки. Тѣи цимбалы вѣгладають такъ сѣмо и въ цѣлѣй южной Россїи и краахъ Козаковъ. Но при молодого цимбалиста, котркій то головиѣшій провѣдитъ болосъ, и котрого прѣнѣканье становитъ подстѣвѣ всен ѿугорско — циганскому гѣдѣвѣ, вѣдѣлемъ старого Цигана сѧ цѣлкомъ сѣвѣмъ колосомъ, темновѣрого однакожъ лицѣ, котркій потягѣлъ смѣкомъ по вѣсѣ; поѣдомъ по кѣждомъ вѣцѣ одиого скрипника а изъ зѣдѣгейки открылъ лицика (флайгельмана) одиого тѣбѣвача.

Въ цѣлѣй Оугоршии похѣдатъ гѣдѣвники премѣщественію и майже искаючи въ двохъ парѣдовъ, Нѣмциѣвъ и Цигановъ. Межи Нѣмциами ѿважаючи тѣ заразомъ такожъ Чѣдѣвъ, Мораваниѣвъ и т. д. Нѣмецкіи гѣдѣлъ сѣтъ въ Оугоршии отличиѣшіи; онѣ паходатъ сѧ при зрешилахъ, при Церквахъ, на вѣлѣхъ образованыхъ сословий, по вѣликихъ Пештиныскихъ гостинни-

цлхъ и т. д. Циганы же идти въ заводы веоды съ иными оѣ иижшихъ сословой, часомъ при по- менишихъ землии, и они суть чисто въ до- сить зиачныхъ мѣстахъ разъ на всегда мѣст- скими гѣдцами. Иѣмцѣ граютъ звѣчайно лиши иѣмѣцкѣ, галіанскѣ и францѣзскѣ гѣдѣвѣ, иако то и. пр. оѣ наск са дѣе. Циганы же, котрии суть властичкии оѣгorskими народными гѣдцами прикастийи сонѣи сопственныи оѣложенїа, ик котриихъ вѣе цѣлакомъ осовлѣши дѣхъ. Оѣгоры покѣдають, ио таѣ гѣдѣвѣ есть властика, перво- начально мадарска и въ мадарского дѣха про- шедша народна гѣдѣвѣ, а сии народниа съ нею спѣвали, котрии въ розличныхъ мѣстѣностяхъ приспѣваютъ оѣгorskий селане, то трѣва признать, ио всѣ тѣи суть одного и тогожъ самога звѣ- ка и дѣха. Въ тыхъ то всѣхъ гѣдѣвикахъ звѣро- тахъ и єдѣахъ такиихъ оѣложенїи находитъ са прось первотворного, ио съ иѣмъ розличае са бѣзъ тога, ио чѣмъ оѣ Иѣмцѣи и Славаи.

Оѣгоръ людѣи си формально въ циганской гѣдѣвѣ, ио и каждый чѣжинецъ лѣгко подзиати мѣже, скоро са той трохъ прислѣхъ. Въ той гѣдѣ- вѣ есть прось таки осовлѣкого, прось таки мелан- холического, чисто такѣ дѣкѣ отчалие, и таки голоснѣй, сѣрдце роздираючий жаль, ио онѣ каждого чисто порѣшилъ и плаѣшитъ, мѣмо егѡ вѣлѣ. И хотѧ въ бѣре есть игранье и отданье Цигановъ дѣже прости и дѣкѣ, то однакожъ и многого межи иими (именно цимбалсты и скрипники) вславляютъ са въ гѣдѣвѣ, менше однакожъ че- резъ степень искусства, до котроаго они залѣдко-

коли дохóдатъ, юкъ чéрёзъ гэдéниое вдхновéнїе, котрое на позоръ наихъ здаёт сѧ вýти пытомкимъ.

Пóздно вечеромъ покеризанско до гостиницѣ „подъ королéкою Англіи“ а отрѣпакши сѧ зъ порохъ зъ пола Рáкоша (попéже быа хлóпска торгóвица, котръ всъмъ посéвралъ, становитъ оўжé часть слáкного пола Рáкоша, на котрому дави́йше отыквáли сѧ краéкши сóньмы и вкýпрано оўгорскихъ королéвъ), цю не прийшлò памъ такъ лéтко, попéже вýлиско привéждéни подъ пашою „королéкою Англіи“ формáлкно сѧ вýнáти, вкýшолжемъ вірè самъ перейти сѧ по надъ вéреомъ Дьнáмъ, по краине мéсачна ибчъ здавáла сѧ по чáстии вýнагородити за порошкай, горáчий денъ и попéже хóтълижемъ доклади́йше сѧ придикити тóмъ, юкъимъ спóсовомъ весь той парóдъ, котрый рáно тó вýдѣлижемъ, ибчъ перепочóвдє.

Т8 застáжемъ са юдéючи положéниемъ, состоѧнія и парóднїи йгры: цѣлѣ Дьнáиске надвéре же покрýте вкýло веziчеслéниымъ мпóжесткомъ спáчихъ людий овóго пола, котрый, скóрчишши сѧ и злавýвши икъ плацѣ, кóцы аво матки, спáли на вðркъ кóло скóиҳъ токáрбъкъ. Гóлкаша ихъ чáсть здавáла сѧ полъзбáти хорóшилихъ, здоровылихъ съпокóемъ, и лишъ мало кто зъ иихъ, хивѣ заможи́йши авò до вýгода привéкши посыпскáли свой шáтра надъ скóею спáльнею, и лежали съ всѣми своимъ памéниами подъ охоронáючимъ покróвомъ такóго шатрà, котрый мовъ бы орéлик роспростиралъ свой крыла надъ ийми. Тыи оўгорскии шáтра, вýроáтию дўже дáвна мадáрска фóрма шáтеръ, съть четырёвочнїи, простопáднїи, оўмоцóванїи на четырёхъ жердкáхъ, котрый плáтье роз-

тагають. Тий четьрін жердкі можъ такъ постави-
ти до кѣни, про цѣлѣ стойти прости; авѣ зионк
такъ бѣ сеѣе отдалити, про шатрѣ спаде.

Котріи мѣли корабель, авѣ могли позыскати
мѣстце въ толике, лежали авѣ сѣдѣли спажи въ
кораблѧхъ разомъ. Опѣ наполиали такъ великии
видтрении мѣстніиша корабльи, где огень го-
рѣли, маки и весь покладъ и дахъ статковъ. Слѣ-
вымъ въялъ въ станѣ хотѣ гдѣктріи въ тыхъ
корабльи вѣмлюати ісъ докладною природною
иѣриостю, авѣ тий предстаниши въ макѣй дѣорамѣ,
то вѣ докладно чѣдовали са мой зреѣлѣ
падъ сопственостю тога индѣнїа.

Въ высокого Аспаинскаго падвережа провадати
кобо мѣста сходы до рѣки на дѣлѣ. Такожъ и
каждкій стѣнѣ тыхъ сходбахъ вѣялъ занѣткій и
овложеній людемъ, котріи по части неспали, по ча-
сти же спали. Інлан то по части Мадары по части
Словакіи, котріихъ можъ вѣло розличити за пѣр-
вымъ погладомъ на ихъ бѣжкѣ, на ихъ осовені-
ное палитіе и по ихъ обходженію са. Однѣхъ въ
иныхъ, вѣялъ то Словаки, стояли на пайвѣшишомъ
стѣни сходбахъ и пригравали сопѣ гѣвою. Опѣ
бѣдавали ковзѣ дѣже зреши и несклад комически,
притискаючи подъ пахою подъ сложенои сѣкланы,
гейки то вѣла конька, падевали свое лицѣ и вѣ-
довали искъено чеरезъ носъ всѣ тонкы тога ин-
стримента. При томъ крѣтилъ са на одиомъ
мѣстци докоба, маки то звѣчайно рѣблати слав-
янскіи пастѣхъ дѣючи сопѣ самъ въ ковзѣ при-
таньцій. Апоожан женріиши оветвили егѡ и при-
спѣвѣючи вѣтишали гопака подла егѡ гѣдѣвѣ,
котропи не вѣло коньца иѣ мѣры.

Пе́рестёпивши спáчихъ звишóлжемк по схóдамъ и оудáлжемк са на самъ бéрегъ рéки. Тéз застáлжемк квóз Мадáрскъ разомъ съдáчихъ, та-
коjkъ и зъ шихъ половина спáла. Тóны ковзкъ,
крики танкцóчихъ и гáласк игрáючихъ на гор-
гáшиной части оудерéжа замóлкани оужé вкíли да-
нио, юкъ нараzи меланхолíческий мелодии старого
мадáрского пбíкца розалагаи са по надъ тихимъ
Дзиáемъ — во той пбíкци надъ все людакий ти-
шинъ ажъ тепéрь мбгах изъ широкон скон грáди
волищевий вкíдовáти голоскъ, коли иса везсо-
гласибестк óвоки нéго притихла. Не взирáя на
позднй хкíлю, остáлжемк са при людошитомъ
соловéю, а коли бих отпочинкаи, то ю на пере-
мénьи овесмóтровáлъ то кристалéне лицé Дзиáлъ,
то протýни лежаче дрéмчие мéсто Бéдинъ, егò
палаtъ и крéпостиgъ горы, то лíсъ горы, то зиовъ
красне пéво и тихóнькй мéслакъ.

Торгóвля Пéшта есть тепéрь такъ зиачна,
цио вздóлькъ цéлобоgо Дзиáлъ иема по Бéдинъ жáд-
ного большого торговéльного мéста, юкъ Пéшти.
Она вкíла оужé отъ дákна зиачною, — по чéрэзк
пифáстикй часу Тéрикви оутеригéла таки, цио дá-
лéй и са'едé вкí ей не вкíло; съ перемéнио од-
накожъ овстóателксткъ, перемéнилъ са и ей
станкъ, а тепéрь она вкí такомъ розвítомъ цéйткъ
са нахóдиткъ, вкí юкому шкóли доси не вкíла и
здает са, цио она еїрè при тóмъ всемъ, юкъ и
самé мéсто, не прйшалъ да краинéйшого скóго
вóзростъ. Назывáютк про тóе оужé и пбíкъ Пéшти
дрéгимъ Бéдинемъ и Лондýномъ надъ Дзиáемъ.
Вкí мéръ отношений, юкъ тепéрь, сбíествуютк,
могутк ова мéста, Бéденъ и Пéшти, везк сибрé

и зáвисти, собѣ въ мýрѣ пода́ти рѣкѣ. Предмѣты ихъ торговлѣ розли чаютъ сѧ соверши́ено. Торговля Бѣдна оширае сѧ на произвóдахъ иску́ства, а Пе-шта на произвóдахъ природы. Для вѣдѣньскихъ аво въ бывре для австрийскихъ произвóдовъ ис-ку́ства належитъ Пешти оу́важати лишь йакъ па-селеніе Бѣдна, на котрого росказы въ пе́рного мѣста всѣ оу́гровскіи лѣстца засо́вы такихъ произвóдовъ полчиа́ютъ. Но не же Дьнáемъ долбъ отходати лишь произвóды иску́ства до тѣрѣцкихъ краевъ, во и тѣи маютъ довѣльно произвóдовъ природы, то ве́рхъ изъ той причины Бѣденъ надъ Пештомъ, но не же жите́ль Бостока все, чого въ Австрии потреблюютъ, ради́йши въ жерелѣ т. е. въ Бѣдни пои́хаютъ, йакъ мали въ дрѣго рѣкѣ т. е. въ Пешти напи́вати. Ежъ прόчемъ не єстъ рѣчю рѣнистопиою, про новѣйшии часами оу́же миогїи мѣнишии отрасли промыслѣ перемѣстїи сѧ въ Бѣдни до Пешти, и оу́же отъ недавна гдѣкотрии предмѣты въ мѣсяце вѣдѣньи тѣ сѧ въ дѣлаются, котрыхъ прѣждѣ лишь въ Бѣдни мόжно вѣло дѣстati.

B. K.

74.

Загадка *)

Двѣ сестры Богъ добротливый
Союзно тогда спойль,
Коль пе́рвого человѣка
Нерстомъ зъ землѣ сотворилъ
Они обѣ однородны
И съ всёмъ собѣ подобны —

*) Рѣшеніе слѣдуетъ на послѣднѣмъ листѣ.

Но сторонность безрозумна
 Тщетно ихъ отличила:
 Сей подала превосходство,
 Той рабство назначила.
 Одна шати, вышывати,
 Прясти, ткать и писати,
 Стрѣмляти, грати, рубати,
 Учila си все дѣлать;
 А друга ничъ не знае.
 Лишь сестрѣ помогае.

Духновичъ.

75.

О солнце.

Солнце не есть малыи плоскимъ крѣжкомъ, какъ сѧ вѣдалѣ, по великою кѣлею, котоrа склони съственикимъ съѣтломъ съѣтитъ, и отъ котрои исходитъ съѣтло на землю, на всѣ прѣчи планѣты сей и на спутники или лѣни пхъ.

Оно отдаленое отъ нашои земли 20.666,000 миль. Царскій вѣзъ съ 100 милѣкою паденною скоростю потребовалъ бы летѣти къ солнцу 542 лѣти. Поперечинка его мае 191,300 миль, окружность 601,000 миль, а покерхность 114,971 милюбоновъ квадратовъихъ миль. Оно есть 1.406,000 разъ болѣе каки земля, а такж изъ солнца могло бы быти 1.406,000 земникъихъ кѣль.

Бѣроѣтио есть солнце тѣло съ горами надъ 100 миль высокими; а 1000 миль широкими, съ долинами и рѣвнинами.

Солнце находитъ сѧ по серединѣ планѣты своихъ, котоrи движаютъ сѧ въ розличныхъ отстоаніяхъ въ крѣгъ нѣго, два изъ нихъ Меркѣрий и

Венера вліжшй єсть въ солнцѣ та же земля, а дрѣгіи отстоѧтъ отъ него далъше, освѣчаясь и ог҃рѣваясь съ нимъ.

Планѣты пашого солнца двѣжутъ съ около него въ тѣли порядкѣ: Меркурий, Венера, Земля, Марсъ, Астронімы, Юпітеръ, Сатурнъ, Оуранъ, Нептунъ.

Планѣты: Меркурий, Венера, Марсъ, Юпітеръ и Сатурнъ видимы єсть въ помочи телескопа, и для тога они ожѣ въ дрѣности вѣли известіи, и подѣчили, какъ такожъ и ины, свой назвы отъ васпослѣвихъ греческихъ поговорокъ. Дрѣвле называли Греки и Римляне дни седмичны по именіи солнца и планетъ: 1. Педѣлю — день солнца; 2. Понедѣльнику — день луны; 3. Вторнику — день Марса; 4. Среду — день Меркурия; 5. Четвертику — день Луна; 6. Пятницу — день Венеры; 7. Субботу — день Сатурна.

М. Малиновскій.

76.

Моисей Мендельсонъ.

Моисей Мендельсонъ, былъ въ честіи евреевъ и счетоводцемъ оѣ однаго квартала, которыи сдалъ по его талантамъ, певно не вѣдь малъ аще по рохѣ стрѣлковаго архѣ тиско печати. М. Мендельсонъ былъ отъ всѣхъ почитаемъ, по его мѣдрости и крѣтости всѣхъ любили. На посланіи Евреевъ и наидѣніи любде стояли съ нимъ въ дружескомъ спошено и сообщанію съ; по про вородѣ, которѣ той Евреи посыпалъ, не презиралъ они головы, на которѣй таѣ ворода росла. Иако въ всѣхъ былъ поедиціи

такъ и всѣмъ доволсткокалъ сѧ, цю емъ сѣдѣвѣ
принесла. Довѣдомъ тѣго пайлѣшили вѣло егѡ
оудовольствиѣ изъ сион посады: Коли разъ посѣ-
тили егѡ однѣхъ пріятель и застали влѣснѣ при-
дѣже тлажкихъ рахѣникахъ, сказали бѣхъ до него:
„Прѣцѣнѣ есть то велика шкода, любезныи Мог-
сію, цю ты, така мѣдра голокѣ, сажишъ оудъ че-
ловѣка, котрый не есть гденихъ тобѣ слажити.
Цѣжъ не есть твой поготъ мѣдрѣшай, йакъ цѣ-
лѣй твой человѣкъ, хотѧ о три гѣловы отъ тебѣ
есть вѣшишай?“ Не одного мѣжевы така вѣсѣда
оудчишила гѣрдымъ, цю кѣшвиши перѣ и пашѣри въ
кѣти, вѣломовиажви скомѣ саживодателеви свой оудъ-
салги; — по мѣдрѣи Мендерсони не рѣшили паперѣ,
алѣ заложиши перѣ за оудъ поглѣниахъ спокойно
на скога пріятеля и по хвѣли сказали: „Такъ,
йакъ онѣ есть, не есть онѣ влѣ, по провѣдѣнїи
шѣбѣли сѧ не ошинае! Твой кѣпецъ мае зѣ мѣне
поѣзѣ, а йа маю зѣ чѣго жити — Слѣпы одиа-
коижъ йа вылж паномъ, а бѣхъ мѣнѣ писаремъ, то-
вымъ йа не могла егѡ оуджити до иѣчѣго.“ —

Тоожъ самаго мѣдрца запыталъ разъ однѣхъ
фѣрфантъ: „Жидѣ чилук торгѣешъ?“ (бо подавали
на звычайного жидѣвскаго рознѣцика). Мендер-
сонъ сказали: „Товаромъ, на котрый не лѣгко
найдѣ кѣпци.„ — „А циожъ то за тобаръ?“ пыталъ
дѣлѣтъ талтой — „Розѣмъ,“ откѣтили Мен-
дерсонъ и додѣлъ: „А ци кѣпите? Бали вы сѧ
здѣлъ!“ —

Подорожныи.

„Отворѣть двери, для милости Божа!
Бо душу згубить забеженный старикъ;
Вихорь шалъе, и шарга біе строга,
Въ темиѣ дороги прослѣдоочекъ зникъ!“

„Не проншу харчю, аиѣ запомоги,
И не вѣзливыи, упёртыи жебракъ;
Лишне струдженій очунѣютъ иоги,
Ночь перебуду и пойду оттакъ!“

Однакъ на дармо милости взывай
Хоть газда и хатъ ещѣ и не синтъ;
Опь двери кбрчмы не радъ отворай
Сли кто горѣлки предисѣмъ не просьитъ.

А хоть иочь темна, съ дождемъ вѣтеръ свинцъ,
Любовь не забудитъ жадна просьба въ нѣмъ,
Ещѣ плюгавитъ, клинѣ корчмаринце
Богдай пропалъ весь, — бы ты пошибъ грбомъ!“

А въ томъ слушаю щожь бѣло чинити?
Передъ собю, путь перекрестъ;—
Молитвы начиѣ и въ духу говорити
Хоть иочь темненька, дѣлай ся пустыль.

Идѣ, іакъ може, а кудѣ? не дѣа;
На промыслъ Божа унова богать —
Що такъ троскливо, всю тварь обвимае
И что изъ своихъ не пуститъ оградъ.

„Чей гдѣсь близенько, до хатокъ долѣзу
И знайду газдовъ, ласкавѣшнихъ тамъ
И сномъ солѣднимъ умъ журный отсвѣжу
И членамъ труднымъ отпочинокъ дамъ.“

А хотъ му вакко, жв го безъ провіны
 Отъгнáль шинкарь, сплюгавилъ и кляль,
 Їке му отмбвиль жебраной гостіны,
 Їке го въ дождѣ, въ тэмрю, пôдъ стропъ не прийаль;

Онь одиакъ знáя Бóжї приказаія
 Не дає взиестись тонарѣчой мстї, —
 Въ дусѣ му зъ сéрдца желая позианя,
 Мѣсто слбвъ гнѣву — „Бóже ти простї!“

И въ такіхъ гадкахъ смотрйтъ полекшнія
 Хотъ духа давитъ тяженка печаль,
 Онь спокойненіко, чистотою сумлѣнія
 Тулилъ сумненікій своего сéрдца жаль.

И гнеть ся хмáры изнли розсувати
 И бурлівъ вѣтеръ съ дождемъ устаналъ,
 И ужѣ на всхобѣ зачало свитати —
 И недалеко селà достигалъ.

А по задъ иего ліяло ся и ліяло
 И блыскъ за блыскомъ миготаль горбъ:
 Їакъ колибъ корчму залътись завзяло
 И громъ за громомъ весь воздухъ порблъ!

А корямареви въ страху и тревозѣ
 Гнѣть подоржнай принаде въ догадъ:
 „О щоожь онъ бѣдный чинить въ той дорозѣ,
 Чей ся до мене поверне пазадъ!“

Совѣсть му сéрдце загадковъ пожерала —
 А кару Бóга пригадовалъ громъ!
 Душа, що любвѣ для блыжныхъ не знала
 Судьбу небесну вѣщувала въ томъ!!..

Перепудженый заснуты не може
 Съ сумнію гадкою при оконци сѣль —
 „Провіны мои простї менѣ Бóже!
 Вздержі ще иныцѣ спрапедливый гнѣвъ!!“

Но Богъ ласкавый, не зáразъ карае
 Хотай не однъ тжко провиниа —
 Нашон попráвы, покуты чекае
 И корчмарéви часъ той продолжиа.

Лише пиниацю побéниа подмулиа
 И всю горéлику побрала съ собою,
 Щобъ бóльшиe людii эъ уму не зводиа,
 Въ бéзвѣсть поплыла съ грбмкою водбою!

Ичола.

78.

Прощенка обидз.

Ликбргъ, слáкного Спартáнскаго закоподáтеля оудáрилъ въли одного разъ дéрзкий молодкій человéкъ палицею по лицу. Пародз оукáйдѣвши окровавленое егò лицо такж розсéрдили сѧ на тóго молодого человéка, цю отдалъ егò самомъ Ликбргъ, авы тóйже провиниацю, оукарали по своей вóли. Ликбргъ взяли егò съ собою; но въ мѣсто кары казали бихъ смѣ посабгокати и постыпали съ шамъ дѣже благосклбшно и ласкако.

Ялкáндэри, такж называли сѧ той молодкій человéкъ, исполнілъ охóтио кеѣ егò покелéнїя. Бéдчъ свѣдкомъ наочными стрóгопи Ликбрга жиизни и трудолюбїя, начали бихъ съ кóждою хвилею егò бóльше почитывать а наконеци чистосердечно роскали сѧ, цю такж великого и честнѣйшего мѣжа образиа.

Прилѣрх тóго взорового мѣжа такж сильно на Ялкáндра подѣйствовалъ, цю бихъ самъ по короткомъ часѣ не шё поправили сѧ, но и цѣлкомъ перемѣнили свой плохий и дéрзкий правъ.

В. Волянъ.

79.

Лáстóвка и воробéцъ.

Лáстóвка веснóю защебетáла:
 „Всегóмъ си добра лéтомъ узбиráла —
 Пóлни тá маламъ всé оборóги
 Тенéрь зъ далéкон прíшилámъ дорóги;

Не застáламъ дóма нíчъ,
 Бо все миѣ съѣль воробíчъ —
 Переvéль, поjль, поnиль,
 Менѣ кускá не лишилъ!“

Воробéцъ скáче, въ бчи вї плюѣ:
 „„Кто на хлéбъ рóбитъ, хáты пильнúе, —
 Кобы ты лéтомъ на хлéбъ робýла,
 Тобысь въ зимѣ ся не волочýла.““

Пчола.

80.

Д р ó х в а.

(Изъ Фогля.)

Дрóхва есть пáйблкшою європéйскою птицю, хотѧ її жdrавéль съ скóми высóкими ногáми и дóлгою шkieю ꙗдо высóкости перекышшае о кóлкка цáлфвк. А прéцкнъ мáло кто ю зpáе въ Нéмеччинѣ, а пáветъ и не мнóгий тамъ, где онà властíко перевыкáе, кóло Крýмъ, въ долинахъ сéверной Греции и на островѣ Севéа; понеже онà ёсть джé полохлíкою, коjвлíкою, мéдорою и прозóрою птицю, котрà при паймéншомъ солийтелкимъ или покомъ поакацнию и порвашению изжáмъвáе ся и бýсíлde охоронити и спастi севé тикъ пайскóршилии вýгсткомъ. Къ

тόмъ сльжатъ вѣй вѣльше иоги ѿкъ крѣла, хотѧй
и тѣи розиростертии мѣе ѿки стрѣси при вѣгествѣ,
ви котрѣмъ и егѡ залѣдко хѣрти догнѣти мѣже.
Однакожъ мѣже онѣ такожъ и лѣтати и зиачно
са вѣ горѣ вѣкъ вѣздѣхъ изнестї, ибо сѧ дѣе имен-
но вѣ осенїи и зимїи, коли то онѣ звѣчайно вѣ
вѣльшомъ токарішествиѣ милѣйши отвѣивѣ подо-
рожни. Сѣмѣжъ, котрѣхъ отличае военикъ оѣси,
сѣть особено на ѿрїи дѣже охочими до ворвѣ;
при тихъ ворвѣхъ ветаѣ ими до горїи иѣркѣ на
голокѣ и вородѣ, онїи оѣдарѧютъ хѣостомъ о
землю вѣкъ иблѣгѣ, ѿки то рѣвлати ѿидоры, и
кѣсѧютъ и подскакѣютъ пасынио одиши пропѣи
дрѣгомъ. Лѣвлати пухъ на конїи вѣрхомъ и ско-
рыми пеами; перѣдъ котрѣми наивѣлакши мѧютъ
стѣрѣхъ. Закеѣдки однакожъ есть пухъ лѣвлѣ дѣже
тажайкою, а оѣспѣхъ можъ звѣчайно осажиѣти
лишь чеरѣзъ ѿкъ крѣтио, и. пр. чеरѣзъ перевра-
ние сѧ лѣвци и т. д. попѣже та хѣтра штѣцѧ
зиае дѣвре иѣзинати и розличати скончѣхъ воро-
говъ и пухъ оѣжке.

Вѣ Крѣмѣ, оповѣдѣе одиши подорожникъ, па-
дѣи вѣвалжемъ чѣсто гѣрмы по сброкъ до патѣде-
сать дрохви, котрѣхъ на тѣй љисѣй, рѣкии пла-
тии при пухъ вѣлїкости можъ вѣло оѣниѣдѣти вѣ
бѣтостаюю ѿкѣхъ три вѣсты. Скоро иови оѣзрѣ-
ли, изѣмѣли сѧ; передиѣйши, котрїи снаѣдѣ ѿко
найстаршии и наймѣдрѣйшии чатѣвѣли, позирѣли,
вѣтѣгниѣкии до горїи дѣлгѣ шкю, недовѣрчиво
на сплижайчии сѧ иови и здакали сѧ сльдѣти,
чи они не оѣкрякае лѣвци. Нѣ рази дакали на
дѣгествѣ крѣвѣи вѣ сбѣи сплижити сѧ, оѣлѣтѣли
однакожъ потѣмъ тажѣло сѧ подпосачи, скоро

пово́зчикъ стáлъ, авы́съмъ моглъ до иихъ зъ рѣчи
ніцъ вѣналити. Поедио́кого че́ловѣка пришѣстялъ
онъ залѣдко на четвѣриста крѣпокъ до сѣва. Бе́з-
дѣла стара́лъ сѧ мѣй товáришъ ихъ обманѣти за-
вилаючи сѧ въ кожѣхъ; дро́хъ помѣрковали, когдѣ
кожѣхъ открыкае, и взвесли сѧ до горы въ бѣ-
сто́йко, въ котрѣмъ не моглѣвъ ихъ вѣла досаг-
иши. Но при всей ихъ осторожности, недовѣре-
чности и мѣдрости, знае хѣтъ че́ловѣка и па
иихъ способы: Звѣчайно вѣзвѣдѣжасъ путь илѣ
шѣстъ стрѣлацъ воло́бымъ вѣзовимъ изъ стѣнъ;
скоро дро́хъ вѣвѣчѣти, кла́дѣти сѧ на лѣзомъ на вѣзѣ
и опи́вѣдѣжѧютъ помалѣ стадо. Въ пѣнихъ бѣсто-
йахъ засѣвѣа сѧ одиныхъ по дрѣгомъ изъ вѣза, и
остае на землѣ розпростерто лежачий. Дро́хъ по-
дивлѧютъ на вѣзъ съ великою открыгою, не подле-
тѣютъ одиакожъ до горы, икже дѣлъ вѣзъ есть
отъ иихъ бѣдаленій на вѣстрѣла. Скоро сѧ тѣа
опи́вѣздка совершила, то щде послѣднии стрѣ-
лѣцъ, котрѣй сѧ лишилъ на вѣзѣ, прѣсто къ дро́х-
вамъ, котрѣи подносячи сѧ тажѣло надѣйтѣаютъ
зѣвеѣдки въ засѣгъ вѣстрѣла одиоего зъ докѣла
поставленыхъ стрѣлацъ.

Лѣсо дро́хъ не есть такъ икѣспе лѣкъ вѣро-
пѣтки, одиакожъ мае вѣборыи смакъ дичинъ.

B. K.

81.

Б 8 р л а к з.

Сѣнце западае
За высокї гѣры,
Товарь повертае
До свои обѣры;

Лишишь яй нещастный безъ кута, безъ хаты,
Где голову склоню? не знати — не знати.

Листъ гоненъ вѣтрами
Хоть колись спочине,
А лодѣ водами
Берега достигне . . .
Лишнѣ яй не могу путь мой уkońчнти,
Анѣ ся до моего берега добити.

Иташна малая
Своё гнездо май,
Сли буря страшия,
Она ся ховай;
Лишь яй дождя, бурю терплю бѣдолака
Слота и погода, то менѣ однака.

Акъ глубъ сивенький
Не вѣрне до побчи,
За иймъ другъ миленький
Продивиле очи;
Лиши менѣ никого нема хоть сибмнуты,
Долгожъ такъ на свѣтѣ въ самотности бути?

Віджю въ супокою
Жіютъ други люде
Красною веснобою
Дыхаютъ ихъ груди;
Лишнѣ мои гробе нигдѣсь не лишило,
Абы хоть годинку сердца не мутило.

Кто разъдорогѣ
Сердце пострадае,
Тому щастье все
Вѣчно ютѣкае,
Лишнѣ сиротою, бурлакомъ стае си,
Николи до щастя споего не добие ся.

И. Гушалевичъ.

82.

К о г ё т ь .

(Изъ Ленца.)

Красный, гордый и отважный когдѣ есть
мѣжъ всемъ дрѣвомъ на прѣемиѣшай. Въ горѣ
несе днѣ свою огненѣю голову, на всѣ вѣки
стрѣлѣе свойми огнестыми очима, и жадне не-
веснѣнѣстко не знайде егда не приготованого такъ,
ако сѧ не поставили до ворви. Гбре каждомъ чѣ-
жомъ когдѣви, котрый сѧ поважитъ, мѣжъ егда
кѣркѣи сѧ показати, и гбре каждомъ человѣкови,
котрый сѧ поважитъ, въ егда пристесткии котрѣ
изъ егда любокъ зловити! Кое, и то гадае, то знае
днѣ розличиими тѣами и розличиими поставами
тѣла вѣразити. То нарази чѣти егда голосно склы-
кьючаго ской любки, скоро где вѣнишахъ икѣ зѣр-
но, попѣже днѣ подѣлѣе съ иими всѣ, и то надѣвае;
то знѣвъ вѣдно егда гдесь ии закѣтии греваючо-
го, где искама сѣлами сѧ старае, зловити гирѣздѣ
для тѣи кѣрки, котрѣ предъ всѣми на вѣдѣкше
любитъ; потомъ самъ на челѣ провадитъ въ пѣни
свою гѣрмѣ, котрой днѣ есть и защищителѣмъ;
но залѣдво постѣпially икѣхъ сто крѣвокъ, то по-
чѣлъ изъ стайнѣ радостныи вѣсканки кѣрки звѣ-
щаяющи, и то икѣ знесла. Кѣг҃цѣмъ вѣртасе назадъ,
поздоровлѣю лагодиенъко и миленъко, а такъ
потѣшивши ю и севѣ самаго вѣжитъ чимъ скорше
до своего вѣпронадженого войска, ако емъ зновъ
предводительствѣати. Наименѣшъ отмѣнѣ въ воз-
дѣсѣ почѣ, и звѣтирае тѣю своимъ голосникамъ
пѣниемъ; такими голосниками пѣниемъ звѣтирае днѣ,
коли есть пѣниочекъ и коли мае скитати, днѣ есть

йстымъ часомъромъ даа селаніна. Скоро взлетѣтъ на ѿкій плѣтъ авѣ дѣчу, то вѣе сильно крѣлами, пѣе, и здаѣ са ѿкіи бы хотѣлъ вѣмовити: „Ты й панъ! и кто же схоче са змѣрити съ мню?“ А сли егѡ ѿкій человѣкъ наженѣ, то зновъ пѣе изъ всѣи силы, и шѣтъ принаймѣй себѣ за вѣрога, котрому не може шкодити.

Найкрасиѣшѣ оказїе онъ свое цѣлѣ вѣлічїе, сали ранѣнъко зиѣдивши са дѣлгимъ спокоемъ, опѣстити вѣнты авѣ кѣсци и перѣдъ немъ всѣ настѣпющиѣ кѣры радостно витѣ; но вѣре красиѣшій и гордѣйшій есть тогдѣ, коли долетѣтъ егѡ ѿнъхъ крѣки ѿнѣго чѣжоего когдѣта. Онъ прислѣхѣ са, опѣскае крѣла, ставитъ са потомъ отвѣжно, оѣдарѣе крѣлами, и вызывае голоснѣмъ пѣсаньемъ до вѣрбы. Скоро вѣрога обачити, идѣ противъ нѣмъ отвѣжно, не зважаа чи противникъ есть малый или вѣлікій, авѣ кидѣе са скоримъ вѣгомъ на него. Нарѣзъ скидѣти са онъ, пѣрье кѣло шыѣ встаѣ до горы и становитъ щитъ, изъ очиѣ сѣпле са огень, и кѣжды изъ нихъ старае са дрѣгого повалити, скачуючи одиныхъ напротивъ дрѣгого си всѣю силою. И котрыйже преодолѣе? Оба ѿкіи здаюти са вѣти рѣвни вѣ силѣ, такъ и на отвѣзѣ жадномъ не вранѣе. Кѣжды изъ нихъ старае са вѣшишого взыскати мѣстца, авѣ изъ тѣго съ болѣшою силою могли са вѣрти. Долгѣ трае вѣрба, но все не може онѣ трасти. Силы не взмагаютъ са, но чимъ разъ оѣпадаютъ; настѣпѧе хвѣла отпочинкѣ; съ звѣшенюю головою, до обороны за єдно готовы, клювомъ нѣпаючи по землѣ, ѿковы черезъ тое шѣтъли изъ вѣрога, ѿто посредъ вѣрбы такои сеѣ смакуютъ, стоятъ онъ

против сеи. Нараша запече одиши славкимъ и не-
певкимъ голосомъ, попёже еире не отдахиши да-
вре, и из сей часъ лече ся драгий на него. Ся по-
кою лютостию оударяютъ на сеи, борють ся такъ
прежде, однакожъ на конецъ из оутомленя ся аигъ
поги аигъ крила не суть здравий до борьбы, а тогда
то вербти ся они до последнего, и наистрашней-
шего оружья. Они не сканьти оуже волкше, по-
лаки гради такъ одиши оудары последне за драг-
гимъ клювами, и за хвильки ли ся крокъ цер-
кому из головы. Наконецъ онескае отвага про-
тивника; поддаёт ся и онескае листце борьбы;
но теперь еире получитъ одиши сильный оудары отъ
своего горячеля, и такъ кончитъ ся горяча битва;
они оутякае, житъ и берке на цвадли тело, в-
зноситъ крила, онескае хвостъ, шакае где икого
закутка, склонитъ ся, и кидкале гейви кбрка,
попёже ико кбрка, гадае найти тое сожаление,
икого не може ся ико когдти паджати. Поведи-
телъ однакожъ не даёт ся жадкимъ кидкале-
ниемъ овманти; откуда и ви крилами, ико и
спирас ся горячи ского противника, котрый ся
оуже волкше не поронитъ, хотавы и скончали ся
подъ оударами ского розлющеннаго поведителя.
А же за звичай домашний когдти ся волкшою
отвагою ся боре, есть очевидно; и редко про тое
отважье ся поведенки, санки ся шимъ подзиней-
ше и на одиомъ овчиню жилъ, коли зновъ ся
шимъ ся мѣрити.

B. K.

83.

Пчола и мотылъ

По улівній, нôчиой тûчи
День весняний засвіталь;
Не за долго сónця лûчи
Блісни ясно скрòзь хмаръ валъ.

Вся тварь въ скóрѣ зъ сну трезвїе,
Все живо́тино въ бка мигъ
Въ возду́сѣ и низъ дзвізїе,
Мче сквандіво на подвігъ.

Блища́чин рбсы пёрлы,
И скуплённыхъ мрâкобвъ смугъ,
Скоро сónциа лучи съжёри,
Побренѣла пчола въ лугъ. —

Щоби зъ цвїта медобкъ ссати;
Сцібить панцокъ въ зель колпакъ,
Тужъ при пей мотыль крилатый
Стрепоталь ся іакъ вѣтракъ.

„Що ту робинъ мухо бура?
Мерзинъ ми найкрасій цвїть!
Ниени ся по землю іакъ цюра —
Оваде, гбрькай ти свїтъ!

Іакъ каліцъ росій ся опіла
Лéдво дыхає іакъ міхъ,
Криві лâбы въ дыхы вбіла,
Ой не здêржати ужè сміхъ!

ІА то на цвїтѣ ся знаю,
Цвїтиною шатою знакомитъ
Всѣ въ скóрѣ въ кругъ облѣтаю,
Іакъ мура зъ нихъ вони сїтъ!“ —

„Смѣй ся, лѣтній, мой мотыльку,
Не за долго впадешь въ сѣть;
Пустын хлѣбецъ вѣкиѣ на шпильку,
Тай сковав въ стѣнину класть!

ѢА тымъ часомъ хоть повѣли,
Слѣжу мѣду до циційцы,
Собѣ въ зіму, гаадѣ къ воли
Вѣсѣ до церквиѣ тай сиѣтлайцы.“

Лукѣ зъ Ракова.

84.

Оу тѣвѣ самоѣго еѣтъ свої розуми.

(Изъ Влад. Даля.)

Козѣлъ оѣнадилъ сѧ оѣ городѣ: вѣвѣло йакъ только пастухъ вѣжнѣтъ свою чѣредѣ, то цапокъ зъ розѣ йакъ добрый пдѣ, головою покише, вородою потрѣбѣ; а скоро үлопицѣ присѣдѣтъ гдѣ оѣ йарбгѣ камѣничками вѣхити сѧ, то цапокъ простижнѣко вѣжитъ въ камѣстѣ. Рази пойшолъ онъ той же знакомою дорогою — пдѣ сопѣ та пофиркѣ. — На той часъ откѣла сѧ дѣрилъ бицѣлъ отъ чѣредѣ, зайшлѣ въ вѣрланѣ, крошикѣ та лопишикѣ, стѣла тай влѣс и оглаадѣ сѧ, чи не зпайдѣ сѧ йакий добрый человѣкъ, цюекъ ю вѣвѣлъ изъ той вѣдѣ. — Оѣнідѣниши козлѣ, оѣрадовала сѧ йакъ рѣдномѣ вратоки; „пойдѣ“, каже, „хотѣ за шимѣ, чей онъ менѣ вѣнедѣ; также менѣ не першилѣ за шимѣ шти“, оѣ насъ на пѣредѣ чѣредѣ такожъ злѣдно козелъ ходитъ; за шимѣ пдѣ смѣло.“

Пойшлѣ онѣчка за козлѣмѣ; онъ чѣрѣзъ рѣвѣ, и онѣ чѣрѣзъ рѣвѣ; онъ чѣрѣзъ тѣшѣ, онѣ сопѣ чѣрѣзъ тѣшѣ, тай закрѣла сѧ шимѣ въ огородѣ. Сего розѣ

Загланила гакось то огородникъ ранише въ свою капусту, и обачила непрошёныхъ гостей: охонила хворостий, та пустыла ся до нихъ на привитанье. Козелькъ метчейшии огненъ перескочили назадъ черезъ нихъ, драныла тай пойшала сюжъ въ чисте поле; а вѣдна окечка замотала ся, стяла кидати ся въ дерево на всѣ стороны, тай попала ся въ рѣки. Не жаловалъ же и огородникъ скони хворостий, съ вселнию поломали на вѣдиной окечцѣ, такъ про ожегъ онѣ стяла не скони голосомъ, а помогчіи нема комъ. На конецъ огородникъ подѣмавши сюжъ: макий гараждъ! сирѣ огненъ дѣрий бицю, та потомъ господарь напастовать вѣде — и кіигнали ю коротцами, але сирѣ такои на дорогѣ париши маки вѣдолжи добрѣ хворостию.

Прийшли, бицѣ въ чередѣ тай плаче на козлѣ; а козелькъ каже: „а кто тобѣ казалъ хвостомъ за миою вѣтрати? маки пойшала, та на свою губиѣ; а коли мажайки менѣ вѣпаритъ вѣки, то маки на кого не вѣдѣ плакати, ни на господаря, чомъ домѣ не гадѣ, ни на пастьхѣ, чомъ не сокотила менѣ — по вѣдѣ молчати та терпѣти. А ты для чоего понесла ся за миою? маки тенѣ не клякали.“

И козелькъ, хотѣ ледаю, прѣвѣкъ въ сѣми дѣблѣ. Смотри кождый скони очима, развирая скони маки огненомъ, та иди тѣда, кѣда лѣчишь. И огненъ такожъ такъ выкасъ: одинъ пуститъ ся на макий вѣдѣ грѣхъ; а дрѣгий дивачъ ся на него, искъ скони за піимъ, а потомъ маки попадѣ ся въ вѣдѣ, парикамъ гѣрько на огнитела скони. А чиже огненъ тѣвѣ самаго не вѣло скони розумъ?

— IA. Головацкий.

85.

Хмароломъ.

Чомусь небо сўмно, бўрно!
 Чорна хмара гудё;
 Въ пей клекотйтъ — гейже дўрио!
 Скажётъ, що то будё?
 Весь небосклонъ затемнилъ ся,
 Щось спѣтонько засмутілъ ся,
 Чогось люде ся сбѣграютъ....
 Щось голбсять — щось порожжать —
 Непокоятъ — все си трвожжать —
 Йакэсь ліхо завѣчайтъ!
 Чи ужѣ конецъ свѣта?
 Ахъ! не знати, що ся стаине?
 Будуницу кто отгaine?
 Зиѣдай?... Нѣть отвѣта?

**Въ такомъ непокойю и такой трвожѣ вѣли сѣ-
покойни житељ селѣ Олкшаницѣ, Станиславскаго
окрѣга днѧ 24. Липца 1851, похи памъ нѣко-
гыѣкайкое не дѣло странишаго откѣта!**

Оўжѣ наперѣдъ завѣчали людє на три потопы
сего года, приключити сѧ маючи; по нашѣ жи-
тељ не вѣдѣчи при кѣдахъ, не падѣжали сѧ вѣль-
шши опасности, йакъ тѣчи и грѣдѣ, а о потопѣ
шіже дѣмали. Но цю людє говорили, то вѣгово-
рили, а нѣво исполніло тобе на нихъ, хотѣ дѣ-
кодъ далѣкихъ.

Отъ досвѣта реченоаго днѧ, занимали сѧ
людє весело жиївомъ, полъзбючи сѧ рѣдко сего
дѣта придѣлившили сѧ мѣнѣмъ, краснымъ днѣмъ.
 — Эзъ полѣдниа настала не зносима пѣриость и
дѣшиость, а предчувстко вѣцивѣло настоѧщю бѣ-
лѣніи вездѣ; но мѣниость нѣва, спокойниость и

тóе, іро днёму вперéдъ тóча градовà сж велíкою злíкою тóдà переходíла, не дои́скáли вéрити въ предчвѣстко! Однако о пôлк до шéстои годинки по полдни сполніло сѧ въ стрáшилъ спóсобъ тóе, іто предчвѣства запокéдáли. — Оұжé окóло четвéртои годинки поімѣли сѧ отъ сїверно-восточной сторонкі вѣлáвіи хмáры, котріи моякъ высокій горы напрѣгъ, один на дрѣгахъ виростали, и юковкі изъ зáдѣ всѣми вихрьами гиані, саділи сѧ надъ наше село, и въ окрѣстностяхъ егò обкинали. Не минѣла година, а въ перенéртахъ, въ вѣшахъ и въ низъ гонеиши хмáры сг҃віфали сѧ, змѣнили сѧ въ тéмрѣвъ, и саслонили лицѣ скѣта чорною побчи по-волоکою. Гробы загрѣли, моякъ пѣсни погибелью передъ стрáшилъ сѣдомъ! а пе́рвихъ ряснили оұдáрами запокéдáли сѣмоглáдъ природы! —

Темнота грѣба огориша землю, а ецие грѣбша тѣгà и сѣмъ огориша сéрдца людескій, и лішкъ вліскавицѣ не оустанио продирѣли тъмъ, іровъ жите-ламъ юкийши гибелъ оұказати. — Такъ трѣало до пôлк до шéстои годинки. Хмáры никѣда не по-сѣвали сѧ, гейки тѣтъ имѣ почовати; и такъ сѧ стáло. — Мало згодà — зачала вихрь лаго-дити для шихъ легбвишре; а по тѣмъ на часыкѣ все оұтихло. . . . Мѣккы природы застанила сѧ надъ тѣмъ, іто мала сѣдѣлати! Вразъ глахій шѣмъ, юко лихонбескій ворожбіти въ лѣса за-вѣли а велікій каплѣ дождикъ лали сѧ прокидати, и запокéли йгришре. — Нечалано кстраслі сѧ за-вѣски пѣва, а стѣла висачихъ надъ нашими голо-вами хмáры зачала сѧ сж трéскомъ ломити. Кся природы застогнала; а зконъ стрáхъ закозжалъ

смертельных до молитвы; все про жило, оупало на колени и рыдало: „Отче наш!“

Где-то, клякотьло, гробы вены а водки ловь изъ коньки жебхали — тьма и лытве не дозволали и найдут важнѣйшомъ постѣти сѧ на скѣтъ — залпик роспачалъ гостинъ! . . . Година — не сорокъ дній! Ахъ, тажко оуплѣрити, цю заѣздъ оказались сѧ очему нашили, когда скѣтло опять забрало, и мы подняли сѧ, оупрѣлисъмо потонъ, за макій никто въ Ольшаницы не прикаже! — Есть хаты окрѣжили сѧ водами, оуплицѣ и провалы стали сѧ рѣками, а потону, когдай повсегдѣ имени скобою сѧ встѣдѣ, игралъ волнами широкого Днія! Воды всіода прѣдомъ гнали, въ мгновеніи сопрѣли сѧ въ котлайнъ посередъ селъ и оуптворили море, на котромъ до совершенія страшного образа, мѣсто кораблѣвъ цѣліи вѣдкими плѣвали; слѣдовъ сталисъмо сѧ ненадѣйно надмѣрскимъ селомъ. — Но и въ сей великой пригодѣ влагодать Божка вѣла сѧ нали! разъ, про потонъ не започували оупаскъ, а потомъ, про горючѣтое положеніе не дозволило разширить сѧ погибели; а на изнанкѣ, где кѣды сопрѣли сѧ, не вѣло оуже одиони хаты, когдѣ въ самотности прѣждѣ тѣ стояла, и лишь таѣ стаала сѧ жертвою разг҃еканыхъ, ліотыхъ вѣли. Жители тѣи оупратокали сѧ тѣмъ, цю вѣли въ поли, и лишь одиа стара жецина, стерегша дому, попала сѧ въ опасность. Когдѣ застала ю, коли изъ скрипѣ одѣжи на шѣчъ ратокала; по оупрѣкии ворога въ окна и двери виадаючаго, покинула скрипію и ратокала сѧ до шопы; а коли ю и тамъ дѣка стрѣла ногонїла, вѣдохла сѧ на постро; эхъ

бттамъ изгнана, послѣдное привѣжнїе на верхъ-шопы занѣла взыкающи помочи! Но надѣрмо; во кромѣ: „пай та Богу ратѣ!“ болѣшонь отъ перестрашеныхъ помочи одѣржати не моглѣ.

На зѣйку, крѣкъ людѣй приспѣхъ сваірѣнникъ съ оѣчнѣтелѣмъ, а той послѣдній рѣшился съ въ сей часъ побѣсти въ топель, доплылъ прастаіво стрѣхѣ выгладѣючи изъ водѣ, и спасли на пѣлѣ заковѣзю старѣю женщина отъ неохѣбнои смѣрти.

Но тое вѣло лишь началомъ страшного зреілища и разорѣша, котрое потопъ нанѣхъ въ наливѣнію.

Опѣстивши Ольшаницю, погналъ въ простѣ долинамъ, заправши мосткѣ, греваѣ, дѣренко и маѣнъ при горѣніи, и сковѣннѣвшіи съ по дорѣзѣ съ четвѣрта, въ окрестностѣхъ Ольшаницѣ возвративши водамъ, гейки Дѣнаамъ, до Мѣлована. — Тамъ спѣрланъ съ болѣни съ докѣчею на камениблы, твердѣмъ мѣстѣ, а не могучи егѡ преодолѣти, въ нетерпѣности кинѣланъ съ на лѣво въ вѣкъ, и оѣдѣрили на корчмѣ тѣ при гостинци стоярѣ. Бы ней застали кромѣ родинки шинкарѣ и миогиыхъ изъ поль поѣтѣкѣнниихъ рѣльшиковъ не мѣло такожъ поклоннинковъ корчѣмнаго бога „горѣлки“. Пѣліи прокрѣзили съ скоро, прочитавши велїкими вѣквами въ окнахъ и дверѣхъ написаный дѣкретъ: „Смѣрть пїанійцамъ!“ Не вѣло оѣжѣ часѣ до дѣлкши при кватирѣ завѣкъ; а хотѣ цѣлѣ шинкѣя вѣла отвѣрта, шикомъ не пришлѣ не гадѣ и заглѣшили въ тѣю; по проѣвѣвши стѣло чимъ скорше сїѣшили всѣ на подро и полишали и грѣши и вѣхлѣ. Тамъ ра-

Ховали ся скоро и съвѣстно, а видачи смѣрть предъ очиша, вѣши ся въ грѣди, мовлѧчи: „Боже! дѣшестій намъ, — за наше то провиниѣ карае ся мѣръ —“ а попродирѣши стрѣхъ овѣшивали въ стрѣшио вѣдкіихъ лѣцахъ своеѣ покаѣніе! — Екшие трѣхъ лѣктеи назначеніемъ потопъ стѣни корчёмного мѣръ и написалъ про вѣчнію памятку: „отцы изгнаніемъ Божій дѣшестъ шаковъ потопомъ.“

Оттакъ дѣрвѣши поди мѣрбованіи кѣзници и затопиши двѣ хатки, взѣвиши фѣрѣи стрѣмѣла ся покодъ широкими гостищемъ и долинамъ до Юрковки.

А отъ тога мѣстца зачало ся стрѣшио разорѣніе, тимъ вѣльше опасне для неизѣстныхъ житељіи, чо несподѣвано таѣ заліва предъ нѣчеромъ на нихъ спала, а чо вѣльше, фѣйхъ и дождѣхъ великого не вѣло. На вѣтрѣи закрала двѣ хатки съ житељами, и съ всѣмъ пачѣніемъ; но перенѣгла скоро тое малобѣ сельце, заплативши сопѣ немилосердно себѣ трѣди трѣмѣ хатамъ, четвѣртѣ вѣдкіиами и седмѣ людьми, межи которыми лѣти съ пачеромъ дѣти жертью сталя. — Съ тимъ завѣромъ ломѣли ся вѣдкы тѣсными долинами и ѿрѣгами до Рощека, которою житељи по фѣзкіихъ закѣтинахъ и по перегаихъ ѿрѣговъ потока поселили ся. Тамъ не могучи ся помѣстити изъ ѿрѣговъихъ потокахъ, виѣла на селѣ; сиѣстѣшила огорѣдки, сады, разорила вѣдкіиадесать вѣдкіииковъ, закрала вѣльше дѣвятеро хати цѣлкомъ, и погревла въ скопихъ вѣлахъ двадцать и одного всѣкого пѣла и вѣка людий. Но не доскѣть на тѣхъ, не насытила ся побѣни; дкишучи за новыми жиромъ, пог-

на́ла на Стрыгáнцѣ. — Тѣтъ отъграло сѧ по-
слѣдно съмоглѣда вѣвлѣнїе:

На низинѣ начиняющаго сѧ тѣ Днѣстрѣвого
оуверѣжа, разпростираютъ сѧ густыми переселѣ-
ніями Стрыганцѣ, юккы на тѣ, щобъ мали сѧ
тѣдѣ простирати смертоноснѣ стихии. Истинный
дивоглѣдъ ажъ тѣтъ совершилъ сѧ. Цезарь-
мымъ валомъ котили сѧ на всѣ вѣки вѣды, несѣ-
чий на скопиши волнѣхъ домки, стодолы, кошицѣ,
плоты, дѣрека, ходобѣ и людѣй. Валы, разви-
вали и заверали все, що имъ путь спинало. Одна
лишь мѣрована горальна и мѣстѣ постѣнили сѧ
опорами. Тѣтъ разпочало сѧ морское помвардѣ-
ванїе. Все пакиѣчое крѣшило сѧ и ломило сѧ о
стѣнки мѣровки; и закиали таѣ крѣпостѣ поддѣла
сѧ; и велиитнѣ каменны запоры оупали, вода оудѣ-
рила на лѣкое крилѣ селѣ, и тамъ не милюсѣрдно
гостила. Не минѣла и корчма, тѣю середѣ селѣ
лѣниотою вѣнициа чисто палатѣ. Затрепетало по пѣрк-
шій разъ стоячій на корчелюбій фасціатѣ, золо-
ткимъ вѣницѣмъ оукрашеніемъ, въ лѣвобѣ рѣцѣ
жезликъ грознѣвкій, въ прѣвѣ золотѣ чашѣ держа-
чій — пожка пѣакови Бакчъ! Чѣлѣ залога пѣлиц-
ка не вѣдѣша и не вѣрила опѣстѣла тогдѣ ского
вѣга и егѡ вѣлѣдрѣ — оуѣѣгла вѣдѣ могла, изпо-
сачій рѣки не до него, но до нѣва! а вѣды и на-
мѣлы гѣлѣли и гѣкали по пространнѣхъ и пѣстѣхъ
компатахъ палатки. Тимъ часомъ вѣзкъ ладѣ вѣ-
вирали пѣтои дѣнь таки не сбѣщено, що въ од-
ного заможнаго господаря, одынѣдѣльѣ вѣдѣн-
ковъ и дѣвѣть дѣшкъ вѣдерлъ; а рѣшта селѣ опла-
тила сѧ лиможествомъ ходобѣ и розлѣчиюхъ
вѣдѣнкѣвъ, — о звѣжю и огорѣдинѣ и споми-

нáти — а до тóго єщё житkéмъ сéдмёро людий; нóтопъ оставиаx за тóе лишь сdmикýй докáзъ: „цио нéтъ подж сόлицемъ нíчъ постоáнного.“

Не мóжно описати пбжды, въ котръ попáли са послéднии два сéла; доскóть сказати про все: „Смérтъ и разорéнье!“ Съ захóдомъ сόлица за-кóнчилъ са сdmоглáдъ; а актóры по келíкóй ве-чéри поспéшили съ рýготомъ до Днéвстрà на спо-чýтокъ. Нéчъ покрýла сdmое зréшире, а лишь шbмъ оûпадáючиxъ вóдъ, зáвóдъ и плачъ неpráст-ныхъ жýтелéвъ, и ревъ влакáючиxъ са скóтovъ, голосили почью о стрáшилой пригóдѣ.

На дрбгий день, колиcкmo оглашáли затоплé-ниi мéстца, и коли открыла са намъ картину разорéна, стрáхъ перенáли дáже кóсти наšíи. Сdmик и розпóка, котрà са на лицáхъ неpráстныхъ, везъ крóва и одéжнi влакáючиxъ са жýтелéвъ малювáла, тронáла насъ до слéзъ! Я оûчбши плачъ и зáвóдъ материй гладáючиxъ потоплénныхъ дýтii, мéжéй скóниxъ жéни, а дýтii скóниxъ рó-динчéвъ — кráало са сéрдце наше! Но бóльше, на вýдъ лежáючиxъ по перегáхъ и огорóдахъ тéлъ потопéликовъ, огориáла насъ печálъ и мы мéсé-лисъмо скóро оûстремáти въ тóго потопóвого клáд-вища!

При сей пригóдѣ слéчилося слéдбючое: Одна ма́ти ратбючи чéтвéро дýтii скóниxъ въ хáты, коли опасность разорéнья грозíла, схóнила крé-стикъ на стéни висачий и дáла однóй дýтii въ рбки. Но жестька стрóла не дозволила ей лишь скóю жýзнь спастi! а коли на дрбгий-день шbкáла скóниxъ погибшиxъ дýтii, пайшáла трóе не живéихъ, а четвéртое не вýло. Яжъ окóло полбдна

нашлà са дѣтія, занесена на далéкіи огорóды и
окрыта цѣлакомъ памѣломъ — съ крестикомъ
въшь поманѣтымъ и съ огирочиками въ рѣкѣхъ;
но діво и чѣдо! вѣла живѣ. Чижъ схоче кто перѣ-
чити, що Богъ залѣзды чѣда творитъ?!

М. Козановицъ.

86.

Г м е р т ь.

Газицкій оѣмирѣвъ кѣждого дна въ вѣзни,
що коліскъ оѣмерти мѣситъ.

Безвѣжній жївъ кѣждого дна, йкъ колівъ
шѣколи не малъ оѣмерти.

Аѣдркій однакожъ естъ, кто кѣждого дна
такъ жївъ, йкъ колівъ малъ кѣждонъ годинѣ оѣ-
мирѣти.

B. K.

87.

Іковъ Гербовскій.

(Сказка посмѣртна.)

Іковъ Гербовскій, которого страѣта газ-
вокіи раны въ сѣрдци кѣждого Рѣсипа на дѣлгое
врѣмѧ произвелъ, оѣродилъ са 24. Жолтика 1794
р. въ селѣ Новомък Іжевѣ окрѣста и епархїи Не-
ремкіской. Отѣцъ его Симеонъ а мати Катерина
въ домѣ Лозинскихъ хотѣ не въ пайльшишомъ
состоанїю венчаніемъ, старали са емѣ дѣти
правдивое христіанское воспитанїе, которое на
егѡ цѣлобѣ житѣ, великое и спасительное влїанїе
мало. Симеонъ Гербовскій вѣдѣчи при тамбовской

церквѣ прѣвѣлѣх и оѣчнѣтелѣхъ, салъхъ сжъ велікою старанистїю обѣщалъ скобою любезнаго скіпа въ чтеиїю церквикихъ книгъ и оврѣдѣвъ. Сжъ не малою радостїю погладилъ па скобою скіпа йакъ бихъ при вогослѣженїю церквиомъ и пѣшию нерѣзъ емъ по скобей сіаѣ ставалъ сжъ помочиимъ. Но видачи добрѣй отѣцъ въ скобахъ скіпѣ неовы-
кновеніи охѣтъ и талантъ въ наѣкали, въ остати-
ного потягнѣлъ сжъ тамъ, где трѣва вѣло прастие
скоби дѣтины и щѣлѣи родиши основати, и при
коциї р. 1804. послалъ егѡ до трибѣллиони шкѣлы
въ Кворонѣ, пѣтомъ при коциї р. 1806. до Акѣ-
ва, где трѣтию нормалии клѣссѣ въ вѣсмѣ задо-
волючиимъ оѣспѣхомъ оѣкѣнчилъ.

Тѣю старанистѣть нечалкыихъ родитеlei Богъ
повлагословиалъ; во скихъ незакѣлахъ падѣи и
ожиданіа. Невѣшивши вѣсмѣ въ сіаѣ и состоѧши
до латинескихъ шкѣли, котрѣи теперѣ перѣдъ пухъ
скѣполъ стояли, посылали, проѣздѣнкѣ Гѣжое,
котрое, пѣтииѣ сказавши, падъ тойо родишио
мало попеченїе, дѣло въ Стрѣлавицѣомъ, Прѣ-
дѣаконѣ. Неремкѣомъ пѣренного покровитела,
къ котромуѣ чѣкетко благодарности до остатиони
годиши скобою житѣ покойнии Геровскїи сохра-
нилъ. Благородиѣйшій Стрѣлавицкїи взалъ моло-
дого Икова сжъ совбю до Неремкѣла па оѣ-
пражненїа гумназїаиї, где за егѡ попеченїемъ
въ тѣмже г҃ородѣ гумназїю оѣкѣнчилъ. Пѣтомъ
вериблъ сжъ знову до Акѣва дла слѣчаня наѣкъ
Любомѣдрїа, — По оѣкѣнченїю тѣхъже 1814 рокѣ,
отклалъ вѣль на наѣки си. Богословиїа до мѣст-
скаго шиталира (конкіктѣ) въ Вѣдини; тѣ по оѣ-
кѣнченїю вѣрого рокѣ святого Богослобїа вѣлъ

поставлénіз рѣкáми Его Превосходитељства Митрополита Гáлицкого Михаїла на ийжшій стéпенъ Свѧти́нъства 3. Вересня 1816. въ тамошнѣй парохїа́льной цéркви святого Беатісомъ Велкомѣщеници єпархáры. По трéтему рóцѣ св. Богословїа подчýши сонзволéнїе отъ высокого Правитељства и отъ Его Превосходитељства Митрополита Гáлицкого, пѣтешествовали въ врёма празднинъ въ Хорвáцїю, гдѣ Преосвѧти́нъмъ Епископомъ Константиномъ Станичномъ на стéпенъ Свѧти́нъства 26. Жолти 1817 поставлénіз віаля. По оўкончéнїю четвéртого рóка святого Богословїа поддáли сѧ скóро д. 23. Вересня 1818 стрóгомъ йспытovи изъ оўчéнїя вївлїшного, а потомъ д. 3. Чéркца 1819 изъ Богословїа практикéнного и пасткýрского. Когдà емъ въ такомъ наѣкобомъ оўпражнїшю оўплывало врёма, віаля завозвáнымъ, іюнї оўчéнїе вївлїшное и догматикъ въ ново-оўчреждáемой грéческой Семїшárїи Сибирицкой въ Далмáцїи предподавали. Отъ сего то врёмене начáли Оиз Скоë апостоликїе съ правдikoю реќностю и презрѣнїемъ всâкихъ неукрїгдъ и т҃рѣдбъ. Прїâши тðе возвáнїе оўдáли сѧ въ товариществѣ крилошанина Переਮїского Ялéкса Станичкого, Касиїла Терлецкого, Чертокéцкого профéссора релїгїи, и Икона Честкýскаго, префекта Семїшárїи Академии въ пѣтешествїе и 19 Листопада привіаля до Зáдара, головиоого мѣста въ Далмáцїи. При неспособствїючиx опстојтельствахъ остáли сѧ чеréзъ шѣїакое врёма въ Зáдарѣ ажъ до 21. Ноябрь 1820, котрого то днѧ съ Станичкими отплывали воеvицмъ кораблемъ до Сибирика: прóчїи же товáришїи мѣ-

самёму позднее. Ех Синишикъ наставлялъ че́рэзъ цѣлый рокъ юношество гр. несоединенное церкви въ головнѣишихъ правылахъ святой вѣры ихъ родимыхъ срѣскими азкіомъ; когда же д. 10. Чертца 1821 Отчизнѣцкого подчасъ Апостолъ ваня за мѣрами Синеніцкими оубыто, пересталъ Икона Геронскій дѣлѣ наставляти реченою юношество и лѣтною порою 1822 рокъ покерівалъ сѧ до Задара. Прѣдѣсему отлучалъ сѧ Икона Геронскій нестомимымъ трѣдолібіемъ и хрѣстіанскому любовию въ вѣдкимъ и неизвестливымъ, про скѣдѣтельство Капитѣлки Синеніцкой похвально таکже прѣпахъ добродѣтельни пайвѣльше исполніе. Тамъ то добродѣтель т. е. печеніе сѧ оубогими токарішами емъ че́рэзъ цѣлую жизнь и приобрѣла емъ памѧть и любовь въ каждомъ сослѣдію житељства.

Покерівшіи знову до Вѣдна пѣрвымъ днѣми Марта 1823 тѣго самаго года поддали сѧ строгомъ искушени изъ Богословія догматики. — Когда сѧ къ четвѣртомъ искушѣ приготовлялъ завозванихъ вѣлакъ, авѣ мѣстце профессора при Лѣбовскомъ всесчилии изъ оученїя вѣлайшаго застѣналъ. Пришѣдшаго до Лѣбова завозвала Митрополитальна Консисторія за сонзколеніемъ гвардійскому изъ д. 9. Апреліада 1824 рокъ въ дни святочіи и недѣльни, до оудѣленія пакъ реїтѣйшихъ въ рѣскомъ азкіцѣ изъ тамбовской академіческой гимназіи для оученішкѣвъ рѣскаго обрада. Но тѣхъ завозваний не привѣдено въ житїе. — Кѣлка мѣсацѣвъ позднѣйше поддали сѧ Икона Геронскій искушени конкрадескомъ для полченія чина профессора дѣйствительного изъ

речéного. предмéта, а 26. Августа 1825 здстáлъ дѣйстви́тельныи профéссоромъ на ксевчйлиции Львовскому. Трѣдкі сего мѣжа въ речéномъ чинѣ оўзиали Саму Егò Келічестко Фéрдинандъ I. и надворна комісса падкъ оўзданила егò отъ четвérтого стрóгого искуита, въ котóрого оўкодиче-нио скóму покéмъ звáилемъ вълъ переплатство-ванъ, а 4. Чervца 1836 возвышили вълъ на стéпенъ академíческай дóктора св. Богослóвїа. Ещё тóго самóго рóкѣ одноглásно вýвраныи вълъ за декáна отдѣлью богослóвскаго. За мно-гоцѣннии трѣдкі именовали Его Келічестко 1840 рóкѣ KI. Герóвскаго почéстныи крýлошаніомъ Собора Переяславскаго. Его рóкѣ икóрыи разомъ одноглásно вълъ опрáнкии за декáна отдѣла свя-того Богослóвїа и рéкторомъ Бисевчйлициа на р. 1842. Его Прекосходи́тельство Апостолитъ Гá-лиций Альхайли оўзиаючи заслѣги егò именівали егò 1846 р. скóтишкомъ консисториáлии изи-рáючи въ осовéниомъ писáнию Ихъ великое оўдо-вокльстїе, а 1850 р. порѣчили емъ рефератъ съ прáкомъ гóлосъ въ засѣдáнии скóи консисториї.

Кромъ речéныхъ заслѣгъ мáе Оихъ ещё и иной не мénше важнїи кóло пла́га скóга народа, — не-стáинъ во трѣдїахъ сѧ шилъ и промкишлáлъ денъ и нöчъ, юккви скóй пародъ, котóрого чистою дз-шéю и горáчили сéрдцемъ любилъ, возвигнѣти и на принадлéжнїй стéпенъ постáйти. Ни слота ни иной непрїемности нефтїшили егò твердомъ вóлѣ, если ходилъ о добро скóихъ роди́лищъ. Такъ отецъ Икона Герóвскїй изъ всéхъ взглáдовъ, юко склїцнїи, юко профéссоръ и юко обывá-тель краю есть чрезвычайныи членокъомъ,

макіхъ мѣло, котрого завчасна смѣрть (оѣпокойахъ сѧ д. 5. Европа 1850, въ 56 роцѣ скіого житїа) въ щѣбломъ пародїѣ дѣже полестикїй ккікликала єтголоси, йакожи въ однодї родини, котрѣ стратити пайлюпевшишаго скіого члена.

Зоря галицка.

88.

О Енера или Збрнїци.

Ближайшою єткъ землї въ сольца планетою естъ Енерѣа или Збрнїца. Она по сольца и мѣсяци пайдакше пазыкѣ очи нашіи, и йасиѣйшіе кеѣхъ планеты влестити. Понеже она влестити або переди косхбомъ сольца або послѣ захода єгѡ, и вірѣ въ зарѣ єгѡ, то пазыкѣ сѧ „Збрнїцею“, также „оутренюю“ или „вечерюю“ звѣздою. Іко вечерюю звѣздѣ пазыкѣли ѿдно дрѣвнїи „Геснеромъ“ а іко оутренюю „Люциферомъ“, или „дениїцею“ йакожи предковѣціяю сеѣтло дению.

Енерѣа мόжно въ денкъ видѣти не только телескопомъ, но такоже пѣкогда самимъ невидѣженкимъ єкомъ, о подложчи же вѣкоби не вѣдно.

На Енерѣа оутренюли тѣмни и йасиї патна, за піомочїю котркихъ опредѣлено, ію она опертае сѧ около оси скіоги въ 23 годинахъ и 36 минитахъ.

Также открыто па Енерѣа горы, котрїи въ южномъ полушарїи пайдышшии суть па $3\frac{1}{2}$ до 5 миль.

Она отстоити єткъ сольца 15 мілліоновъ миль, въ землї же привлажає сѧ па 4 мілліони миль.

вдъльше ўаку прόчий плаи́ткы. Еслі́бы тогдà ей къ землії обéрнена сторона въла освѣтлена; то въ онà представлала сѧ ей ўако блестáча алья 20 разъ вдлъшю ўаку овѣкновéнно. Ей пайдáльшое бтестоаніе отъ землѣ въпоситъ 35 лїллбондук міль. Когдà онà пайденгбішє скѣтитъ, то на вѣ-
лой плоіцади можно відѣти тѣни отъ неи.

М. Малиновскій.

89.

Мѣдрый сѣдїа.

Однікъ человѣку вогаткій згѣйли разъ зна-
чнѣ сѣмлѣ грбшій, котрій малъ зашйті въ пла-
тнѣ. Овѣкстнлъ свою шкодѣ и приокѣцлъ тб-
мѣ, цо ихъ зпайде и смѣ бтдастъ, нагородѣ сто-
таллрбвъ. Не задбаго потомъ прїишолъ до него
человѣку, котрого граммота лицѣ самого скѣд-
чіла, цо есть честникъ, и каже: „Башни грбши
пайшолъ я, такъ сѧ менѣ пришампѣй відитъ
— отъ тѣхъ ихъ мѣсте!“ Отдаючи мѣнилъ тѣи
словѣ съ прїазнѣмъ козрѣніемъ па оўрадованого
вогача, котркій ажъ сѧ цѣлакій страваслъ, поднѣн-
ши пазадъ до рѣки грбши — во ѿкого честного
характера вълкъ той послѣдній, покаже сѧ скоро.
Онъ числилъ сѣмлѣ, а подъ часи тога спрѣ скѣр-
ше дѣмлакъ, юкимъ въ то способомъ овѣцлакъ
такѣй при сбѣ лишился. — „Мой дрѣже!“ сказа-
лъ быкъ по хвѣли, „а 100 таллрбвъ гдѣ сѧ по-
дѣли? — та тѣ вѣло 800 зашитыхъ а ѿ нахѣжъ
лишь 700. То въ знати оўжѣ 100 таллрбвъ самъ
есть совѣ вѣйши — Но, дѣвре сдѣлалисте;
дѣкѣю вали, праіцайте!“ — Честникъ нахѣдчикъ,

котрому не такъ о 100 талларовъ нальзного ходило иакъ о незпорочиѣ славѣ, запевнѣлъ, проѣзаѣ пачкѣ, иакъ пайшолъ, такъ и пришеслъ, не загадающи до нѣп. По малой переговорцѣ вѣтчица сѧ цѣлѣ спрѣва перѣдъ сѣдїю. Опѣ сопѣрники и тѣ оставали при себѣ; одиши твердѣлъ, про 800 талларовъ зашілъ; а вѣтровъ, про изъ пачки иѣчоего не прѣлъ и про пачки не парѣшилъ. Тѣ вѣло тѣжко порадити; одиакожъ мѣдрий сѣдїлъ, котрый бѣже па перѣдъ догадовалъ сѧ честности одиоего а злонамѣренїя дрѣгого, велѣлъ все, про опѣ мокіи, еште разъ вѣ особына покурить и тѣс заприсанѣти, а потомъ вѣдалъ таѣй вѣрокъ: Попѣже, если одиши вѣ касъ згѣвѣлъ 800 талларовъ, а дрѣгий пайшолъ лишь пачкѣ сѧ 700 талларами, не могѣтъ грбши послѣднаго вѣти тѣи сами, до котркимъ мае прѣко нѣркій, то ты, честныи человѣче, вѣзкми про тѣи грбши, котріи пайшолъ еси, вновъ до сѣне, и заховай ихъ добрѣ, ажъ пѣки сѧ той не зголѣнитъ, котркіи лишь 700 талларовъ згѣвѣлъ. А для тѣне, прѣте, не знаю ишшион рѣды, иакъ авѣсь потерпѣлъ, дѣки сѧ не звѣститъ той, котркіи пайшолъ твои 800 талларовъ." Такъ вѣрокъ сѣдїлъ и при тѣмъ остало.

В. К.

90.

Кѣткъ сѣѣлъ чѣтыри волкѣ.

Кѣжути чи мѣло:

Що кѣтъ сѣѣль сало;
То мѣже быти,

Но доложити:

Що не на рѣзъ то,
Но густо, частво

Окнёмъ изъ дво́ру
 Лáзилъ въ комбрю,
 Мáло по мáло . . .
 Съезжъ цвáлè сáло! —
 Но я, ей Бóгу!
 Сказáти могù:
 Що гóршу змáзу
 Зроби, отъ рáзу;
 Четыри волы,
 Кобы сокóбы
 Съезжъ — не встыдáль ся
 Лишь облизáль ся, —
 Не давио тóму,
 Отъ якъ си стáло:
 Слухайте мáло,
 Смéйтесь потóму. —
 Гриць, ду́къ знакомый
 Дýже знакомый,
 Щобъ неёго мати
 Тымъ ся вычишили,
 Скуный до тóго
 Во мae много!
 Гробиць ци мáло
 Щобъ иштётемъ стáло;
 Тай не пустовць,
 Но сороковць!!
 Въ стаканахъ сложéни
 Въ прóсъ уточленéй. —
 Свáто — не свáто,
 Кобы богáто
 Лишь заробити,
 Торгъ не пустити;
 Надъ тýмъ мудrúe
 Остро нильнуé!
 Четыри волы
 Кобы сокóбы,
 Сíвй, рогатý

Въ сíду богáти
 Краенон рáсы
 Зъ дóброи пáши
 Лáдить продáти;
 Нужъ на тбргъ гиáти!
 Тай чи погáно?
 Въ недéлю рáно,
 Щобъ до цéрковцў . . .
 То не въ голóвцѣ! —
 ЙАрмарокъ бúде;
 Коли пдúть людe;
 Про що не дбáти
 Щобъ грóши взáти?
 Лишь продрóхаль ся,
 Встáль — розчúхраль ся,
 Молитись не мóже,
 Сámъ пíдинъ, о Бóже!
 Во стойте волы,
 Та не ма коли!
 Черéсь свой зниль,
 Йкивоть инрезáль; —
 А жéника мýло
 Іакъ мотовáло
 Хуткое звивáе
 Въ путь выправляе
 Муженька своего
 Грицька мýлого
 Тай промовляе;
 „Гáдинку, мóбку!
 Ты мóй голóубку
 Ничóгосе не фáль,
 Гóлоду бысь мáблъ;
 ЙА на дорóгу
 Дáмъ ти, що змóгу.“
 Въ пáзуху звáли
 Мовь на весéли;
 Чеснóкъ — кресéйло —

Соль — бохоня́тко —
 Масла горя́тко —
 Отъ пужды грёши
 Въ чере́сь хоро́шай
 Понапыха́ла,
 Понаклада́ла,
 Во тое ся зда́сть
 Тене́рь Боже ща́сть!
 Гриць ужे гото́въ,
 Щобы линь инибль,
 И пампю вязаль
 Йфынику попраца́ль;
 Волы́ на ветре́чи
 Объишибль три́чи;
 Шанку здоймоль,
 Землю крестоль —
 Та въ добраши чась;
 Гей — цобе — пра́зъ!
 А на доро́зѣ,
 Собѣ думáе
 Йакъ то му заве́й
 Ща́стье сприяе!..
 До погти да́же
 Сámъ собѣ кáже:
 „Щобъ рéньскихъ три-
 ста
 Серебромъ взяты,
 Щобъ спра́ва чиста,
 Мóжна спродати. —
 Самій яснобви́ф,
 Та сорокобви́ф!
 Бо якъ недѣля.
 Бóгъмè! пани́я
 Не буду брати!“
 Весель, ажъ мýло —
 Уже́жь раху́е,
 Бо му ся сийло:

Що ковáль куё,
 Долбъ свирбѣла,
 Сорока пѣстайла,
 Грань жéника песла,
 Въ полиѣ перейилà!
 Бóгъ знае, щобъ ещё падълъ;
 Ажъ — и фармарокъ ў-
 эрѣль —
 Мало — помало
 На чась ся ста́ло —
 И якъ загада́ль
 Такъ волы́ спродалъ. —
 И спра́на чиста
 Взяль рéньскихъ три́ста!
 Линь си марику́е,
 Що грёши раху́е;
 Та не яснобви́ф,
 Не сорокобви́ф;
 Бо до бѣдъ,
 Уихали жиды
 Противъ охóты
 Сами банкиоти.
 Ну! щожъ робити?
 Съ кимъ ся сварити? —
 Такъ ся сгодило
 И могори́чъ ийло...
 Гриць ся фрасу́е,
 Йўритъ — суму́е;
 Гдебъ ихъ скрояти,
 Донести до хáты?
 „Въ мошопи́ф? миутъ ся,
 Въ чéреси? другъ ся,
 Нáзуха? хустина?
 То не для пихъ скри́ня.“
 Но щось го тóркае,
 На гáдку впадае:
 „Се мысль кра́сна!

Горній эъ масла!!“
 Гриць ожилъ,
 Масло съѣль;
 На днѣ остало
 Подъ платкомъ мало —
 Грбши звѣль
 Красно и гладко
 Тай вложилъ
 Файнѣ въ горнитко. —
 Сбнце грѣло,
 Ду же прѣло —
 Грицкѣ не дбає
 Масло си стонило
 И платокъ проѣло —
 О тѣмъ не знає;
 Сицѣ до кѣрчмоинки
 На часохъ встуялъ,
 Тай си горѣлонки
 Доброи напилъ.
 Эъ бѣты потому
 Прѣсто до дому. —
 А жѣнка витѣе,
 Грицка роздигае,
 Тай знѣвъ робить ладъ,
 Берѣ, розбѣйтъ
 Изъ пазухи складъ;
 Горній въ полію,
 Порбжне — бай ду же,
 Кинула; — проситъ:
 „Рыбонько мужу!
 Сѣдай по Грицю...
 Бось то си зижалъ!
 Вѣликись продалъ?“
 „Добре щось згадала!
 Горній гдеся поклала?
 Тамъ за волы грбши
 Лишѣ не хорбши;

До дѣтька напѣры
 Жидовѣ наихала —
 Въ перѣдѣ запрѣ двери
 Щобъ чѣлядь не знала.”“
 Жѣнка си звинула,
 По горній шморгнула;
 Глынь, — тай осталѣлъ!
 Стала, — одурѣла!
 „А! ты що зробилъ?
 Ты грбши утопилъ!
 Масло си проѣло, —
 Напѣрѣ напойло!”
 Жѣнка умлѣвае
 Грбши вытягае . . .
 „Бѣдна голобонько!”“
 Волинуль нашъ Грицонько.
 „„А се рѣчь цѣкава;
 Бать, чортова спраша!
 Щожъ теперѣ робити?”“
 „Трѣба просушити!”
 Жѣнка раду дала,
 Ужѣ и простерала
 Но пѣчи банкноты —
 А тамъ спалы кѣты.
 Сдѣль ся продрുхаль,
 Масло іакъ занюхаль,
 Гейже до роботы, —
 Тай поѣль банкноты!
 Лишь оставилъ роги
 Ради запомоги.
 Грицкѣа умлѣла
 Якъ тое узрѣла!
 А Гриць заненай
 Умэръ — тай пропалъ!

* * *

Людє ся дознáли,
На тое сказáли:

„Добре имъ ся стáло,
Свято на нихъ пáло!“

М. Козанóвич.

91.

О т к а з ь.

Едéнъ селаниих в́кли маючий и прастильвкій въ скóемъ господáрствѣ. Пóлл егò родили мѣ до-стáткомъ, предпринимателкства по наўблашбй ча́сти ишай по мýсамъ, дѣти поводиши сѧ добрѣ, а сесѣдкы зáвидовали наоколицно. Скіпкі ской и дочери, скóро подоростали и прийшли до лѣтъ, подржáлъ и поклонялъ юмъ господáрства, а на стáростъ повдокѣчиши самъ, такъ до сéне гово-рилъ: „По що миѣ старомѣ єщѣ пѣждати сѧ в дѣ-нкемъ господáрства, коли Богъ далъ ми добрїи дѣти, котрїи той т҃рѣдъ зъ мене знати могуть, и коли ѿ сѧ въ іхъ везспіломъ и везрадномъ дѣ-тинасткѣ за іхъ т҃рѣждаль, то оніи пекно тепéрь на мою знемоірѣлѣ старостъ оглашати сѧ вѣдѣти и зъ благодáрности и дѣтинаи любви къ старомѣ отци, котрый юмъ, только добрà сдѣлалъ, всегдѣ, чегò моя стáростъ въмагае, постарати сѧ едно на передъ дрѣгого оўнѣгати сѧ вѣдѣти.“ Икожъ бы дѣмалъ, же тое инакше могло быти? Склá-кали оўно всѣ ской дѣти и такъ до іхъ рéки: „Дѣтонъки мой! похи крѣпость сїлъ монхъ миѣ саѣжіла, робота вклила для мене и святілихъ ово-вѣзкомъ и мілою завѣкою. Аиѣ едени шеююжъ чѣжони крѣдкы ии прилипкы до монхъ рѣкъ. И Гос-пóдъ Богъ ласкавкій благословілъ працю рѣкъ монхъ, якъ самій відите. Но тепéрь и моя осѣкъ

настала; волось мой повеяла, а ресни ограблены, ноги замерзли и дышат синевой. Часы вышли из моих по толи колебаний трещать спокойно. И в ваших сердцах сжалась любовь, сподобившая, что они и любовь обуродат. И жалась для вас в моею безсиянью дозволю помочь, а колымы я давилши вами сажей речь, проводим от вас в моею безсиянью дозволю помочь, а колымы я давилши вами сажей вспомнил, вы все же теплее за меня гадко мати помнилисте. Ото цвялый малеток мой раздаю межи вам; господарите ся благословенныи Божии, а я при тебе, мой пайстарший скончался, осталася в сей маленькой комнате, во мнем старому вольше не потрепа.

Все детьи ограблены ресни доброго отца, и взявши когдени пришавши на север честь бывшевского малетка, разшили ся, а отец остался при пайстаршом скончался.

Эх разышил якобы часы добре, и старому гаранду ся дышло. Шановали его скончалася и певестка, дозиралы ви слабости и старали ся оговаривать всакомъ его желанию. Но по ограбленыи врёмене, рекла певестка до своего мужа: „Для чого мы самы моями попосыти тагарах ограбленыи старого отца и зиосыти его забавки? Абожь то мы самы имъ детьи? Не взяли же и дрбгии такои части, якъ и мы? А до того детьочекъ ся памя помиожили, хата зтеснила, таа комнатка, котръ старый залгаръ, теплее дышевы ся памя здала.“ „Слышно кажешъ,“ отрекъ мужъ, но якоже ся старого звать? „И тымъ ограджь“ рекла певестка; и отъ той годинки зачала старого отца что разъ то вольше занедбывать, даще ему показала хмарне — ограбленла разъ по

рázъ пошанóвкъ, а въ концѣ осмъсливши сѧ сказала: „Чаcж въ то оўжѣ, отче, происките сѧ перенесай до молодшого сына; тâже и дихъ ваша дѣтія такъ якъ и мы. И мы вѣлкіи окоvаvаніости къ вѣлии не мѣли якъ и прѣчий вашій дѣти.“ Старомъ, котрый оўжѣ давнѣ полѣрковалъ вълкъ неохѣтъ скони неизвестки къ себѣ, не вѣло тѣсно подѣланыи бѣдѣромъ; томъ сказала: „Прѣвѣдѣ кѣкешъ моя дѣти;“ и звѣрьши сѧ пойшолъ до дѣтіяго сына. И тамъ прѣали егда хотѧ не дѣже рѣдо, во горорѣли мѣжи сокію: „Поскъ то мѣсѧло зайдти, іто съ старымъ не могаи нашъ вратъ и сестрѣ вѣдержати.“ Аышъ и тамъ не долго могла старый отецъ звѣрьши; мѣсѧлъ чѣргою до прѣчию дѣтія сконихъ переносити сѧ, ажъ на поганѣдѣкъ оўкнѣдѣка сѧ оѣ паймолодшои дочери. Всіоды сподѣвалъ сѧ оишкавиши сѧ отецъ пашти лѣнишъ пошановокъ и всіоды го ожиданіе звѣлѣ. Наконѣцъ пойшолъ до головѣ по рѣзѣмъ, и взѣлъ сѧ на спосѣбы. Посѣтила единого въ дѣнникъ сконихъ вѣмѣкъ и прїятелѣкъ, съ котримъ нерѣзи въ предпринимателѣствахъ и вѣнци малъ сподѣкъ, и съ котримъ вѣзала егда дѣвна цѣра прїязникъ, и рѣкъ мъ: „Дай ми сто талларовъ, а ѿтици цѣхъ сирѣ днесъ въ вечеръ принесъ; аишъ дай ми слѣво прїязни, іто никомъ тѣго не обѣакнѣкъ.“ Кѣмъ задиковалъ сѧ въ разъ, на прѣбѣ дихъ тицъ вропши потренковалъ, по знаючи сирѣ въ дѣвна егда яко честного и рѣтѣльного мѣжа несомнѣваль сѧ дѣти емъ желаніе квѣтъ на слѣво. Кѣакши спорыи оўзанікъ срѣбра, прїпѣскъ старый егда до скобѣ дѣмъ и перѣдѣ очима вѣчныхъ перечисливши на столѣ, сказала: „Богъ благодареніе! сирѣ

пречи́нь есть почти́вость на святы́. Малъя́мъ
еди́ного доля́нника, отъ котро́го не паде́яла́мъ
са о́уже́ долгъ отквра́ти, а тепе́рь по ла́сци Бó-
жой доля́хъ моя́ вери́блъ са.“ И вложи́вши гроби́-
тии до скони скри́пички, замки́блъ ю, а клю́чъ на
шифрóчкѣ покре́сли совѣ́ на шкіи, и пылко е́го
хороши́лъ. Лишь скоро́ са смéркло, въплю тих-
цемъ тии гроби́ и оти́бели къмови. Той са е́го
пытала́хъ, цо́бы и́ми дълълъ, по би́х отквчáлъ:
„происю́ еди́ни спеку́лаций, котрà, споди́ю са,
цио са о́уда́стъ.“ Дѣти обачи́кши, цо́ оте́цъ е́ци
мáе гроби́, весе́льши ми лицемъ зачали па нéго
погла́дáти. За ю́кийсь часъ старый оте́цъ о́уда́лъ
са зиоки до къма и тѣмже самкимъ спосовомъ за-
пáлъ долгомъ отъ нéго зиоки сто талларови, и
прише́ши до скóго домъ зиоки переди вси́ми пере-
числи́вши до скри́пичи замки́блъ мовачи: „Бóгъ
дáковати, се дрѣгий долгъ вери́блъ са, котрый
о́ужемъ малъ за пропáлъ. Мáю ю́ е́ци таки́хъ
доскýть.“ Но гроби́ потомъ отай оти́беси къмови
назадъ. Той самкий маневри́ повтори́лъ е́ци коль-
ко кратъ. Мало по малъ рѣхи́ла вѣсть помéжи
прочи́ни дѣти: Старый мáе гроби́. И ю́къ переди
мало о́уже́ покáзовали тáмки за старого отца, а
такъ тепе́рь зачали цо́ рази колките са до нéго-
гори́ти, цо́ рази то части́йше е́го посéка́ти, и
допы́токати ю́къ са вмѣ веде́, ю́къ са́житъ здо-
ровье? вси́лаки́ дого́дности чини́ти, приспáчи-
коки доносити; и старомъ зачало са добре дѣла-
ти. Но скри́пички свою́ хороши́лъ пылко, и клю́чъ
отъ тóихъ заче́ды посы́лъ па шкіи. Мало по малъ
зачали дрѣгий дѣти еди́но по дрѣгому проси́ти:
„Ходи́ти, любезны́й бáче па мешка́нье до мéне,

тѣхъ иѣтъ Бамъ належитъ кыг҃оды, братъ, сестра, недогладають Басъ такъ, йакъ бы Бамъ трѣпа;” и таکъ въ зѣводы едию перѣдъ дрѣгимъ оүсіловали кόжде стағиѣти старенкого, мѣлого отца до сѣе, розѣмъе сѧ съ милѣйшою вірѣ егѡ скриинькою. И старый говорилъ имъ: „Бесе, цю малжамъ, Бамъ роздалжамъ, а цю вірѣ маю и въ сей скриинѣ ховайо, оставлю тобѣ изъ Басъ, котрый дасть найболѣшіи докоды любви свои къ миу.” Зи той причины почала сѧ сварка мѣжи дѣткамъ, во кόжде хотѣло йакъ найдолше старого отца при сбѣ вадержати. Аже прїишолъ и старомъ часъ, и оѣмѣръ. Тогда сѣѣли сѧ всѣ дѣти и роспочали звадѣ за скриинѣ, во кόжде твердѣло, цю отца найболѣше любило. Екточнала сѧ спрѣва аже до сѣдїи. Той велѣлъ принести скриинѣ, котрѣ значиѣ вагъ маля. Бесѣ дѣмали, цю есть болна грѣши; но отворивши ю въ сѣдѣ, найдали лишь камѣнкѣ, грѣбѣ палкѣ и писклѣ, на контромъ стоѣло написано такъ: „До монхъ дѣти!” „Казалъ Господъ въ Евангѣлїи: йакою мѣркою мѣрите, козмѣрите сѧ Бамъ. Справедлива оѣко рѣчъ, авѣисте и вѣи полѣчили нагородѣ прилагишаши любви, йакою есть въ миу на посѧдѣкѣ обживалли. А же вѣи не мене любили, вѣшаго старого отца, котрый лишь для вѣи жилъ, и вѣсь боюци гѣркѣи свои працѣ мѣжи вѣи прѣдро роздѣлилъ, но лишь мои грѣши, протѣ спрѣдалъя рѣчъ, цювѣи вѣи сѧ тѣи грѣши дѣстали. Но йаки вѣи вѣи сѣрдца, камении и нечѣственни, дѣки шичи отъ мене вѣльше полѣчити не сподѣвалисте сѧ, таکъ вѣи въ сибѣгизи не належитъ сѧ вѣльше нѣчи йакъ камѣнкѣ. — Сѣоже

пáлкð ôткáзðю на тóго отцà, котрýй eщe за свóго житà вéсь скóй маéтоки мéжи дéти рóздáстъ а совéшничк не оставитъ, зъ чóговы независимо ôтъ лáски дéтii скóйхъ мóгли жítи. Такóмъ отцéки налéжитъ вкíчилиши сéю пáлкою сто.”“

Полдчíвши такóе не съ всéмъ мýле рéшéнъе свóго спóрð ôткишай дéти спéстíвши нóсы, а со-сéды вкíслéали ихъ и похвалáли мéдрóсть отцà.

92.

Кáмъни.

Въ Тéрéчинé, где то и пóрохъ и камъни по гостинцамъ полюбъ, ôтигнали однóго рáзв однóихъ богатый и знáчный человéкъ ôтъ сéве однóго оу-пóгого, котрýй егò о юкéсь добродéйство просилъ; но оу-пóгий стáши о пóдалъ повторяли скóю прóсъ-въ, а богачъ знетерпéлый подиалъ зъ гостинца камъни и верги за докчлайки. Либde ви́дѣвши тóе злослобиши жестокосéрдомъ богачеви — но и задививши сѧ не мало видачъ, ибо оу-пóгий под-нёсли вержéныи за шíмъ камъни, и не сказáши аи-хъ слова сховали тóйже до тóрви, и никто не думали на тóе, ибо они ôти сéго часà тóйже при совéшности ви́дѣ. Но они сдѣлали такъ. По оу-пóгий однóго рóкъ приключилось сѧ богачеви неправ-стъе, т. е. они сдѣлали юкéсь нечестíвое дéло, и зъ слéдствиес котрóго не ишо вéсь маéтоки смъ взáто по и по тамошномъ зычáю оусадовлено егò тýломъ на осла и вóжено по всéмъ оулицамъ на посмéвиско. Мéжи рéгáтеламъ ювилья сѧ пако-нéцъ и они оу-пóгий мéжчина съ каменемъ въ тóр-

вѣ и познѣлъ вѣ осоѣ ѿ портгѣемого свѣтого давиѣйшаго оскорбѣтела. Бѣзъ дѣлгаго намѣслѣагиблѣ днѣ рѣкою до тѣрви, а залѣдко почѣлъ вѣ рѣцѣ камѣни, вѣ мгновеніи ѡка подиѣск тойже до горы и везъ малѣ оѣжѣ не вѣрги егѡ на свѣтого оскорбѣтела, іакъ наразъ мовъ то йакоиѣ дѣврѣй дѣхъ егѡ за тое хѣдѣе дѣло наказаѣлъ, и днѣ вѣргши камѣни на дорогѣ откишоили вѣрвшеній. —

Изъ сего примѣра можемъ сѧ падчити: ѿ николи не трѣва вѣ прастию вѣти гордымъ, непрѣизнымъ и поношалючимъ пропти вѣ пижшимъ и вѣдѣбѣшимъ. Но сїе зѣкимъ сблище зайде за горѣ и лѣчъ егѡ згасне, може всѧ йасибѣсть вогача тѣмною ночю оѣвожества сѧ покрыти — и тогдѣ не одиныхъ хотѣ вѣдѣши прїятелѣмъ не мѣгли емѣ помочи, може наразъ сташи сѧ ворогомъ дѣже вредити. — Потомъ не трѣва каменя носити вѣ иѣдрахъ на ворога лиѣ mestи вѣ сѣрдцио; понеже и той вѣдѣній чоловѣкъ вѣргши свой камѣни на зѣмлю и отходачи сказали: „Помстити сѧ на ворогѣ, похи днѣ вѣли вогати и прастаиви, вѣло нерозѣмно а наѣть невеснѣчио; а теперъ, коли днѣ есть не прастаиви, вѣловы то неліодско и огидно!“

B. K.

93.

Зѣводы сѧ волками.

Слѣдѣючѣ погѣстѣ роскѣзовали пѣнкий, котрый велѣкѣ часть свѣтого житѧ перенѣлъ вѣ отвѣчнѣихъ лѣсахъ сѣверной Америки:

„Подчаси зимы 1844,“ говорилъ днѣ, „перевѣвалъ вѣ сѣверныхъ окольницахъ краѧ Менз,

и мálжемъ по достáткомъ вóльности, овернáти
зnaчнá чáсть моего часéя на дíкii рóзрыкки тóи
такъ мáло населéони окóлицé. Жáдна зу иныхъ та-
коого для мéне не мáла повáбъ, что хóвзанье ся на
конькáхъ по ледъ. Самотnii, гáбóкii озерá тó-
го сéкериого стáтъ, котрый чéрéзъ лóтвю стáдчи-
тамóшиони зимки на миоого мéсацъкъ сx ксемъ
зaméрзáютъ, подлóтъ любитеleни тóи охóты ов-
шýрное до тóго пóле. Чáсто подкаzáкши мой зар-
жáвчлai коньки, летчлажемъ горéкъ рéкóю, же ажъ
мой пíльки скóрише толкáли вx полнотé тóи мé-
жескии охóты. На однóй такой кíпéжцé здáрила
ми ся пригóда, на котръ и тепéрь сциéсли пога-
дáю, то ми лáчио.

Онестíлжемъ дóмик моего прíятеля лишь про-
ся мáло смéркáти, авéи повéбгчи горéкъ кíсенъ хó-
róшиони рéкíкъ, текéчони тóжъ перéдъ двермí. Вéчеръ
были кráсныи и юныи. Настáкши мéсацъ спо-
глáдáли зу оýкоса изъ скóего надкоздáшного сé-
дéлкира, и срéврýли скóими лéчами замéрзлai
мáлыцé овеéкии бéрегъ. Были то видъ чародéй-
ниий. Цéлá природá ложилась на спочинокъ, юкий ча-
сами принерáти лóвчитъ; вода, земля и коздáхъ
здавали ся погрéжéными вx пайгáбшомъ сéпокóю.

Кíмъ повéбгли таки зу дíвъ мáлыкъ горéкъ рéкóю, колíмъ достíгли мéстца, где впадáли ма-
ленкíй потóкъ; на той звериñлжемъ ся, хотачи
зvéдати егò вéргъ. Столéтнии сéспки и юлыцé
склонили ся надъ нимъ, и творили кíчиозелéнкíй
лéки, котрый вx зимовей одéжи скéркали ся и
искрýли ся; все вkíло подъ тýмъ лéкомъ тéмие,
лýшкъ ю были молодкíй и не знали страхъ; а за-
глáнившись вx той искéсниий откóрж откéчиого лé-

са, сéрдце ми зъ охóты подскóчило. Гóрра! крýк-
нáжемъ грóмко, а дíкii гóмона розлáгъ са да-
лéко по лéсъ, а ѣмъ пойлъ оúхъ моё зъ тýсач-
ныхъ сторónъ, зновъ и зновъ отвикáючимъ са
отволосомъ, ажъ пóки зновъ все не оúмóлкало.
Лишъ по гдéкбда просмыкала са самóтна ибчпà
штиця помéжи смéкайи дýви.

Сýлни киазвъ лéса стóали, ѿкъ колýвы иици
иихъ оúгибти не вýло въ сýлѣ, óкромъ самóго врé-
мене. Іамъ са запустíлъ въ гадкii, кóлько то раз-
вехъ юдийской стрéблéцъ крýли са по за сии дéре-
ка, кóлько то раздокъ егò стрéблà надъ тимъ по-
тóкомъ лéсъла прокликáти хýжого бленя, кóлько
то раздокъ егò побéдítелъний óклики лéсъла са
сюдà розлагáти. Смотрéжемъ на сóвы, ѿкъ лéг-
кимъ крилóмъ посвáли са, и запéрлжемъ въ сó-
вѣ дýхи, авкъ слéхати иихъ далéкий вéрески. На
одинъ разъ розлáгъ са тóни, котрый са зда-
вали походити зъ подъ лéдъ перéдъ мóими по-
гáми. Жакъ пótóмъ гóлосно и страшлíко закон-
чíлъ са однýмъ дóлгимъ иктиéмъ; ѣмъ по-
влéди; ешé никóли вперéдъ оúхъ моё не слышá-
ло подóбного тóи. И дýмалъ, же то есть прося
надзéмского, же то есть рýки походлчий отъ
иакóго жýтела пéклà — такъ неизречéшо дíкимъ
звищъ лифъ въ той глáвóкой оúсторони. Лишъ
той оúшлáиша же трыески хуоростъ на бéрезѣ,
иоуки въ отъ стéпáи, иакóго зиéбрà; кроуъ оúдá-
рила ми до голокéи нáвáдъ такъ сýлио, же кóжа
са розпалила; но ми лéкше са зровйло, же мъ
мали спráвъ съ кéфми зéлской природы, а не съ
дýхáми, ѿкъ зъ рáзъ то ми са вýдъло. Пой
вóдростъ вернáла са, а ѿ оглáнжемъ са на окó-

ло, чимъ бы сѧ тѣхъ воронѣти. Азна сѣвтіяла скрѣзъ ѿтворъ, кѣдѣа въ сѣмрѣакъ лѣсній вѣнъ шблажемъ, а же ми сѧ то вѣдѣло вѣти на при-
датнѣйшииъ, шморгнблажемъ йакъ стрѣлѣа тѣдѣа;
отлѣглостъ не вѣносїла болѣше йакъ 300 стѣпъ,
а пѣкно лѣстовка скоблихъ вѣстрымъ лѣтомъ не пе-
ресадїла вѣ мѣ вѣ прѣдкости мѣдо отчалшного
нѣгетва. Но скоромъ звериблажъ очи мои къ вѣре-
гѣ, постѣрѣглажемъ йакинъ два предмѣты, котрѣи
сѣнили по поду корчѣ сѧ такою скоростю, котрѣа
мою два кротъ перекиншало. По той скорости и
оуѣрваниемъ гаинано, котрѣ часами отъ сѣве испѣ-
скали, познѣлиемъ наразъ, же то вѣли два вѣ
бѣхъ сїыхъ колѣбъ, котрѣхъ всѧ окрестность
страхѣа сѧ.

Никои виерѣдѣа не здѣвѣлажемъ сѧ сѧ жад-
нѣмъ изъ тихъ вѣкѣрѣевъ; по тѣмъ же, йакъ мнѣ
ихъ описовано, мѣло чѣлажемъ вѣ сѣвѣ охѣты, сѧ
иими закрѣти знаемостъ. Тихъ не оуѣротима дѣ-
кость и не оуѣромима сїла, котрѣа здаѣ сѧ вѣти
частию ихъ естества, чѣпатахъ ихъ страшными
коаждомъ подорожникомъ, котрого нѣчъ вѣ дорозѣ
захѣнитъ.

Нѣтомимыемъ чваломъ гонять свою довѣ-
чѣ, и хиба лишь смерть ихъ отъ пѣи отирѣ-
ти зможе.

Корчѣ, котрѣми вѣрегъ вѣлѣ порослый, мѣ-
гали по при мѣне лѣтомъ мѣлии, йакъ йамъ тѣкъ
оуѣлкикаль. Тѣй, тѣй оуѣже дослѣглажемъ оуѣстїа
гальзистого скленѣна — ециѣ сеќвида, и вѣлѣ
вѣмъ, мѣжно сказати, йако тако спасенъ; ажъ
тѣхъ мой гонитељ наразъ йавили сѧ на вѣрезѣ
наду миою, гдѣ той лѣдво дѣсѧть стѣпъ висоты

досага́лъ. Не в́йло часъ до паміса. Скѣла же мъ сѧ въ двоё, и гиа́лъ на передъ. Волкъ дали сѧ, но заражали сѧ въ мбей швидкости, и скочили по за мѣне, подчасъ коли ѿ, ихъ огомотрена паствá, скістомъ възблажъ рѣкою помыка́лъ.

Биѣтреюю попѣкою звери́лжемъ сѧ на дорогъ къ дому; лѣгкіи пласточки сиѣга вихромъ подлѣтали отъ желѣза монхъ конькоби, и огже мъ въялъ ѿко тако вѣнередиа монхъ гонителѣвъ, ѿкъ ихъ дікій вой миѣ далъ знати, же огже знови вѣли тѣтъ за миою. И не озвиралжемъ сѧ; не чвѣствѣвалжемъ ѿнѣ вѣлази ѿнѣ радости; сама лишь місль о дому, о радостныхъ лицахъ, ко-трѣи на мѣне ждали; сама ногадка на ихъ слезы, если бы мѧ огже вѣльше не огвидѣли, проницала мѧ хрнали, а тогдѣ всю сиа дѣла и тѣла оверталжемъ, лишь провѣ огвѣгчи. На ледѣ вѣли же ми на конькахъ, а не ногадалжемъ ѿнѣ разъ, же колись лишь имъ спасеніе отъ ноги вели вѣдъ мѧ зандачѣвати. Шо побѣгъ минѣты вѣстіло ми гакаки-иѣ монхъ гонителѣвъ, же тѣтъ сѣть за миою. Сваливали сѧ що разъ то вѣльше; сѣла же ми хроботъ ихъ стѣнокъ по ледѣ, и вѣдѣло ми сѧ, же чвю ихъ тажкий отдыихъ. Всѣ нѣрки и мішицѣ цѣлаго тѣла вѣли напряженіи до найкнішшого стѣпеня.

Дерева възблажъ берега здакали сѧ пласати въ ми гаївдми скѣтаѣ, а миѣ зачало огже въ головѣ сѧ морочити; ногона стала сѧ ми пезнѣсною; топки монхъ гонителѣвъ наполнили мѧ требою; ажъ наразъ мимовѣльниий звѣротъ звери мѧ зъ прѣмого мѣго кербикѣ. Волкъ тѣтже за миою;

везд спосовѣ стрѣмати сѧ авѣ сѧ звериѣти, похокзлї сѧ, попадали и сбивали сѧ спорыи кѣсень дѣльше. Ихъ азкіи вѣваленіи изъ крвакон пѣти вѣсѣли дѣлаги; ихъ вѣле кѣсало вѣнциало сѧ, ихъ темно-сорокатѣ грѣдѣ покркита вѣла пѣшию, а коли по при мѣнѣ посбивали сѧ, искрили сѧ пижбчи, и завѣли встѣско и лѣто. Тѣти прїйшлѣ мнѣ парѣзк гѣдка, оѣжити тѣго слѣчайного вѣшадкѣ систематично, авѣ пижбчи оѣйтї, сирѣчъ, пиж рази вѣ рази вѣкѣрѣбкати сѧ, скоро вѣ ма настѣгли, во оѣкладж пиж погрѣ не доинскѣе пиж лѣдомж ииакше вѣбгчи, йакъ лѣшк працѣемъ.

Такъ зѣразк дѣблажемъ по той лѣсанѣ. Волкѣ побрѣакши сѧ па ноги, вѣргаисѧ знову за мнѣю. Погоня оѣпокиля сѧ па ѿкихъ 60 стопъ горѣ рѣкою. И знову оѣжѣ зронили сѧ тѣти, тѣти кѣло мѣнѣ, йакъ йа вѣгиблажемъ лѣка, и монхъ гонитељек вѣстіблажемъ мѣмо сѣбе. Дѣкимж вѣемъ покитали волкѣ мой оворотъ, и шморгиблан знову па зѣдинцахъ дѣлѣй, дланчи сокершѣншкѣ бѣразк вѣзиомѣности и вѣсейлони вѣтѣкости. Тымж спосовомъ оѣзкисковалажемъ при кѣждомж зворотѣ кѣло триста стопъ. Два чи три разы попоклавалажемъ той лѣпенерѣ, а за кѣждыми разомж стакали сѧ волкѣ вѣтеклѣбшиши, по такожъ и слѣбшиши. Имъ сѧ спасли. Екѣлажемъ оѣжѣ перѣдъ дѣломж, а скори пѣбк почѣвши шѣмъ, вѣпалах вѣтѣско изъ свѣихъ вѣди. Волкѣ спинили ской пѣсенкѣ розгени, и по короткѣ рѣздѣмцѣ шморгиблан гайже назѣдъ. Имъ смотрѣли за пѣми, ажъ пѣки ихъ тѣмнѣ постать по за однѣмж горѣкомж не зникли. Постѣзовалажемъ мой конькѣ, и пойшблажемъ

до дому съ чвѣтвами, котрїи совѣтъ лѣчше вьюбразити, икъ комъ описати мόжно.“

94.

Мудрый быкъ.

Робу́чій волъ загре́блъ въ гармѣ чола,
 Нероба быкъ сварілъ такъ на вола:

„Кто же бы приповѣлъ,

„Акій то безъумный волъ:

„Стокротъ сильнѣйшій отъ человѣка,
 „Робить му иохи стаще калѣка;

„Рукюю лишь наихъ махи

„Уже волъ иконо въ гармѣ гнѣ,

„Крикне: гей! . . . ужѣ женѣ!“ . . .

„Слухай!“ рекъ волъ, „мудрый бычу:

„На чимъ ты стойши дычку?

„Збудоваль есъ тѣплый хаѣвъ?

„Паши въ зимѣ приобрѣль?

„Дашь си хорыи акій лѣкъ?

„Акъ бы не той человѣкъ,

„Не зѣкаль бы тя въ иохи волкъ?“

Быкъ подумалъ тай умолять.

Не линь то сей мудрый быкъ:

Не малый ихъ въ свѣтѣ ликъ — . . .

Най бы слухали вола

Наука бы ся здала! —

Лука въ Ракова.

95.

Сомнѣтельное взглѣдомъ терпли́вости.

„Бѣдъ терпли́въ“ скажано разъ до какого-то не-
частливого, „ирастье прїйде сирие.“ „Та то може

выйти"" отпоганълъ потъшамъкъ, „однакожъ ѿ са
дѣже опасаю, чюо опо мене бѣже може не застапе
дома.""

B. K.

96.

Лѣрникъ и волки.

(Пѣсня Шуберта.)

Не дѣши то виѣ тѣмъ, ѿакъ въ нашихъ лѣ-
сахъ полю вѣло волковъ, и не одиши вѣйшобакы
са оѣ пасъ селашіи, котрый виае кѣзкъ за лѣр-
ника и волкѣ, ѿакъ ковѣ то са тѣе кичера дѣланъ,
хоча тѣю кѣзкъ емъ егъ дѣди виѣ розкѣзовали.
Одного раза повертали лѣрника въ прѣздника до
домъ, па котрому егъ лѣденъки дѣбрѣ бѣрачили.
Не рѣдо они коли повертали прѣстою дорогою; то
въ лѣно то въ прѣко знали они дѣбрѣ овмиа-
ти скою тѣни при мѣсанци и загналъ са про тѣе
въ гѣстомъ лѣсѣ, чеरезъ котрый емъ трѣва вѣ-
ло переходити, такъ далѣко въ вѣкъ, чюо па ко-
нѣцъ оѣнъяли въ волкѣнию т. е. въ йамъ, котрѣ
лѣсніиий вѣкопалъ па лѣвенъе волковъ. Оѣже то
не мѣло перелакаля са лѣрника, ѿакъ они такъ
въ гладко землїи пѣрази въ дѣлъ злѣтѣли.
Емъ здавало са, чюо лѣтѣти въ вѣздю; по
мѣбѣ вѣрзо очѣнъяли памѧцавши чюсь живою,
котрѣ дѣко подскочило и очима засвѣтило — а
подзиавши по хиѣли, чюо то вѣла волкъ; о мѣло
чюо въ самбѣго перепѣдѣ не оѣмѣри. Щожъ малъ
почати не маючи кромѣ лѣрки въ рѣкахъничою?
Зи перестрѣхъ почали перѣдѣ розваленъмъ пис-
комъ вѣлка вѣгравати всѣ свой штѣки, котрши

однакожъ тóго рáзъ нáвесь и емъ самóмъ не вы-
давáли ся быти вкðснрéйшиими. Бóлку же либонь
не мáло наслаждáлъ ся такóю гðдквóю, во и бñх
самъ розчвлéнкий почáлъ скóимъ вкýткéми помагá-
ти. Инии волкъ почвши тое жálostное пíинье
въ лéсъ, стáли ся такóжъ до тóго причинáти,
зъ чегò нáшъ лéрника, хотà капељмáйстéръ тóи
оркéстръ, не кóнче мóгахъ быти задоволéнкý, во
оùжè егò токáришъ въ йáмъ чéрéзъ предóлагое
пíинье зголоднéлъ такъ, иро здавáлъ ся в'ëтрити
тðю одровий мáса, котрð станови́ло т'ëло лéр-
ника. Наконéцъ и самóмъ лéрникови накбчилъ ся
крьтить на лéръ, а в'ëлого дна аиже сёднì Еóже
было ся дождáти — проканилъ на чéмъ сибéти
стоítъ сеbe и годинë, въ котрой настáлъ ся лé-
рð крьтить, и были готовы вóрше сéмъ кóни безъ
оùстáнкó молотить, ѣкъ на лéръ игрáти, чéрéзъ
котрð мъ ся такé лíхó приключи́ло. Но зáкили
стáло еиже скитáти, оùрвали ся днë стрéни на лé-
ръ, а влáснъ перéдъ днëмъ остáла ся лишь одна,
на котрой еиже лéра ся отзыкала ѻкъви зъ мило-
сéрдїј для в'ëдного лéрника, во зголоднéлъ
волкъ не вкýлъ мóже дозволи́лъ часъ безъ игрá-
ни згайи́вáти, слыкъ лéрникови хотéлъ скóиò лéрð
кефмà стрéнами натáги́ти. И ѻкъ на цáстъе при-
вáлъ волка сибéванье. Еиже въ самъ добрый часъ
вкýководи́лъ бñх капељмáйстра отъ зголоднéло-
го волка, съ котрýмъ ся такóжъ вóрзо спрáвили.
Капељмáйстéръ пойшóлъ ѻкъ съ мýломъ въ скóа-
съ и сказáлъ до сéве: верь Пéтре на рóзdmъ! тá-
кой то опò есть лéчше вчáсно и гостинцемъ про-
стéсенъко повертáти до дóмъ. И лéра змерзéла

са емъ отъ тогъ часъ такъ, що повзълъ совѣтъ оу-
жѣ не натагати на ию новыихъ стрѣни: а понеже
зналъ кравѣцтво, то и почалъ игбѣкою ровити на
хлѣбъ насѣній. При ровѣтѣ сиѣвѣлъ онъ часто
такъ:

По мому примѣру
Кіньте дѣдѣ лѣру,
Бо онѣ скригбче,
Бурмоче, шинбоче:

Крутѣ, вертѣ
И до смерти —
Будѣшь дѣдовѣдомъ
Съ цѣлымъ тѣломъ рѣдомъ.

B. K.

97.

Лавінки.

Если въ дѣже высокихъ сиѣжихъ горахъ ци
то чеरѣзъ подѣвъ вѣтра, ци черѣзъ пролетъ пта-
ха, ци наѣтъ чеरѣзъ гакий нивѣдъ шѣлестъ отъркѣ
са жмѣна сиѣгѣ — и начнѣ изъ горкѣ са котити,
то стаѣ са така грѣда чѣму рази польшою; но
закимъ приидѣ въ долинѣ, то стаїне не рази такъ
великою, ибо прикрывае вѣзи съ копьми и чело-
вѣка, сли ихъ подкѣпаетъ на гостиныци — а наѣтъ
заскѣле и покалитъ цѣлѣи вѣдѣвалѣ — во за та-
кою однѹю грѣдою калитъ са колъка соти сотнѣ-
ровъ сиѣгѣ. Такое сиѣвѣнѣ са сиѣгѣ называютъ
„лавінною“ — и частво о иихъ чѣкати въ гор-
скихъ окольицахъ. Рѣкѣ 1807. сиѣвили са четкѣри
такий лавінки около Штивица подъ горюю Ірль и
заскѣпали четкѣри домы и осьмь станиц — а три-
надцать особъ скончали са такожъ подъ тимъ
тагаромъ.

B. K.

Дождь сирковый.

Посла вѣрѣ на вѣснѣ, скоро сильно при тѣмъ дождь падалъ, видимъ често по верегахъ калѣжъ, котріи чеरезъ оулівъ сѧ поровинѣ, жолтый порошокъ, выгладающій гейвъ мѣлко тѣста сирка. Многилюде сиѣ до икнѣ дѣлаютъ, иро тѣни и вѣрѣ походатъ изъ кашаровъ сирковыхъ, котріи въ хмараахъ сѧ творятъ, и про тое мѣватъ, цио подчасъ заверѣхи съ дождемъ такаа сирка спадає — и пригадаютъ себѣ при тѣмъ, цио огень съ сиркою спадалъ оуже разъ на Содомъ и Гоморрѣ. Но мы даковати Богу не мешкаемъ въ Содомѣ аиѣ въ Гоморѣ, а потомъ оуже неразъ перескѣдчилисъмо сѧ, иро не однѣ есть до дрѣгого подобие, а однакожъ не есть тое самое, по цѣлкомъ иро иного. И такъ не есть жолтый порошокъ на видныхъ калѣжахъ такожъ сиркою; наѣть хотавы сѧ бихъ на огни запалилъ; но есть то пылокъ изъ цвѣтѣ деревесного.

Езъ цвѣтѣ тѣни и оби въ стойти шесть малыхъ столицѣвъ, на котрыхъ вѣршинахъ находитъ сѧ чёрный пылокъ. Кто тое пылое, тога ибсъ почортїе. — На лелѣахъ есть той пылокъ оуже жолтый, а кто пылое иѣлъ лелѣю, тога ибсъ пожолтїе. — То все есть пылокъ цвѣтковый. — Онъ падаетъ сѧ въ всѣхъ цвѣткахъ и на всѣхъ видѣахъ, ионѣже есть неопходимо потрѣбныи, если изъ цвѣта мѣе повстать падж и насѣнкѣ. Если же тое на юрѣ, коли дерева, и цвѣтки цвѣтѣти, сѣть оуліви и дождѣ, то забирае дождь той пылокъ изъ цвѣта съ себю, и се есть такожъ головна

причина, для чо́гò не мόжь ся на́дѣятъ доброго рóкъ на садови́нъ, скоро ми́ного дождь пада́ло на цвéты. Где ми́ного таки́хъ цвéтвиныхъ дерéвъ и цвéтко́въ стойтъ при кóпъ, тамъ такожь и дождь ми́ного такого́ пы́лкъ цвéтового споло́къ. Той же спирáе ся зновъ на земли и остава́е, если кода вýпаровала — и се есть той ми́ный дождь сирко́вый. — Въ лéтъ и въ осені, коли за звýчай тýчи и бýръ суть частéйши, не опаси́ти никто дождь сирко́вого, понéже тогдá дёренка цвéсти перестали — тогдá то идти дождь въ блокъ, орёхóвъ, дёбинóвъ и т. д. изъ найтáжного га́зла, но о ми́номъ сирцъ и гáдки ибтъ.

B. K.

99.

Дождь жáвачий.

Не разъ кáжутъ, что о́палъ тъ аво тámъ „дождь жáвачий.“ Но ачейже никто вíре не вý-дѣлъ, аву жáвы съ дождемъ падали. Рéчъ ся таа мае тákъ: Въ лéтъ, при постóлнио схóдъ спеко-тъ ста́грае ся велике ми́жестно пéниго рóда на-шихъ звýчайныихъ жáвъ до поплóзыкихъ лéсóвъ и борóвъ, понéже или тамъ холоднýши и мокрýши мóжно преныкáти; где опи звýчайно цвéлкомъ спокойно и скрыто ся захóвлютъ и не выкáютъ таки лéгко бти кóго спостерéженыли. Если же лéг-кий дождикъ спада́е, то опи ювáлютъ ся зновъ численно и оживи́аютъ ся въ мóкрай, холодной травѣ. Кто посла тóго нахóдитъ ся въ такой окóлици и наразъ тамъ таки ми́ного о́видитъ жáвъ, где пéрвше аи́в однóи не вýло вíдно, той не мó-

же понáти, эи ôтки са нараzи тóлько нуz взáло; и про тóе мнóгии не вðдчи ви состоáнии сопé тóе сиáвско вýтолквati, наi вðдчи лéнивыми нади тýмz са застановити, дñмаютz, иu жáва-чий дóждj пáдалi, и роскáзвютz тое дрëгimz, котрïи, сиi сvть до тóго легкокéрикими, ви тóе вé-ратz, а тáкz знóвz дáлкше скóй повaдz шíрлатz.

B. K.

100.

Дóждj крáвки.

На мáри и ви лéтъ дñже са чáсто джé, иu ви мнóгихz мéстцахz спостерéгáемiz чéрвóнїи кáпли подаваючи на дóждj éви, и то виè мó-кriи, а часомz и приехáи то на лéстю, то на пыкz предмéтахz йáсного вýда, котрïи лежáтz на земли и. пр. на полотнé, котрè дла вéленя розиростéрто на траве; а понéже мнóгии тóго пороздмéти не могутz, эи ôтки тое похóдитz, и понéже скóрше вéрлатz иuсь певзасáдного йáкz иu звýчайного и прирóдного, то кáжdtz корóтко: «крáвки дóждj пáдалi и вðде в бýи à!»

Но йáкz не всé есть сéрка, иu вýгладáе жóлто, такz и не всé есть кróвь, иu вýгладáе чéрвóно. Шо до тыхz чéрвóныхz кáпли, то рéчь тáа маe са тáкz: Изи мáечка пéкного живóтна, котróе чéрéз зýмz гдéсь тали на йáкблеск оплóтъ или на йáкой хворостинé прилéпене вýло, вýграйвáе сóли-це на мáри малéнъкii живéкий óвадz. По кóлькоz не дéлахz, скóро са той óвадz вýкорнили и вýрбслж ви здóлжz и ви шíрь, вýграйзáе биz где до горы, если не знахóдитz са оúже и такz вýсоко, оúкé-

шáе ся крéпко зáдною ча́стю тóлвка, а головою въ вóкк, звергáе изъ сéве óвадибю óвволокб, и перебражáе ся въ гранчáстый вýдз, котрый называе́мъ пбикою, безъ головы, безъ ногъ и крила. Зъ той пбики не мόжъ властíко подзиати, про эзъ нéн стáти ся ма́е — одиакожъ знову въ корóтцѣ потóмъ розлбиве ся шкарабиа, и вълázитъ ирось ся малымъ докбны стíспенными крилацами и ся грбвымъ пезж-опрáзными задбми, котрё ирось намъ пригáдве на мотылѣ или на ёакеск лéтиое живóтио. Езъ кóлька годинъ, пóд часъ котрыхъ онò тýхъ съдáйтъ, въростáютъ кра́снii рóзвивáрнии крилац и розпростираютъ ся. Изи зáдъ выхóдитъ шéсть до-бесклич червóнныхъ кáплеи, котріи оúпадають на зéмлю, — по чéмъ тóе лéтиое живóтио прихóдитъ до сéве и пóдлéктáе лéгко и жváво на воз-дьхъ, то съдáе на цкéткii, то знову отлéктáе и такъ веселитъ ся скóемъ житkéми. А скóро либо сotи такихъ пбики на одиблии оплóтчи захóдилъ, ли́гожъ ихъ наdkивáемъ ик огорóдъ? Еслайже изъ кóждои такои пбики вýклие ся мотыль и кóждый вýпisskáе изъ сéве до 8 такихъ червóнныхъ кáплеи, чи́жъ мóжемъ ся дикváти, про гбсто ча́сто такий нахóдилъ? Сто лишъ такихъ пбики въ одиблии огорóдъ дають оúже 6 — 800 кáплеи — а тий кáпль становлáтъ той ми́мый „дóждь крвáвый.“

B K.

101.

Очéнкii панъ и прóсткий Иванъ.

Панъ учéный, любившíй зъ всéго пошутити,
Прóстое высмéяти, святому глумити;

Гденико ли дотёнио блюзинти о Бóзѣ!...

Надыбалъ разъ Ивáна съ свѣтчию по дорбѣ:

„Добрый девъ! кудѣ идёшь? що несёши, Ивáне?“

„Свѣтчу несю до Цéркви, милостивый пáне!“

„Про що тóе?... а Бóгу потрёба свѣтити?

„Богъ идитъ и безъ свѣтчи... лúчше тóе проинти.“

„А знаю, що Богъ идитъ... но и не надаремно...“

„Суть люде хотѣ идитъ... то имъ чомусь тёмно...“

„Все знаютъ, о всѣмъ судятъ, лишь то рѣчь цѣкава,“

„Кто не идятъ, не знаютъ, що есть Бóжа спрѣва;“

„Про то кáже ся, пáне! тёмныхъ просвѣтити —“

„А щобъ идти лúчше, свѣтчу засвѣтити.“

Панъ хотѣлъ щось сказать... но Иванъ склонилъ ся
Тай прѣсто дорогою до Цéркви пустѣлъ ся.

— *М. Козановичъ.*

102.

Іоáннъ мýлостикъ.

Икъ для кóждого вѣли отвѣртии дікéри бý
Іоáнна мýлостикого, Патріáрха Александрийскаго,
такъ и предъ никимъ не замкнáлъ они свои скáрви-
ници. Въ Александрии дозванивали мѣжи прѣчины
одинъ къпѣцъ великихъ докóдѣвъ цедротайности
того Патріáрха. Коли лишь вѣлагала егò кѣла
запомѣги въ грóшёхъ, всегда отходили они съ
тюю отъ Іоáнна мýлостикого, — а коли приходили
отдавати свой долгъ, складали они той же вѣки-
чайно везъ жадного скѣдка изъ тѣхъ самѣхъ
мѣстци, изъ которо го знову въ часѣ потрѣбы за
призволеніемъ мýлостикого Патріáрха вѣнирали.
Такимъ способомъ малъ той кѣпѣцъ свой ненарѣ-
шённый капиталъ въ вespечнѣйшомъ покладѣ. Но
коли такъ частѣйше то врази то назади складали
позициони грóши везъ скѣдка до скáрвици, при-

пáла ємъ разъ на ѿчах гáдка, не сложити назáдъ вкíзкиченіи ккóты, по злéржати ѿнъю при сбѣ. Гáдка стáла дѣломъ. —

По юкóмись часѣ вылъ речéныи кѣпéцъ въ новой потрёвѣ; идѣ про тобе прóсто до скóго добродѣтела, мýлостикого Іоáнина, котрый вкíзльхавши егò прóскувъ, казáлъ ємъ ѹакъ звкýчайно, пойти до скрипѣ и взáти тредѣмъ ѿзмъ. Кѣпéцъ пойшолъ, по чимъ скóрше и вериѣлъ сѧ скновйною, про грóшъ из скрипѣ иѣтъ. Іоáинъ однáкоожъ знающъ добрѣ, про ибслѣ тóго кѣпцѣ никтò не сагáлъ рѣкóю по грóши до скрипѣ, сказáлъ: „Смотри по добрѣ, они тáмъ лáютъ вкýти.“ — Но кѣпéцъ твердѣлъ, про ихъ тамъ иѣтъ. На тобе отвѣтѣлъ Іоáинъ: „Брате! по тобѣ не вкýло тáмъ никóго, — а еслись про положиалъ, то тáмъ есть; но еслись не положиалъ иїчи, то и гдѣ про пайти.“ Кѣпéцъ почѣкиши твою откéртъ мóвъ, закстыдáлъ сѧ, розкáжалъ сѧ и вкýзналъ скою вину, котрѹ однáкоожъ Іоáинъ мýлостикый по скóей добротѣ ємъ простилъ и егò полиловали, — и отъ тóго часѣ вкýли кѣпéцъ всегдà сбѣсткий и заслѣжилъ сбѣ чеरéзъ скóе дáлкше житкé на осовлївшіи взглáды ѿскóго келíкого добродѣла.

B. K.

103.

Бдѣ дрѣй.

„Не есть то новина“

Рекль отéцъ до сына,

„Отъ мибгихъ ужè лѣтъ“

„Лакъ настáль такій свѣтъ:

„Шо все братъ“

„А сестрѣ“

„Собѣ радъ“

„Собѣ неслѣ“

„Кождый о сóбѣ
 „Никтò о тóбѣ...
 „Ты же одиáко
 „Не дѣлай тákо, —
 „О сéбе дбай, памятай
 „О дрúгихъ не забувай!
 „Мáешь мáло, „Мáешь мибóго
 „Подáй мáло; „То дай много,
 „Богъ всéго не роздáль,
 „Мибóго ещé заховáль —
 „Подáсть ти въ потréбѣ
 „На землѝ и въ Нéбѣ.“

B. K.

104.

III ε Δ ρ ο τ ḏ.

(Изъ Рихтера.)

I.

Іоáнн мýлостивый.

Іоáнн мýлостивый, Патрíáрхъ Александрийский казалъ кóждого дна овдѣлать вѣдныхъ мýлостию. Коли однóго разъ мéжн оўвогими мвйли сѧ и такии людe, котрый мáлъ дороги одéжи на сóбѣ и ииши золотии и ср҃ебрши оўпóры на р҃укахъ и шкáхъ, жáловали сѧ роздѣллючи мýлостию на иихъ оў Патрíархъ, но тойже сказали: „вáчите! йакъ ви єщe мáло оўмѣсте правдике оўвóжество и нециастъе пôзнакати; чиже гадáсте, иро тии на пôзоръ ногатии людe рáдо сѧ покáззютъ помéжн жеираками въ овиie знáмыми? — вíдно, иро ихъ краина иджда до тóго привéдила! Въ ирóчемъ, еслí ви въ именн крótкого Іоáнна, илъ лбчше скававши въ именн Хрëстà роздаётъ мýлостию, то

не залівайте на голосъ Евангелия, котрое пака-
зъе тѣмъ давати, котріи просатъ. Всѣ имѣнїа
належатъ толѣ, котрый ихъ велѣлъ роздавати и
котрый ихъ везъ кѣщѣ и мѣрки въ скобѣ Церкви
мѣе — а пачеъ слѣпки всѣ оѣвогии въ цѣлобого се-
та прибѣли до Александрии, тѣкы можъ вѣло до-
статочно всѣхъ ихъ овѣдѣлѣти.“

II.

Евангельскъ Синодитъ.

Евангельскъ Синодитъ срѣтили оѣвогого, ко-
трого дарилъ скобиши плащемъ; потомъ прійшолъ
до него дрѣгий, котрый дрожалъ отъ замора на цѣ-
лобихъ тѣлѣ, тѣго дарилъ скобио сѣкмѣнию; а самъ
оѣсѣли и держали икъ рѣцѣ скатѣе Евангелие йаки
ктось егда вопросилъ: „Отече, кто Васи тѣкъ зра-
вовали и овѣжіялъ?“ — Онъ, показавъ на скатѣе
Евангелие бѣжешилъ: „Се!“ — Иного разъ про-
дѣлъ онъ и самъ Евангелие, аки подѣти мѣло-
стиню — а коли одѣши въ егда оѣченикѣвъ вопроси-
ли: „Отече! а где есть Баше Евангелие?“ скав-
зали онъ: „Въ истина, попѣже читалъ тое и
онъ менѣ скажало: продай все, что маешь, и роз-
дай мякии оѣвогихъ, то продалъ тое на копѣцъ и
самъ Евангелие, аки цѣниъ полѣчили роздати мя-
жи оѣвогихъ.“ Егда циедрота прійшла до тѣго стѣ-
пеня, что разъ самъ се же продалъ за некоѣника,
аки грошии за се же взѣсканыи принестіи поѣмъ
одиоди вѣдноди вдокици, котрѣ въ крайноди нахо-
дѣла сѧ иѣждѣ.

Въ первыхъ часахъ Христіанства паходили
ажъ за надтѣ частїи примиѣры чрезвычайнои це-

драги, а нас
противъ икнѣ чрезвѣчайно склони-
сти. Такъ злѣнѣютъ сѧ времена и люди сѧ шами!

В. К.

105.

Ж и т ь .

(Казка.)

Коли Господь Богъ съѣхъ сей прекрасный со-
творилъ и всѣкомъ естествоъ долготѣ житѧ опре-
дѣлити хотѣлъ, прїишолъ до Него осѣлъ и пы-
талъ Его сѧ: „Господи, долгъ ли жити миѣ?“
„Трѣдцать лѣтъ,“ отвѣчалъ Господь Богъ; „до-
вѣніе ты вѣ тѣго?“ „Духъ Господи!“ кѣже осѣлъ,
„се дѣлгий часъ! Всѣмъ моѣ тажкое житѣ:
отъ самѣнника рѣшилъ да до тѣмиони нѣчи
сториѣ подѣ та гаромъ, лѣшкѣ сѧ вѣжкемъ ко-
жѣ и вѣжѣ вѣ маки, а йшіи хлѣви сваткѣ по-
живаяютъ; а кромѣ тѣго штѣркаютъ, вѣотъ менѣ
— такѣ моѣ житѣ; Господи! скоротѣ ѿно.“ П
оѣмъ осерділъ сѧ Господь Богъ наѣзъ и да-
ровалъ ему осѣмнадцать лѣтъ. Осѣлъ откинулъ
потѣшѣніе, а пескъ лакілъ сѧ. „Киѣ долгъ хочешъ
жити?“ рѣкъ Господь вѣ нѣмъ, „ослоби трѣдцать
лѣтъ за миѣго; ты же вѣдешъ довѣніе?“ „Го-
споди! откѣчалъ пескъ,“ есть ли сѧ вѣла Твоѣ?
Погадай, про ю вѣтрати и вѣтрати изѣдникъ, мой
ноги не вѣдѣють томъ такъ долгъ; а коли го-
лосъ потеряю до гаїкана, а зѣвы до кѣсаны, о
циѣже сѧ дѣвѣ сѧ миѣю? вѣ одиѣго кѣтѣ до дрѣ-
гого вѣтра и скѣлю, скѣлю гѣрько!“ Господь оѣ-
вѣдѣлъ егѡ прѣвѣ и отпѣтилъ мѣ дванадцать
лѣтъ. Потѣмъ прїшелъ мѣлна. „Ты сѧ охѣтою
ехочешъ трѣдцать лѣтъ жити?“ рѣкъ Господь

къ мálпъ, „нe прaцюeшъ тaкъ осéлк и пeсч, всe eсь сoвъ вeсeла и вáвишъ сa.“ „Ахъ Гóсподи!“ отвѣчала маnна, „то лишъ тaкe на пoзбрz моe житъ: але ишакъ въ йстъе eсть. Миv зáвeзды влазиbвáти, скакати и людий вeсeлить, — а ки-иbтъ менъ за тoе мвloko, а тa гo вкbши, то квaниe. Икъ чaсто скryкaе сa пoдъ вeсelostю смвта! Чeрeзъ тpидцaть лбtъ не вkidoлaю томъ.“ Бoгъ мáлостивъ бtпbстий въ дeслaть лбtъ.

На концѣ тaкълa сa чeловъкъ вeсeлк, здorовъ и чeрсткъ, и просилъ Бoга, авкъ емъ вrемя жизви опредѣлaль. „Тpидцaть лбtъ вbдeшъ жиylъ,“ рекъ Гóсподь. „Ахъ, тaкъ коротко!“ сx плачeмъ сказали чeловъкъ, коли лишъ постaвлю залeдко дбmк и на скобeй вlaсниой пeчи загрbю сa; коли дерeвинки позасаджaю, тиp цвисти и бкоци родити почиbтъ, а тa тoлько цю тpбdomъ и житкeмъ монiлъ наслаждати имъ сa, тoгдa миv oуmerati! О Гóсподи продолжай моe житkе.“ „Дa вbдeшъ бcкливадцaть лбtъ осла твойми“ рекъ Бoгъ. „То не доскитъ“ откbчали чeловъкъ. „Дa вbдeшъ eциe дванадцaть лбtъ пса твойми.“ „Все eциe мaло Бoже!“ „Добрe!“ рекъ Гóсподь Бoгъ, „дамъ тoвъ eциe дeслaть лбtъ маnны, но больше не отриимaешъ. Чeловъкъ откншолъ, одиакожъ не былъ задоколенъ.

Отоjкъ жiе чeловъкъ сeмдесатъ лбtъ! Первый тpидцaть сdtъ егo вlaснии чeловъческий лбtа, тиp oутbкаютъ бoрзо и прbдко, въ тихъ лбtахъ есть чeловъкъ здorовъ, вeсeлк, прaцюe охoтиo и тbшишъ сa изъ скogo выйтiа. По тихъ слeдбютъ бcкливадцaть лбtъ осла, тoгдa одeни тaгaръ за дpбgimъ на него спадae: дкнгаe звб-

жъе, котóримъ дрёгихъ кормитъ, — грызъ, клонотъ суть егò нагородою. По тóмъ сльдьютъ дванадцать лётъ пса, тогда лежитъ въ котёл, гарчить, склонить не маючи огнё звёзды до кбсана. Я переслине тотъ часъ, то заключаютъ десать лётъ мальчи житкé. Тогда приходитъ человекъ на дётиницей розыскъ и стаё сѧ, сбромъ казати, презрѣніемъ дётки, котркхъ однакожъ тóе самò колись ожидаe.

Ичола.

106.

Квока и квратко,

Берегомъ потóчка,
Ходила разъ квочки,
А парáзъ щось стáла,
На своихъ кликала:
„Ходить по рабытка!
„Ходить по курятка!!“

На той вóскликъ квочки
Сбъгли ся дёточки,
И мóвъ бы якъ стрёлà
Подъ материнъ крыла
Всё ся поховали,
Бо ся прилякли.

„Нéть мой дёточки,
„Нéть мой любочки,
„Не вамъ си бойти,
„Поби вáша мати
„Съ вами разомъ хóдить
„Съ собою васть вóдить...
„Ястреба высоко
„Видить моё око;

„А тхорà зъ далёка
„Ци морозъ, ци сиёка,
„Я всегда учую
„Хоть твёрдо начую...

„Но бáчте любочки,
„Но бáчте дёточки,
„До тбго потóчка
„Хоть стара ѹ квока
„Маломъ не влетела,
„И ся не утонила!...
„Про тóе внимайтe!
„Уважно бéгайте,
„Бо вáшого крыла
„Не встъ така силя
„Бысьте и лётали
„Такожь и плáвали!...

Слухали курятка
Всю рéчь до остатка
И сказали: „Мати!
„Будемъ памятати,

„Щось намъ росповѣла
 „И ѿкъ научила.“ . . .

Но одињъ когутокъ
 Не вѣрилъ въ той скутокъ;
 Край бѣрега станулъ
 И по рѣцѣ гуянуль;

Где кача плывало
 „И такъ си сївиало:

„По рѣцѣ гуяю
 И не ду же дбаю,
 „Ци ми кто годуе
 „Ци ми кто шилюе;
 „Ту всего ю маю
 Чогд забажаю! . . .

„Ездне небожатко
 Сеть кѫжде куритко,
 „По землѣ ишнае
 „Выгоды не знае;
 „И ему столетки? — . . .

„Зъ голоду умрѣти!“ . . .

На тобѣ когутинъ
 Выгнуль ся гей прутикъ
 Ударилъ крициами
 И зиркнуль очами;
 Потомъ змѣришъ бровы
 И сталь до розмовы:

„Чулъемъ сестро люба,
 „Що иста есть згуба
 „По рѣцѣ плывати
 „И въ ней си купати—
 „Миоги чисто бають,
 „О чѣмъ нищъ не знаютъ.

„Бо бачь! ты нѣврбоку
 „Гумѣешь въ потоку,
 „О бѣдѣ не знаешь
 „Въ щастю проживаніи. —

„Скажи правду щиро;
 „И тобѣ увѣру!“ . . .

„Любезный мой братку!
 „Курите потятко!!

„Слибъ вѣнѣ небылицѣ
 „Дѣнились въ водицы,
 „Тобѣ твоей сестрици
 „Замкнуты звѣйци,
 „Давно было стало
 „Пекъ бы ся казало!

„Но бачь! ю гуяю
 „За рѣнту не дбаю;
 „Въ ширь и вѣдомъ по-
 плыну,
 „Зъ голоду не згнупу!“ . . .

„А ну ю спробую?!
 „Чай си полюбую?!

„Бо мой охота
 „Надѣи золота
 „Силь менѣ додають
 „Все добрѣ вѣщають;
 „Такой ю спробую
 „Чай не пожалую?!

И скочилъ зъ высоки
 Просто до потока;
 Но даль наразъ нурка —
 Отъ ѿкъ кѫжда курка!

А мѣсто гуяти
 Мусѣль загибати! . . .

B. K.

107.

ОЦЕНКА по слышности.

Одна из тифеславской стихотворецъ любилъ дѣже, чтобы егдѣ пріятелѣ слѣхали егдѣ сочиненія. Рази зимою пріишолъ послѣти егдѣ однѣ изъ пріятелѣвъ. Онъ запрошуивши своего гостя въ неоплаѣтъ комнѣтѣ, посадилъ егдѣ къ столу, и началъ емъ читати свой добрый и скѣчный стихъ, а потомъ вопросилъ, таکъ бы дѣлае о тѣхъ стихахъ? — „Дѣже мѣй!“ откликнѣлъ перезванный гость, „если бы повѣльше вѣло огни въ твоихъ стихахъ, пакъ повѣльше твоихъ стиховъ въ огни, то вѣсмо пестшио не перезвали таکъ дѣже.“

B. Волянъ.

108.

Бѣра.

Шумѣтъ волны юкъ скаженій
Нѣна на нихъ стала —
Буря крила разпушеннѣй
Ужѣ порозстѣла.
Нѣбо чёрне, нѣчь надхѣдить,
Часть бури гуляти,
Лишь сама ся короводить,
Когдѣ въ ташеъ взыти.
Въ тобмъ примчайль ся вѣтеръ зимный
Всюдаесь разглядѣ; —
Заразъ сумракъ благочинный
Бурю намовлѣ:
Бы съ вѣтромъ спряглѣ ся
И въ силу взмоглѣ ся;
Здѣбно буде имъ гуляти
Когда море буде грѣти.

Веюда тихо
 А ночь чорну засѣдає
 Непремѣнио іакеъсъ ліхо
 И чекає и чекає

Нужь спряглѣ си буря съ вѣтромъ:
 Садитъ, валитъ,
 Гудитъ, складитъ
 Въ бѣзвѣсть моря тѣмнымъ свѣтомъ. . . .
 И несёси кругомъ, кругомъ,
 И женѣ ся сбимъ другомъ. . . .
 То по морю си пролігне,
 То до него си прилагне,
 То склонитъ ся и сибнитъ сп,
 Якбы цосъ ей неставало,
 Якъ за нею щось бы гнало. . . .
 Море грае
 Сумъ сберае
 Саму бурю съ вѣтромъ.
 Передъ чорнимъ свѣтомъ.
 И зновъ далѣй не пытав
 Съ зімнимъ вѣтромъ тай гулів
 Волна ревѣ,
 Море гудѣ,
 Кораблѣ побриаютъ,
 На глубокой, на широкой
 Безднѣ пропадаютъ.
 Твердый камень ріє ся
 А бѣрѣгъ трисѣ ся.
 Но ажъ неба дослігав
 Ни часочокъ не утихає.
 Буря съ вѣтромъ, волна съ моремъ
 Якбы си казали
 И свѣты вадили. . . .
 Але сумракъ бачиль ялѣ
 И взялъ промовайти:
 „Утишайтесь! ии на тбѣ

Хтѣльемъ васть спрягати,
 Бысте мбре вывертали
 И кораблѣ потопали,
 Розпрыжѣть ся,
 Розындѣть ся,
 Бо васть бѣздна ўхонитъ
 И въ сѣбѣ затонитъ.“

Не слухали сеи рады,
 Бо лишь мбре заминяютъ; —
 Теперъ къ лѣсамъ ся звертаютъ:
 Дорогою копотятъ,
 Ажъ сумъ, ажъ ликъ тряскотятъ.
 Гнеть туманы поставали
 И за ними вздогонь гнали;
 Ужѣ ся въ лѣсахъ опили,
 Разомъ знобу ся случили.
 Лѣсь цѣлый ся погинае
 А що буде, кто же то знае?
 Туманъ освѧть, — буря стала
 И до вѣтра такъ сказала:
 „Мілый друже, погулаймо,
 Зъ лѣсовъ вѣши поспѣйтаймо.“
 И ведутъ ся коровдомъ
 Лѣсы ломятъ перехдомъ
 Зъ гнѣзда штахи позлѣтали
 Зъ печаръ вѣбрѣ поутѣкали;
 Въ цѣломъ лѣсѣ збйки, крѣкъ,
 Лондѣть, стукотъ, свистъ и рѣкъ, —
 Дубы надѣуть
 Отъ вѣтра путь,
 Буря цѣ му помагае
 Зъ землѣ корень выдерае.
 Все звѣрене однѣмъ разомъ;
 Або стремитъ
 Або лежитъ
 Плазомъ, плазомъ.

Але ще на тóмъ не гóдѣ,
 Бúря съ вéтромъ въ коровóдѣ
 Вéжитъ, летйтъ,
 То горáми,
 Долинáми,
 То полíми,
 То лугáми
 Трапу, збóжье вырывае,
 И съ собóю заберáе.
 Тенéрь бто! ся спинйла
 Надъ хатáми
 Надъ мѣстáми
 Та крыхту си ўтишила
 И щось съ пѣтромъ говорila.
 Все дриготítъ зъ перенýды
 И ждё и ждё, що то бùде?
 Днéри, бкна зазвонили
 Крбкы всéда затренáли —
 Бúри съ пѣтромъ зновъ гулíе
 Зъ Церквишъ Кресты геть скидáе.
 Въ мѣстахъ, сéлахъ збикн, крíкъ,
 Въ побóдь кийчутъ всéхъ Святыхъ.
 Окна брéньку наробили
 А хаты си новали,
 Стрéхни нойшил въ перевéрты
 Всé гадають, то часъ смéрти;
 А кто зъ хаты си гавйтъ
 Другимъ къ побочи спишийтъ,
 Бúря съ вéтромъ го хапáе
 Иакъ помеломъ подкидáе
 И по земли розщибае
 И лишь кóсти вышускае.

Скоро бúря тóе ўзрѣла
 Заразъ зъ вéтромъ си розбéгла;
 Та ихъ бóльше не выдáти
 Пойшил, пойшил спочивáти.

— *И. Гушалéвич.*

109.

Ла́брехтъ (IV) гра́фъ Гавсебрекий пращає сѧ съ своєю родиною въ грóбници въ Мѣри.

(По́для Циглера.)

Дѣло сѧ тóе р. 1238, коли по цѣломъ христиáнскому свѣтѣ по третій разъ бѣзпѣр розлѣгъ сѧ голосъ: „святѣйшій грóвъ Спаситела въ Іерусалимѣ осководити изъ рѣкъ Невѣриыхъ!“ Владѣтель Франціи и Италии коспламенѣли святѣмъ огнѣмъ — а по ихъ призыва пе вѣло жадного вѣдрого рѣца, котрый бы не взялъ на сѣве знамѧ креста огнѣтвою: радо свою крокъ пролїати за честь Спаситела!

Не задобро розширилъ сѧ той занаїлъ и по цѣлой Италіи, где многи держаки и князѣ соврѣли скончахъ лѣнниками (казальщики), авѣ изъ нихъ состакити велике войско, силою прогнать Невѣриихъ и вѣдерти имъ святѣю землю. Пόходы тѣи называва юсторіа „крестоносцами“ и макшихъ бѣчасткъ въ тѣхъ же „крестоносцами.“

Межи численнѣми тѣми крестоносцами находилъ сѧ такожъ и Лабрехтъ (IV) гра́фъ Гавсебрекий, котрый сѧ рѣшилъ, даа оскоюжденіемъ св. грóба съ славою вороти сѧ на оскащеної земли Палестинѣ и изъ искренности любви пожертвовать свое житѣ за своего Спаситела.

Веліка и далѣка дорога и сѧ тóю слѣченіи и часто не бѣклини ми опа́сности, а паветъ и мисль, цио емъ сѧ може сѣдѣло, на востоцѣ закончить свою житѣ, споводомъ егò теперъ, все тóе распорядити, цио вѣло потрѣнѣли для благосостоянія егò Дома. Насампереди заключилъ про

тобе съ сконими сосѣдами бывшій міръ, а вѣ съ болѣнімъ сосѣдѣшиемъ, юко постаралъ сѧ о спокойствіи сїателкинѣйши родіны, могла сѧ присовокупити до похода.

Быдакши такожъ и дальши росказы доткічніи самого предпринимателства, склонили на конеци свою родину и сконихъ лѣнивковъ до монастыря въ Мѣри, а юдакши сѧ съ ними до гробницѣ сконихъ предковъ, промѣнили предвсѣмъ до сконихъ ленивковъ вървшеніемъ голосомъ: „И идѣ тамъ, къда взыкае менѣ святое знаменіе Креста, и іа есмъ готовъ за грѣхъ и славѣ моего Спасителя пролѣти послѣдию каплю мою кровь. Пріймѣти отъ мене подаки за Камъ менѣ досы обживленіе вѣриность и любовь. Хочете ли мою память мати въ почести, то поручай Камъ моихъ скопокъ. Башъ жилівость, вѣриность и праведность менѣ оказованы, такожъ и имъ оказъйтѣ, и не забвайтѣ, про Аверехъ Гавсевѣрскій есть ихъ Отцѣмъ!“

Главбока тишина стаала въ славной гробнице, котрѣ мѣстѣла въ сбѣѣ мояни его предковъ. На сампирѣдъ смирилъ притиснѣлъ до скони главбоко вървшеніемъ грѣди, потомъ оперѣвши сѧ до сконихъ обѣихъ скопокъ Рѣдѣла и Аверехъ сказали:

„Тѣтъ, где тѣни Башнихъ славныхъ предковъ Баси окрѣжаютъ, праираю сѧ іа — може по рази послѣдний — съ Камъ, моими такъ дорогими дѣтками! Слѣдуйте наѣки Башаго отца, котрѣ биже Камъ на семъ смирилъ мѣстци минаємости, дѣвре мыслачи съ Камъ подаѣ. Предъ всѣмъ держите сѧ вѣриности и вѣры и произвѣйтѣ въ страсѣ Господнѣи. Совѣтникамъ, подліочили Камъ совѣтъ подла скони гѣви, а дѣлмаочиши фланшиво

подла своего корыстолюбія, не отворайте нѣ ѿхъ
нѣ сърдца; кѣйшъ роспочинайте лишь прииж-
дѣнї, и лишь тогдѣ, если вѣѣ ини ѿредства по-
кажутъ сѧ вѣти певзенѣшикими; скоро же рази-
твю роспочалисте, тогдѣ совершаите ю мѣжест-
кѣнно и постоанно. Советѣніи Бѣшъ залежито-
сти не прекозносѣтъ николи надѣ бѣцій мѣръ.
Паматайте зѣвеѣдь, про гравѣ Гаве вѣрѣскѣи
не хѣтростю и ошѣканьстю, аиѣ бордостю и
своевѣльствомъ, аиѣ корыстолюбіемъ прїйшли до
такои высокой славы, про сѧ піми маю зи ихъ
станшъ могутъ сѧ рѣшити, по чрезъ честолюбію и
чрезъ старанійстъ о бѣрюе благо. Ехъ мѣрѣ ѿакъ
Екъ вѣдете кетѣнѣти ви съѣдѣ Бѣшъхъ Родитѣ-
лѣвъ, не ишо же ѿдержитѣ сѧ при насаѣдѣтѣн-
ій чести и благовѣтїю, по прїйдете сїре до вѣль-
шого!“ По семи сїре рази притиснѣли свою ѿ спирѣтѣ
и дѣти до скопи грѣди проливаячи слезы глаубокого
изрѣнѣна, поклагословиахъ пхъ и попраїали сѧ
сѧ вѣими скони прїнадлѣживами.

Ихъ токарішествѣ либжанхъ варбнѣвъ вѣпра-
виахъ сѧ мѣжесткѣній Ялврехъ Гаве вѣрѣ-
скѣи ви далѣкѣ свою ѿ добрѣ, и привѣли не по
цилакомъ спирѣмачой фѣдѣ до Сгрѣи, где однѣ-
коожъ не могли ѿтолѣти свою жаждѣ, вскѣти за
грѣвъ Спасителя, понѣже вѣасиѣ привѣли по той
часи, коли христіанске войско заключило переми-
рїе сѧ Сарацінами.

Не долго по скони привѣтю занедѣжалъ
смертельно ви съѣдѣствїе певдорѣвого кляматъ и
закончилъ свое достохвалное житкѣ р. 1240.

Ег҃о овѣ молодшіи сыни Ялврехъ и Гартманъ
помѣрили такоожъ по иѣмъ не за дѣло, про тое

Рудольфъ, сын пайстаршій, вказ наследникомъ всѣхъ бѣцѣвскихъ посѣлостей, зѣсталъ р. 1273 вѣвранкъ на иѣмѣцкого цѣсара и сталъ сѣ родопачальникомъ Дома ракѣскаго.

В. К.

110.

Г л є з д.

Коли гасиенъке нѣбо почориѣе,
 Чернь хмарь кипячихъ затмитъ сбнце гасне,
 Цѣлоби природы личко засумиѣе
 Вейка еї краса темиѣе и гасне;
 Съ гукомъ и шумомъ валить си болваны,
 Грбомъ бїє по грбмъ, а огненній стрѣлы
 Ибрють воздухи, якъ зъ нѣкла шатаны,
 Якъ бы си двигли вѣж небесній сїлы.
 Сильно трепетно вихбръ мече лѣсомъ,
 Дубъ си стоятній ломитъ въ половинѣ,
 Дикій звѣрь якъ бы былъ гоненый бѣсомъ,
 Съ рукомъ уходить до тѣмнои гаскінѣ,
 Нерушъ гремячи рве муры, рве скалы,
 Огнѣ небесній съ земными си стерли,
 Стихіи борбу страницу разночали,
 Якъ бы ужѣ землю зъ йга бен пёрли.
 Облакъ глубокон тиганий простеръ ся,
 Хиба где echo въ воздусѣ коне,
 Лично на гильци листбочокъ трясется,
 Смутно на вѣки звукъ зибна заграe,
 Въ томъ чериъ хмарь тяжкихъ землю прилягаe,
 Якъ бы брѣменемъ маля въ побоюхъ стерти,
 Ажъ сумъ все племя живѣ обгортает,
 Якъ бы ужѣ Ангель вѣстунъ прїйшблъ смрти:
 Алежъ въ томъ дышчикъ рясиенъкій, тепленькій
 Стисненый воздухъ струями прошыe
 Трвожиу земленъку якъ братчикъ рдненъкій,
 Якъ мати доинку подъ вѣночокъ змье;

Якъ въ барвѣночокъ ўберѣ и въ цвѣточки,
 Ажъ ся встыднѣве лічко зрумянѣвъ:
 Такъ шкваромъ, бурею зъгненій рослиночки,
 Красобю бліснутъ, всѣ зазеленѣютъ,
 Дробна птанинка защебече въ ббрахъ,
 Мушка ройми зъ подъ листочкивъ рушить,
 Ходобка съ рымкомъ играє по горахъ,
 Пчолка бренитъ си, мотыль крільцѣ сушить;
 Но зъ за хмаръ чбрныхъ сонце засіяло,
 Воздухъ тхнуль воныю, що цвѣточки въ дарѣ
 Зъ сердечъ вѣночковъ сыплють му не мало,
 Но встрималъ грому, бо розпустилъ хмари.
 — Ровно и душу іакъ смутокъ обгбре,
 Студеный мозокъ огнѣмъ запалитъ си,
 Клубками гадя рушить нѣдьмо чбре,
 Що въ груди нѣжнай подъ сърцемъ гнездитъ си.
 Чувства то знаній, стрѣлы Ѱдовити!
 Що сърдце побрутъ, налитъ, въ лѣдъ стинаютъ,
 Свѣрѣ то встеклай, крви сердечъ несытї!
 Зракъ тьмітъ, слухъ глушать и духъ запераютъ!!
 О! ўже кончина для ти очевиста....
 А въ томъ изъ зорнічки, що въ голову упаля,
 Пустить си рѣкѣ слезъ горячихъ чиста, —
 Лицѣ умыла, жарь въ сърдци зальяла.
 Але у мене слезъ жерело выехало —
 Чимже заплачу? чимъ въ груди боль здушу?
 Кобы хотъ кривью око, сърдце прысло...
 Зальти вульканъ, що налитъ грудь, душу.

Новини.

111.

Два плағги.

Певный ковалъ бу́ковали зк еднога какалка
 желѣза тогожъ дна два плағги. Ровочай селаніи ихъ
 купилъ одінъ зъ тихъ плағговъ и бѣнотревлалъ
 тогожъ до свони ровоты въ поли. Другий плағгъ ли-

шілк са оұр майстри чөрөз үйлій әреке, и лежалк въ кѣтѣ гдѣсь тамъ въ кѣзини, и заржавѣлк үйлекомъ.

Въ такомъ состоѧніи кѣпілж егъ ыакийсъ дрѣгій селажинъ и принесли събачайно влізко до егъ врата, дѣвнога пасына, котрого оұпотревлѣно чөрөз үйлекомъ.

„Ікк то вѣти мόже!“ клянчил заржавѣлый пасын, „ты выгладашъ врате такъ красно, есъ таңк гладоний, и вишнишъ са моя ви то срѣвро, та ты прѣцѣни вѣдѣчи си мибою оұковалѣ такъ не выгладалж есъ! Що са менѣ тѣчитъ,“ продолжалъ онъ, „лекальемъ спокойно чөрөз үйлекомъ часж, мене шиктѣ не тиркалж, вѣлжемъ въ пошанибкѣ, а прѣцѣни ржад менѣ таки везжовразыла.“

„Блѣснѣ для тога, же тебѣ шаповано,“ сказалъ полискѣючий са пасын, „почала ржад тебѣ ёсти.“

Лѣнивство есть всегда шкодливе; праца, впрѣва и оұпотревлѣніе розвиваке сілкы. Такъ само и дѣхъ ніидѣв, скоро не дѣлает — а паветъ и вода не бѣ са, скоро стоять и не отплываке! —

B. K.

112.

Чѣ нынѣ, чѣ здѣтре?

Сиішъ — не знаешь чѣ нынѣ —
Здѣтра може не твоѣ.
Цвѣтъ зсыхаке на каминѣ —
Колись скажешъ: „всѣ марнѣ!“

P. Гушалевичъ.

113.

Листъе и цвѣтъ.

(Поддия Жеанъ Поля.)

„Икъ промишліоцое, йакъ таѣнное житкѣ ваше!“ шелепотѣли листки до спадаючого на землю цвѣта. „Лѣдво есте сѧ розвїли, тай днійш оди нережіли, оуже и конецъ вашъ, оуже въ грбъ падете! Чомъ то мы, далеко превосходицьши отъ васъ, скоро лишь сиѣгъ оустѣни, розкиналисѧ, ростемъ и краинъ нашъ зеленость оудереждемъ ажъ въ позднѣ осені. Чему прѣни веніанкихъ штіцъ, въ лѣтѣ бавимъ сѧ съ лѣготомъ, и въ часъ оупалъ самъ чоловѣки сѣдае въ нашъ тѣнь, тай ажъ въ поздній осені, колисьмо сѧ доволено наїли, зестѣнили до грбъ.“ Цвѣтъ спадаючий такъ на тое бтионѣдаде: „И вкі жите и мы жіемъ: но межи житіемъ нашимъ заходить разлічие не по про до долготѣ, но и про до достойности. Мы оди только аво двѣ днішки жіемъ, але въ тѣмъ короткомъ нашомъ вѣкѣ въгрѣвались окоїк; подла котрого господарк щѣлобе дѣренко цвѣти, и если бы насъ не віло, вкі висте не сбіестковали, во дрѣво, котрое не вѣдало цвѣта и окоїк, не вѣрто, йакъ лишь авѣ егд зреати и вкі огень въверечи. Мы падемъ въ грбъ, во се сѣдка вѣго жїючого, але лишамъ по сеѣ поколѣнїе новое, котрое по нашой смртї изъ зернатъ вкіколе сѧ, и въ вѣдѣнїи вѣкѣ вѣнѧе въ саду цвѣтѣй, и окоїк приносѧчий.“

И чоловѣки жити долженї не йакъ тое сбѣтное листье, по йакъ той цвѣтъ; авѣ въ хвѣли смрти исполненіи вѣли тое сбѣтство, же жилъ для чело-

въчества, и же въгрѣлъ въ своїй жїзни овощ
солодкій, вонаний, зерністый и плодоносный въ
вѣдѣніи!

Зоря галицка.

114.

В е с н а.

Solvitur acriis hiems grata vice veris et Favoni.

Horatius.

Бачь! бѣлѣ рїзы, що пбли ўкрывали,
Ужѣ на Дажбога росказъ посchezали,
Іакъ на смерть вѣчуна наша мила мати
Убрана была въ бѣлѣ, смртнї шаты,
Лежала въ грбѣ — лишь не дѣле врѣмя,
А днесъ воскресло съ нею рѣдне племѧ, —
И ўбираєсь — щобъ веснѣ питати —
Въ надѣйнї, свѣтлї, зеленѣнѣ шаты.
Все веселитъ ся, же вѣснонька божа
Назадъ вертаве мовь царіця гожа.
Ужѣ безмѣжне небо голубѣ,
А жизна нѣва мовь Май зеленѣ,
Що день сильнѣшіе солнце притѣкає,
Вѣтрѣцъ тепленикій зъ юга подував,
День божій съ каждою дніною прибыває,
И до роботы всѣхъ насы возвыав. —
Ужѣ селяніца прелюбезній дѣти
Въ хатынѣ тѣплѣй не хотятъ сидѣти,
Инѣ по лугахъ радостно буйютъ,
И тамъ скапливо цвѣточкѣ сбираютъ,
Що такъ скромнѣнко губоньки рознѣли,
И мілый запахъ по лугахъ розлѣли. —
Скаплива пчолка домъ себѣ опускає,
Бренить такъ любо, ажъ сѣденко грає,
Домъ опускає, чрезъ луги гуляє,
Зъ цвѣткѣвъ солодкость всяку высыпав. —
Небесній птицѣ пѣсни ужѣ голоситъ,
Мовь вдячність Богу за веснѣ записитъ,

А надъ всѣ птицѣ соловѣй чудѣсный
 Щебѣче пѣсни — гей пѣвецъ небѣсный; —
 Поглѣнь на горы, що ся тѣмка дѣвь, —
 Черѣдъ тамъ полиѣ, же слажь чориѣ,
 Ужѣ не застапенъ товару въ обрахъ,
 А гдѣжъ подѣль ся? — ходитъ весь по горахъ,
 По горахъ ходитъ, таи траву зрывавъ,
 И зновъ до дому съ рѣкомъ повертавъ.
 А за нимъ пастырь на фурицѣ гравъ,
 И пѣсни ми свѣтла Творца выславлавъ. —
 По подѣ горюю котитъ ся тихенько
 Маленька рѣчка — гасне ей личенько,
 И гомонитъ — що? трудно отгадати,
 Знать ся веселитъ, же ожила мати. —
 Коли веснобо все ся такъ красувъ,
 Чижъ смѣртныи тѣго лишь одинъ не чуе?
 Чи іарь му жадныхъ утѣхъ не приноситъ?
 Чи онъ подики Божу не голоситъ? —
 Онъ то чувствує и Божа величавъ,
 Тай до роботы живово ся хапавъ; —
 Призвавши Божа, ужѣ стаіъ орати,
 Щобъ жизній нивѣ дармо не лежати. —
 А пооравши всяке збожье сїе,
 За свой трудъ буйныхъ плодовъ ся надѣвъ. —

IA. Геровскій.

115.

Свѣздарскїи вѣдомости о сѣльскихъ людѣй.

Люде прости и пеписклѣнїи сѣдати о раз-
 личныхъ зглобленїахъ слѣчающихъ сѧ въ природѣ
 такжъ, какжъ сѧ они очемъ ихъ представляютъ,
 прото гдѣ тамъ гладати поѣчающихъ миѳи и
 изслѣдований и въ оѣмственности свѣздарской.
 И такжъ держачи наши народи землю, на котрой

жїё, за недвижимъ, а видачи пересѣвайочое сѧ по нѣмъ солицє съ звѣздами, держитъ сѧ систематъ Птоломея, и дѣлає, же земля стоять, а солицє и звѣзды на около неи крѣжатъ. Рѣкъ хотѧ въ числению дѣлатъ людѣ на 12 мѣсяцівъ або 52 тѣжднівъ, по колибы сѧ рѣкъ на ново разпочинали, въ тѣму держатъ сѧ письменниихъ вѣдомостий. Дакиѣйше разпочинано новое лѣто съ днѣмъ пѣрвого Марта, по бѣзъ часу Бел. Князь Василій Дмитровича (1389—1425) оѣважано за початокъ новаго рѣкѣ мѣсяца Бересенъ. Тенерь оѣже на спосбѣ римскаго мѣсяцослобода числлатъ початокъ рѣкѣ бѣзъ 1. Февраля. Дѣланіи рѣкѣ на мѣсяцѣ вѣчатъ зибѣзъ на небо и держатъ сѧ все крѣженъ мѣсяца, котрый настаѣ (новый або молодкій мѣсяцъ), ростѣ въ сѣѧтѣ до пѣрвшии чвѣрти (кватирѣ, пereкрѣйтѣ), дѣльши до половины (половина), потомъ оѣвкѣвѣ (дрѣга або послѣдна кватира), и цюрази болѣше, пѣки передъ человѣческимъ юкомъ съ всѣми пе зиѣкне. Понѣже передъ настайнимъ новымъ мѣсяцемъ зиѣкле чвѣрѣзъ единъ юдъ не вѣде го видно, про тое го королатъ людѣ, же мѣсяцъ отвѣтивши свою дорогу, все сдѣли денъ спочивѣ. Я понѣже мѣсяцъ свой овѣдъ около земли въ 29 днѣхъ, 12 годинахъ, 44 минѣтахъ и 28 секундахъ совершае, то въ рѣцѣ сопѣчиомъ заходитъ все сїмѣ тринаадцатый мѣсяцъ.

Мѣсяцѣ наші называеми таки: Февраль, Лютий, Мартъ, Цвѣтенъ, Май, Чѣрвень, Іюнь, Сентябрь, Октябрь, Ноябрь, Декабрь, Грудень.

Коли сόлице що денк на пайвáший тóчцѣ нéва стойтъ т. е. верхъе, или коли естъ правдýвое полъдие, тоє ии ииò рðлкникъ на побли впраvныиъ бкомъ добрѣ злнбритъ, но и малїи пастьшаата везъ бшикъ знаютъ.

О лѣти бму постóанию сόлица тѣю ашикъ людѣ майотъ вѣдомостъ, же отъ Св. Іоана (24 Чéрвця) денк малѣти, а побѣ рості, а о зимо вѣдму, же отъ Св. Ани (21 Грѣдна) денк рості а побѣ малѣти починае. О срѣдианю дна сж побѣю що до трвálostи знаютъ, що на ѡрѣ на Св. сороки Лѣбенникѣ (21. Марта), а къ осенїи на Воздвиженїе Честного Креста (26. Бересна) — хотъ само срѣвианїе 23. вкпадае) денк що до дѣлости, побѣ са ровнае. Хотъ крѣга ненеснога не дѣлатъ на звѣзднїи окрѣги, то єдиако многимъ скойскїи и дѣже трапиини имена надаютъ и. пр. великий вѣзъ, вализиата, квочка, косарѣ, гадина, збрннца. Кометы называють лѣтлами, зв причинки йснога хвоста прилаченого до звѣзды, и вккладаютъ си иихъ, яко знаки предсказаний іакии великии нециаста и. пр. голодъ, польбръ, вѣнчъ и т. и. Тое самое майотъ предсказовать такожъ затмѣи (помраченїа солнца) и лѣсанца.

Що до вездѣнїихъ звѣвлениїй (метеорологіа) не майотъ на праудѣ опрѣтыихъ вѣдомостей и ашикъ свой догадки до иихъ лѣчатъ и. пр. вѣдний свѣтла оказдютъ, же грoши горѣтъ; дѣгъ коли са покаже, то обома коньцама въ мори стойтъ и вѣдъ шїе; зоръ сѣверна озникаю крвавони вѣннкі; громъ, сми фударитъ, пскакае паллїшъ стрѣлъ, котрою людни аво звѣрата завицѧе, дѣрева лѣшие, домы

запалáе, а котрóго то огнà гасítи не годítъ сѧ; звéзды сѧ отрываютъ и, въ воздвeсъ пáдаючи гáсиþтъ и т. д.

Но дёже гэто и неошибнй суть ихъ предска-
заний, и. пр. лéсацъ овгороджéныи т. е. маю-
чий паокóло сéпе свéтлое кóло, такожъ если при
рогáхъ (т. е. сли есть въ сéрпѣ) видно нéкы
йиний хмаркий, предскáзve дóждjкъ; вéтеръ юж-
ный (отъ середzéмного мóра) приноситъ все
дóждjкъ; — мрáки если са въ горѣ подносятъ, то
дóждjкъ, если на зéмлю пáдаютъ, то погóдъ за-
повéдáютъ, и т. д.

Перемышлянинъ.

116.

Г а л и ц ю .

Галицїя (съ Краковскими обводомъ и Бж-
ковишю) граничитъ къ сéверу съ Пруссами и Рóс-
сиею, къ востоку съ Рóссиею и Молдавией, на югъ
съ Семигráдомъ и Оуграми а паконéцъ къ западу
съ Львовскими Шлескоми.

Поземéлке ей опхимáе просторонъ 1614 миль
четырергáнныхъ (квадратныхъ) — Людность
сагáе до 5,000,000 душъ, котрой мéшкаютъ въ 20
окрýгахъ.

Рéспубликъ становáтъ на ýблкшъ частк людно-
сти, во чýслатъ близко полутрета ($2\frac{1}{2}$) мїллиона.
По иныхъ слéдуютъ: Полакъ въ числѣ кóло пол-
тора ($1\frac{1}{2}$) мїллиона; потомъ Жиды свыше 400,000,
Ромáни (Болóхи) 150,000; Нéмцы до 100,000;
Пилипони до 4,000; Ормéни надz 2,000; Ка-

р'айми кóло 260; а потомъ Чéхи, Італіáне, Франціáни, Мадáри и інші племена.

Головнійшиими жителями Галицї єсть Рѣсіній и Полякій.

Рѣсіній займають преимущественно 12 восточнихъ окрѣпокъ, т. е. Коломацкій, Чортківскій, Тернопольскій, Станиславовскій, Бережанскій, Золочевскій, Стрыйскій, Самбірскій, Сяніцкій, Перемишлскій, Жолковскій и Львовскій; потомъ съвери и запади чистъ Бѣковини (Черновецкій); и чистъ Решовскаго, Ісѣльскаго и Сандечскаго. — Помѣстніи имена Рѣсіній въ єсть: Гуцвали въ Коломацкому и Станиславовскому; Подолане, Ополане въ Чортківскомъ и Тернопольскомъ съчастію Бережанского и Золочевского; Покутане надъ Днѣстромъ; Бѣйки въ Стрыйскомъ и Самбірскомъ; Лемки въ Сяніцкомъ, Ісѣльскомъ и Сандечскомъ. Подгірье или Подгірска Крайна называє сѧ чистъ Стрыйскаго, Станиславовскаго и Коломацкаго окрѣга, протягиваюча сѧ отъ граніцѣ огіорскога до Днѣстру; Подлѣсьемъ называють лѣсовіи сторони въ Жолковскомъ.

Полякій живутъ исключино въ Краковскому, Бадовицкому, Боянівскому и Тарновскому; по вѣльшой чисти такожъ въ Сандечскомъ, Ісѣльскомъ и Решовскомъ а иаконеца мѣстцами въ прочноихъ 12 восточныхъ окрѣпахъ. Въ западныхъ окрѣпахъ называють живелѣ севѣ самуихъ Мазовами, а въ горахъ Горалами.

Коли прѣдки нынѣшніихъ Рѣсіній въ свой сѣдѣніца и прѣдки Поляковъ въ западныхъ окрѣпахъ сѧ поселіли, не можъ опредѣліти —

они суть въ поминъихъ сторонахъ снадь первовѣтиими, домашними.

Два тѣи народы вѣли колись самостоѧтельными, а именно:

Рѣсий становиши первоначально состаꙗнъ чистъ велікимъ рѣскомъ Державы подъ наслѣдниками Рѣрика и Володимѣра; коли однакожъ въ продолженіи времене поединокъ Князѣвъ самодержавіи Княжества основали и междусобніи споры и ворви мѣжи иными повсталы, яко и самодержавіе Великого Князя черезъ тое сѧ встрасло — осмѣшили сѧ дикіи орды Монголівъ и Татаровъ напасті рѣскѣ землю и велікѣ сї чистъ своя зверхнічестивъ подчинити. Подчасъ того, коли європосточнаѧ Рѣсь Татарскии Ханамъ велікѣ дань платила, взнесли сѧ Князѣ Володимѣрскїи и Галицкїи до высокон славы и славы, и тогдѣ то становиши малѧ или червона Рѣсь велікѣ, самостоѧтельни Державы, а прѣдки икоинишихъ Рѣсиповъ малъ скончихъ Князѣвъ, зъ которыихъ гдекотрии именовали сѧ Королами Галицкими. Галичъ възголовиши мѣстомъ, и отъ того полубнаж цѣлый краї наизвѣ „Галицїи“ йакъ и отъ Княжества Володимѣрского „Володимїрїи.“ — Рѣсипы становиши велікій народъ и ихъ то хрѣвости завдачше цѣвлѣ Европа, що оттѣ изъ грѣдїи свонихъ виставили крѣпости, о которыи розвивали сѧ всѣ замахи и нападки лібыхъ Татаръ, хотачихъ грабше сѧ до Европы прорѣти, и жаждущихъ всѣ мечѣлъ и огнёмъ истребити, а паветъ просвѣщенъе въ токѣ егѡ спинити.

Сосѣдніи отношениї и свѧзи покреънѣстка съ Оѣграми вѣли повѣдомл., цю Королѣи Оѣгбѣрскіи ѿкаймъ часу на Галицкому дропѣ сѣдѣли; а подзинѣйше сѧ корѣна Оѣгбѣршны такожъ о той дропѣ донерала.

Галицка Рѣсъ наѣздами необѣтомиаыхъ Татарскими ослаблена, пхъ тажкимъ мечелюхъ подтѣта и киѣтрениами несгодами взрѣшила, не могла р. 1340 сѣлою отпѣрти Казимѣра, короля Польскаго, котрый прѣвомъ силыгѣйшаго подвѣлъ и запрѣлъ Галицкѣ землю и присовокупилъ тѣюжъ подзѣ именемъ „Бесѣдѣство Рѣске“ къ корѣни Польской.

Въ тѣмъ состоѧнїи оставалася Галицка Рѣсъ ажъ до подѣла Польши рѣкѣ 1772, а Австрія, подз котрои скіптромъ Оѣгбѣршна ѿже тогдѣи отъ влізко трѣхъ сотъ лѣтъ стоѧла, прїишла въ посѣданье Галицкимъ Рѣси сѣлою прѣва трековѣтельного давнѣйшихъ Оѣгбѣрскихъ Королѣвъ, котріи сѧ николи не зРЕкли вѣли свѣтого давнѣйшаго прѣва до Рѣси. Отъ р. 1772 належитъ Галицка Рѣсъ разомъ съ западными окрѣгами подз именемъ „Галицїи и Болодимїрии“ до состаѣ Аустрийской Державы и тѣшила сѧ единакими прѣвами и защищою съ прочими до той Державы належачими краями.

Полакъ, или подз полѣстного имена Мазѣрѣ, еѣть отраслью Лахѣвъ, котріи подз свѣними Князьями а подзинѣйше Королѣми въ добѣ Пїаста сѧ розвили: поединокъ Княжества перѣдъ Королѣвомъ Казимѣромъ въ однѣ цѣлости совокупили; подз Кгайлой нации до найбѣльшои высотѣ свѣи сїлки и славы прїишлї, а наконѣцъ

подъ въ вѣраными Королѣми че́резъ домашніи несгоды чимъ разъ славѣли. Р. 1772 настѣпіи пѣрвый подѣлъ цѣлоби Польскон Державки, а нынѣшніи Мазовѣ пріишлі разомъ съ Галицкими Рѣчинами подъ владѣнїе Австріи. Подздишьше, т. е. р. 1847 пріишлъ Краковъ съ скончаніемъ обѣдомъ, котрый ожѣ и прѣждѣ разъ до Австріи налѣжалъ, назадъ до неї.

Рѣчини и Полаки суть племена славянскіи и вѣронсповѣданія кафолического, по съ тихъ розлічіемъ, що пѣрвшии, т. е. Рѣчини налѣжатъ по обряду скомѣ до восточного и послѣдніи, т. е. Полаки до западнои Церкви. Ова тѣи народы точно захоплюти свой обряды, и непоколебимо остаются при дорожшой спадщинѣ: Отѣци скончахъ, вѣрѣ святой. Пѣрвшии го брати малорѣскимъ лзыкомъ, оупотребляютъ въ письмѣ собственои славянской азбукѣ и маютъ свою собственную словесностъ — послѣдніи же го брати польскимъ лзыкомъ, оупотребляютъ въ письмѣ вѣкъ латинскихъ и маютъ свою словесность.

Ихъ въ прочемъ цѣла тихъ народовъ юсторіа вѣла розличною, такъ свѣтѣнно розличніи суть ихъ звичаѣ и овичаѣ до нынѣ, и про тое становатъ они два розличніи и особніи народы, якими суть и ішніи славянскіи племена: Россіане, Чехи, Хорвати, Серби, Болгари и пр. пр.

Межи прочими жителями Галиціи суть членнѣйшии Жиды. Въ жадной области Австріи ской нема ихъ такъ многого, икъ въ Галиціи; и залѣдво где найдемъ ихъ, хотѧ суть розсѣяніи по цѣлоби Европѣ, такъ многого разомъ, икъ тѣтъ.

Иножáйша ихъ ч áсть выпадае на Золочéвский и Львóвский окрбгхъ и въ сорозмѣриости находатъ ся они въльше въ костóчныхъ юкъ въ западныхъ окрбгахъ. Они остаются твёрдо при въроисловѣданию Могséа и занимáютъ ся торгóвлею, мало-продаюю и перекупничествомъ,

По нихъ слѣдуютъ цо до числa Ромыни (Болохи) на Бѣковинѣ, къдѣ они въ дрёвной Дакии и столицѣ Берегской (въ Оуѓорцинѣ) подъ начальствомъ Драшка или Богдана ся поселили. Дѣло ся тое въ самое крѣма паденіа Галицкого Княжества. Ромыни прогнавши Татарскѣ брдѣ изъ надъ Молдавы и Серета занѣли тамошніи долини и соовѣли ся съ сосѣдними Рѣчинами држески, а то тѣмъ въльше, же и они налѣжатъ до косточной Церкви и оупотребляютъ кромѣ ромынскаго, по мѣстцѣвостемъ и церквино-словенскаго языка при вогосадженїи; они принадли позднѣйше по въльшой части и въ горожанскому житию рѣскаго языка, хотя задержали при томъ и ской ромынскай. Ихъ правитељи называли ся Боеводами а позднѣйше Господарами. Р. 1776 прѣшлѣ Бѣковина юко состаўна ч асть Королевства Галицкаго до Австрійской Державы.

Нѣмцѣ, отъ давна знани юко промыслючи народж, отъ Казацкѣ Рѣскихъ до краю спровадженіи, жительствуютъ по въльшой части въ мѣстахъ, юко и въ окремѣшныхъ населеніяхъ, котріи слѣжатъ за взбрѣ въ господарствѣ, искѣствѣ и промыслованю. Они оупотребляли давнѣйше права Магдебургскаго въ сѣдѣ и въ оуправлѣ, подла котрого и прочий мѣщане хотѧ не Нѣмцѣ, сѣдѣли ся. Больша ихъ ч асть сѣть Кадольника-

ми, — прόчий суть исповѣдания аγγελійскаго — а межи сектами суть наизначайший Менониты въ Стрыйскомъ окрѣзѣ.

Пилипопи переселены съ изъ Царства Россійскаго и овнѣютъ помѣжи Рѣсниамъ и Ромынама въ Бѣковинѣ, а наибольша ихъ часть въ селѣ Евлѣй Керніци и тогожъ окрестности. Они суть сектою Раскольниковъ, котрой нехотячи пріймити исправленія тѣкста въ книгахъ церковныхъ отъ Собора р. 1654, севе изъ овѣстка церковного вѣкличили, и называются съ Пилипопами отъ монаха Пилипа, начальника ского, котрый не могучи достигнути достоинства Игumenia, покой расколъ оучредилъ. Суть то въ прѣемъ дѣже трѣдолюбивий людѣ, оставоутъ при себѣ въроненовѣданію твердо, называяющи себѣ „старокерцамъ“, захвѣютъ таки найстрѣгше домовѣ каридѣсть, знаютъ дѣже дѣвре плеќати садовинѣ и оправлать огороды, а въ ровѣтахъ навѣдныхъ и поземныхъ мало имъ кто вѣронос.

Ормении прїйшли до Галицїи за часомъ рѣскаго Князѧ Лѣва (р. 1062), котрый или съвериъ чисть въ Лѣвобѣ призначили на лешканиѣ, а по трѣхъ лѣтахъ болѣно или вѣло по всѣй Галицкой Рѣси съ розширити. — Они до сихъ провиниаутъ въ слѣдующихъ мѣстахъ, где и маютъ свои приходскіи церкви, а то: въ Лѣвобѣ, Бережанахъ, Станиславовѣ, Лисци, Тысъменици, Городенци, Сиѣтынѣ, въ Кѣтахъ и Чертвищахъ, т. е. въ самыхъ восточныхъ окрѣзахъ. — Они маютъ свое собственное письмо, котрѣ въ четвѣртѣлихъ (IV) столѣтии вѣнайшолъ Мѣзровъ. Своего пѣтомого азъика по вѣльшой части оуже забыли и

лишь въ церквиныхъ книгахъ его оупотребляютъ. Мѣстами вѣсѣдуютъ азкимъ рѣскимъ а мѣстами польскимъ. До половины сѣмнадцатого (XVII) столѣтія захоронили они свое лѣточие слѣпое по оупотреблѣніи егиода Тевинского или Тевинского отѣвѣшаго сѧ р. 553 — по почакши отъ пуха Епископа Торосѣвича соединили сѧ зновъ съ западного Церквою и зостали Кафоликами р. 1666. — Ихъ занятьемъ есть по большей части торговля.

Карайми находитъ сѧ по большей части кѣло Галича и Кѣкізова недалѣко Іркічова. Що до ихъ вѣроненіе дѣланія есть подобны жидамъ — не приимаютъ однокожъ Талмуда. Есть то въ прочему дѣже рѣтѣлки и тихіи людѣ.

Прочіи житељи, іакъ то Чехи, Гталіане, Францізи, Мадары и пр. пр. есть по всѣй Галиціи разсыпаны, и мало где кѣлька родинъ наїдешъ икъ одноди овирингѣ, кроли, кѣлька громадъ Мадаровъ поселівшихъ сѧ въ Бѣковинѣ. Прочіи тѣ же житељи везмала есть кѣ Кафоликами.

Изъ овирога сего оглядѣ вѣдно, что большая часть жительства есть Кафолическою. Рѣсими маютъ окромъ ского Митрополита въ Львовѣ, вишѣ Епископа въ Перемышли. Въ слѣдствіе Всеукраинскаго рѣшена наѣдѣютъ сѧ такожъ и въ Станиславовѣ мати Епископа; граніцѣ той трети рѣской Епархї есть оже оупстановленіи. — Полажи маютъ окромъ Архиепископа въ Львовѣ, Епископовъ въ Перемышли, Тарновѣ и Краковѣ — Ормении Архиепископа въ Львовѣ — Романіи въ Бѣковинѣ есть по наївѣльшей части вѣроненіе дѣланія восточнаго съ церквою Римскою не сов-

динéнного, и мають свóго Владыкó въ Чéрнóвцéхъ. — Пилицоны суть такóжь вéронсповéдáна костóчного съ Цéрквою Рýмскою не соединéнного, но различають сѧ въ гдéоктрыхъ дóгматахъ сéществéнно отъ Ромынóвъ, и мають отъ р. 1847 свóго Владыкó въ Бéлой Кéрници. Жýтелé вéронсповéдáна Абгевéрского мають свóихъ Пастóровъ съ Сéпéréндéнтомъ въ Лéвóвé. Жидíй стоятъ подъ скóими Равинами.

Для воспитáна и овразóваня юношества мае Галицíя крóмъ прихóдскихъ (парохíáльныхъ), тривíáльныхъ, головныхъ, реáльныхъ, техníчныхъ и гумназíáльныхъ школъ, всëдчíлища въ Лéвóвé и Кráковé, съ мнóжаними книгохранилишами, музéями и кавéнетами; потомъ мнóго заведéний овразóваня, мéжи котрыми на пéрвe мéстце заслúбуютъ се мénáрии для пítомцéвъ стáнd дéхóвного. Новéйшими часáми, а то отъ р. 1848 нарóднїи школы знáчио сѧ оўмножíли, именно въ костóчныхъ окрýгахъ. Мéжи иными достохváльными, въ просвéщению нарóда ревньючими общестváми и нарóдными заведéнїями мають Полакí въ Лéвóвé „заведéнїе Оссолéнского“, а Рéсии кромъ дреvнéйшого „института Стагро-нýйского въ Лéвóвé“ и славной „школы дакóвъ и сельскихъ оўчýтелей въ Пере мýшили“ основáли р. 1848 заведéнїе Лéтератóрное подъ назвою „Гáлицко-Рéска Мáтица.“ Кráсив надéю для просвéщéна нарóдного обéцюе по сóвѣ такóжь „Рéсий Нарóдный Дóмъ въ Лéвóвé“ до котрóго Егó апóстольске Бéличество, Ц. Щарль Фráнцъ Иóсифъ I. извóблили дна 18. Жóлтия 1851 краевéгóный кáлýчny положýти. — — —

Опрычъ тóго числítъ Галіцїа мио́го єщë
йнкx влагодѣтельниx и чловѣкопрѣзниx
заведéний, якx то: заведéнье глахо-иѣмкx, сль-
пкx, домкx спавдена оўбогихx, питáлица не-
мовлѣтъ и проч. —

Хотѣ въ розлічниx окрѣгахx есть знач-
ніи горы, а въ Золочевскому, Бережанскому,
Киевльскому и Бадовицкому доскіть прикрѣ го-
ристѣ положеніе — то однакожъ належитъ Галіцїю
оўкажати по вѣльшой части за рѣкы и бѣ, исключ-
чая цѣлѣ вѣ подошви, т. е. вѣнѣцъ Карпатъ
вздолжъ неомаля вси Галіцїи на югъ. —

Исключивши Подолье, котрѣ територіи недо-
статокъ дѣрева, займаютъ сами аѣсѣ однѣ че-
твѣрти часъ цѣлого краѧ, въ котріхъ житељъ
каждого року звѣши подвѣтре (2½) мілліона
сагбевъ дровъ и розлічного вѣдова збісквіютъ.
Найбогатѣйший въ тѣхъ окрѣгахъ есть Стрійскій,
потомъ Золочевскій, Жолковскій; далѣше Станіславовскій,
Рѣшовскій и Єапоцкій.

Галицїйскii рѣки вкіносатъ разомъ сплав-
ный прѣтажъ ста четыриадцати (114) миль, по
однакожъ не приносатъ оий для краѧ бѣзовѣд-
ныхъ торговельниx користей. Въ западной час-
ти Галицїи есть найголовнѣйшою рѣкою Бисла,
котрѣ хотѣ плюнѣ въ самой оѣже Галицїи на трид-
цать и пять миль, но, понеже есть лишь погра-
ничною, не мають житељъ великого въ неи хѣса.
Лѣжи прѣчими западной часи краѧ рѣками есть
значенійтшіи: Єкава, Рава, Вѣла, Дѣнаецъ, Пѣ-
нрадъ, Вѣперь, Бислобка и іншіе поменішіи рѣчки и
потоки. Восточна часть есть о много когатѣй-
шою въ рѣки, лѣжи котрими найпѣрвые лѣстце-

займáе Днѣстéръ, котрый своё жерелò мáе въ гóрахъ Карпатскихъ, и переплыvши шѣстъдесать двѣ миль къ востоку переходитъ въ Россiйско-Подольскъ гдѣрню. Вѣтви егò на праомъ бóцѣ суть: Быстрица съ Манавкою и Тысъменичкою, Колодница, Стркъ съ Опѣромъ, Бражка съ Свѣчю, Еѣка, Чечва съ Ломищею, Любка, Быстрица съ Бороню и прбчии мѣлкии потоки. Зъ лѣвого бóкѣ: Щирчикъ, Збря, Боверка, Свѣрь, Гнила Липа, Золота Липа, Коропецъ, Стропа, Джаринъ, Тши, Сиретъ, Ничлава, Сирѣтина и награнична рѣка Збрѣчъ. Такъ многими рѣками засычненый Днѣстéръ есть въ самой Галицїи на протягъ сорока и четырехъ (44) миль сплакнымъ, многого однакожъ стоять виже томъ на закадѣ, авѣ плава поза Галицїю безъ перервки сѧ на иѣзу отвѣвала.

Днѣстровъ мόжна, почавши отъ Маріампола долбкъ провозити триста (300) сотиарбокъ, и биѣ есть сплакнымъ ажъ до россiйского мѣстечка Маака, до котрого мόжно сѧ достати въ двадцати и осми до тридцати осми (28 — 38) днѣгу. Тамъ прибывши трёва товáры изъ статка вѣложити и проидити сѣхонѣтемъ ажъ до мѣста Одессы, на осмь миль отъ мѣстечка Маака отстоачаго, а то для тóго, понеже оўстъе рѣки до чорного мора есть такъ замѣнене и заросле очеретомъ, що не есть тѣ сплакненою. Помимо всѣхъ тихъ непрѣязныхъ обстоятельствъ приходитъ однакожъ свѣшъ сто статковъ до Маака, зовомыхъ галарами, котріи тѣ отъ властителевъ продаютъ сѧ, понеже тóю рѣкою не повертае сѧ назадъ. Икніже користи мѣглазы принести Днѣстéръ для

торговлѣ Галиції и Россіи, доказалъ отважныи и щастливыи опыты Львовскаго купца Базера, родомъ изъ Чехъ, которыи въведовалъ корабель съ парусами подобный до лодки, такиихъ огнепревѣютъ Чехи на рекѣ Лавѣ, и овзѣхъли тимъ кораблемъ отъ дна 25. Цвѣтна до 20. Листопада р. 1804 изъ Розвадова тѣю рекѣ въ долинѣ ажъ до Маака, и потомъ повернувшись до горы тимъ самымъ кораблемъ. Благодаря въ долгъ потрепѣвалъ отъ пограничного лѣста Жванца не болѣе икакъ одиннадцать дній, до горы однакожъ влізко шѣстдесять дній. Базеръ началъ свою Фэздѣ коло Розвадова, отстоячаго двѣдцать миль отъ Львова и прибывъ четвертого дна до Залѣщицк.

Оиричь Днѣстру належатъ къ источникамъ водостокѣ Прѣти съ вѣтвами Лѣчию, Пѣстинкою, Рыбницю, Бѣлыми и Чорными Черемошомъ; и Сѣретъ, Сѣчавица и Молдава, которыи всѣхъ трёхъ послѣдніыхъ источники въ Бѣковинѣ.

Головнѣйшии галицкіи реки въливайочни свой воды въ Бѣслѣ суть Бѣга и Сѣни. Источники Бѣга находитъ сѧ въ Подгорецкихъ горахъ въ селѣ Верховѣжѣ. Въ стремлѣнїи склоновъ на сѣверъ прѣимѣ Бѣга Польша (изъ подъ Львова), Ратѣ съ Каменкою и Солобкію. — Не далѣко отъ источника Бѣга находятъ сѧ реки: Стыръ, Икка и Горына, которыи всѣ до Днѣпра въ Россійской области впадаютъ. Сѣни наибольша река межи Бѣслѣнными вѣтвами изходитъ въ селѣ Санкакъ, прѣимѣ изъ прѣвѣтствия бѣрега Бѣрга, Вѣшенкѣ и Любачевкѣ а изъ лѣвого Стереважъ и Бѣсловъ.

Галиція такъ богата въ воды и маюча предѣльчишии ещѣ боры и лѣсы, изъ которыхъ сѧ икакъ

крайне въдѣвье такъ и потрѣбне паливо по доста-
токъ взѣскѣ, маюча простиорониѣ землю, котрѣ
съ великими отсѣтками повертае възвѣрене ей зѣр-
но и подаѣ тѣдолюбивой пчолѣ краинѣ цѣѣтъ,
зѣ котрого солодкій медъ свирѣ, маюча простио-
рониѣ оволовиѣ и полониниѣ, въ котрѣхъ тѣчиный
скотъ сѧ выхобѣ, маюча наконѣцъ сѣли до вѣ-
лѣ, розлѣчнїй рѣды, глыны и металлѣ а такъ ма-
юча все, ишо до земледѣльчества, промыслованїя и
торговлиѣ потрѣба, хотѣ сѧ виже не поднесла до
того стѣпеня въ тѣмѣ взглѣдѣ, ѿакъ прѣчи си-
сѣднїй краї, то однакожъ и она не лишила сѧ
цѣлкомъ на зѣдѣ.

Земледѣльчество, до наиновѣйшаго часу,
при великой плодовитости земли не стояло такъ
высоко, ѿакъ бы сѧ наѣдѣти налѣжало. Наикрас-
ивѣйшии ланы обрѣблии за пашнии, а ишн по-
единоки господарѣ мали за наѣдѣто мѣло рѣки
и сѣли, ѿакъ хѣновитиа вымагала господарка;
но при тѣмѣ всѣмѣ давала землѧ, хотѣ дѣже
недѣвѣлѣ опрѣвлена, ишо рѣкѣ только звѣжа, ишо пе-
ресѣчио звѣши пѣлѣ мѣлѣона кѣрцѣи звѣживало до
вѣзовѣ за гранїцю. Наикыдатиѣйша землѧ есть
въ Тернопольскому окрѣзѣ. Крѣмѣ пшеницы, жита,
и чмѣлю и бисѣ оудаѣ сѧ дѣже краснѣ
грѣчка въ Золочѣвскомъ, Бережанскомъ, Жол-
ковскомъ и Краковскомъ, ѿакъ и кѣкѣрѣза въ
Старославскомъ, Воломинскомъ, Чорткѣв-
скомъ и на Бѣковинѣ. Въ западныхъ окрѣгахъ
садатъ много картофлѣ, котрѣ такожъ и из-
вѣхъ восточнїхъ окрѣгахъ сѧ оудаѣ, кромѣ го-
рекихъ сторонъ, въ котрѣхъ кѣжда ина гарина ѿакъ
выдатиѣйшою такъ и певиѣйшою здаѣ сѧ вѣти.

Въ цѣлѣй Галиції свирають до 13 міліонівъ кѣр-
цівъ картофелѣ, котрѣ по вѣльшѣй части спожи-
ваемѣ сѧ въ винокурнѣхъ (горалкнѣхъ). Лѣни
оуправляемѣ сѧ преди всѣмъ въ окрѣгахъ Ісель-
скомъ и Тарнівскому; такожъ и въ Перемыш-
скому а наѣтъ и въ Коломакскомъ дѣже крас-
ный. Конопля въ Бережанскомъ и Золочев-
скомъ оудають сѧ дѣже добре; — не менше оу-
правляемїи ихъ въ цѣлѣй восточнѣй Галиції, а
мало ино гдѣ икъ западнѣй. Головинѣшили арти-
кѣломъ землемѣрчества есть такожъ тютюнъ,
котрый сбіють въ окрѣгахъ Тернопольскомъ, Чорт-
ковскомъ, Станиславовскомъ и Коломакскомъ.
Цайкрасій оудає сѧ пади Прѣтомъ и Чере-
мощомъ. Всѣ сбіорки отставляемїи сѧ до цѣ-
сарскнхъ складовъ въ Кіголинци, Заболотовѣ и
Монастыріскахъ, зи котрнхъ потомъ вывозитъ
сѧ до Биннїкъ пади Львовомъ, где есть ве-
лїка фабрика тютюнъ и таваки. Хмѣль, хотѧ
въ многихъ мѣстцахъ сѧ дѣже добре оудає, не
вывѣае наѣканій; шакіше сѧ рѣчъ має сѧ оуправ-
кою въ раковѣ, отколи запроваджено фабрики
цѣквѣ, котрїи збіекаютъ изъ кожднхъ 100 фун-
товъ въ раковѣ припаймїй по 5 фунтовъ чистого
цѣквѣ.

Садовини ладе Галицїа подостатокъ; най-
красивѣа есть икъ Перемышльскому окрѣгу — потомъ
въ окрестности Бѣлої Кернїцї (на Бѣковинѣ) а
коло Свачакъ оудає сѧ наѣтъ винограду.

Особливѣа свою оуваѓь почали жители въ
новинѣшихъ часахъ звертати на скотодобъ въ Галицїїскїи волкы, конѣ, бикѣ, козы и свинїи ста-
новляться головинїи артикулъ торговаї.

До нынѣ єщѣ по лѣсахъ а предъ всѣмъ въ горахъ находять сѧ въ великомъ множествѣ хищнїи звѣрѣ, такъ: медведѣ, бортники, волкъ и лисы. Зъ дичинѣ мае Галицїа найбольше зѣцѣвъ, сѣрни, дикихъ свинь а наѣть и боленѣ. — Дробѣ есть по достатокъ, такъ и птацтва по лѣсахъ, надѣ ставами, рѣками и въ очеретахъ. Рыбы находимъ найбольшіи въ Бѣслѣ, потомъ въ Днѣстровѣ, Сѣнѣ, Прѣтѣ, Днѣпра и Попрадѣ и по розлѣчныхъ стакахъ.

Пчоловодство особено въ восточныхъ пограничныхъ окрестахъ есть знаменитѣ и цѣлый край въ общемъ мае досыть мѣдѣ и вѣскѣ. — Въ восточныхъ окрестахъ спирѣютъ люде чѣрвенъ (кошенилю), добротѣ тони самбони, что и американска, котрѣ продають до Тиречини до крашена шблакѣ, вѣлны и т. д. такожь и майками значнѣ торговлю дѣютъ.

Межи всѣми производами горнїцтва держитъ верхъ соль каменина, котрои великии склады находатъ сѧ въ не вѣчерпаемыхъ копалянкахъ Бѣлѣчки, Бѣхнѣ и Стебникѣ — такожь въ Дрогобичи, Болеховѣ и Делаткинѣ сѣты сольнии ванѣ. Желѣзо находитъ сѧ въ 250 доляхъ; сѣркѣ копаютъ въ Шевшовицахъ; мѣдь въ Пошоритѣ; блоко и срѣвро въ Кирлибѣ на Бѣковинѣ; цѣнки въ Крѣшовицахъ; тѣрфъ находитъ сѧ подостаткомъ, найкраснѣйший въ Коломыискомъ; такожь и оугла камениного есть досыть. Въ Чорткѣвскомъ находатъ сѧ краснїи точилца и врѣски, котрои ажь до Персии въ торговли заходатъ. Каменина въ прочемъ, глыны и пѣскѣ находимъ не омѣль по всюду

по доста́токъ. Наконе́цъ и же́рёлъ ми́нералы́хъ, осо́бенно с фи́рмисты́хъ и же́лезнъхъ па́хóдимъ въ ве́ликомъ мнóжествѣ, а въ Тре́скавци, Роздо́ль, Лю́бчи, Ела́вичъ, Крыніци и Ша́вници суть ми́нералы́и кбпелъ.

Промы́слове́цтво не вспи́ране ўкъ где и́мде мно́гими фáбрика́ми, ограничáе сѧ по на́йбо́льшой ча́сти на поеди́нокъ д'Ели́цищъ. На́йпервше на́лежитъ споми́нти о тка́цтвѣ и выро́вахъ зъ прáжи, котры́ми майже всѣ Гóрдане са дбже за-нимаютъ. На ве́ликомъ стéпени на́ходитъ сѧ тка́цтво и́менно въ Яндрíховѣ, Дбки, Горлі́цахъ, Корчи́нѣ, Пивни́чинѣ, Кросла́влю ўкъ и въ Гла́вочкѣ (въ Тернопольскомъ), где такóжъ то́ниши кы́робы са споражáютъ. — Фáбрики въ Бéлѣ, Лíппицѣ, Кéнтахъ, Ланцбтѣ, Микши́нцахъ и Залбзцахъ выро́влáютъ вóлии на сбкид, кбвры, дергї и т. п. На́йбо́льша ча́сть вóлии оўпотреб-ламъ сѧ для сбкина селáни а и́менно въ Тернополь-скомъ, Бережáньскомъ, Пере́мы́скомъ и Бадови́ц-комъ. Кы́робы ваволи́ании споражáютъ сѧ въ Бéлѣ а шолкóви и перка́ликъ въ Сбчáвѣ. Численни суть такóжъ новорóзники, котрыхъ кы́робы коноплáнии суть и за граніцею пошбкованій.

Папéръ на́йла́вчшого сорта прои́зводатъ предъ всёмъ папéрнѣ въ Бéску и въ Бережáнахъ.

Виноку́ри́ћ (вінницищъ, горальнищъ) станов-лáтъ на́изначи́шь отрасль промы́слове́цтва. Го-рéлкѣ па́лáтъ по на́йбо́льшой ча́сти изъ картó-фель, ма́ло где изъ звóжа. Бровары не суть такóго значéна. Цбкоръ въ на́йбо́льшомъ ко-личествѣ прои́зводатъ фáбрики въ Толмачи и Ланцбтѣ, а поташъ вывáрбютъ на́йбо́льше на-

Бжковицѣ. Ровѣткы водиарскїи сѣть въ Перемыскомъ наилѣпшіи. Быровы гарварскїи сѣть дѣже вѣжніи, и почасти изъ цѣлыхъ фабрикъ, по части изъ поедионицъ гарваринъ ѿкъ въ Львовѣ; Краковѣ; Тарнѣвѣ; Самборѣ; Перемышлянахъ; Станиславовѣ; Залѣщикахъ и т. д. виходатъ. Сюдѣры кордсановѣи спорожають въ Кѣстахъ, сафіановѣи въ Счачавѣ и Тѣсменици. Вѣсна вѣлаютъ по наивѣдливой чисти изъ косточникъ скрѣгахъ. Сткала по доста-токъ дають гѣты въ Бжковицѣ ѿкъ и въ Станиславскому, Гандецкому и Решовскому. Гѣты же лѣзничики есть 22; гамарики 38 а въ Поронинѣ рѣватъ пѣветь дѣбрѣ стаѣкъ. — Въ Кѣсткори находитъ сѧ ц. к. фабрика пѣроходѣ стрѣлкого — а въ Лѣстахъ Велікихъ фабрика тѣрпентини.

Торговля Галицкаго есть такожъ въ кѣждомъ изъ градѣ доскитъ зиачна. Опричъ торговля проходбенъ, котрѣ икнѣ ограничиває сѧ лишь на мѣстѣ Краковѣ и Ероды — находитъ въ мѣстахъ Львовѣ, Чериовѣцѣхъ и Ирославлю зиачный торговельскій овортъ. Сплѣшивими рѣками, ѿкъ Днѣстера, Бѣсла и Сана, вибѣзатъ велікое множество вѣдѣва (пѣркою рѣкобю ажъ до чорногори моря, а послѣдною ажъ до мѣста Гданскаго на дж моремъ Балтийскимъ), звѣжамъ, прѣжи и разлѣчикихъ шкыръ вирабѣвъ и ровѣтъ. Схѣхопѣтевъ, ѿкъ и пр. до Оугори вибѣзатъ: соль камѣнна, ленъ, коноплѣ и полотни, спѣртѣсбѣи плены, солойнѣ и т. д. до Шлеска, Чехъ и Моравы кромѣ соли камѣнной, мѣдь, вѣсна, кѣжи залѣши и вѣли. Опричъ ѿрмарѣвъ велікихъ на конѣ,

предвсёмъ въ Тернóполи, Чéрнóвцéхъ, Постíскахъ, Оўлáшковцáхъ и Дзбрóвѣ; а на волѣ въ Садагрѣ, Войниловѣ; на ходобѣ въ óвиé въ Стань-слáковѣ и въ Лискѣ; на всѣ тóрговéльни предмéты въ Оўлáшковцéхъ и въ Оўневѣ, же нѣтъ мнóго волокъ на тóргу до Голомбца, Бéрна и Вéдна.

Изъ за граñицѣ прибóзатъ до краю самыи выробы зъ вóлны, бавóлны, шóлкѣ, зъ метáллівъ и предмéты вимысловий наї звýткóвий.

Нехýбне, іфо скóро желѣзнýца глаñше сѧ въ Галíцї розгáлзýтъ, рѣки сплавицьши ми въдѣтъ и товарищество господáрске сілкнѣйше свою дѣятельность розвине, розвинѣтъ сѧ и вóлкше всѣ отрасли краёвого маéткѣ; во мнóгих артикулахъ, котрїи сѧть въ всѣхъ юныхъ краjахъ дѣже пошибковани, икнѣ въ Галíцї при маломъ сплавѣ вѣгáнию сѧ кóпцивъ дѣже низко стоатъ, — а юни артикулы при злохóтѣ и прінѣцѣ изъ стороны гospodáрского товарищества подавáемой, чѣмъ разъ лѣчими ставати сѧ въдѣтъ. Наконéцъ и тóе есть сілкпою для Галíцї порѣкою краснои еї въдѣчности, іфо їакъ школы такъ и юни срѣдства ширенїю просвѣщенїа посоветицючи отъ дна до дна сѧ тѣтъ значно оўмножаютъ, а тимъ самимъ їакъ зъ одной стороны житеамъ благовѣтие забеспечајутъ, такъ зъ дрѣгой стороны пхъ и многими добродѣтельми оўбогататъ!

B. K.

117.

НeцластныЙ.

Кому Богъ въ груди дѣль сéрдце мягеньке,
И дѣль ся въ добрѣ родити годину,

Щáстье, тákъ лéтомъ сóнчко теплéньке,
 Въ житíю му всяку огreváе днíну;
 И свéтъ му мáлый и солóдка нóчка,
 Мысли весéлй и сéрденько грáе
 Такъ бы въ дубróвѣ тихéнька кирníчка,
 Днíна за днíною такъ му сплыváe. —
 Лишь кто въ посéстру взáль тáжку недóлю,
 Шо dáвитъ сéрдце, тákъ вéдьма кощáва,
 Кто вráжой нúждѣ попáлъ ся въ невóлю,
 Кому съ журбáми и сóнъ и забáва:
 Тому нéтъ мéстца áнѣ супокю,
 Нúдитъ си свéтомъ и нúдитъ собю,
 Туга до сéрдца такъ гáдъ ся вселýла,
 Зъедáе мысли такъ змíя збрóчки,
 Грúди зсушýла, здорóвье знорýла,
 Хлéбъ му не мáлый, не терпítъ сорóчки. —
 Щéжъ кто мóже изъ сéрдца сплáкати,
 Чи то въ кутóчку, чи за юглomъ хáты
 Чи въ грúдь бráта, або въ жméню дру́га,
 Хоть на часóчко сплыне зъ сéрдца туга:
 Лишь колí слéзы въ грúдёхъ скаменéли,
 И въ тáжку скалóу надъ сéрдцемъ ся сбýли,
 Дéсять разóвъ щодень рáдбысь умérти —
 Гóдѣ! а гóдѣ!.. потéхи, нé смéрти! —

M. P. Шашкевичъ.

118.

Хóдз на Остр8 Кéчирк8.

(Урывокъ.)

Чéрэзъ гóстин бóры нашон Берхóвны по надz
 потóки дéбрами, кóдà лишь хивá зеферь хóднitz,
 и где óко сónца, ўкz долгó звóдз нéба двíжнitz,
 ешé никóли не заглáнзло, провáдилz стóронскихъ
 провóдникz. Чéрэзъ злóмы и отвéчное гнилáча

дёрли сѧ зъ пропасти въ новѣю пропасть, зъ оў-
лети въ новѣю оўлеть. Шо часочокъ ставали от-
дыхающи зъ ославающон грѣди а не едени оўпалъ
безсилыній подъ стромикю ѿкъ кѣжа горою, тай
сказали до ского проводника: „їх оўжѣ дѣлѣи не
могъ!“ Но той захвалючи Острѣ Кѣчиркѣ; до-
давали охоты, а такъ соправши послѣдніи ской
силы сталя зиовъ дёрти сѧ на горѣ.

Черезъ грѣстый юлобый лѣсъ окрыкаючий цѣ-
лью восточнѣю чаѣть горы тои, трѣка вѣло еци
пересадити. Горѣ не вѣла зъ тои стороны наѣто
стромика, але пѣть спишала ииакша перешкодл. Пе-
редъ колъкомъ лѣты загостили вѣланъ въ тиі сїглы
знакомъ лѣсовъ чёрвъ, шо часами ѿкъ саранчѣ
на боры спадае и обгрызаячи листъ, корѣ и самѣ
навѣть подъ корою плаѣвкѣ, цѣлии обшары и лѣску
до послѣднаго моритъ пнѣ. Однакожъ изъ всѣи
краски, вѣсчлый ѿкъви на грѣдахъ стоялъ тѣ
лѣсъ тотъ представляючи сѣмнѣй видъ разоренія,
їкъ вы въ томъ зѣдѣ цѣлѣ природы замѣрла.
Есю нарость, недогрызки чётини и дробнѣйшихъ
галѣзъ, даже сами отламки подгрызенои коры,
позрывали вѣтры, и постелили на землю, посып-
хавши едно вѣрхъ дрѣгого такъ, шо тажко вѣло
стѣпѣти ногою, жевы не завадити о дробнѣй
ломѣ, котрый схими вѣтрами погодликои юрѣ
їкъ кажетъ, на пѣрецъ просвѣнъ, трѣциалъ лома-
чися подъ ногами.

По дѣлѣмъ частѣ и съ тажкимъ трѣдомъ до-
вѣли сѧ пѣтнищи черезъ тѣю сїглу на вѣрхъ. Подъ
верхомъ зазеленѣла сѧ оўжѣ природы. Йкъви
шандюючи вѣрхъ, не доходитъ тѣ розточаяющей звезд
ненасытнаго чёрва, и лишилъ на самомъ вершкѣ

малéнъкii, перéлъсокъ молодыxъ малыцъ не тиné-
ниий. Але въ окольчико, вершкà, котрый бстрымъ
закончалъ ся рогомъ, лежалъ зновъ лакою стá-
ткii въ осенii, кесь, находачий ся тутъ запустъ,
призначенъ на спáль подъ насéниое зéрино. — Про-
водникъ оповѣдалъ, чю майже въ цѣлыхъ Бе-
скидахъ пáшихъ вквáла и есть єщe въ земляю-
такъ назвáна спалиннаа оўпра́ка землѣ, котрâ со-
стоитъ изъ тóмъ, чю або старинной бóры, або моло-
дкй зáпустъ цѣлкомъ этинае ся, и палитъ ся, скó-
ро вкисне, и на той спáли закончe ся насéниа по-
середъ шибкà мотыкою. — И такъ представлала
тáа гора отъ скóи подóбы прôзвáна „Островъ Кѣ-
чирка“ смикий и отражáющий ѿзъ виду заимéр-
лон або стáтои схóльси.

Въ послѣдниxъ напрѣжéнїахъ спáль пресаджá-
ющи че́резъ оўстеленii лóмы и рѣвáнь, дбстали ся
на сáмъ вершокъ — и добивши ся на зáпадиѣ стó-
ронѣ, надъ простопáдлю оўлетъ, котóра сторóю
середъ самóго селà столла, посѣдали на ѿтиочи-
нокъ. Зъ отты мóжкъ вкло широко и далéко все
бáчити, и чѣти не омаль кóждое слóво зъ цѣлого
подъ ними лежачого селà. — И неизáтийкъ долгò
вклю въ оставáли на тóмъ мѣстци, сливки или
заходачое сόице не пригáдокаю осликáючъ ся
ибчъ. — Коли сходили въ Островъ Кѣчирки оў-
крашáло сόице працаюче всѣ вершкі гóръ золо-
тыхъ вѣнцемъ рожаного блескъ, мовъ краситъ па-
родолюбивый цárкъ вогатýрокъ слáвы. А надъ се-
ломъ долѣ дрожала полвечернаа зорь и пíзала
каплѣ небесномъ росы ибвы пérлы на шолкóвъ пíть,
цовъ ихъ овильно разсéвати на лице оскаллон при-
роды. — Пзъ влýзкихъ и далéкихъ полонинъ оз-

вáли са трéмбéты и сопѣлкí, а съ пхъ мýлыми
звéками мýшáлъ са звепáцíй соловéевский гóлоск
— то знóвъ ўкъ вкы на перемéнѣ занéтилъ Берхó-
вýнецъ скою твжлýвѣ прéснио — а птники то въ
едиѣ то въ дрѣгѣ стóрои напрджáючи бýхó, схó-
дýли лéгкимъ крóкомъ крдткáми стежкáми зъ вы-
сóкои горы — и сами незнáли ўкъ скóро чи ўкъ
поздно прийшли на замовлéнныи нôчлбгъ.

— Н. Устїяновичъ.

119.

До Зори.

Кráсна збре! подиві ся
Іаснимъ лíчкомъ зъ высоты,
Блíжше, нижше прихиліся,
Тугу зъ сérдця розжей.

Засвітáй ми, іакъ світáлась
Колімъ въ щáстю моімъ жіль,
Мýло, щáро все сяялась,
Нѣжъ тя тéмный свѣтъ закрýль.

Кráсна збре, тысь всё знала
Мой гарáздъ, и клáпотъ всікъ,
Хуткось, прудкось потѣшала,
Іакъ дѣтіну сбній зrакъ,

А въ надѣї выглядáльємъ,
Лúчшу долю що весні;
Жайти, снйти перестаљємъ
Когда щáстя цвѣты ўсхли.

Тепéрь ужé свѣтъ не мýлый,
Бо надѣя гдéжъ онà?

Стáну, гляну нещастлýвый
Щáстя мого гдесть не ма!

— Н. Гушалéовичъ.

Похождение Дома Гавсвург.

(Помял хроники А. Циглер.)

Похождение сиательнѣшаго кнажеского Дома „Гавсвург“ относатъ ажъ до сѣдмого столѣтія и называютъ Кназа Лотарингию Стика, родоначаликомъ Дома въ Гавсвурско-Лотаринскаго и Церинскаго; но тѣ не дастъ сѧ съ докладностію родословіе тихъ Домовъ продолжати за причины гдѣкотрыхъ не ясныхъ мѣстца и перервъ; и ажъ съ Графомъ Литтфридомъ, которыи жилъ ещѣ на початкѣ десятаго столѣтія, можно Гавсвурскій родоводъ сѧ болѣшою пѣкностію за неперерванный прѣати.

Родиннїи посѣлости тѣго Дома находили сѧ въ Алаваціи, Гелбеніи (Швайцаріи) и въ Швабіи. Они вѣли знакомитыми; но помножили сѧ віпѣ болѣше чеरезъ сваткы съ мѣжными родинами, цѣсарскими даровизнами и чеरезъ право покровительства надъ сосѣдними кантонами въ Швайцаріи, якъ наконѣцъ и чеरезъ множане дѣхованіи заложенія и отказы.

Графъ Литтфридъ IV. оставилъ по себѣ трѣхъ сыновъ, мѣжи которыми наистаршій называлъ сѧ Литтфридъ V. а тойже лишилъ сына именемъ „Гунтрамъ вогатый“, которыи сопровождалъ Цезаря Гайнриха I. въ всѣхъ его походахъ и войнахъ противъ Гвиннамъ, Иварамъ, Бендамъ, Сорбамъ и Оботритамъ и оставилъ по себѣ славу великой бѣдрости и зрѣчности.

Его сынъ Канцелінъ аво иначе называемый Конрадъ Змѣшкалъ посередѣ своимъ дѣврѣ

недалéко Бýндыша въ головномъ мѣстци рýмской Биндониссы.

Того же сына Рáдвода посѣдалъ графство Клéтговъ и оженілъ съ съ Иттою, дочерью Кназа Фрýдриха Лотаринского.

Рáдвода братъ Бéртолдъ сталъ съ родоначальникомъ Кназъвъ Церинскихъ и Тéцкихъ, а братъ Бéрнеръ полѣчилъ епископство Стражеврскe.

Той епископъ Бéрнеръ былъ такожь основателемъ родового замка, котрый въведенъ недалеко отъ селенія рѣки Яры и Райсы на горѣ Бѣлпель, тамъ, где коли съ стояло рымское мѣсто Биндонисса, въ нынѣшней Паргобии, и подалъ поводъ до следующей казни:

„Итта, жена Рáдвода, захотѣла мешкати въ новомъ замкѣ, котрый бы давалъ красный прозоръ, и на котрый то замокъ вѣрано горѣ Бѣлпель недалеко отъ Альтенвѣрга, покиншее Биндонисса. Но понеже Рáдводъ вѣденъ по той часѣ малъ маю гроший, абы могла желанье своимъ-любезионъ сдѣлать до разъ исполнити, оудалъ съ въ той справѣ до своего брата, епископа Бернера, котрый охочо требуемъ сѣмимъ емъ дѣлъ.

Въ короткомъ часѣ оудѣнчено замокъ, на котрого вѣдоѣ епископъ не цадилъ иѣакихъ жертвъ не юштѣвъ, а понеже той „замокъ“ (Burg) стоялъ на властности Рáдвода и его „имѣнїе“ (Habe) т. е. земля и добра подъ роскѣзами тогого замка здавали съ быти, во зъ него въ са-момъ дѣлѣ на ксю окрестность можно было красный прозоръ мати, то назвалъ Рáдводъ его „замкомъ своимъ имѣнїемъ“ или по нѣмѣцки: „die

Burg der "Habe" а коротше: „Habsburg = Гавсбург.“

Абы д'ёло новоого основана видасти постыдилъ епископъ Бернерь свого брата Радвода, найшолъ однакожъ оукопиченый замокъ, при простой вѣдѣ и маломъ обзѣмъ мѣрѣ въ сорозмѣрности до позыченой сѣммы, за скѣдниый.

Незадоволеный въ тогъ привалъ Графа и обавилъ емъ, же онъ чашь вѣзыченыхъ на вѣдѣвѣ гроший призначити мѣлъ на тѣкъшъ иишѣ цѣль. Графъ однакожъ спокойно слѣжалъ сѣрдечного сѧ епископа, а на конецъ просилъ его, авы лишь изволилъ до вѣдѣчнаго рана сѧ воздержати, а онъ тогдѣ довѣльно оправдѣти сѧ взглѣдомъ спотрѣблѣнныхъ гроший. Епископъ тими завеснѣченіемъ задоволеный перебѣлъ конецъ тогъ дна сѧ скончъ вратомъ и его супрѣбою вѣсѣло, и ради вѣла знати, макимъ то спосомъ вѣде сѧ оправдѣти Радводъ взглѣдомъ тѣснаго обзѣма тогъ новоого замка.

Но коли епископъ оудалъ сѧ на спочинокъ розыслалъ Графу Радводу еїре въ начи либожащихъ посланцѣвъ до свои шлѣхты и до прочнои отъ него зависимои слѣжбы, и велѣлъ имъ вѣсѣмъ, авы сѧ розсвѣтомъ дна тѣкъли сѧ въ поѣдомъ оузврѣнію подъ мѣрѣми замка, и тишѣ формально осадили, и то чисто захѣвано.

Коли пѣтому епископу рано сѧ провѣдѣлъ, заѣлъ его Графъ Радводъ кѣпно сѧ свою супрѣбою, не мовлѧчи аиѣ слоба, до отвертого окна, и всказали на военнѣ отряды сопранїи окольо замка.

Тою несподѣванкою епископъ Бернерь не мѣло изжѣлѣлъ сѧ, понеже не могъ отградити причину

того особлившого згависка, и дімалъ, що егò овкраджилъ непріятелъ хотачий взяти егò въ польськ. Радводъ же огнємъхъяючи сѧ огнєспокойлъ егò и овкавиляж, що всѣ подъ містромъ сопранії не суть егò корогами, по пайвѣриїйшио држинію, котрѧ въ часѣ потрёбы егò въ болкше охоронила йаки и пайволяшш и пайкрѣпчайши містръ. На шо овериблъ биц про тое чисть бывихъ вкізкиченыхъ грóший и ючерьезъ тое йаковы закупилъ и до скони саѣжки сково-влашлъ, а черьезъ цио биц властіко вкіевдовала скобѣ въ сїрдцию пайлбчшъ подпóръ, а пайлбциїйший замокъ про всѣ часки. По той песядѣ далъ знакъ скопилю людему, а онъ всѣ поднесли въскликъ радостниий, по чѣму и совершиено задоволеній епископъ не цадилъ похвалъ для Радвода за розумне огнєпотребленіе грóший.“

Позднїйшіе ровиляж Бернеръ скомъ вратъ епре міноги и значиши дарки; по понеже при тѣмъ дѣлалъ огнєрвъ епіскопстю, вкіз овжалованій изъ сторони каштальи передъ Цїсаремъ Конрадомъ, котрый егò подъ позоромъ пособствова вкіслалъ до Цариграда. Но заледво привілъ тамъ Бернеръ, огнєжано егò йако вѣзня и отжалоно на єденик островъ, где и огнємеръ р. 1028.

Межи наслѣдниками Генитрама втличиля сѧ графъ Альбрехтъ въ Гавсвѣрга, прозвани- скомъ богатырь, котрый домовѣ господарство Гавсвѣрске скоро и значно помножилъ и принадлж титловъ Ландграфа Лазаціи, котрый то титулъ оставиля въ наслѣдїє своїй родинѣ.

По пемъ саѣдовала егò синъ Рудольфъ, а по тогоже смерти подѣлили егò ова сини Альбрехтъ IV., отецъ позднїйшого Цїсара Руд-

долфа I. и Рудольфа IV. посёлости своего Дома
межи сёве.

Альбрехт IV. задержал крому́ зámкъ
Гавсебрѓа, вели́къ часть добра въ Аргобии,
Цдрихгавъ, Эндгавъ и Бризгови и о́трыадъ
Ландгра́фа въ Аргобии. Рудольфъ IV. же подъ-
чилъ Ладфенвбрѓа, добра въ Сигбони, Клётгови,
надъ бзеромъ Абцерненскому, Семпаху, Фар-
нену, Гларену и покровительство надъ д'евицами
заложёнюемъ Секунгену. Покровительства надъ за-
ложёнюами Мюри и Мюриаху и Ландгра́фство Аль-
бации остали при обозу вратлаху, однакожъ не
осталини они тиже въ наследство д'евицамъ Гра-
фа Рудольфа, стрыя позднейшаго Цезаря тогоже
имени первшаго.

Но иже Рудольфъ IV. осжал на Ладфенвбрѓа,
то называла сѧ молодша Гавсебрека лиши
„Гавсебреко-Ладфенвбрека.“ Тамъ пока лиши рознала
сѧ позднейше знову на дѣвиши лиши, въ ко-
трыху однакожъ одна сѧ Графомъ Іоаниномъ
р. 1408, а друга сѧ Графомъ Еггбертомъ р. 1415
въгасла, и такими способами пришёлъ дому
Ладфенвбрекий знову до Ракенса.

Альбрехтъ IV. прозванъ младрымъ поколь-
шилъ ской посёлости че́резъ супружество сѧ Ид-
виггою, дочерию Графа Оу́лриха въ Кивбрѓа,
Ленцбрѓа и Гаденшт., и сталъ сѧ родопачальни-
комъ „Гавсебреко-ракенскому лиши.“

Рудольфъ синъ Альбрехта IV. о́тродился сѧ
дна 1. Мая 1218 въ Бризгови и малъ за отца
крестного, Цезаря Фридриха II. (своего крестного,
бо походилъ изъ Графа Райнольда въ Бышони

Бургундии), котрый по той часк превывалъ въ мѣстѣ Брайсакѣ.

Онъ былъ наследникомъ своего отца Альбрехта IV., и былъ про тое графомъ Гавсбурга и Киппурга, Ландграфомъ въ Альзаси; а отъ р. 1273 вѣвранскій здѣстѣлъ на Нѣмецкого Цѣсара и называлъ сѧ Рудольфъ I., во первыи сего имене полѣчилъ короля Цѣсарскѣ. Такимъ дѣломъ пріишолъ Домъ Гавсбургъ до Цѣсарства, котрое по пѣни пріи немъ здѣстаѣ.

B. K.

121.

Адинансъ.

Адинансъ, дочка Леонтии, славного Любомѣдрца въ Адинахъ, оѣродила сѧ рокѣ 400 по рождествѣ Христовомъ. Отѣцъ еї многого ложился старана на образованье вродженого таланта дочки, котрѣ значно въ наѣдахъ постыднала. — Кто ѿ привѣли до Царгорода? Іакимъ свѣтомъ на престолъ стѣпила? тѣ подробности передаютъ намъ дреини описки.

Цѣсарь Феодосий молодшій, хотѧчи сѧ подрѣжити, малъ звѣчай ради сѧ често въ тѣлиз взглѣдѣ своей сестры Иллѣріи Августы. Иллѣрия желаючи оѣчастлівити брата, постано вѣла вѣврати довродѣтелнѣ и надобнѣ осѣбѣ, котрора бы совершиенно отвѣстковала ожиданію брата.

Феодосий молвѣлъ Иллѣріи, же егѡ единственno така красота и така лишь добродѣтель оѣчастлівити може, котрой жадна ина не вѣрѣна, и для тога готовъ да же съ женщиною изѣкого стана сѧ подрѣжити.

Въ тѣмъ влѣснѣ врѣмени Адрианѣк оўкращена талантъмъ и красою привѣла до Царгорода, а то иезъ саѣдѣючиихъ причина: Отѣцъ еї оўмирающи вѣреекъ до неи тѣми словами свою послѣдниѣ вѣли: „Адрианѣкъ, любезна доню, тобѣ лишѧю только сто червонцѣвъ; попѣже твоѧ краса, несрѣвиана добродѣтель и рѣдкій талантъ на пайвѣшій стѣпенъ прастаівості вѣнести та могутъ.“

Адрианѣкъ видячіи сѧ оскорблѣеною, оўдѣла сѧ до свояхъ двоихъ братій, котоրыи цѣлобѣ имѣніе послѣдствомъ достали, ажъ они еї за сдѣланіе чѣрезъ отца несправедливостъ въ подѣлѣ лаѣтъ, хотѧ по части вѣнагороднай.

Але сѣрдца скаменѣлѣи не вѣсалъхали той еї просьбы, а коли Адрианѣкъ чимъ рази болѣше палагала на призианѣе спадаючои наию части, такъ строго совѣти иезъ постыдилъ, же еї болѣше до скобего дѣма не дали приступъ.

Непрѣстнаѧ Адрианѣкъ оўдѣла сѧ до своєй тѣты; таѧ вѣла си матьерью, и изъ стороны кї сестрѣнциѣ подѣла до сѣдѣ жалобѣ о сдѣланіѣ отъ братій крѣвдѣ, и ажъ той спрѣвѣ надѣти прѣдшій пакоротъ, ставила свое прошеніе до Пѣлхѣріи; малюючи пайживѣйшиими красками негодійностъ братій, а красотъ, добродѣтель и выскокое дарованье не прастаівони.

Тыи похвѣлки сдѣланіи великое впечатлѣніе на князіянио, котоара пересвѣдчивши сѧ о истинѣ, не залашнила докѣдовати сѧ за оувѣчнющихъ сторонахъ о праствѣнности той дѣвіцѣ, а оувѣривши сѧ о еї обычайности взѣла ю въ коло дѣвіць подъ еї опѣкою зѣстаючихъ, и прирекла мати стараніе за сдѣланіе крѣвдѣ.

ПІДАЧЕРІА ПЕРЕСВІДЧИВШИ СЛУЧИМЪ РАЗЪ ВОЛЬШЕ, ЖЕ АДІНАНСЪ ВЪ ВСЁМЪ СВОЇ ТОВАРИШКІІ ПЕРЕВІШШАЕ, ЖЕ СЪ ПРИРОДНОЮ КРАСОТОЮ И НАВІТЫМИ ВЪДОМОСТЬМИ СОЕДИНАЕ НАЙДОРОЖШЕ СОКРОВИЩЕ ДОБРОДѢТЕЛИ, НЕ МЕДЛІЛА ДОНЕСТИ СВОЄМЪ ВРАТЪ О ТОЙ ЧЕСТИНОЙ ДІВІЦІ, КОТРОЇ РОКЪ БИХ ПОСВІДАТИ ЕСТЬ ГОДЕНЬ. ОЕОДОСІЙ ВІДДАЧІІ ИСПОЛНЕНІЇ СВОЇ ЖЕЛАНІЇ РОЗПЛІВАЛЪ СЛУЧИМЪ РАДОСТИ, А ВЪРНІЙ СВОЄМЪ ПОСТАНОВЛЕНІЮ ПОДРѢЖИЛЪ СЛУЧИМЪ ПАДОВНОЮ ЕВДОКСІЕЮ. (Такоє єй на креїщенії ймѧ данио).

Евдоксія не залишала пабки, котрой зъ молодихъ лѣтъ приважала. Отличалася найбольше въ словесности преческій и латинській, не менше въ філософіческихъ а арифметическихъ вѣдомостехъ. Описовала стихами посвѣдь Оеодосія падъ Нерсами, толковала парафразы первыхъ беміи книжъ письмà скатого, и юсторию мъченіківъ Кипріана и Юстіна. — Ставила Церкви и вѣла матерю оубогихъ — а по смертіи свого мъжа посвятила Палестинѣ, где рокъ 460 Богъ дѣха отдала.

Братамъ не отпачовала взаимностію, въ прѣки старала ся о нихъ добрѣ и вѣнесла имъ на пайвішишній бурганды. Замѣсть закидати имъ ихъ строгов постыянкѣ съ сестрою, мовлала онѣ йакъ египетскій Іосифъ до своихъ вратій: „Если висте мене не принѣдили вѣли опустіти мою отчину, не вѣлавыть въ Царгородѣ, и не мѣлавыть способності оказати любовь и привѣзанкѣ, котоroe къ вамъ въ сердци мѣемъ нощ!“ — Іккій країнкій приїхѣк любви родинион!! —

IA. Гербовскій.

Водоспадъ Прѣта кольо Доры.

Станіславовскій окрѣгъ, котрый цѣ до свои природнои красоты и свояхъ замімательныхъ памятниковъ вѣкальчиши исключишое межи йными окрѣгами Галиціи занимаетъ мѣстце, — представлѣе бѣкъ природолюбца образъ, котрый природа прелестною красою богато вѣтосажила, а кокрый очертали надѣрмо сїловалавы сѧ рѣкѣ чоловѣка. Есть то величавый водоспадъ історическо славного Прѣта. —

До Делатина ведѣ по при селѣ Шиваловка, отъ головинога до Черновецъ вѣдѣчого гостинца, побочнаѧ такжъ званиѧ сѣльнаѧ доробга. Делатинъ самъ есть то небелічке, по вѣлкѣй части чѣрезъ жидовъ замѣшкане мѣстечко съ сиромичими купелами: вѣронамѣнѣ тѣхъ такожъ многаго деревянаго пачина, красно вѣрбованіи лижкіи, вилкіи, тарелѣи и шини вѣцши. Зъ отты пдѣ р. 1826 Фр. Кратероли, тогдашнии старостою Станіславовскими заведеніи головиніи гостинецъ, вѣдѣчий чѣрезъ Дору, Клисъ, Николайчиши и Иволинцию до оѣгорскаго надграницаго мѣстечка Чемеровъ. Оѣишши тѣю хороброю чадесно-прекрасиши гѣрскіи околици: перетиняючио доробгою одиѣ мѣлю отъ Делатина, привѣваеми до гѣцѣлкскаго селѣ Дора, котрого ишви оливаетъ вѣшний Прѣтъ. На крайней граніци тѣго селѣ къ Клисѣ вѣноситъ сѧ скалистый берегъ тони рѣкѣ до значительной высоты, и тѣхъ спадае вода стиснена скалами съ громовыми тѣноми и незвычайною быстротою. Рокаказываютъ, же спадъ той колись вѣлъ надъ 4

сáжнѣ; и поинéже и тѣтъ загадали вѣли Прѣтъ сплѣвнилъ зробити, отже порозстрѣлювано скаль. Еода спадае съ цѣлобою силою на великий, чеरезъ вѣстрѣлъ сдѣланій отломъ скалы, изъ котрого и цѣлый водоспадъ наилѣчше можъ перезрѣти. Его ц. к. Бысочество Архиппакъ Францъ Кароль звѣдали въ часъ свога иществїя по Галичинѣ рокъ 1823. и тѣю прекрасивю романтическю окольцю, а тамка о Нихъ жїе ешѣ и досы межи вѣдчикихъ тамошнихъ житељствомъ, дѣрзкими и моторными Гауцѣлами.

Подъ водоспадомъ творитъ рѣка овшириое сталице, где сѧ вѣстрыми спадомъ разг҃каніи вѣды оѣспирѣютъ, авѣ свой фалъ зновъ новажно дѣльше къ морю котити. Дѣстъ 30 сажній дѣлгій а 4 широкій ведѣ чеरезъ рѣку; лѣтомъ привѣтвѣе тѣтъ миожество природолюбцѣвъ, авѣ прекрасное тѣе зрешире оглашати. — Едакиость вѣставила тѣтъ покойномъ надвѣромъ совѣтникъ Францоки Кратерови за вѣздованье гостинца, котрый совокѣлае окрѣгъ Стагѣславовскій съ Оуборишиою, прекрасныи памятникъ.

Цѣлѣ таа дѣко красна окольця а имено селѣ Пикѣлѣчинъ, вѣла наймѣльшиимъ пробѣгалищемъ славного розвѣйника, рѣского Фра-Дїавола, Дѣбоша, о котрому нарѣдъ тамошний миого аиекдотъ и сказокъ любопѣтикамъ гостямъ оповѣдае, йакожъ и миого оѣказѣ рѣчій дотѣчныхъ тога ославленого опрѣшка.

Зорѧ галицка.

123.

Людскe сéрдце и людска воля.

„Людскe сéрдце“ есть то найши́ршое мóре. Суть тамъ гденикогда и пýски и мълйзна и насыпки и твердáя скала, но найбóльшаа єго часть есть незмърениаа глыбъни.

„Людска вóла“ есть то истинна весна; ковж лишь разъ подѣлъ на ню теплénькii лéготъ и розгрéли въ ней юдрò житѧ, наи сопѣ шэмйтъ тогдà зýмныи западóвецъ тай гдè острый вѣйнестеръ, — она загрѣе свою травичкъ и дасть красъ ей лíчкъ, а соловѣенш дѣти розвѣютъ ей цвѣты.

Гриць Кукурұда.

124.

Блажéнныи камъникъ.

Оу́ркокъ изъ епýческого стихотворéния „Скýтъ Шанжекий.“

Въ тыхъ торжествéнныхъ чувствій поломъни
Силыиъ имъ (Черцымъ) остатокъ сеи памятнои днйны!
Сумраќъ зъ долины паль ся надъ горъ щиты,
Щобъ свѣтло сонца въ облакахъ згасити!
Тогды ажъ Черцѣ почали гадати:
Що въ той пустыни — иѣ селѣ иѣ хаты!
Кобы хотъ въ корчехъ, — або кóло палиты
Знужену на ночь голову склонити!
Тымъ гадками запрѣтивши мысли
Горѣ потокомъ скрбъ хабникъ ся тисли,
Ажъ где ся боки Скýтского провалу,
Чимъ разъ то ужше сближали по маlu:
А густї корчѣ проходъ затыкали,
На мху — подъ сбсною, — ибчиагомъ стали. —

Мягкà мурáва! и боклáгъ и свýта,
 Акбóжъ трéба подорожнымъ лóжа?
 До тóго рáдость! постель належítа! —
 Не вдéнь бы имъ зáздростылъ вельмóжа! —
 Отдáли Бóгу вечérнй похвáлы:
 Ляглъ и булибъ солодéнько спáли;
 Но якíйсь шéлестъ надъ нáми въ обочí
 Не дálъ ихъ твéрдо сну уколосяти:
 Цéлù нóчь мрéли, и жмурили óчи!
 Нóчь мицúла, — лишь гóдъ заспáти!

Скóро вéстуны молодóи днáны
 Нóчныхъ маръ рéшту въ гúщъ позаганáли;
 Черéзъ вершóчки въ затéни долáны
 Цéкáвымъ óкомъ туй туй заглядáли;
 Заразъ Инон опустíли лóже,
 И повитáли пéснами свéтло Бóже!
 Потóмъ къ обочí поступáли смéло;
 Що тамъ надъ нáми скрóзъ нóчь шелестéло?
 Кто имъ пóдъ бóкомъ таку псóту прáвили?
 Не далъ заснúти, — и нóчи позбáвили?
 Гадóкъ богоáто! а малà дивníци! —
 Жáдного Черицé не знайшлì страшíла:
 Скалà въ обочí, пóдъ иею кернíци,
 Съ котróи струj по камéнию пýла!
 Хóтьбы ся въ жмéнию змéстíла водíци,
 Скóро ю Черицéвъ здýбала зéници,
 Нóва утéха грúдъ ихъ наполнила.
 Бо скалы прóстрань, — въ сиокóйной затéни
 Творíла въ глúбíнь и пóбóчь три стéны;
 А на нихъ пýта нéбы стéля спéрта;
 Сподóмъ пóдлóга кáмén на простéрта;
 Але зъ перéду, где стé на четвéрта
 Мáла стойти, — тамъ прóстрань бтвéрта!

Чи тотù хáтку начинéмъ изъ стáли
 Въ скалe тóй людский рúки вýковали?

Чи для чїёгось спочинку, выгôды,
 Такъ изъ руکъ выйшла вѣчнон прирôды?
 Надъ тымъ ся въ ўмѣ рôзна гáдка бûдитъ,
 Минáв пра́вду, — и въ домыслахъ блûдитъ!
 Але певицѣ есть свѣдоцтво ока:
 Що цѣлѣ хатка, то една опока!
 Не дробнї плыты, — анѣ грубшї брылы
 Въ едну ся цѣлость штучно излѣпили!
 Посередъ хатки, — при самомъ порозѣ,
 Або принаймишь отъ порога зъ близка,
 Въ твердой эъ природы и гладкoй подлозѣ
 Стойтъ кернічка кругленька іакъ мыска:
 Ровно и гладко выточена изъ брылѣ,
 Гейбы токаръ ю выкружилъ въ точилѣ!
 Безъ скалубины, — на днѣ безъ норы;
 А вода пречиста счищетъ до горы!
 Такъ, що студена, кернічка чудовиша
 Хоть ишай и чёрпай, — завсё воды иолна!

Притѣлокъ Черицѣвъ въ влажномъ камени.

Чужостороннимъ гостямъ въ той пустыни,
 Блуднымъ Инокамъ, безъ хаты, безъ стрѣхи,
 Щожъ могло болыше принести потѣхи
 Іакъ сухий кутикъ той скалубины?
 Хоть ся подъ дрёвомъ смачно сиало добы,
 Но гдѣжъ си дѣютъ, іакъ настаниутъ слоты?
 Туть цѣль гостины, — туть дороги мёта,
 Да лѣти ступати, — отсы ужѣ не лзя!
 Іакъбы не тая въ камени прикмета,
 Въ цѣлой долинѣ, притулку не ма!
 Отжесть! въ скалѣ, той тѣсный закамарокъ
 Собѣ обрали на смирненку хату!
 И іакъ за свѣтлый, небесный подарокъ,
 Іакъ за выгодну, коштовну палату
 Отъ сердца Бóгу поблагодарили,
 И середъ еї стѣнъ ся розгостили,

А на памятку, тихъ чудовныхъ знаменъ,
Имъ надали ей: „Блаженный Камень!“

Первыи початокъ газдбствѣ новоаго,
Акъ то за звѣчай, — тутка былъ ѹбогий:
Въ цѣлой печерѣ не былоничоаго;
Лишь: тверда постѣль посередъ подлобги!
Нѣ стола, — лавы, — жаднои судины:
Лишь: боклагъ, книга, костуръ подорожный!
Съ водбою кернічка, — и три голи стѣны,
А въ прочемъ пустка! кождый кутъ порожний!
И въ хатцѣ хбодъ, сми зъ надвору дуло!
Бо стѣны зъ преду, и двери не було!

Кождый зъ насть наагий на сей свѣтъ приходить,
И той былъ бѣдный, что иынѣ всѣ має;
Праця зъничоаго маётки ровбдитъ:
Живый працюе, и живе гадае!
Акъбы въ пустыни можно прогнипѣти?
Или ся черницѣ газдбствомъ журити!
„Щожь за спочинокъ — хатина безъ лавы?
Прецѣнь по трудахъ здалобы ся сѣсти!
Духъ же праудою! Но тело безъ стразы
Нѣщо не варто! конче хоче ѿсти!
Акъ прїиде осень, и зима несыта
Въ хатѣ безъ двери, ци загрѣе свита?
Хоть духъ Иночобъ спочивавъ въ Бозѣ,
Толчн ци схбочутъ кости по подлоби?
Безъ тихъ то потреbъ и житѣ Иноче,
Долго такъ въ нуждѣ ци вытравати схбоче?
Лѣто богате, гостебу має швидку, —
Же осень близко, даё хбодъ знати;
Сми зима долга не знайде забытку,
Щожь за хосенъ имъ зъ каменнои хаты?
Черницѣ хоть Божи, — але земскї люде!
Сми на часъ прикрыи несложили спрятку
Сми не буде ся къ чому розъгнati,
Щожь тогды бѣдні маютъ починати?“

Бо кто лышь вёсну въ часъ обларувати
 Не ѿстігъ, — и зёрномъ ніву не засе́в,
 Кому стебло ся не зазеленѣ; 161
 Золотый колось, поблый не жолтѣ;
 Иакъ прїиде жніво, — щожь биъ бûде жати?
 Въ гумно пôдъ бсінь, что буде сбирати?
 Где дика пуша, глухі тёмні горы,
 Чимъ наполнитъ биъ стодбы, — комбрь?

Но! газда лѣнишій жіе гдѣсь тамъ въ Небѣ!
 Притомный кóждой, своихъ слугъ потрёбѣ,
 Той! что промысломъ доблю всѣхъ керуе,
 Той! что дробоньки птички поднебесні,
 Хотай не брють, — не съютъ на песни,
 Приподѣвае и чимъесь годуе!
 Той! что на ибли самародий цветы,
 Хоть неумѣютъ иѣ присти, — иѣ ткати
 Въ богато краси — и свѣтлайші шаты
 Иакъ Соломонъ малъ — знае приподѣти!
 Той свой слуги въ глубокой пустыни,
 Где росночали дѣло Его славы,
 Въ зимѣ не линитъ ихъ безъ одежіны,
 А въ прикрытій голодъ, безъ хлѣба и стравы!
 Для ихъ потрёбы, пожитку, выгобы
 Сама пустыни не пуста, не гола,
 Бо и на лонѣ матери — природы
 Хлѣбъ и одѣжа мибжатъ ся до вѣла!
 Такъ паджено скрѣпленій Июки
 Цѣкбомъ на Божій промыслъ ся издали;
 И въ той печерѣ больше іакъ три роки
 Такъ ся живили и такъ одѣвали:
 „Въ бокахъ отсебя сбирали суніцѣ
 Красні, — румяні, — ажъ имъ запахъ мілый!
 Въ гущахъ, затѣнихъ, — ожіны, черніцѣ,
 Не разъ по корчахъ проходѣ загатили!
 Но надъ потоки, маліны іакъ плотъ!
 Вкусі!.. солода, въ ѿстахъ ся розплыла;
 Но пôдъ смереки тма гафінъ лежитъ,

Що ажъ отъ нихъ ся землѣ засыпѣла.
 Мѣстцами зъ грûшки, зъ дикой граблони
 Натрясутъ густо бвочей якъ рѣни,
 Орѣхъ дѣсть лѣска здоровый, смачный,
 А букъ достаткомъ жириу на олѣй!
 Съ дождемъ тепленикимъ прозябаетъ грибъ,
 Рѣка и потокъ достарчаютъ рыбъ,
 И скотарь часомъ, якъ зачуе чутку,
 Що въ той долинѣ мають Черцѣ жити,
 Принесетъ вурды, або сыра грудку,
 И свѣжко ся жентицѣ напити.”
 Тимъ нашій Черцѣ голодъ покили,
 Жажду гасила зъ керніцѣ водѣ,
 Решту добытку на зіму сушили,
 И щожъ имъ зробить въ пустыни бѣда?
 Въ комъ чисте сердце и сбѣсть спокойна,
 Тому и пуща въ поживлѣніе гойна;
 А радъ зъ малого, — богато не багне,
 Берѣ съ подикою, что рука дѣсть Бѣка,
 Що не узрить бкомъ, сердцемъ не запагне,
 Щастливій въ пущи, якъ инде Вельможа!

Внутренне бѣпорядкованье блаженнаго каменя.

На сушенину и всякий добытокъ
 Мали при хатцѣ самородный спрятокъ:
 Глубоку яму въ плыты скалубинѣ
 Много певицьши якъ богачевъ скринѣ.
 Ужебы якось ся перебуло голодъ;
 Але шо буде, якъ прииде зима?
 Якъ до хатины завитасъ холодъ,
 А ту нѣ дверій, — нѣ печи не ма!
 Ба, и стѣна еще четвѣрта бракуе,
 А осень ужѣ ся до зимы хилитъ,
 Щожъ, — якъ шаруга съ морозомъ подуе,
 И сиѣжницею день бѣлы затмитъ?
 Кто Бога проситъ, зъ разумомъ не забудитъ

Помогутъ руки, доки еще живы,
 Тутъ урве трохи, — тамъ зновъ надторочитъ,
 Пречъ дастъ ровбодъ себей головъ;
 Немали бедни Инохи сокиры,
 Щобы таекъ нубудь захистыти дэры,
 И поробити отъ ветра загаты,
 При томъ нѣ сверла, долота нѣ пилки,
 Щобы при вольномъ проходѣ на дворъ
 Понрибивати зъ кѣмачи одворки,
 И пропустыти хоть лѣда запоръ;
 Але въ пригодахъ, — где бѣдѣ докучитъ,
 Сама потрѣба насъ разуму учить;
 А где си навестъ нѣкому не сиilo,
 Малѣ причина зробитъ важдне дѣло.

Маль Иоаникій иожикъ на припойнѣ —
 Прѣда, — маленькии, скрыть бы ся въ долбни,
 Тупый на бстрю, и не здобныи, хиба
 Часомъ мягкого укройти хлѣба,
 Тымъ, для потрѣбы, потягши на брусь,
 Рѣзали прутье зарѣнкове въ лузѣ,
 Колье, лѣнину, где мозна ломали,
 А свидовате сподомъ подтинали,
 Зъ тога двѣ лѣски, сплѣвиши на загату,
 Отъ простогону захистили хату;
 По серединѣ узбыки ворбта
 Примкли, гей двермѣ затулокъ изъ плата,
 Же плотъ не гденъ вѣтеръ студенъ спрѣти,
 Мусѣли лубя зъ линъ и смерекъ дѣрти,
 Зъ ливы, лозини ужелки крутити,
 И таекъ шкорою загату обшити.
 Мхомъ, що укрывае береги и яры,
 Позамыкали щелины и шиары:
 А же колъ въ каменъ не дастъ ся забити,
 Даинъ подпоры зъ сибрыхъ куснѣвъ плыты!
 Щѣ доробили замокъ до запору,
 Завязку зъ лыка и колбокъ зъ запрутн,

Щобы хотъ трохи двёри прищепнуты
А такъ ужे хата готова зъ надвору.

А въ серединѣжь? Всё то безъ чого
Анѣ Чернѣцъ си обѣнты не може . . .
Зъ матерійлу зробили едного:
Столъ, иѣчъ и лавы, полицѣ и ложе,
Зъ самородного, Божого створѣни:
Зъ кусинѣвъ опоки, зъ твердого каменя.
Столъ — спорыній камень въ самой серединѣ. —
Иѣчъ, — четыри плыты, при самой кернїци,
И лавы зъ тогожъ, выше нихъ въ скалубинѣ,
На кождый спрятокъ, выгбдній полицѣ,
Зъ шунара перовъ поплѣли рогожи,
Сѣтникъ мочарный повязали въ маты,
Твердѣ рогожею застелили ложе,
Матами укрыли стѣны отъ загаты.
А щобы змѣки твердин скайлѣ брымы
Мхомъ и сухимъ ихъ листемъ пристелили!

На столѣ крестикъ, знамя обороны,
Що го Пахомій тутъ принесъ на шинъ,
На стѣнѣ побѣдъ чудовинъ иконы,
Тутъ Спаситель, — тамъ Дѣвы Маріи,
А яко знамя вѣрного звычая,
При нихъ ещѣ образъ Отца Николая.
Всё въ пошановку — и боклагъ и книги,
Рясно зъ васильку связане кропило,
Щобъ нимъ прогнati рыбака *) набѣги,
И посвятити кожде новѣ дѣло.
Щобы прагнучи зъ чудовиного здрою —
Не пригорциами чериали напою,
Где зъ стекла и глины начиня не видко
Черпачка зъ тыквы была піяньетко!
А щобъ въ потрѣбѣ огнѣ розложити,
На четырехъ брылахъ широкон плыты
Сухі деревця однѣ въ друге тѣрли,

*) Слово дѣха извѣшаго ся въ видѣ рыбака.

Потомъ зъ! порохнѣ губки си надерли,
 Зъ старого бука наломавши чиру,
 Скалку кременну злупали подъ мѣру,
 А тупымъ бокомъ ножика изъ стали
 Въ когдай потрѣбѣ огни си кресали.
 А при той ватрѣ щоденний приправы;
 Некай на грани, на камениномъ кружѣ,
 Або немакши варенои стравы,
 Замѣсть въ горячи — пражили що въ сиузѣ.

Тимъ могліи прикрыи голодъ покойти;
 Але такъ лютая потисне зима,
 Чимъ тогдай грѣшие тѣло приодѣти,
 Коли кромъ сниты — иѣ руба не ма?
 Але той Промыслъ, що живиль ихъ щодень,
 Щобы котрий зъ нихъ голоду не згинаулъ,
 На твердѣ зimu и на люту стурдень
 Приобрѣла накимъ теплу одежину.

Ант. Л. Могилъніцкій.

125.

Житїе Іоанна Сиѣгбрскаго.

Іоаннъ Сиѣгбрскій родилъ сѧ дна 18.
 Мая 1784 года, въ селѣ Герестацахъ окрѣга
 Галіборскаго — зъ отцемъ Иаковомъ Сиѣгбрскаго,
 пѣрохомъ рѣскаго тамошнаго и зъ матерью Евфро-
 синію зъ Бербенцихъ. До николи и фліецкихъ отда-
 ний възрастъ 1792 г. до Галібора, въ 8 годѣ житѣ
 св资料о, и скончалъ ихъ 1795 г. съ преисходною
 пѣрвашою классою, давши заразомъ доказы йкъ
 наилѣпшихъ обычайевъ. Тамъ зачалъ также и до-
 гумнавши ходить, но помочию отца своего не долгъ
 сѧ тѣшилъ, во отецъ полѣрлъ 23. марта 1799 г.
 Такъ осиротѣвшіи завчасѣ рѣкѣ быскъ, же загибѣ
 Іоаннъ и не дастъ сопѣтъ жаднои рѣдкы, по провѣ-

дѣшие Божіе чѣвае и надѣ сиротамъ — и бѣхъ по
части бѣзъ родіиы воспомаганій, а по части
власстнмъ тѣбдомъ (наѣчайчи дѣти чѣши ѹако
домовкій наѣчитель) бѣтрымѣючи сѧ, скончалъ
такожъ и геміазїю г. 1800 и то ѹако пѣрвшій па-
городою бѣвѣничанкій. Оуже тогдѣ подѣнино сѧ на
его талантахъ и держано его за молодца и ай-
лѣшишон надѣи и пайчелнѣйшихъ овѣчавкъ,
про мѣ и въ свѣдѣцтвѣ вѣшисано. Изъ топъ то
причайни бѣже его товаришѣ ѹакви прѣдсказдючи
его подзиѣшь сѣдѣвѣ, называли Владѣкою.
На Лювомѣдрїе бѣдалъ сѧ до Львова, где сѧ по
части изъ стипендиї ѹако искатель стаиѣ дѣхѣвнога,
по части чеरѣзвѣ дѣванье корреспондентїї въ прѣдметѣ-
тахъ філософіиныхъ, бѣдѣржовалъ, житѣ скром-
ное провадилъ и на малобиѣ преставалъ. Въ вѣши-
шихъ шкѣлахъ розвинѣлъ сѧ его таланты еїѣ
вѣльше, а его овѣчайностъ вѣла всѣмъ знакома,
про цио бѣзъ свояхъ товаришѣвъ шкѣльнихъ дѣже
вмѣ поважанкій и любленкій. Въ годѣ 1803 скон-
чалъ трилѣтий кѣрекъ Лювомѣдрїа. Потомъ бѣ-
далъ на Богословіе. Оукончайши г. 1804 съ
прекраснмъ постѣпомъ пѣрвшій рѣкъ Богословїа
въ всеѣчилици Львовскому, подѣлъ просьвѣ до
Консисторїи рѣской Перемѣскон, авы мѣгжѣ вѣти
посланимъ до цѣсарскаго конвѣктѣ въ Еѣдини на
Богословіе для вѣльшого выдосконаленія сѧ. По-
зыскавши откѣтъ подѣлъ свѣтого желанія, поѣхалъ
до Еѣдина и тамъ 19 Листопада 1804 г. въ книгѣ
всеѣчилици Еѣдѣньского вѣшисанаго зосталъ. Тамъ
скончалъ наѣкамъ прїаѣждалъ и на пѣвѣличныхъ
испытатахъ пайкрасиѣшѣ сѧ вѣказовалъ, во всѣ
прѣдметы сихъ превосходныихъ бѣспѣхомъ позда-

вáлъ. Въ конвíкте бтличнáлъ са зáразъ пéрвшого гóда чéрезъ стрóгъ овýчáйностъ, чéмное захóвáнъе са и тóчное выкóнáнъе прéдписóвъ конвíкта такъ дёже, ибо мѣ ико подпíрефéктъ на дзбръ надъ одиýмъ отдѣломъ молóдшихъ пýтомцъкъ съ иcéю довéрённостю порþчéнкай въли и котóрый бни чéрезъ иcъ три лѣта ажъ до вíстvленя свóго изъ конвíкта съ совершéнныиx задоволéнкемъ скóпухъ настоáтелькъ прокáдилъ.

Оўжé ико пýтомецъ цéсáрского конвíкта по оўкóнчéнóму трéтему рóцѣ Богослóвїа р. 1807 чéрезъ Неремýского Владыкъ Апóтола Апелóвича, котóрый тогдѣ сáмчайно въ Бéдин пaходíлъ са, па Иоак.-Дéакона и Дéакона а певáвомъ па Пресвíтера посвíцéнкай збстáлъ. Но оўкóнчéнóмъ четвéртому рóцѣ Богослóвїа р. 1808 збстáлъ дéхóвниx сотрëдникомъ при рéсикой цéркви св. Баркáри въ Бéдин. Тѣ крóлькъ скóпухъ дóлжностъ дéшиx настíретка занимáлъ са пáсками Богослóвскимъ и поздакáши въ тý же стрóгий иенкиткъ ифнцéмъ Дóктора Богослóвїа оўвéнчáнкай збстáлъ. Ико сотрëдникъ посвíралъ кóждого тýждна шштáлъ не ино цивíлкай по пголокнй войскóвкой и оўдѣлáлъ потéхъ и оўслéгъ дéхóвниx хóркимъ въ влáстнои охóткъ и везъ домагáна са икои икинагóрдъ за тóе. Иоачаск войнкъ р. 1809 дoглaдáлъ иcъхъ седми сеpéдъ чéрти Бéдна оўстановленыхъ войскóвкъ шштáлъши, и тамъ хóркимъ и ранéнкимъ жалмéрламъ съ иелýкимъ сýлъ напрjкéнemъ и пожертьюа-ниемъ потéхъ ибры и дéхóвнии оўслéги ибзи. Тóе дéлáлъ и подчаск войнкъ въ р. 1813 и 1814 оўжé ико пárохъ. Въ Бéдна испирáлъ свою матерь и

посыпалъ єй чисто грόши, хуть салъ не мнóго мала.

Егò крóткое, побóжное и тихое житкè не дáло егò вóльше никóмъ познáти ишò Гóрг, котóрый скрытости и тайны вéдае и покóрихъ виевшишае, а котóрый такжь оўчтýвого, трéдомлюбýвого и оўчéного мѣжа для вéшишихъ стéпеней привéдилъ. Ико сотрëдникъ и пáрохъ працюялъ тákже ёжь привéжности и ёжь добрýмъ пожéткамъ при канцелárii Архíепископа Евдéнского. Коли за старáнъемъ Пищалиа Левицкого, Владыки Неремýского закéдéноe вéло оврëсткò для вéдáваня книгъ катехизическихъ и омилетическихъ для шíреня правдъ вéбрь христíанскому лéжни лóдомъ и для овразбóваня овчáвки, вкали и Сибирский на члéна тогóжъ оврëстка возвáнки. Въ р. 1817 вкали чéрэзъ профессоровъ Евдéнского по-гослóвского отdéла па Декáна тогóжъ отdéла вéвраный а дна 19. Августа 1817 р. винесеный здстáлъ па достóйнóстк почéстного крило-шанилъ епáрхii Неремýского. Р. 1818 знову вéвраный дхóломъ Окатáмъ па Епископа, здстáлъ чéрэзъ агстрийского Цéсаря Фráнца I. именованый Владыкою рéскилъ Неремýскимъ, Самарскимъ и Омбóцкимъ за свою спрáвнóсть, рóзвáжнóсть, рéшнóсть въ сáжнé, изобрóкое житкè и такжь въ шкóлкнóмъ ѹкъ и дхóвнóмъ закóдъ павéтти хвалéний заслугъ.

При захóвáни звéкаихъ торжествéнныхъ оврáдóвъ изъ престóльной Цéркви св. Іоáнна Кре-стýтеля па Владыку послацéнкий, помáзаный и па Еи престóльи виракаджéнкий овкалъ зарáдъ Епáрхii вóльше 800,000 дшши числачон и позыскáлъ для

свои дѣлательности простороннею полье, а престолъ
его окружалъ сѧ невѣкомъ лѣчами блестящими слѣ-
вки. До его особы никомъ приступъ не вѣль-
звороненый. Каждого занимала зѣрава его по-
верховиность. Взрастъ былъ середиего, тѣла поль-
ного, ѿка сївого, головѣ покрывало сѣдое коло-
сье а въ чѣртахъ лицѣ его видно было такъ
пріѣмнѣсть и добротъ, же иными каждого до сїе
осмѣлѣлъ и притягали; до тога несходила зѣ
лицѣ его никакъ кеселость, котора была докѣ-
зомъ чистой и спокойной сокѣсти. Бесѣдѣсть,
можна сказать, была наивѣкъ природылия дѣ-
ромъ его! и где сѧ и токариншество поиниали,
гнѣть было полно оѣтѣхи, во любили и самъ
забавнѣ рѣчи росказовати и дѣлгихъ до тога
побѣждали, и про тое любили всѣ его токарин-
шество. Оѣжѣ въ молодкіихъ лѣтѣахъ любили дѣ-
же прѣсни, а зестакши Владыкою запрокадили
спѣваковъ при цѣркви престольной, тихъ оплѣ-
чвали, и искѣнного для нихъ оѣчителя спро-
дили, и авѣ той шеститѣхъ никомъ не оѣсталъ,
кѣниали селѣ Новосѣльцѣ (дѣѣ милѣ отъ Пере-
мысла колѣ Калѣварии) и тое на оѣдѣржанїе тога
шеститѣхъ занисали. — Отъ него каждый бѣх-
одилъ оѣдоколеный, во дни оѣжденіи дѣвѣѣ сѣ-
діали, никомъ не оѣвалиши, каждого честно
прѣимали, а гордостию, которои его сѣрдце не
знало, никого не зразили,proto каждый, хотѣ-
вки и не позыскали тога, чогдѣ совсѣ желали, од-
нако пріѣмнамъ его пріиатіемъ оѣлѣткѣ, опес-
кали задоколеный порогъ палаты его. Кто скѣт-
лици и спарѣдѣ его палаты оглашдали, никомъ
не могли вѣи по ихъ видѣ бѣгадати іаки достойна

осóба тамъ мéшкала. Онъ не любíлъ звítкъ и вкíстáности, а́къ также и въ одéжахъ и стрáвахъ пайскроми́йший вýлъ. Но хотъ въ дóма рéчкими маркими величáти са не любíлъ, однáко а́къ заходíла потрёба вкíстéпiti съ оказálostю, то не вýлъ посла́днилъ въ тóмъ взглáдѣ и тримáлъ парáдини кárkиты и кра́сныи кóпѣ, а сáги вкíстéниали въ лíбéри. Естéпáочи на епíс-копство такъ вкíлъ оѓногимъ, же а́иѣ однои срéбрини лíжки не малъ, а кресты, знáмла па-стíрское, котóркай на грéдëхъ посы́лъ, вкíлъ въ початкъ въ подлого метáлла и лишь по золо-чénкай.

Але въ чéмъ вкíлъ несрóвиáцкай, то въ до-вротѣ сéрдца свóго, котóрѣ отъ ráзъ въ егò при-рóдныхъ, не неколéнкx и не овáдникx чéртахъ лицà читáти мóжна вýло. Онъ ради вкíлъ кóж-домѣ догодáти, а· безъ падéни никóго отъ сéне не п্�vesтити; если не дáткомъ, то подáй слóвомъ хо-тéлъ кóждого задоволíти, а· чáсто волéлъ изъ свóихъ правъ для дрéгихъ оѓстéнити. Если когò малъ поправлáти, то гладéлъ на тóе пайлагод-и́йшихъ и пайпропичи́йшихъ сréдствъ. Тóю довротóю подвýлъ совѣ сéрдца всéхъ людий везъ взглáдѣ на обрáдокъ аво и ибéрѣ, исѣ егò одпо-глáсно Дóбрьмъ назывáли, а если кто, то бы совѣ заслáжилъ на имѧ Отцà исклъ прáвомъ. Шо волкine, тотà доврота сéрдца въ такъ вкíс-кóмъ оѓи не́го паходíла са стéпени, же егò гдé-котрїи о падмéрибстъ довроткъ а про тóе и о не-достáтокъ епéргии овени́лъ, не могчий емѣ иныхъ иного закиñти. Поддáнши не вýдѣли въ ибмъ скóго Пáпа, но скóго Отцà, и не назывáли егò

никóли и́ншими и́менеми, лишь Панхóтецк, а би́з посла́диою своёю вóлею дарованыи и́мъ всé долгий и злáгlostи ци то въ чиншáхъ, ци въ звóжю, ци въ пáиции, ци въ и́ншихъ данинахъ. Осова́ко ми́лосéрдию и́мъ вкíахъ на о́убогихъ и не́праст-лайкихъ. Всé ся до и́нго гори́ши, не лишь таки́и, и́то по о́ублициахъ са́вдбовъ егò ша́льюнали, по и таки́и, и́то ся юно жéбрати встыдали. Кóждый спрастил и́вёлкий, кóжда вдо́ка, кóжда спрота́ ма-ла до и́нго приступи вóльниий, а би́з всéхъ пост-шáхъ и цéдрою рéскою испомагáли. (Замéчéниа есть достойныи, же коли на погре́бъ егò и́мáсь не́вéста перéдъ дрéгою ся жáлокала, и́то не могла и кéсника сéкиа изъ трéмики егò на пáматки по-лчить, сказала ей тáл: на и́то ты и́пон пáматки — скóро ти ся коли юсти схóче, прийдё ти не́вóж-чики не гáдк! . . .) И́ко оби́ре зи́анкий довродчи-тель востáли р. 1839 вéвранкий на предсéдáтеле комíссии запедéниа о́убогихъ въ Перемéшии, ко-торого и́ншими посту-тии ре́шио ся занимали и котó-рого фóндъ велíкими датками поможáли, а на-весь посла́диою вóлею своёю много на о́убогие-нике каштáлъ тóгожъ фóнда откazáли. Коли и́шо́ли до цéркви на павожéниество, а дéжало ся тóе кóждои не́дéлк и кóждого скáта, и́се исхóдки ведéчи до цéркви же враками гáсто овсадже́нии вкíли. По-вертáючи изъ цéркви благослови́ли о́убогихъ, а за и́мъ посту-тии са́вгà роздаючи ми́лостию кóждомъ въ осéбна. Их р. 1846; коли велíкий гóлодж вкíахъ, соши́рало ся въ полéдни велíкое ми́лостиво же враками кóло егò палáты, где всé тéплою стрá-вою кормáнии вкíли. — Они то запровáдили та-кожъ комíссии запедéниа вдо́вийцъ и спроти по

Священникахъ рѣскихъ въ епархіи Перемышльской и
оустановилъ стипендіа для 15 оубогихъ ѿчени-
ковъ съ добрѣмъ постѣномъ до школы головной
въ Перемышли ходачихъ.

Но не што паствѣ егѡ дѣховнїй подчиненіи
чтіли и любили егѡ, они вѣли отъ всѣхъ, кото-
рый егѡ лишь знали, йако вѣдь они вѣли вѣры,
высоко поважаныи и любленыи.

Гостей оуб нѣго полно вѣкало, а значишайши
особы перечисляющи чеrezъ Премышль не описы-
вали способности познать тога всѣми любленого
Еладкія и сложити емъ свое почетеніе. При каждой
домѣ вѣльшемъ торжествѣ запрошуvalъ до сеѧ
многихъ особы на гостинѣ — оубгоціали чистъ
своихъ крылошановъ оуб сеѧ, и каждого, кто што
пріишолъ до нѣго на оглѣдинѣ, чи то вѣли панъ
дѣбрь, чи оубрадникъ, чи йакий заслуженій сва-
щепенникъ задержовалъ оуб сеѧ на овѣдѣ. Дѣниа
рѣчь, же той мѣжъ при свободѣ початокомъ оуб-
пожестивѣ и при не великихъ приходахъ а при ве-
ликои прѣдрѣтѣ для оубогихъ, при значили
спомаганію креѣніяхъ, при непрестанної го-
стинности, при великомъ засѣданію фендерѣкъ и
выдаѣткахъ на потрѣбнїи рѣчи и. п. на сїбѣ кишо-
свѣри, на запомогѣ писателѣвѣ, на разлѣшии
складкѣ и т. п. и наконѣцъ при многихъ неизѣст-
ныхъ вѣнадкахъ и понесеніяхъ жертвахъ мѣри
еще оставити такъ значишь отъблѣрѣніи, йако то
но тѣлько добродѣйныхъ записахъ и отказахъ
вѣдно.

Должности своего пастырского званія спол-
нѣли съѣдѣти и съ великою рѣнностю, а пѣршии,
про на иѣми, йако на Аргїерѣо въ очи впадаю,

въла егò побѣжнѣсть; не щадиаъ биже жаднаго выдаѣтъ, котёрымъ бы могъ къ хвалѣ Божії сѧ причинити, окрашалаъ и вѣновалаъ церкви, строего заходѣвалаъ церковніи обрѣдки, наблюдалъ и обѣправилъ порѣдокъ Богослуженія и двѣаъ о поадѣшеніе дѣлъ Священничества, во хвала Госка и добре всѣхъ егò пастырѣ вѣчнѣихъ лежали емъ предъ всѣмъ на сердци. Правленіемъ сконъ епархіи рѣко сѧ занималаъ, працюющи денъ и нощъ надѣя сираками и вѣдомочи всѣ потрѣбніи роспораженіа. Отправляючи каноніческій посѣщеніа не вѣчиаъ аѣнѣ на засѣ хвілю, аѣнѣ на засѣ дорогѣ — каждъ церкви, не ишо материню и дочериню оглашалаъ, въ всѣ потрѣбы ихъ и излѣживости запиралаъ, прихожаній висадѣхалаъ, дѣврыихъ пастырей хвалиаъ, заліхъ обѣномиаъ, карталаъ а въ потрѣбѣ и каралаъ; на окнѣахъ прихожанъ дѣже вѣчиаъ, дѣтей катихизисъ садѣхалаъ, школа-рѣвъ випѣтовалаъ, дѣврыихъ то грѣшиши то образками нагорожалаъ; всѣ, чогдѣ вѣло потрѣба, роспоражалаъ, рѣдки обѣщаалаъ, слѣкомъ, всѣ покийности сконъ званиа събѣстно исполналаъ.

Самъ паски и искустви дѣже любилъ, и скоро лишь часъ мѣаъ, читалаъ писма по времении и иной книги почиточніи, склонялаъ цѣкаки книжки осевалъко окходѣлѣи рѣкѣи парѣдъ, краинѣи, образы, монѣти и т. д. сопрѣаъ великии и краинки книгосборъ, котоный на вѣнѣтекъ совѣра крилошаиъ записалаъ и обѣредилъ фондъ на поадѣшеніе тѣго книгосбора. Оѣченіи гориѣли сѧ до него, и надѣвали емъ сконъ ровѣтки: биже вѣновалаъ и почетніи датки цѣдрюю рѣкѣю обѣщаалаъ, всѣмъ охѣти додавалаъ, иѣкотои писма вѣстили

выда́ткомъ печатати дава́лъ, и вълах для писа́тельскъ правдѣвымъ а на той часъ єдінкимъ меце-
натомъ! . . . Говориаъ азбікомъ рѣскимъ, болк-
скимъ, нѣмѣцкимъ, латиньскимъ и францѣз-
скимъ, а въ греческому и въ такъ звѣнныхъ ко-
сточкыихъ азбікахъ, йакъ и въ старословѣнскомъ
дѣже виравній вѣлахъ. Не опѣскали такожъ жадно
способности пожиточныи для просвѣщенія народа-
ного и для тога съ охѣтою вѣніиа праќо на ки-
готискарію. Ико лювителъ наѣкъ прїдалъ на сѣне
Директоратъ философіческого наѣкѣвого заведенія
въ Перемышли. Съ обученіями и знакомітками
мѣжами зеставаляхъ въ писемныхъ сношенніяхъ.

Цѣсаю вѣлахъ вѣрніямъ и Егъ праќителъствъ
прихѣльникамъ, про тое мѣкожъ и для скончъ за-
слѣдъ рокъ 1843 полѣчиаля санъ тайшего совѣтника
Егъ Велічества и одержаляхъ тѣтвазъ Прено съ о-
дѣтельства съ велікою радостю цѣвало го рѣ-
ского народа; самъ далѣкій вѣлахъ бти всѣкого ве-
личана, все въ покорѣ оставаляхъ, и мимо скобо
достопиства и чести, йакъ оѣ вѣчнѣ малъ, често
чѣждѣ гордости оѣстѣиаляхъ; но такожъ за тое бти
вѣчнѣ вкісоко чтѣній и искренно любленій вѣлахъ.

Икъ саліхъ вѣлахъ Рѣспубомъ дѣшию и сѣрд-
цемъ такъ и о рѣску народа бѣсть йакъ пайвѣла-
ше двали. Всѣ, цио рѣское, пайвѣлаше го опходило и
пайліялкиши мѣ вѣло, для тога рѣскихъ писа-
тельевъ дѣже любиаляхъ, охѣты имъ додаваляхъ а за
посвѧщеніи сопѣ дѣла, все прѣдро ихъ даріаляхъ.
Цѣлкій Двѣрж егъ и всѧ саліка съ иамъ и мѣжи
сопѣю по рѣски говориаи; по рѣски размовлялахъ съ
своими вѣчнми саліками, хота са где въ гостинѣ
на двѣрахъ болкескихъ паневъ находиаляхъ.

О своей родинѣ дѣже тѣмилъ, матеріи какъ въ Бѣдна, вѣдьчѣ єциѣ сотрѣдникомъ а потомъ парохомъ, грѣшилъ посылали, такъ ю вѣдьчѣ и епископомъ не шѣ спомагали, но и до сего ю взѣнии велики о ней малъ стараишестъ. Всѣ крѣпши, хотѧ и найдальши, находили ѿ него притѣлокъ и помѣчъ.

Онъ садгамъ лагодио и ласкаво са обходили; но и тѣи вѣланы до него дѣже привѣзаныи и беспереченства егѡ всегда пильновали. Ихъ о всѣхъ, такъ и о нихъ не забывалъ дихъ при писанию скончалъ послѣдніи вѣлѣ.

Звѣикло мѣшкалъ въ Перемышли; а працами ск资料а звѣиїа такъ рѣшилъ са занимали, про часомъ хотѣть пѣдѣжий, не ѿхъплали са бти скончанностій, а и на постѣли граммоты консисторскіи подпишовали и посѣщеніемъ въ справаухъ епархіальныихъ приїмали. Для здорова и розрвики вѣкѣзділи повѣзовому за мѣсто, а тамъ вѣсѣши, трохъ пѣшии похѣждавали.

Цѣлѣ егѡ житкѣ вѣло безъ змѣзы, польое трѣда, вогатое въ засады и довродѣланія, сажене съ всѣкими пожертвованіемъ са для поѣдиностій стаіи ского. На ѿдѣстоїкѣреніе сего лішъ одніхъ приїмѣръ наї послѣжити: Коли въ р. 1831 холера по пѣрвый разъ въ Перемышли са появилась, и житиаей мѣста такіи страхомъ пававила, же кто шїдъ могъ, изъ Перемышля ѿтѣкала, про и шѣкотрѣи въ кайра дѣлали, дихъ безъ помази остали са на скончаніи мѣстци, ѿкорючи дѣже тихъ склоненіиши, котори въ хвилахъ пожертвованіа такъ слабого оказали са дѣла, а додаючи отваги тѣму, ко-

трин са поспо́ль съ нимъ на свояхъ оставши мъст-
цлахъ.

Вноса́чъ въ егъ здорова и спах и въ егъ
крѣпости, во рѣдко коли слабокалъ, можна са
вѣло тѣкъ пайдолшого житѧ падѣвати; тимъ чѣ-
сомъ Богъ шакше сѣдніахъ! Въ 63 рѣцѣ житѧ
своего мѣсѧца лішнѣти виноградъ Христовъ и
праирати са съ любовими овечками скопии. Дна
24. Февреля 1847 по недобромъ але волестнѣмъ
териѣнїю закончилъ свое полное честности и
дѣлательности житкѣ. Бѣсть пайсѣмнѣйша роз-
летеяла са шкыдкостю мѣлии по мѣстѣ и цѣлой
окрестности; а не вѣло сѣрдца (вези изглѣдъ
на вѣрѣ, станъ или ишши скойства осбѣ) ко-
тѣрое вѣ са тимъ смертельнии гробомъ не
чѣло раженіи, котѣрое вѣ цѣркви не почѣло
жалю и хотѣ однѣи не оѣронило слезки . . . мож-
то и бихъ кѫждомъ осѣшалъ слезки, кто са лишъ
свалиялъ до него. Незавѣомъ збѣкиши всѣ
зѣники цѣркви престольници и всѣхъ прѣчищъ цер-
кви Перемѣскіихъ пайплачайшии звѣкомъ и
рознесли по коздѣсѣ пайволестиѣйша вѣсть дла
сѣрдца рѣского. Гдѣ зѣники розлагалии са
середъ бѣлицѣ мѣста всѣ приглашали, но жалю и
тоски сѣрецѣ чѣктѣніиши не могъ пригаш-
ти. Жадеици сїмѣ похорони въ Перемѣши не
склѣкали тако го миожества достойнѣкъ дѣхон-
ныхъ, цѣплиыхъ и войсковыхъ, овѣнателѣвъ
городскихъ и сельскихъ всѣкого вѣроненіиѣдана
и оврѣда тѣкъ похорони Іоанна. — Оврии розла-
гали са голосъ изъ всѣхъ бѣстѣ: Ахъ, велика
шкода тѣго чеъвѣка!

— Тѣло тѣго велікого мѣжа сложено посередъ
его овѣцъ на всеобщемъ кладбищѣ, во така была
вѣла егò.

Долгò вспоминали егò всѣ и жаловали за
нѣмъ, — но дѣла егò въ найдѣши часы
промѣнялъ и вѣдѣти славити егò — а благодарне
сѣрдце рѣске заховѣ память о нѣмъ отъ рода
въ родъ.

Іосифъ Лозинскій.

126.

Іосифъ II. тако орачъ.

Давными часы браю то за жартъ
Если кто мѣнилъ: „рѣзникъ много вартъ.“

Хоть жили эъ по ту всѣ егò чола

Но уважали лѣпь иакъбы вола,

Который до почи бѣть сѣрого ранку
Тягне и двигатъ гармо безъ устани;

И такъ то всюда немаль иажды рѣзникъ
Давно колисьто былъ йстый невѣзникъ!

Ажь Марья Тереса, славна царыца
Иакъбы теніењка, небесна росыци

Згнетенныхъ селить житьѣ подкрѣнила

И царекимъ слѣвомъ эъ рабства увѣзнила.

А хотячи всѣмъ ишо показати

Иакъ то рѣзника трѣба оцѣнити,

Воспѣтоваля такъ всѣ сїой дѣти,

Абы завсегда за найкрасицѣ цвѣты

На иивѣ Царства рѣзниковъ держали,

И такъ, иакъ должно, стаинъ ихъ почитали.

Іосифъ, наслѣдникъ дѣль Сїи великихъ —
Той истребитель спустѣзъ времёнъ дѣкихъ —

Говори́тъ зъ ча́ста: „что и селянинъ
 Не стбить мёнише, якъ веякъ дворянинъ,
 А чимъ зброй для цáрской короны
 Тимъ есть и плúгъ для житí захороны!“
 Но дѣломъ ѿщё хотячіи ствердѣти,
 Якъ дўже знае рóльництво цѣнити,
 Дворянамъ свою разъ объявили вóлю:
 Щобы съшили си рáно ить чистомъ побю
 Всъ князъ, гра́фы, рýцаръ, магнаты
 И ижини дáмы зъ цáрской палаты. —
 Сунуть цѣкавый роёмъ туда люде,
 Кóждый пытае: ишо то такé бude?

По хвáли Цéсарь самъ ижини приходитъ,
 Где плúгъ ужé съ всемъ запрягомъ находитъ —
 На веъ ся бóки склонивши милéнько
 Гнётъ приступае до плауга живéнько,
 И стáль орати . . . и оре безъ хýбы . . .
 Едиу якъ другу — кладе рóвно скýбы —
 Потому съе зéрио золотисте,
 Весны надѣю — мече въ побде чисте!!
 И тъмъ дáль смотряю зъумѣымъ науку:
 Шо чéстне дѣло, на котóре рóку
 Не погнушасть ся самъ Цáрь положити,
 И такъ якъ скýнтромъ — истикомъ владѣти.

Съяніи зерна цáрскою рукю
 Въ сérдцахъ народа чудною норю
 На вéчини часы кóрфи запустили,
 И дйвио красиу цвѣтку ўродили,
 Котру иѣ морозъ, иѣ спéка, иѣ туча,
 Буря, иѣ волна жестокъ ревуча
 Не знищить, аиѣ вýрве изъ кóрфи;
 Бо на заживокъ таќого наеъния
 Нема иѣ срёдства, нема иѣ спосóбу;
 Бо цвѣтка таја росте изъ за грóбу!

„Безсмéртникъ“ на́зва ёсть ей властíва,
А ей вонї: „Благодáрибстъ живá.“

B. K.

127.

Чардючий господárк.

На старóго госпóдара, котрый изъ скончихъ малыхъ загоновъ волкыше свирáлъ, иако миогий ишь изъ великихъ, просторбныхъ лановъ, занесли лыкани сосѣдкы жаловъ, цю бихъ всё звóжке изъ ихъ лановъ на свое поле чардю.

Старый господарь стáлъ нерéдъ сбдомъ, но не забылъ съ собою взять свою сильну, здоровъ и добро приодѣтъ чéладъ, своей дёрзкии вероятнѣи и толстини колы, своей мощнини патри, таikkи мотаки и всѣ прóчи до огнepаки пола сажаки ордїлъ и сказали: „То есть мой чарды, а-если хóчете видѣти иако я чардю, то иставайтъ до всхóдъ сбаница и приди влайдите съ чéрезъ цѣлаки день до позднои почи, иако иоткъ изъ моего чола менѣ съ заедно лиѣ, иако я отходакъ мою чéладъ и мою ходобъ, то чейже не вѣдетъ мене сюда волкыше позвикати и менѣ часу дорогой гайти.“

Сздїлъ похвалилъ трёхдолюбкого господаря а лѣниши сосѣдкы лишиши съ скóго лѣниства лишили съ такожъ завововъ и клекетана.

B. K.

128.

Иванъ Швѣдкій.

Онъ робилъ то Иванъ Швѣдкій отъ рана до почи,
На корчмивка, піатыку не звернуль бінь очи:
Гонадъ, копаль, садиль, суниль колко силь му
стало.

За то у него чимъ разъ большие добра прибувало.
Поле ўвѣдъ огорбдъ справлене красенъко,
Хата садомъ обведенна іакъ вѣщемъ миленько:
Командицъ тожъ достаткомъ мала ходобина
За то красно выглядала іакъ въ лѣсѣ звѣрина.
А у него скрина буда полна іакъ набитга.
Буда одѣжъ, будо шматъ и всяка монета:
Весь го чтили, понажали, всѣ го величали.
И даогіи господарѣ въ саѣдъ егѡ поступали.
Давно ужѣ Иванъ Швѣдкій розсталъ ся съ синъ свѣ-
томъ,
Но все рамята о нѣмъ цвітѣ, а все краснимъ цвѣ-
томъ;
Бо днесъ кажутъ господарѣ: „ища такъ може быти,
Кто по щиро то роботы хоче ся пагнуги!“

Левъ Трецаковскій.

129.

„Ісаламъ Рѣслановій“.

I.

Кто съ Бѣломъ, Бѣгъ съ нимъ, мовлять
люде наші и добрѣ мѣвлать; во кто, яко Богъ?
— Бо цѣрати сѧ твою вѣдѣтъ люде и стайнѣтъ
тѧ сѣдѣти сестрѣ, и братъ твой скаже: „иѣтъ
менѣ брата!“ и отецъ твой скаже: „не малжемъ
сына!“ а мать твоя назвѣ тѧ градиною, сына

твой двійгнє рбкв на тёве, а своакій твоїй вýре-
чтъ са теве и вержтъ на та соромж, и неслав-
віти та стаіштъ далéко и широ́ко, во не буго-
ділж есь ихъ лихой вóли . . . але ты не жбрі
са, не вдавай са въ розибкѣ, во кто яко Бóги?
— Той, що веаéлж пичомѣ зродити сиѣтъ, ве-
лічное солицє и мъсѧць и тьмѣ веаéздж, що
веаéлж темнотѣ перекинѣти са въ свѣтло, въ
котрого долонї свѣркидан огнѣ и бѣдарили вóды,
котрого невидоме око видить гадкій дыша пâ-
шихъ, котрый спрѣгъ себю везначатокъ и вез-
конечокъ, котрого сърдце ксемъ сиѣтъ сърдце, а
воля гараждъ всіхъ шкодокъ и всіхъ сторонъ
прастье, той си тобою — Бóги си тобою

II.

Велікий есть Бóги и велике йма Егò! Зъ
невеси на землю, отъ конця до конца свѣта
простирає са воля Егò; все, що подъ солицемъ
и вишише солиця, въ скѣтѣ и за свѣтами, роз-
гомошое мѣдростъ везначальни и везконечни Егò;
а передъ сею мѣдростю марніця всѣ мѣдрости
пашнї, якъ крапла передъ моремъ, якъ черкіна
передъ вѣлитомъ, якъ гордішка передъ вѣкамъ.
Мѣдростъ и воля Егò суть двое и одно, якъ
дыша и місль еї, поломщик и сгеник. А мѣдростъ
тако скѣтови то, що вода рѣви, що воздухъ
лідеми, що надѣла сърдци чоловѣческомъ, вез-
мій тое а ноги вие сїе. Гордішъ са, чоловѣче
бумоли твоми и розбоми твоми, якъ день
свѣтломи завѣши на солицє, якъ въ поденї
корона паваными шеркеми; гордішъ са и ка-
жешкъ: пкти Бóга! — то и тебе пкти!! — соп

есь и ма́ра, а твоё и́ма вътерь на сте́пахъ Оу́крайны, а ми́сль твой дымъ и зáкоротъ, а жи́тье твоё житъ камъна въ землі глубо́ко, а на́дѣя твой и́ни прѣна на водахъ, и не лішитъ сѧ по днѣхъ твоихъ слѣдъ. Мракъ огорталъ тѧ по сѣмъ, и темнота го́рька налаже на тѧ по толъ вóцѣ, во Боги хотѣлъ, шовысь свѣты відѣли; а ты въ по́тъмѣ влюблъ есь сѧ — и въ болитъ сѧ ти ко́ла твой.

III.

Е́бра сердца моего и́къ Бескідъ твердо по-становила сѧ на любви. — Смѣтокъ твой знайдѣ, а радость слѣдъ его позмѣтѣ, а смина полнѣчъ вѣде и́ныи полѣднѣмъ, и возвеселіши сѧ, а око твоё заблышитъ зори чкою въ вѣриой по́тъмѣ житѧ твоего и огориша сѧ зорѣкою скитаю ти́хомиря и лѣнѣ надъ тобою милость Божа, во надѣя изъ сердца твоего не оутекла — во кто и́ко Богъ!

Сполошиши ми доля и проженеши щастъе, день ми споморочиши и свѣты ми западе, нѣж-дою мѧ оудариши и нашеши ми злї дни, свѣты ми спастие и имѣ корогвѣти, знайдѣ радость и плачъ мѧ огорне, тѣгда ми ранкомъ и кечеромъ ждрѣ, и нѣчь ми несонна и горюванье си солн-цемъ, вѣрвешъ ми очи и дышѣ ми вѣркешъ: а не възмешъ милости и вѣры не възмешъ, а не вѣдрешъ любви и вѣры! не вѣдрешъ. . .

Вѣники.

Два сквіць.

Однік сквіць въ лѣстї Кѣфѣ довѣдалъ сѧ, що въ Бассорѣ нахόдитъ сѧ такій скініра, до котрого ємъ ви вірѣ до школы ходити. Іде прости до Бассоры и ѿ реченоаго скініры-оучитела представлѧє сене яко оучила въ искуствѣ скінірства огнівлюочій своє желанїє стати сѧ пôдъ его рѣководствомъ совершеними. „Добре!“ сказали скініра Бассорскій, „пойдемъ разъ на торгу вѣновати жіночтї, по треба тепер якось огостити.“ Пойшли онѣ до пекаря и пытаяютъ сѧ: „І маєте добрий хлібъ?“ „До ванихъ оуслїгъ єсли готови,“ — сказали пекарь, додаючи: „оутмене хлібъ сиїжий и малгопкій яки масло!“ — „Самъ відіши, држже!“ сказали Бассорянинъ до Кѣфїана, „ію масло есть аїчше яки хлібъ, и мы про тое сдѣлаемъ аїчше, сии пакшино масла мѣсто хлібъ!“ — Пойшли до крамницѣ и запитали сѧ: „ци можъ тѣ достати доброго масла?“ — „До ванихъ оуслїгъ мої папіе!“ — сказали крамарь, „моє масло сиїже и вкїсне мої ванія пайлбчного сорта!“ — „Чиешъ“ сказали господаря до гостя, „пайлбче масло рѣшиле сѧ ваніївѣ, котрѣ о мене має превосходити масло — ци же не аїчше існіти ванії?“ — Тенерк пойшалъ до ваніїника: „Сетк ли ѿ ванії добра ванії?“ вонросили. „Існі пайлбча; чистѣсніка гейви водіця!“ — отповѣдали ваніїник. — „А! а!“ сказали скініра Бассорскій до скінірки Кѣфенкого, то такими способами есть веда пайлбча страва . . . Къ маю въ дому підліїй

стака́нъ, свѣ́жа и чиста· мовъ· кришталь, отожь
тебѣ почестю и огро́мъ!!!“

И въ йстѣ поверивши домбкъ не постакали
передъ скóго гостя никакъ иного, та́къ рече́ныи ста-
ка́нъ съ водью, понéже, та́къ съ пересвѣдчíли,
вода́ лѣчшою и болыше захваленою была та́къ оли-
ва, олива та́къ масло, масло та́къ хлѣбъ. Отход-
дачъ сказа́лъ ски́рра Кѣфскій: „Богъ дакова-
ти, что не даремно ходи́лъ до Гассоры, волъ
съ падчайль чогбъ осно́ни;“ — а поверивши до
Кѣфы жи́лъ по всѣмъ правиламъ соверша́ннаго
ски́рры.

Лю́де роскáзовали, что хотѧ коротко вълз
на пра́ктицѣ, пре́восходи́лъ одиакожъ скóго ог-
чи́тела ски́рба въ Гассоры.

B. K.

131.

О А́ши (мѣсѧци).

А́ши овхόдитъ землю по повѣ́шемъ числе-
нii въ 29 дне́хъ, 12 годинахъ и 42 мини́тахъ и
то отъ запада къ востоку. Ещь ми́мое движенье
отъ востока къ западу произхόдитъ отъоворотъ
земли около сиби́и. А́ши есть тѣмнѣлъ ша-
ропмъ и освѣчнѣлъ съ солнцемъ и землею, такъ какъ
отъ него отражаячое съ сибѣ́ло солнца освѣчнѣлъ
и бѣло наше землю. Земля наша представлѣвъ съ
жите́лами а́ши 16 разъ вѣквишими сибѣ́чими
съ крѣжкими какъ наимъ а́ши. А́ши представлѣвъ
съ наимъ въ розли́чикихъ перелѣнахъ. А́ши на-
димъ а́ши то въ видѣ „сѣрии“ то въ видѣ „пѣ-
нного окрѣга.“ Тѣи виды а́ши произходятъ отъ

того, же она при обороте около земли вывает въ розныхъ местахъ относительно солнца, то передъ землею, то по за землею, то по сторонамъ. На „новю“ вывает ей сторона осеннея солнцемъ невидна, а къ земли обернена только темна ей сторона, которая подвѣчает скѣтло свое отражающее сѧ отъ земли. Поступающи далъше въ лѣво лиши мѣло помалѣ обертае памъ скою скѣтло стороны и черезъ 5 днѣй начиняе видѣти сѧ на подобіе „сѣрпа.“ Тогда говорятъ, что „мѣсацъ настали.“ Отъ каждыи днѣмъ сѣрии грѣбѣе. Въ 7. днѣ идѣ лиши о только, что памъ видна есть подовина ей скѣтлони стороны, и тогда она есть въ „пѣрвой четверти“ скои пѣти. Потомъ лиши обертае къ памъ еїнѣ четверть чистъ скои скѣтлони стороны и представлѣе сѧ „съ горбомъ къ костокѣ.“ — Но 15 днѣхъ послана икона приходитъ она на половина скои пѣти, и тогда все скѣтлая стороны обернена къ земли или „подполя“ — Послана подполя начиняе „оѣрбъ“ лиши. Она откѣртае отъ земли скѣтло скою сторону, которая все оѣменшасѧ сѧ, икак въ пѣркии 15 днѣй побольшала сѧ и послана „подполя“ становитъ сѧ „съ горбомъ“ къ западу, потомъ вывает въ „послѣдной четверти“ скои пѣти — и все оѣточесѧ и представлѣе сѧ икак сѣрии, а когда приидетъ къ прежнѣмъ мѣстечю, отъ которого начнется скою пѣть, то стае сѧ невидимою (новолѣтней или пѣкѣ.) —

Отъ земли на противоположную солнца стороны всегда падаетъ тѣнь и тѣгнесѧ за землею, икак и наша тѣнь. Такъ и оѣ лиши. Одна сторона скѣтла, а по другой сторонѣ тѣгнесѧ отъ неї тѣнь. Если лиши въидѣ въ землю тѣнь то произходитъ

„затъмніє лінію.“ Оно викáє тогдà, коли землà проходжчі прало междù сóлнцемъ и лінію заслоняє. Отъ лінії сóлнця. Еслі же землà проходдитъ скрòзь тінь пàдаючю отъ лінії, тогдà викáє „затъмніє солнечное“ — попéже лінія заслоняє памъ сóлнця. Лінії затъмніїа викáютъ чàстиче. Рéдко викáютъ затъмніїа „пóлніи“ — частичні же „часткові.“ Затъмніїа солнечній сльчайотъ са лишъ въ врёма новолініїа а талтїи (лінії) въ врёма поанолініїа. Когдà произойде „пóлное затъмніє сóлнца“ то срéди дня викáє темнота и на нéбѣ ви́дно звёзды. Лінія затъмніє са въ восточній сторонкї. Пóлное затъмніє сóлнца може продолжати са только чéрезъ $7\frac{1}{2}$ мінутъ.

Лінія есть спiтникомъ нашои землї, дкýжитъ са окóло нéю а съ нéю въ крвръ сóлнца. Она есть кíлею $49\frac{1}{10}$ разъ меншою отъ земли кíлї. Ехъ попорéчицѣ мае 474 миль, или 4 разъ менше юкъ землà. Ені покéрхнеть викиноситъ 706,000 квадратныхъ миль или трéтью чàсть єши землї нашои. Порóвнявши съ сóлнцемъ, то вíловы изъ того 63 миллоновъ ліній. Однáко она видале са такъ великою юкъ сóлнця по влїзости скóбей къ землї. Она отдалена отъ средоточїя нашои землї на 52,000 миль. Паровий візъ съ 4 милевою скóростю въ годинѣ потрековали ви летїти къ нéй 500 дней. Междù нéю и землею помѣстїловки са 30 землихъ кíлї. Сóлнце же запáло ви все сїє пространство и вірè оно по за лінїи и по за землю скáловки въ кождou сторонкї прелюбими тысачами миль дàльше. Въ скóбахъ оборотъ окóло землї летїть лінія въ годинѣ 500 миль и то въ однóмъ годї 13 разъ. Въ оборотѣ же скóбахъ съ

землєю въ крѣгъ солнца летитъ она въ годинѣ 14,800 миль.

На лѣнѣ есть прекрасніи горы и пространніи долинѣ и такожь можетъ вѣти вода, хотѣй и есть океанъ въ.

М. Малиновскій.

132.

Танкай обѣдъ.

Давна то есть пріповѣдка: „же кто пѣдъ драгимъ ймѣ копае, самъ пайчастѣйше въ тѣю виадае“ — однакожъ Наливайко, гостинникъ мѣста Н. въилъ бѣжѣ прѣждѣ въ пѣй. Было то въ салѣ обѣдинѣ порѣ, коли прїйшолъ йакийск добрѣ оѣврѣній гость до егѡ гостиницѣ и жадалъ доброго рослаѣ за сконѣ грѣши. Пѣслѣ тѣго жадае доброго мѣса и йаршикѣ за сконѣ грѣши. — Гостинникъ вопросилъ сконѣго гостя, ци не роскаже себѣ дати доброго вѣна? „И для чогожъ иѣ“ отвѣтилъ неизнакомый гость, „скоро могъ за мои грѣши чого дѣстать болѣше! а сли чого лѣчшаго, то тѣму рѣдше!!“ — Наливайко сѧ по обѣдѣ подѣнного себѣ вѣна вѣтажидаи изъ кешеніи вѣтертого шестака и каже: „Пане, гостинникѣ! тѣ вѣши грѣши!!“ — Гостинникъ: „Я тоже про мѣе значити? Таже ви наѣлисте и напѣлисте за цѣлобого тѣлара!“ — Гость: „И прѣцѣни не жадали за тѣлара. Есть и пить, но за мои грѣши. Хочете, то берѣти себѣ мой грѣши. Болѣше не майо; а сли за мой грѣши за много менѣ дѣлисте, то вѣ тѣмъ есть вѣша виена.“ — Така вѣсѣда не могла нѣкого дивовѣти, кто позналъ вѣ тѣмъ гостѣ безвестнѣднаго обѣднника, котрый не дѣже двалъ, йакъ сѧ

емъ егъ штѣка вѣплатитъ. — Но ѿ сѧ стало дѣльше? „Бы естѣ скрѣтилъ прѣойдіскѣтъ“ сказаљъ гостинникъ до гоѣта, „и заслѣжилисте на дѣбре почестнѣ; но ѿ Балу дарѣю цѣлый овѣдъ а до тога въ додатокъ єщѣ двадцать четкии країцаровъ, авкісте сѧ такъ само спрѣвили и оѣ мѣго сѣѣда Заливайка.“ — Тое для тога мѣнилъ, пошѣже съ скопищъ сосѣдою жилъ въ несгодѣ, и зѣвидовалъ ѡмъ каждого шелюга — а скоро сѧ ѿкѣ способность приключила, дѣлали однѣхъ дѣломъ всѣкѣи неоты. — Но хѣтрый гоѣть взялъ однѹю рѣкою грѣши, а дѣгою смотрѣли клѣмки оѣ двери, попраціаљъ краснѣнько гостинника и ставши въ дверѣхъ сказаљъ: „Пане гостинникъ! до Башого сѣѣда Заливайка не маю потрѣбы ити, во клѣсиѣ ѿнъ а не кто іншій менѣ до вѣсъ спрѣвили!“ — Такимъ дѣломъ вѣвелъ овѣхъ въ поль, зыскавши изъ овѣхъ.

Заливайко сѣѣдъ дѣлъ, ѿа зѣвистъ и ненѣвистъ влѣжиего не примишти правдѣвого пожиткѣ, по зѣвеѣды шкодѣ. Помирѣли сѧ съ скопищъ сопѣрникомъ Заливайкомъ, и оба дѣбре на тѣхъ вѣшали: во сгодѣ крѣпітъ и оживлѣ, а несгодѣ славітъ и разорѣ.

B. K.

133.

Домокѣ житѣ Границарѣвъ.

(Пѣдая Гѣценгера.)

Въ войскѣвомъ Пограничю жїотъ чѣсто множанъ поколѣнїа разомъ въ однѣмъ и тѣмже домѣ, дѣдъ, отѣцъ, сыни и внуки въ многорѣбомъ побоющомъ розглаголенію. Цѣла родина (домова об-

щина) есть непосредственno подчинена господареви; однакожъ и полнолѣтнии мѣжчыны въ дѣлѣ маютъ го́лосъ при обра́дѣ надъ вѣжными роди́нными залежитостами. Окромъ господара ведѣ господи́на вибреннное господарство и мае надзоръ надъ жѣнъскими членами роди́ны. Такимъ спосо́бомъ оѣ́крѣплѣ сѧ мѣжи чѣсто числѣнными жите́лями дѣлѣ порадокъ и согла́сіе, а патріархѣліи обви́чай и звичай оѣ́веснечаютъ ста́rosti почитанье и послышенство. Не икъ исѣхъ однакожъ граничарскихъ домахъ есть спокой и добра спо́да — а дѣже чѣсто, особено, сии не вѣже влизке покреи́нство, може лишь роздѣленіе роди́ны привести спокой.

Та́г҃аръ домо́кого господарства лежитъ преи́муществоно на жени́тинахъ, мѣжи котрыми моло́дшии найтѣжшии ровоты спраќаютъ. Земле́дѣльство, скотокодество, пѣвлѣчна и громадска ровота занимѣ мѣжчыни, однакожъ не везъ помочи изъ стороны жени́тина, котрии въ чѣсѣ вийни чѣсто такожъ и тѣго тѣда сѧ подши́маютъ. Въ дѣлѣ однакожъ рудатъ ие́оды онѣ самы; тѣ паратъ онѣ, молотатъ, пра́дѣти, ткаютъ, шьютъ, красятъ и гафтятъ; выправляютъ кожу и роблатъ иею бѣжъ для мѣжчыни, дѣти и для сѣве такъ и до материнъ яки и иро до крою. Въ Славоніи опредѣлѣ сѧ на загонахъ лѣнныихъ кождой жены́тии и дорослой дѣвичинѣ особына чѣсть поземѣла, изъ котро́го позыскати маютъ лѣни на полотно. Тѣ власиѣ дѣлатъ помѣжи сѣве жени́скии особыы подла чёрги ровоты днѣви. Та́мъ, котрои тѣжденъ (ра́дѣша) варитъ, доитъ, кормитъ и т. д. Въ заможи́бѣшихъ ро-

дінахъ має кóжда радвша свою окремъшнъ льнáнъ вълнзинъ, котрою стблъ накрывае. Каждною роботою дѣвчата есть въ прочемъ прилагоджвати себѣ вѣно (посагъ). Не оутомимо оутпотребляютъ женщины въ Пограничю кóждъ хвилю къ полевому занатию, и часто оповѣдаются съ великою похвалою, икъ не однѣ мати идѣчнѣ въ поль виноградъ, подчасъ наивблъшон спекоты, несё немовлатко на голокѣ пай закинене въ пеленахъ на плечи, и при тѣмъ ешѣ прадѣ. Я хотѧ той женьской поль въ Пограничю такъ есть ногатый въ домовинѣ довродѣтели, и такъ многого причиняе сѧ до народного влага, то однакожъ не выкае бихъ въ мѣрѣ заслугъ скончъ за сторонки мѣжей цѣненый и почитаный.

Икъ простое есть строенъе домовъ, такъ простое есть такожъ и домоюе снарады. Велїка пѣчъ засирѣе значиш часть скѣтлайцъ. Прочое мѣстце заполняютъ по вблъшой части куеским ложка, котріи есть вѣстеленіи сѣниниками и козами, а оут заможибшихъ такожъ подушками и перинами. Въ мѣстцахъ, где боло дѣмъ находитъ сѧ вѣды до спана, лаютъ лышъ господарь и господина ложко въ скѣтлайци, въ зимокъ однакожъ почехъ спать такожъ и прочии домовники тѣмже. Простіи есть столы, стволы, ослѣны, оут православныхъ въ Хоркѣи дѣже низкии. Скринѣ слѣжачіи въ заходаню троха снарада и грбшіи есть чисто помалѣваніи. Орѣжке виситъ на стѣнѣ; а образы Святыхъ, освѣтленіи лампою есть однѹю тѣхже окрасою. Въ Карловакѣи и Банатскѣи Пограничю и мѣжи Болохами не выгладае онѣ начетъ и такъ. Тѣ чисто мѣстата

са въ однѣй свѣтлѣцѣ ліо́де разомъ съ скотомъ; ложка сѣть вѣстеленїи соломою и кожами; честно нѣмѣ и тыхъ, а цѣлѣ родина спитъ на голой землѣ.

Черезъ лѣто ма́ло вѣдно чѣлади въ свѣтлѣцѣахъ; на подвѣрю, въ поли, въ лѣсѣ паходитъ са и старый и молодый. Нѣкѣть поздно въ вечери зѣстають всѣ при погодномъ нѣвѣ на вѣльбомъ коздѣсѣ, найчастѣйше перѣдъ дверьми дома сѣдаутъ на лавкахъ въ приличной тишинѣ, сии не заходитъ приязнѣй мѣсацъ дѣвчата до веселыхъ пѣсни, которыи они въ хорѣ отпѣваютъ. Ишаки са онѣ дѣе въ зиумѣ. Тогда то всѣ тѣсне са до хатки, изъ которои келѣка задѣха, котора для чѣжинца о только есть незносимой, же са си нею при лихѣй вѣдѣвѣ домѣстка, слѣдяще честно келѣкѣй дѣмъ, по онѣ здаётъ са слѣжити для тѣго народа къ оживленію. Мѣжинцы, съ скопами любвиными люльками въ оѣстахъ, и съ еїмѣ дорогоцѣнныи шою чѣторою (чаркою до шиты) при вѣкѣ, сѣдятъ кѣло самони пѣчи, а по при инхъ ихъ женики, которыи и тогда вези оѣстаки „скопами пильными рѣками рѣхѣютъ.“ На землѣ лежатъ або лѣзутъ посерѣдъ дорослѣйшиими малыи дѣти. Часомъ оповѣдѣвъ опѣтии старикѣ вайки своего народа, тѣгожъ славнѣи и келѣкѣи дѣла и казки о рѣцарахъ, історію скопихъ часобъ, скопихъ молодыхъ лѣтъ, що то бихъ дѣзиали, запамѧтали въ отечествѣ и вѣдѣвали въ чѣжинѣ, а особено въ вѣйнѣ, чѣго бихъ са надѣе а чѣго са опасае про вѣдѣчность. Си оѣваго и съ докѣрѣемъ прислѣхѣютъ са си всѣ егѡ окрѣжайочи, и залѣдво кто са отвѣжитъ перервѣти егѡ рѣчъ ци то йакимъ

вопросомъ, ци междворзговоромъ. Въ такої побо-
чести сѣть старайши оў молодшихъ!

B. K.

134.

Загадка *)

Я не вбранъ, не воробѣцъ,
Хоть и крила маю;
Тѣплымъ лѣтомъ по воздуѣсѣ
Весёло лѣтаяю;
Живу въ дѣмѣ, въ нѣли, въ лѣсѣ,
Съ людьми и скотами;
Питаній сокомъ и молокомъ,
Крѣвью и плодами;
Зимбю сплю, а іавляюся
Коль лудить погода,
Хоть іа мужикъ, еще про то
Все женьского рода.
Я есмь птица, но вся створа
Гнушаешь мя страшно;
Птицѣ птички не узнаютъ,
Хватаютъ мя въ брашио;
Я нещастна, лихѣ створа
Маленького духа.
Знавте мя, линь придайте
Мыслите на уха.

— А. Духновичъ

135.

Старикъ.

О старикѣ говорити намѣрѣю, котрый про-
жилъ на свѣтѣ девятеро сѧть лѣтъ, и если менѣ

*) Рѣшеніе слѣдуетъ на послѣднемъ листѣ.

тепέрь не оўдáстъ сѧ превознесті егò похвалами, то вѣчно о нѣмъ спомниати не вѣдѣ. О старикѣ, хóчѣ росправлать и олавити, ўкїи дѣлѣ отъ него проиходиши; скажѣ вамъ, чюо о немъ вѣ ѹстории читалъемъ. — Спѣвайте стихотворцѣ сѧ пламеннимъ воджновеніемъ и прославлайте севѣ пѣснопѣніемъ о вѣнѣ и любовиахъ; їхъ оставляю вамъ все вѣно и любови, одиныхъ только старикѣ вѣде предметомъ моего пѣнія. Спѣвайте о защищикахъ цѣлыхъ Державъ, прославлайте севѣ и ихъ попеченіе! їхъ не вѣдѣ спѣвати о ироицескихъ дѣлахъ; но старикѣ только вѣде предметомъ мои рѣчи. Натагайте стрѣлы золотистыи на вандѣркѣ и чарѣйте ихъ пречудесными тонами всѣхъ сѣрдца — їхъ прѣстымъ голосомъ изъ тѣсноты мои громы загремію, во о славишихъ дѣрахъ моего старика спѣвати вѣдѣ. О слако! громіжъ вѣ оушехъ потомства — слако приобрѣтеніа сиконолосыми старикомъ! Послѣхайтѣ времена! послѣхайтѣ, про скажѣ:

„Старикѣ мой — — родилъ сѧ... жилъ...
малъ жѣнкъ... и... оўмеръ.“

— *B. Волянъ.*

136.

Особливша хоробра.

Одиныхъ знакомітыхъ мѣжъ оповѣдалъ такѣ приключчі: „Сидѣлъемъ,“ каже, „разъ сѧ многими особами пѣредъ дверьми радиои палаты вѣ мѣстѣ Б. — и размовлѧисъмо о разлічныхъ предметахъ, їхъ наразъ пѣредъ нами сталя ўкійсь же-бракъ, котрый просілъ насъ о милостию оказъ-

ючи розлічними способами своєю крайнійшою нездатностю и отчаянием. Каждый из нас дарил его чаймажь, по чёмъ они и отклишались. Той нездешний человек говорил намъ лежа прочно, про его опасавала осоваливша хоробра, который однокожъ намъ выкрыти не дозволае ему встать. Наряду взяла насъ охота довѣдати ся, що бы то могла выйти за осоваливша хоробра, который наимъ выкрыти не смѣлъ той же раки; послалось про тое заnimъ нашого слугъ съ порученiemъ довѣдати ся о всѣхъ. Той догнавши его по хвили, осмотрѣли его изъ всѣхъ боковъ, а не найдяши на немъ жадной оглоблиности аниче раны сказали: „Дрѣже! менѣ ся не вѣдитъ, а принаїмѣй не познаю по тѣлу, авкъ малъ причина до таихъ великихъ нарѣканъ.“ „Ахъ!“ отповѣлъ же раки, „моѧ хоробра есть такого рода, что еї аниче вѣдѣти аниче огадати не можно; а однокожъ опасавала менѣ отъ головы до ногъ. Она покрытвала всѣ члены моего тѣла и не дозволае менѣ на хлѣбъ ровити хотъвъ и на плѣкшою правцею. Хочешь ли знать, йакъ ся она называе? Называють ю: лѣни вствомъ!“ Отъ смигъ было намъ гдѣ ся вздержати изъ тога осовалишаго оправдана ся; но онѣ дѣло намъ побѣдѣ не до одного достопамятного примѣчаня. А наѣтъ найдшай ся многи, который загадали безплатно тога нездешника лѣчити, но они знать почѣкши письмомъ носомъ не показывали ся намъ йако всѣ вѣдѣ.

B. K.

Еврейскіи мелодіи.

(Изъ Лорда Байрона).

Цить! — Царь — Бандуріста, арфу стройтиме, —
 Царь надъ чоловѣки, и Нѣбомъ любимый;
 Ужѣ по струнахъ вѣцій заплесали руки,
 Пѣснь плынѣ изъ груди — и золотіе звуки
 Плачутъ, а очи въ слезахъ тоютъ,
 Сѣрдце пѣкае — а струны ся рвутъ.

Мужъ мраморной душѣ дѣтиныють,
 Егда тѣ святіи умы ихъ овѣютъ. —
 Гдеожъ ухо твое — душа зледенѣла,
 Щобъ не учудо — щобъ не разгорѣла,
 Царѣ слышачи и съ арфою въ руцѣ —
 Большого таکъ съ скіптомъ — въ божественномъ
 зпѣвѣ?

Егда Іерамія побѣды заграe,
 Егда Іеговѣ Вышнѣому спѣваe,
 Гудьбу побожиу раїскіи долини,
 Кѣдры Ливанскіи, святіи верховини
 Божи землѣ скрѣзъ отгомониютъ,
 А мысли прѣвця? . . . въ Небесахъ буйютъ.

Такій на землѣ ужѣ не чуваный
 Молѣбенъ съ дочерю любвию,
 Иакъ духъ ревнійный въ тѣны перебраный,
 Розчущаalъ псалмы небесъ высотою;
 И дрѣмота душѣ людской съ гудьбою
 Иакъ бы ибочь рѣдинѣла іасною зорю.

И. И. Бужаненко.

Прогулка по Фемерингу.

По десати лѣсамъ близъ напрѣдѣнію Аѣха по-
працѣли сѧ лѣзы съ пѣтомъ земли скойми, и от-
пѣстѣли ихъ на празднинѣ, авѣ покрѣпѣши сѧ
на Аѣхѣ и тѣль по шѣямъ врѣмени зиокъ до
сватѣнь скойни поклѣкати, и тѣти зиокъ пѣрею
Аѣхѣвною пѣтѣти. Ёсе воспитающе сѧ юношество
опѣстѣло столичнѣй горади и лѣдко съ сѣѣнію изъ
рѣцѣ можъ вѣгде которого здѣсь придѣлати.
Однѣ поѣхали до родничкѣ, други до срѣдин-
кѣвъ, иной до прѣателѣвъ скойни; слѣвомъ, гдѣ
тѣлько кто могъ оѣтѣлѣзъ спѣшио, авѣ город-
скїй шѣахъ на сельскѣю тишинѣ перелѣти. Но
комъ же стокосѣрдца сѣдквѣ икѣшила всѣ источ-
ники подѣбныхъ оѣтѣхъ, отиѣши емъ предкиас-
но смѣртию любезныхъ родничкѣ, срѣдинкѣ и
прѣателѣвъ, и лишиши егѡ самаго на сѣѣтѣ везу-
вѣакихъ средствъ, той не сїшиити сѧ оѣзрѣти
свой роднѣй кѣтивъ, гдѣ каждое покѣланіе дѣрева,
каждыи птички превѣти, пайижижийша циѣтка,
найтихшое жбрчаше поточкѣ, приполишало вѣгда на
ночо лѣдко ибо застѣнѣлѣ мѣзинѣ сѣрдца егѡ. Та-
кий неуѣстникъ скитаѣ сѧ по чѣжинѣ, гладае по-
тѣхъ самъ изъ сѣиѣ — изъ пазкахъ — изъ природѣ.

Извѣстно есть каждомъ, кто тѣлько корот-
кое врѣмѧ изъ Еѣдии прожилъ, ибо за прекраснѣй
околицѣ тѣю стародѣвнию столицю изъ розливиемъ
отстоѧнію окружалъ. Но всѣи любопытнѣй посѣ-
щатель колика разъ ихъ видѣвалъ, подиѣситъ сѧ
изъ егѡ гради желаніе, великии чеѳрѣзъ тѣланѣ по-
рохѣ пробивающи сѧ Норійскїи Яны, до двад-

на́дцать ми́ль отъ Вѣдна на по́лвдне отдаленїи, такожь вліжше осмотрити, а то тимъ бо́льше, икъ отъ икогось часѣ веліканъскіи строенія же-лѣзнициѣ че́резъ тѣи горы внима́ніе цѣлоби Сиро-пы, ба цѣлобо го свѣта на сѣве ста́гаютъ. И въ исти-нѣ, налѣжитъ то до найкрасишихъ оуспѣховъ історіи че́ловѣка, що онъ дерзнила че́резъ одио изъ найвы́шшихъ пасмъ горъ Сиропы перета́гнити такъ веліколѣбнѣю дорогѣ, икою есть же-лѣзница, и на вѣдчіость соединити два далекіи моря, ко-торїи твю часть свѣта ограничиваютъ. Пришѣши мѣжи тѣи горы землемѣромъ са надъ ихъ высотою и величиною, и загѣйли са мовъ мѣха по мѣждѣ велічако строеніями домами города. Стремістїи трамбрунїи и гранитовїи скалы взносятъ са гордо-ку твѣрди небесной, а о ихъ вѣкамъ вѣтерое чоло розбивають са густїи хмары; ихъ сѣдой головы не вѣничаетъ жаднаа рослина, и лишь гдѣсь не гдѣсь прикрыкае ихъ наготѣ дробнѣнѣкіи мочи, и изра-нами та птицами засѣянїи, вѣростомки карло-катїи сосновы. Но суть такожь по межи ихъ полѣ-шани мѣже вциѣ вѣшиши горы, котрїи вѣпосаженїи отъ матери природы всемъ изкованіевик, витаютъ пристроенїи въ праздничнѣю одѣжѣ косхинченого пѣтника, и подаютъ въ розсмотрѣванію глыбъ скалъ оутомленными его очемъ сибирскю пожаданію паствѣ. Кто перѣдъ колѣкома гдами тѣи скалы видѣлъ, томъ и до головы не пріишлъ, а и толик на той скалистой стѣнѣ, где отъ ей сицествованія нога че́ловѣческа не покстала, где сангъ и дикіи козы лишь во зліко шагали, и неразъ дерзость свою жицнью платили, где хицніи вѣводили птицѣ, и где игнатинкъ оутѣталъ съ скобю до-

выйти; — авы тамтуда по надз везды и пропасть съгчю магаз колись локомотиву, и свони штормы и съистанкему до тунеरка везнечю живущих тут хищных зверей перенесли. — Но въ пѣтии такъ есть! Если где, то тутъ человѣкъ наилѣпшее оѣпотребилю права наданого имъ Есекишикимъ, который подвергли цѣлѣ вселеніи владѣнію егдѣ. Чѣлобѣ розетоѣи покон жалѣзиницѣ чеѳрѣзъ тѣ горы дослѣдѣ 28,000 Бѣдѣнскихъ сажней, а такъ есть 7 иѣмѣцкихъ миль долье. Новѣ жалѣзиницѣ тѣгнѣ са отъ Глобиницѣ къ Западѣ по надз лѣвый берегъ рѣкѣ Шварцѣ, чеѳрѣзъ Шлагельмиль до Баервѣха, и поминавши иѣсколько хорошо и исклено строеніи мостовъ и пропастей для водѣ, не поѣвлѣ са потолъ жаденъ предметъ достойнѣйшаго болѣшаго вниманія. Ажъ кѣло Баервѣха посерѣдѣ великолѣбнаго Райхенавскаго долинѣ поднялѣ пѣтиешесткѣници однѣ изъ наилѣкѣнѣйшихъ строеній наилѣпшаго времена, т. е. великанскій 150 сажней дольи, а до 20 сажней высокий мостъ надз рѣкою Шварцою. Онъ опирѣ са на 13 столбовъ и провѣдитъ жалѣзинѣ кѣло на практическому берегу рѣкѣ Шварцѣ. Отсю начинавшася кѣла возвышнѣти и къ востоку подавати са, где перетиниѣши са чеѳрѣзъ два тѣнѣла (чеѳрѣзъ горы и скалы склонѣи передѣланы свободнѣи переходы) 60 — 80 сажней дольи, знову чеѳрѣзъ Пѣтенвахъ къ Западѣ стремитъ, и до замковыхъ розваловъ Кламъ на вѣртѣ са. Междѣ Баервѣхомъ и Кѣломъ застигѣ пѣтиешесткѣница пчелышикій видѣ 6,577 Бѣдѣнскихъ стоянъ высокой горы, котрои головы вѣчнѣи покрываютъ сиѣгы. Кѣло Кламъ зиждѣ

раптомъ изъ очиі желѣзници и провадитъ до третіго 100 сажній долього тѣнѣла, изъ которого вѣшедши идѣ до дико-европи мѣрѣги звапон Атлици грабенъ, и сидѣ са вѣльше икъ мѣлю по галерии въ скалѣ вѣкованой, и вѣльше икъ 100 сажній въ дѣлѣ отъ земли до горы отдаленой, переходачи въ тѣмъ отстоѧнію знову черезъ два въ скалѣ вѣдолгани тѣнѣль. Тѣти крѣтицы са кѣльи вскмѣ знаменито, и подносятъ са цю 35 сажній дольости о одиныхъ саженъ до горы, отишеношнѣе икѣ до теперъ неслыхане вѣло, попѣже на дотеперѣшихъ желѣзницахъ лѣдко на 200 сажній о одиныхъ саженъ желѣзна кѣлья са подносяла. Про тое призначило высокое правительство 20,000 дѣкатскихъ золотомъ за изжогрѣтѣнѣе такаго локомотива, прокѣ такъ прѣкрай иѣть преодолѣли — и локомотивъ Гаварѣлъ подчинали тѣю нагорѣдѣ.

Лѣдко цю достижимѣи сѣть для бка иѣтешественника помешканиемъ ровѣтишкѣи поксюдѣ по печерахъ скалѣ построеныи, и икъ лѣстницами гнѣзда надъ тѣсачь-сажнѣкою прѣнастѣю висѣющи, до которкихъ найчастѣйше жаднои ипон доброи иѣти, икъ лишь изъ мотѣза оѣсплѣтена дравина. Изъ всѣхъ сторонахъ даются са чѣти грѣмы, а ибла ишхъ представлѣ са страшенню звѣрии, цѣлѣи во скалѣ примижденїи сѣладю иѣрохѣ розтрѣскютъ са, и огроимиши вѣспами въ вѣзднѣ валати са, опѣскайчи материне лѣпо, на которомъ отъ сопкореня сиѣта недвижимо спочивали, по чѣмъ лишь стокрѣтий отголоси оѣжасно до оѣшнѣ изъблѣючаго са иѣтештѣшика пропиває са. — Однакожъ сей видъ великолѣпнаго природы, и тѣю великѣ мысль человѣческой под-

въдь надъ такъ чрезвычайными спусками природы, огорчая обывателей той то такъ великой цели пожертвованыхъ сопрѣтий. Кольо замокъ Кламъ находитъ сѧ нако откроеное мѣстце, на которомъ обжегъ надъ 200 склоновъ могилъ взибситъ сѧ. По части холера, по части инфекціи и пріпадки позвѣшили жицши тихъ вѣдьмихъ людий. Въ зимѣ года 1850 заскапало отъ разъ 15 рокотниковъ обезвѣшило сѧ каменике. — Поступимъ на поминѣтъмъ иѣти дѣльше, а бихъ заведѣ наскъ по многихъ прѣкрайнихъ звороѣахъ и постепѣнно мѣдношено сѧ до горы, по при малю не однѣ мѣлю дѣлагъ скалыестъ стѣни звѣни Байницѣтель-вандъ послѣдио на конѣцъ Атлантическаго до Тальрофъ. — Тѣти представлѣ сѧ оче旎ъ величество тога прѣдпринятія изъ цѣлѣмъ скобами обжемъ. Тѣти надъ поточкомъ, изъ которомъ вѣлѣдво кѣшка побѣгъ замочила, есть лѣстѣ не менѣе тиѣкъ 75 сажней дѣлагъ а 25 высокий; бихъ вѣде про тое два разы вѣшиши, пежѣли келѣка четкѣреновѣршина каменица. Потомъ сѣдѣючи четкѣри тѣпѣль, два переки вѣдолбани изъ горы Бѣрбер-когель вѣибсалѣ по 100 сажней, а два послѣдніи проходачи горы Гарченко гель по 110 сажней. Дѣльше есть тѣпѣль на Болчой Горѣ надъ Гайдвахъ гравеномъ, котрый мае 105 сажней. Онъ есть дѣже скриблѣнъмъ. Оттѣдъ мае пѣтнадцатьниковъ пречѣдѣскии видъ изъ сторонѣ Сибирской Горы и пр. — Прѣмѣ изъ тѣпѣла отъ Болчой Горы приходитъ сѧ знѣка на поштовѣ дорогѣ, которѣ пѣтнадцатьниковъ изъ Глобинца звѣстивали, а разъ тѣти лѣдво изъ тѣпѣла прѣмѣ пронадитъ железнѣцъ до найблѣшаго изъ

всіх тишин, котрый 60 сажній гаубікою підк
горою Семерином лежить, и 755 сажній, маю
ще не чверть мільї дольгим есть. Она сама має
стоати 1.275,203 зол. ренескіх срібролів. Где
далеке розстояннє роботишків отк вхіда тишина,
тамъ вікопаний сток склою горы простональї и
огюкосні шахти, а такж 7 изъ южнои а 3 изъ схі-
вернои сторони Семеринга, котрими посеред-
ствомъ паровихъ машинъ изъ вінчра землю и
непотрібное каміньє на вірху видається, а на
мѣсто тога розлічні матеріалы изъ 60 сажній га-
убинъ для відбивки спаскають, и сиїкай коздихъ для
роботишків віномісів. Понісідь, где са лишь
человѣкъ огладне, изъ всіхъ сторонахъ и ви иселю
отвываде са величестнішкій характеру, и окопищи,
вз строеніи, изъ запотливой дѣлательности робот-
ишків, котрыхъ 1851 рокѣ до 18,000 изъ одніє
великое мѣстце са поселіло. — Породиши посе-
рединіише отстоаннє жевізицѣ са теперъ сиїд-
ючими, то не паходитъ са шкічного прилуччя та
пого изъ ві строенію, зачавши отк Семеринга
аже до Лирцишлагс, крімъ шкідливо хо-
рошихъ мостовъ строеніяхъ по повійшой системѣ.
— Цѣлѣ тобе великое предпринятіе изъ роз-
стоаннію 7. мил., розволи са 10 тишинами и ми-
гими мостами и промістами, котріи жевізицю
за Норійскїи Алики переносати, залишити
не есть за ємліс 7.382,525 зол. ренескіхъ срі-
бролів изъ компенсації монети отк розлічніхъ
водицівъ.

Насладиши са тимъ великоюши мідомъ
поправленіемъ са са величестнішою природою и
повершили са назадъ ви граду, а отрасши са

троба отъ плачевшихъ миа впечатлѣній, сопралазимъ въ китицю по Аллаху посвѣраний цвѣткѣ, и подаю тѣи прасталѣвшимъ отъ мене подругамъ въ отечествѣ, для котоныхъ посерѣдѣ дорогони родныи проводеніи источники новокихъ радостей и оутѣхъ вспыхиваютъ.

B. Волянъ.

139.

Пѣснь жита.

Легѣсенько, тихѣсенько
Мѣвбы вѣтрѣць по долинѣ,
Рѣдна мѣти сонъ дѣтнігъ
Прикликує щирѣсенько;

А надѣю пѣсня вѣе
Радошаво и милѣнко,
Ажь ся душа веселѣе!
Малый ангель зновъ радиенъко

Ручеята витягѣе,
Мабуть нѣнѣцѣ отвѣчѣе:
Спѣвайн пѣнио пѣснио тую
Еакъ яѣ собѣ въ пей любую!

* * *

Отъ такъ наше житье въ цвѣтѣ
Комысане спѣваками
И раїскими щастя спаами.
Розвивается въ Божомъ свѣтѣ; —

Розвивается — а все лихо:
Журбѣ, клѣбѣтъ, не покобѣ
Глядитъ зирцемъ и жде тихо
Добы инион, добы свбн.

Ив. Грушевичъ.

140.

Левъ и Лисъ.

(Байка.)

„Господи не льве“ говорола лисъ, „менѣ го дѣ вадержати сѧ, що всѣ тобѣ не сказати, іакъ оселъ зъ тѣвѣ штитъ. Онъ говорилъ, ію изъ тобѣ пѣти пѣчного похвалынаго, жо твоѧ отвага сомнѣтелъна, ію ты не показашъ иѣ великолѣбшія, иѣ спрапедливости, ію ино оумертиялешъ кѹждого вези всакого взглѣдѣ.“

„Най бихъ говорилъ, ію хоче,“ откликнулся покажный левъ, „менѣ тобѣ ви и дѣже обходиши, ію и іакъ оселъ о миѣ дѣмае, — але кто осмѣялъ сѧ пагородѣвати предъ лицомъ на дрѣгихъ и менѣ сѧ леститъ ви очи, того не моргай ти терпѣти. Бонъ! негодинки бѣ отъ менѣ, во ииакише изъ сей часъ тобѣ конецъ.“

Лисъ прирѣженый покажиша откѣтомъ скаго короля, склонилъ сѧ иизѣнько и ради вѣлии найти хотѣвши где иакъ мѣши дѣрѣ для скаго венчанья.

— В. Волинъ.

141.

Ейтъ Подольскій.

Дрѣмаяютъ, дрѣмаяютъ подольскій иивы

И по сѣлицу сонъ ўжѣ засѣдаѣ,

И всюда ўтихло, лишь бродокъ сварливый

Далѣй текучъ чогбъ не ўтихѣ,

Ой не гараждъ то, бо и псы незаснѣли

Вѣютъ и вѣютъ, а вее голоснѣйше,

Бачу лихбѣ щось онї зачѣли

Бо не утихаютъ, лишь вѣютъ сумнѣйше.

Въ цѣломъ сѣлицу свѣтло погласило

Лишь на горбочку въ бѣдиенѣйкой хатинѣ
Згасло... зновъ бмыло... вѣдко догарало....

Ой догарало въ остатнѣй годинѣ

Такъ то изъ сёрдца житьё выгасае,

По котрё ну́жда ѹкъ гадиша сагие,
Тысне го тысне, оттакъ зафдае,

Нохи ажъ въ зимию землици не лягне.

Курна хатина и стёны низёнький

Котрї упасти туи, туи ўже гадали
Великий болѣ и мўки тяжёнький,

Давиого войта въ собѣ объимали;
Старый Никола — такъ го звали мёде —

Былъ колись богатъ, бо двома плугами
Оралъ на пивѣ. Кто же тое забуде,

Иакъ бы и радищ щирими словами?
А теперъ лежитъ на соломѣ голоди

Лиши верётою грубою прикрытый,
Тяжко взыхнувш згадаль о недоби —

На дверёхъ очи стояли ѹкъ врыти. —
Когось здаваль ся теперъ ожидати —

Шепнуль щось зъ тиха и плеснуль въ долбинѣ,
И зновъ до сёбе началь промовайти;

То щось о свитахъ, то щось и о звонѣ.
Лице потягле, высхле и блѣдобе

Разомъ слабенько хвильку запалѣло,
И ѹкайесь чувство, охъ! чувство сиятобе

Въ очехъ и грудёхъ теперъ засенѣло.
Два хлопчиюта, сыни егд рбдий

Голбъ спустивши ў ногахъ стояли.
„Отче!“ реклъ му, „ѹкайже мы бѣднї!“

Щожъ самій будемъ на свѣтѣ, дѣлали?
Самій безъ тебе — бо мати нась мѣла

Еще малыми и дуже малими
Вѣчне, ѹкъ знаешь отче! опустила,

Теперъ и ты нась оставишь самыми?
Не умерай, отче, ахъ отче любенъкій!

Мы тебѣ щиро изъ сёрдца любили
Не умерай отче, отче солоденъкій!

Щожъ мы безъ тебѣ будемо чинили?“
Уклѣкли и взнесли въ гору рученята

Съ твердю вѣрою, щобъ нѣбо розбила,
 Молятъ ся: „Боже! мы Твой дѣтѧта;
 Всѣхъ людій доля и наша ти мѣла.“
 Теперъ замолкли, слезы заліяли
 Дальшии слова плынучи рѣкою,
 А онъ отца иоги обѣимали
 Съ великимъ болѣмъ, жалѣмъ и тугю

Старый Никола ще разъ слабѣ сїлы
 Собравши мѣвиль такими словами:
 „Не плачте дѣти! Господь милостивый
 Надъ цѣлымъ свѣтомъ и надъ сиротами.“ —

Тричи щастливый, кто всею душою
 Въ помочь и крѣпость вѣшию упонаш,
 Въ тѣмный грѣбъ лѣгко и весело съ нею
 Тѣло зболѣле по смрти складає.

„Менѣ не долгъ на семъ свѣтѣ жити,“
 Даль промовилъ до дѣтей Никола,
 „Скорѣ приидѣ ся мѹки закончить —
 Слухайте дѣти отцѣвскаго слова:
 Шосьте не чули, хбчу вамъ повѣсти,
 Най тбѣ въ память дли васть позостане,
 Най о тѣмъ хбдятъ въ Божомъ свѣтѣ вѣсти,
 Най таи поймѣть по ва морѣ сїgne.
 Тымлю іакъ иныи, хоть ужѣ лѣтъ не мало,
 Ещѣ небижка мати наша жила,
 Отъ! въ сей хатинѣ, тутка ся то стало....
 Чомужъ не память тбѣ не ухопила?
 Ахъ! по що сѣрдце на иово газвити;
 И вамъ горькии слезы вытискати.
 Лучше бы было тбѣ залашити,
 И вамъничого о тѣмъ не казати.“
 „Отче скажи намъ, мы знати желаемъ,“
 Крикнули дѣти и слезы отерали,
 „Отче скажи намъ рѣвио упрашаемъ

Мы тоб въ память будёмо ховали“
„Ой такъ, такъ дѣти!“ рѣкъ старый сумиѣнко
И чоло змбriцілъ и плеснуль въ долинѣ —
„А ужѣ не могу, таکъ же мнѣ тяжено!“ —
И знобъ идось шепнуль о святыхъ, о звонѣ —
„Ой таکъ, таکъ дѣти! добре тымю тобе,
Было то рано въ зелени свята —
Такъ — здѣ былъ праѣдникъ, а селѣ цѣлобѣ
Щиро пріїмало кѣждого іакъ брата.
Ужѣ до церкви люде ся сберали,
Бо на всеночне звонѣ клыкаль великий,
А вы молитву съ мamoю домойшли;
Въ томъ посѣнака іакъ волчице дикій
Присанъ отъ пана, до хаты вѣнграе
Приносї паказъ; до двору ставати —
А другій ждуций подѣ окномъ зѣвае:
Скоро не хоче, до темницѣ брати!“

Зновъ ўмбокъ старый, але не на дѣлѣ;
Щось іакъ за сѣрдце теперъ го схватило,
Збійнуль и стріслъ ся и болѣль премнога
Божъ сиоминати о нѣждѣ не мило!
И зновъ стишилъ ся, а мовъ по лотокахъ
Однаѧ гадка за другою пыла
Хотї и стаиешь въ смертѣльныхъ воротахъ
Нѣжду вспомненіи си, котра ти пилала,
Желавиши съ нѣю вѣчнесь попрашати
Она ся такої все тебѣ тримає
И іакъ пойчи тѣмна бѣонцомъ до хаты
На память сама — ой! сама ся пхале.
Кобы можь сѣрдце Николы открыти,
Іакинж мукі въ нѣмъ перебували,
Не можиабъ разомъ пхъ всіхъ исчислiti —
Діво! іакъ въ сѣрдцю одномъ ся смѣщали.

— — — — —

„Дѣти,“ рекъ старый — „дѣти мой бѣдний
И моѣ сѣрдце гараждъ колись знало,

Але недали въ немъ жити негодній,

А моё щастье на свѣтѣ пропало.

Тогда на разъ ся поверну до слова,

Мою и вашу долю запечували,

Що въ хатѣ было — по що таїа мѣва?

Отъ наї не кажу, все въ грабежъ забрали!

Чи на томъ конецъ? Ни, то линь начало.

ІА... я... хотѣльемъ тому ся опрти.⁴

(Тутъ му еще разъ лицѣ запало —

Была то борба во годинѣ смерти!)

ІА... я... хотѣльемъ, але мой силы

Скѣромъ ўвѣдѣлъ, іакъ ся ваша мать

Въ ногъ повалила, гнеть ми опустѣли,

И гдѣ было зибна ихъ собрати.⁴

— — — — —
Сыны Николы іакъ красніи цвѣты

По зѣмнѣмъ вѣтрѣ горько заболѣли —

А по ихъ личку лѣгко было зрести,

Іакъ мягкѣ сѣрдце сѣмъ и жаль присѣли.

Бо ся двоюжай чувства праѣъ срѣчали —

Котрѣ зъ нихъ тѣжше? гдѣ было знати:

Нѣрве и вѣбрѣ горѣмъ отыхали. —

Богдай то въ житію такихъ хвиль не мать!

Тутъ ся ужѣ вѣко гробное схилѣ,

Бы вѣчне отца предъ иими замкнѣти

А зъ бѣтамъ голосъ дѣвній промовилъ

О люббїи нѣшьцѣ не дає забудти.

— — — — —
„Дорогой отче!“ — щось хѣли повѣсти,

Але и тобѣ зъ жалю незмагали —

Такъ ихъ проійбли ноперѣдній вѣсті

Що и слова имъ въ устахъ заумерали. —

Старый Никола, іакъбы зъ сиа збудилъ ся,

Въ котрѣмъ кощавѣ вѣдьмы линь спиуютъ си

И кругомъ сѣбе жалко подивилъ ся,

И узрѣлъ страсти іакъ на страсти шлютъ си.

„Не плачте дѣти прійде и вамъ година,
Бы знужи свѣта сего закончить,
Житьѣ коротке, такъ бы одна днія —
Але и тую тяжко пережити!
Що колись было, о всемъ забувайте
И о томъ, щомъ вамъ нацомкнуль не давно,
А въ любви Божи и ближнихъ взрастайтe —
Прѣдъ лицемъ свѣта поступайте ѿвно.
Благословлю васъ благословлю дѣти
Тою рукю, котрѣ васъ кормила;
Благословлю васъ . . . мой мілый цвѣты!“
И въ томъ си болѣзнь его закончила. —

„„Умérь Никóла, нашъ бáтько старéнькíй! —
Зáразъ си чутка по селѣ розбýгла;
„„Умérь нашъ голубъ, охъ! умérь спéнькíй! —
Не дáрмо збрка сéн ибчи зблéдла,
Не дáрмо и псы такъ сумиéнько выли,
Що не мόжъ было бка прижмурити.
Не дáрмо миѣ ся чаробníцѣ сийши —
Отъ! — мой ровéсникъ перестаlъ ўже жити!““
Такъ мóвиль стáрецъ къ хáтѣ доходáчи,
Въ котóрой мóщи Никóла лежáли,
Ступáлъ та ставáлъ, щось дúже мыслíчи
Въ однú ся гáдку всѣ гадкі скунáли;
Бо тепéрь виdѣла лéтà молодіи,
Когда ся разомъ съ Никóлцемъ плясаlо,
Зновъ переглýнуль и часы новіи —
Но кóлькожъ жалъ ся въ нíхъ не ўкрышáло?!

„„Бéдный Никóла съ родиною всею!““
Прорéкъ до сéбе, „„уже отъ часу тóго,
Отколi рéвино, душéю цéлбою
Хорошіль братiи отъ прáга михóго,
Немáлъ часинки одноби спочítти —
Бо вéяке срéдство врагу было мýлымъ,
И не покiнуль на иéго тровйтi,
Ажъ го на лавцѣ обачилъ застылымъ. —

Менѣ ся відитъ, що и не менѣ ся
 На чѣмъ бўдь, — Господь карати ўмѣе!
 Бѣше, поздишіе все тобѣ найдѣ ся
 Акъ кто собѣ тутъ на свѣтѣ посѣе!!““
 Тобѣ сказавши повѣли сближаль ся
 Къ хатѣ реченої — сбіце выходило;
 А егѡ променѣ не такъ простираль ся
 Акъ давнѣ ѿсио, но чомусь ўныло.
 Вѣкрикулъ старецъ: „„О, красотѣ свѣта!
 Ци долгѣ бўдешь такъ менѣ сходыти?
 Разъ то посѣдній мабуть сего лѣта;
 Заутра ўже бўдешь не менѣ свѣтити.
 Пріінблъ до хаты на колѣна впаши
 Молитъ си щиро за душу Николы.....
 Потомъ сближайль си, и тѣло обишши
 Съ плачемъ рѣкъ: „„Конецъ ўже твоей не-
 дами.
 Скбрѣ до тѣбе и ѹ перенесуся.....
 Намъ лишѣ разомъ ци ту, ци тамъ жити...
 Успішій друже! іа незабавлю си
 Съ суетю свѣта сего розлучити““....

* * *

Хоть въ ранцѣ сбіце сходило ѵсненіеке,
 Дармо и дармо ўже старай будило;
 Бо егѡ сѣрдце какъ лѣто теплениеке
 Зимнимъ си ледомъ на вѣки покрыло —
 Двомъ мертвцамъ сѣми разомъ зазовіши...
 Однобо въ вѣчну путь днёсъ выправили,
 О другомъ вѣсти въ селѣ розносили —
 Милости Ббга для душі благали. —
 Были то старцѣ, щобъ въ пекло самов
 За добро ближныхъ готовіесь пустити,
 Темнію, голодъ, хоть житѣ цѣлоб
 Легко имъ было для братій зиосити.
 Тому не диво, що люде толпами
 Изъ селъ сторонихъ теперъ прибываши

И ихъ могіду рёвными слезами

За любовь братню зливали и зливали.

Зоря галицка.

142.

Благодарность.

Изъ Рихтера.

Бандѣгій, Гасанідскій Князь причинилъ сѧ найболѣше себѣмъ краснорѣчіемъ подчасъ собора Нерсікъхъ Саграповъ, котрый отсѣдѣли Королл Орома за отъ дрона, что король нерсікъ по-лучилъ молодкій Хозрой. — Коли молодкій Король вѣзъ пріиѣждѣній въ гостемъ спасати сѧ передъ звѣнитѣвамъ Баграмомъ, то зновъ вѣзъ Бандѣгій нерсікъ, котрый себѣю мѣдростю и добломъ благородного пожертвованія сѧ вѣбавилъ Хозроя изъ рѣки егѡ гонакого ворога. Онъ замѣнилъ свою бѣжку за бѣжку Хозроя, осталъ сѧ наѣмно по дорозѣ въ одиомъ хѣторѣ и стоялъ въ бѣжѣ, авѣтъ могла вѣти отъ всѣхъ видимымъ. Войско Баграма вѣслало за Хозроемъ дѣмало, что вѣдитъ егѡ самѣго, и осадило въ сей часъ цѣлый вѣдкійокъ. Тенерь вѣдѣчій въ ихъ рѣкахъ просилъ лихімъ Хозрой, авѣтъ тѣмъ, юко склони ихъ давнѣйшаго Короллъ назвали хвѣлю отпочинкъ, понеже они дѣже въ гостемъ оѣтомъ илъ сѧ. На тое призвали коаки и осадили цѣлѣ домуствѣ стражи. Но Бандѣгій дѣмалочи, что Хозрой довѣльно вѣпередилъ оѣжѣ себѣхъ гонитељевъ, поддали сѧ стражи, котрѣ егѡ отровадила до Баграма. Тойже одиакожъ знауги въ лицѣ такъ Бандѣгія юкъ Хозроя открыла скоро

зашедшое ошаканство; но цѣначи высоко благородность наветъ и въ сопротивникъ, претилъ Гандхія на болю — Але ціжъ могла Гандхій тогдѣ сѧ надѣяти? Ціжъ не вѣстивъ бихъ себѣ на непримечанье смрти? Егдѣ дѣло не можно про тое назвати иакшимъ, іакъ велико-дѣшиль пожертвованіемъ себѣ самаго, — и про тое достойныиъ іакъ оѣзнанъ такъ и нагороды, до которыхъ могла заслужить мати наветъ право. Но іакже нагородилъ егдѣ Хозрой, которому бихъ такъ величъ зровилъ прислѣгъ? Чими оказалъ свою благодарность? За помочию можнохъ Римлянъ, до которыхъ Хозрой оѣвѣгъ, вернѣлъ сѧ бихъ зновъ на родину Персии, — а хотачи познѣти сѧ тогдѣ, которому безпосредственное зауважанье скрого житѣя вѣлъ виненъ, велѣлъ вѣдного Гандхія оѣтупить въ колиахъ рѣки Тигра. Цѣмъ Хозрой сердце человѣческое? Нѣтъ! во и дикѣ звѣри оѣмѣютъ бытие благодарными. Извѣстіи пріемѣровъ лишь однѣ тѣ приточити довольно:

Одного раза пріишолъ зрапеніи лѣкъ перѣдъ кѣлию претинника, Герасима. Ласкаючи сѧ и скавѣлачи, подносилъ до горы свою окрнаклѣнъ лѣкъ. Претинникъ вѣмъ изъ рѣшилъ, приложилъ на тѣло зѣла и завязалъ лѣкъ — а лѣкъ въ колѣбѣхъ дѣялъ вѣздоровѣлъ сокершенно. Отъ тогдѣ часѣ не оѣстѣлъ кѣрніи зѣръ николи отшѣлика, чиѣа коли вѣйшолъ до сѣѣдного лѣса за жиромъ. Въ ночи спалъ бихъ перѣдъ кѣлию скрого донордѣя, и где сѧ той постыдилъ, вѣлъ бихъ егдѣ перозлѣшиль товѣришемъ. А коли Герасимъ помѣрлъ, сопровождалъ вѣдѣчию лѣкъ егдѣ до гроба, и перозлѣчилъ сѧ бѣзъ тогожъ иѣ въ день иѣ въ почѣ, ажъ

пóки пе скончáлъ сѧ самъ. Егò тóльку прикрýлъ
мóщи скóго добродéла.

Бы́стъ! Скéрб встыдáютъ свою благо-
дáрностю не разъ розыгнного чоловéка.

Лишь благодáрность грúдъ чéстну здобила;

Бо кра́снымъ сéрдця всéмъ кияжитъ зарбамъ!

Во слáву всегдà онá спи числила

И въ честь мбжнымъ, величнымъ Нарóдамъ!!

B. K.

143.

Лакомство.

I.

Царь Иикифóръ.

Цáрь Иикифóръ вылъ бывше знáмый юко
дзже лóкавый чоловéкъ. Скóро оўви́дълъ севé на
дрónъ, не знáлъ ничу важибýшого и нагаibý-
шого юкъ предвсéмъ забрати всé грóши и до-
рогоцéнности Ирýны, давибýшон Царýцъ. Зá-
разъ на дрóгий день посéтíлъ ю, — мóнилъ, юкъ
то величимъ есть грéхóмъ въ такъ тажкихъ
часахъ ховáти скáрбы по пивнýцахъ и заклáлъ
ю, авы емъ подъ присáгою сказала, мнóго онá
подчасъ скóго правленя присвирáла погáтства.
Ирýна подáла емъ докладный спíсъ всéго и за-
клáла сѧ крестóмъ Спасýтела, про ничу не за-
тайла, — и лишь просíла, авы Иикифóръ за тóе,
що онá добропольно фрóна сѧ зрекалъ, съ нéю сѧ
належито и прилично обходíлъ и позкóнилъ, авы
въ палáтъ бтъ нéи на оўверéжъ Пропóнта звá-
дóвалий, могла въ спокóю дни скóго житя за-
кончитьи. Пóдъ присáгою, котръ на вéтеръ го-

ворілъ, прирекаъ Никифоръ, що ти справедливий
и огніврений желаній Ірини всѣ сѧ современо
исповідатъ. Безъ преболоки отдала Ірина всѣ
свої имѣнія среєролюбцю; но бих не ишо же
всё емъ отдане завралъ, но и привластили сѹсъ
кождъ наименішъ рѣчъ, котрѣ належала до дав-
нійши Царіцѣ, и велѣли на послѣдовъ іо самъ
замкнѣти въ монастырѣ, отдаленіемъ отъ Ца-
риграда, а потомъ перенестіи на островъ Лескъ,
где никомъ не вѣло позволено сѧ нію соопірати
са. О еї огніманію не хотѣлиничъ и знать,
а Ірина, нечастливка Кнагіна и колісь Царіцѧ
греческа, вѣла привѣждена прѣдѣлемъ сѹсъ на
хлѣбъ насѣпній заровлать. Она огніерла изъ
грызоты рокъ 803 въ 42 р. скончъ житѣ.

Но не вѣла нечаскій Никифоръ доволенъ
тимъ рабомъ; бих такъ само постѣпалъ и сѧ
сконими подданими, котрыхъ здиралъ исакиими
способами, авѣ ишо ское сокроинце побѣжіти.
Знаменіише отъ золота вѣло егѡ сърдце, а егѡ
жаждѧ не знала иѣ концѧ иѣ лѣкры. Такъ и. пр.
докѣдалъ сѧ бих разъ сльчайно, що одніхъ лѣ-
циапійщ въ Цариградѣ полѣчилъ значисъ сѣмь
грбшій. Хотачи тбо сѹсъ прискоити, велѣли,
авѣ речеши лѣциапійщ подъ присѣагою обѣ-
вілъ, много всѣхъ грбшій въ себѣ пѣнѣзини
мѣ. Перестрашеній созналъ, що мѣсто фѣн-
тобъ золота. Никифоръ росказалъ въ сей часъ
тобѣ емъ показати. Такъ сѧ стало. Огнідѣни
лакомій Царь крѣсисъ кѣши влкциачого сѧ зѣ-
лота сказали: „Непонимаю, на що лѣциапійщи,
стоѧчомісъ подъ зашитою монихъ закопаю, такъ
много золота трѣва“ и далъ изъ цѣлоби сѣммы.

властителеви десатъ фунтовъ назадъ, а за девятъдесатъ фунтовъ запросилъ зрабованого до сеbe на пиръ, и не соромилъ сѧ овѣкыти: „ipro для простого мѣщанина повинно тое быти болѣшимъ цѣстьемъ, ipro разолиз сѧ сконцъ Царемъ пирѣ, йакъ слыбы и дальше зоставалъ въ посѣданію цѣлои сѣммы.“

На представлѣніе скончъ министровъ: авѣ ласка вѣйше, сѧ скончи постѣпѣль поддаными, отповѣлъ жестокосердый Царь: „И мой народъ повиненъ мати своего Фараона, во инакшѣ не вѣде знati, ipro есть злобе!“

Но вѣнила на конецъ послѣдна година и для Никифора. Еи вѣнѣ противъ Болгарамъ прошѣла стрѣла егѡ каменнотвердое сердце а всѣ егѡ имѣнїя, цѣла военна прѣизница, цѣла вѣско и все оружье попало сѧ непрѣятелеви въ рѣки. Цариградъ и всѣ провинции до Греции належачий восклыкали отъ радости почтвши тѣю вѣсть — а хотѧ до 100.000 мѣжа зостало по части на побоевици а прочи въ падиѣ забранїи, то однакожъ всѣ Греки дѣмали достаточно вѣти вынагородженными смѣртию салюю своего гибнитела. Егѡ головы стырчали на копии выставили Болгари въ своемъ таборѣ черезъ три дни; а потомъ Король Болгардъ, Хромъ велѣлъ юздоймити и изъ еї чёреза выдѣлати для сеbe богато позолоченый погаръ, изъ которога при прированіи скончъ достойниковъ и цѣлого скончъ Двора пылъ на погибелъ Грекамъ.

B. K.

II.

Король Арипёртъ.

Арипёртъ; Король Лонговáрдóвъ, оттагнёлъ съ войскомъ до Павиа, не могучи отнести нападъ Баваровъ втишишвишъ съ до Італіи. Зъ той причины повстало въ цѣломъ войско нелікое неоднодобльство. Арипёртъ подозрѣвалъ головыъ зрады и рѣшилъ съ въ скобей крайнѣйшой опасности бѣгъ къ до Франціи. Къ той цѣли забралъ съ собою изъ скарбницъ такъ много золота, какъ иноѣ вѣло возможнѣе коло сѣкѣ помѣстить — и паче бѣгъ въ тѣорѣ. Треба ему вѣло предвсѣмъ переплѣсти рѣкѣ Тесинъ — по въ прѣки всѣми егъ бѣгъ альпъ не бѣдалъ съ ему тѣа переправа, во тѣа золота тащили егъ съ собою на спѣдъ. Охота до житѣя промовлѣла до него голосно: лишай съ золота а спасай себѣ! но побѣтокъ лѣкава казала: шкода золота, чимъ во и есть житѣе везу него?! Сїе разъ спакиши промовила охота до житѣя: спасай себѣ а золота сїе пайдешь до болѣ! но побѣтокъ лѣкава примищѣла: вержено золото въ вѣдѣ не вѣплківѣ на вѣрхъ! И такъ понѣже ему жаль вѣло лишити съ тога маѣткѣ, откаке пайдѣлъ вѣзъ съ золотомъ гробъ въ колиахъ рѣкѣ. На Арипѣртъ спрѣдило съ тое, что лѣкомъ рѣшилъ тратити свое житѣе, какъ если бы мѣлъ розстать съ собою мамоною.

B. K.

144.

На^хкъ, м^уха и син^ица.

(Изъ Зорн галицкое.)

Коль почало сонце грѣти

Выйшолъ паукъ зъ дому,

Позаставлялъ свой сѣти

Не рекли никому,

Самъ до шпаги зибва влѣзши

Скоро выглядаe

Ци до егo сѣти ближне

Щось не присуняe.

Ажъ ту муха нещастная

Въ лету ся спанила,

И на зраду небачная

Жити ся забавила.

Бо такъ дуже тбико тканій

Сѣткі науковій,

Що ихъ трудно розпознати

Бачнѣйшой головѣ.

Коль такъ муха въ пропасть впала

Наукъ потѣшилъ си,

И кровь зъ неи высыпать

Заразъ поспѣшилъ ся.

Такъ то и людемъ ихъ вороги

Сѣти заставляютъ,

Та невиннымъ средъ дороги

Дѣбы накладаютъ.

Тому треба братыи мон

Острожными быті;

Щобъ такъ муха нещастной

Долѣ не дожити.

Хоть не вышла паукови

Гладко таа зрада;

Бо на обóихъ голóбы,
Стáла тáйна рáда.

Бо отъ дáвна ся дивýда
Синиця на тóе:
Икъ дóбру хвýлю ўэрéла,
Лíкнула обóе.

Такъ! где оди́нъ на дру́гого
Сварítъ, вызывае;
Трéтій при́дè, и зъ кóждого
Корысть потягае.

E. Г.

145.

Кéрнóсть славги.

Бертарíдъ, скíпц Привéрта, королà Лонговáрдовъ, за котрýмъ всíода слéджено, по-
взáлъ рýши́тельнъ и отвáжнъ гáдкъ, стáвити ся
осови́сто перéдъ своимъ сопротíвникомъ, коро-
лёмъ Гrimoáldомъ и просить его о овóрои. Гrimoáldъ взвéшённый тимъ неограниченнымъ до-
вéрíемъ, пôдиéслъ бýпаўшого емъ до нóгъ Бер-
тарíда, простíлъ его и назвáлъ его своимъ бра-
томъ. Потомъ велéлъ емъ просторóни палáтъ
вызначити на помешкáнке, оўпорядковáлъ его
домовé господáрство и опредéлілъ для него знач-
нъ рóчиш плáтъ. Чéрезъ скéплеенкъ ся мнóгихъ до-
стóйниковъ и розлýчиыхъ овывáтељкъ въ палáтѣ
Бертарíда покстáла иаконéцъ зáвистъ въ Гrimoáldъ, и они оўхваліли скóго невесéчного со-
протíвника позвáвити житâ. Оўжé вýзначена
была и нóчъ, въ котрой мáло ся тóе злóвное дé-

ло исполнити. Вечеромъ послалъ король Бертаридъ множество йакъ наилѣчшее приправленыхъ стравъ и еще болѣше количество наивкуснѣйшаго вина — и велѣлъ емъ казати, аки несѣло сѧ сконими драгами тога вечера забавлялъ. Громадъ дѣмалъ, цю Бертариду сѧ оупїе, а потомъ твердо заснѣ, где вѣде можно безъ гласа и крикъ и безъ наименшаго слѣда выѣшилъ насилія его спрятати. Но хотѧ на все паче, завѣлъ однакожъ, же и око вѣриного и прозорливого слѣгъ не есть слѣпѣ. Отъ колыкѣхъ оуже дній передъ тимъ открылъ честный Онѣлфъ, слуга Бертарида, коварство на своего пана; про тое оупѣвалъ бихъ на наидробинѣйшии рѣчи, котрыи бы емъ могли вѣденити все опустошительства грозаочного небеспеченства. Въ томъ послѣднѣомъ чрезвычайно приготовленномъ оупоціемъ и широбашо подзваниемъ бихъ сѣти, котрыи непосредственno застѣлено на пожадающю жертву, и завѣдомилъ своего пана о всѣмъ подозрѣніи. Бертаридъ, авы не дать подзвани королеви, цю вѣстку, кѣдѣ то идѣ, выдалъ замѣлене широбаше, але не паче подчасъ тога винѣ, по чистѣ вѣдѣ, котрѣ Онѣлфъ подавалъ емъ въ срѣвиомъ пѣгарѣ. Скоро гости сѧ розышли въ свою, загадали такоже Бертариду и Онѣлфу сѧ однѣмъ еще не менше вѣрнымъ слѣгрою оутѣкати, и оуже хотѣли опустить помешканье, йакъ тойже самой хвѣлью стражи королевской обкраджили палаты.

По и въ той хвѣли наилѣчнейшой не лишилъ сѧ отважный Онѣлфъ притомности дѣха; оувѣралъ въ сей часъ ского пана въ одѣжѣ невѣльници, понакладалъ простиралъ на его головѣ,

вложилъ матерялъ и сънилъ на плечи, взялъ
кей до рѣкъ, и гналъ его предъ собою мовъ то
такого некблыника. Стражи вопросили, что то мае
значитъ? „Сей ледацо,“ отвѣтилъ Овальфъ, „хе-
тѣлъ менѣ стелити въ комнатѣ Бертаріда, а
емъ трѣба вѣде мон оѣслаги ба и дѣже, коли такъ
са оѣрачиахъ, шо хивѣ въ полѣши прорѣхаса;
онъ спѣтъ, бѣкъ завѣтъ! а ѿ хочѣ вѣгода-
шѣйше въ мбемъ дѣмъ переночиати. Аюѣ дѣлъ-
ше, дѣлъшѣ,“ клянчилъ до перевраного некблыника,
оударлиющи его кеѣму волка разы въ волка.
Боякъ смѣялъ сѧ, а онъ ова пойшалъ своею до-
рогою. Овальфъ поскорѣлъ сѧ скопамъ паномъ изъ
онѣс дѣлкишию мѣста, где плынѣ рѣка Тессинъ,
и спѣстѣлъ его по шибрѣ чеrezъ мѣри мѣстской.
Бертаридъ переплылъ рѣку, взялъ собѣ одного
изъ пасѣчищъ сѧ на овобѣно конѣ и не спишалъ сѧ
ажъ въ Франціи.

Коли одиакожъ официиръ, подъ котрого рас-
кѣзали зѣстана вѣслана стражъ, дѣмалъ, что
власиѣ вѣлавы сама добра пора, исполнити ко-
ролевское велѣнїе, жадалъ, авѣ его пришиблено
до спаліи Бертариду. Но одиши изъ садъ Бер-
тариду замкилъ сѧ въ спаліи, и авѣ для скаго
пана позыскати волка врѣмене, не отмѣкалъ
тби, похи возможно вѣло. Стражъ паконѣцъ
зъ нетерпѣности пасилюмъ вѣломала двѣри —
но не найшовши Бертариду пришибила садъ вѣ-
звати, что сѧ сѧ его паномъ стало. Встѣло ве-
гли сѧ воякъ на садѣ и отвелѣ побѣмы его до
Корола. Безъ вѣзинъ и сѧ всѣми подробносты-
ми оповѣли онъ цѣлѣю рѣчу Монарху, макимъ
спосовомъ его панъ лишилъ палатѣ. Громадъ

въсъдъхавши тое вопросълъ въвъхъ присъствио-
чихъ, на какъ сълѣгъе тоти, котрый дала съ
сѫжити за срѣстъ, авъ поштити съвѣ въ егъ
росказъ? „Слѣртъ!“ клянѣши всѣ, ажъкъ од-
нѣмъ голосомъ. „Нагорѣдъ!“ отповѣлъ Монархъ
и продолжали: „Великъ и знаменитъ нагорѣдъ за-
слѣгъе въбриний сълѣгъ, котрый, авъ скомъ панови
житкѣ сѫратовати, самъ севѣ привозитъ въ жер-
твъ. Отъ икнѣ пріймало іа такою сълѣгъ въ мою
сълѣживъ и надѣмъ емъ посадъ отповѣдѧючъ егъ
прѣвѣдности и довродѣтели — и надѣю съ, чю
онъ и менѣ въдѣ сълѣживъ съ тойо самою придѣн-
ностю и въбриностю, яки скомъ дотенерѣшиомъ
панови.“ Король попыталъ съ поѣдомъ за Онѣл-
фомъ. Сказашо: онъ сохранилъ съ въ цѣркви
сватою Архангела Михаила. Король обѣявъли,
чи онъ оѣпокъ на королѣвсковъ садко, наѣ съ
житъ везъ вѣзни передъ него. Онѣлафъ прій-
шолъ и росповѣлъ емъ, чю съ дѣльше съ Бер-
таридомъ стало. Такожъ и въбриность Онѣлафа
подхвалилъ Гримоалдъ, дарилъ егъ дорогоцѣн-
ностми и сказалъ: чю съ великомъ задоволѣ-
шемъ въдѣ и надѣль егъ въ скобемъ почтѣ дко-
рани вѣдѣти. Но честникъ Онѣлафъ подаковалъ
за все и обѣявъли, чю рѣдіше хоче дѣлайти съ
скобимъ паномъ всю недоблю и недостатки непѣв-
шаго житѧ, яки везъ него тѣ въ изговѣїи про-
живати. Гримоалдъ назвалъ Бертарида прастли-
вымъ, чю такиъ сълѣгъ аво властико такиъ
прѣтѣлѣвъ найшолъ — и наказалъ вѣдати дла
Онѣлафа найкрайшіи конѣ изъ королѣвскаго ста-
да, грѣши и все къ далѣкѣй подорожи потрѣбне

снарѣдь, по чѣмъ Онѣлфъ вѣправилъ сѧ въ сей часъ въ дорогѣ за своимъ паномъ.

B. K.

146.

До здорова.

(Поэма Кохановского.)

Кто здоровье мѣе,
Такъ долгѣ не знае,
Лакъ онѣ смакуе. —
Дѣкинъ не попсуе.
Каждыи такожъ чоловѣкъ
Се давно беспѣчно рѣкъ.
Що богатство, та весь свѣтъ
За здоровье не стойтъ;
Бо срѣбрьо, имѣнья,
Дорогѣ камѣнья,
Уроды доброты
Еї вси красоты,
Вышише достоинства
Такожъ чириѣвъ мнѣчество
Суть добрыми ино;
А здоровье надъ всѣ!
Бо если нѣть силы
То весь свѣтъ не мѣлый!

Ios. Лѣвіцкій.

147.

Границы гостинности.

Многого привѣтствия въ Св. Бѣлѣ мѣсяца, иже гостинными, свѣтъ людѣ на Востоцѣ. До такихъ гостелюбивыхъ належатъ такожъ Прабы, котрѣи пришѣдшаго до нихъ иѣколи сѧ не пыта-

ютъ: эз бѣки приходитъ и кѣдѣ падѣ, а то лишь
для ѿтого, во рѣди оѣ сѣве каждого гостыти. Но
одинъ Европейчикъ почѣвши о тѣмъ гостелюбію
Прѣвѣкъ загадалъ колъка лѣтъ помѣжи Прѣвами
са гостыти, авѣ оправдати себѣ выдаѣтковъ на
оѣдѣранье житѣ; надѣвалъ однакожъ зѣразъ
эз початкѣ на Прѣва, котрый не числилъ сѧ до
особливого гостелюбивыхъ. Но звѣчанъ Прѣвѣкъ
прѣймѣлъ речѣній Прѣви чѣжинцѣ и гостилахъ егѡ
черѣзъ трѣ дни оѣ сѣве; но чѣжинецъ дѣмлючи,
цио то чимъ дѣльше, то емъ господарь радиѣй-
шій вѣде, нелѣгодилъ сѧ до дѣльшаго пѣтешест-
вїа. Дна однакожъ четвѣртого осѣдлала самъ
господарь вѣльблѣда чѣжинцѣи, котрый не зва-
жалъ на тобѣ осталъ сѧ на гостиныѣ. Прѣвѣкъ не мо-
гѣчіи сѧ скѣго гостя лѣгоднымъ спосомъ поз-
вѣти написалъ до него карта такаго содержанія:

„Ци ты дѣже не чѣвалъ есь, же гость есть
дна пѣрваго золото; дѣгого срѣбро; трѣ-
того цинка? Дна четвѣртого стаѣ сѧ бинъ бло-
вомъ; пѣтого дѣревомъ; а шестого огнѣмъ,
котрый дна сѣмого разпадае сѧ въ пѣпѣлъ; а
съ тимъ не мѣжъ иныхъ иного почати, йакъ разомъ
съ смѣткѣмъ вѣмести не дѣрз.“

B. K.

148.

Пѣвѣстка староѣго Савы эз Подгора, ав-
стрійскаго вѣлака.

Коли Ироѣ, сынъ Кѣренки
Вѣкѣвъ нашихъ вождь великий
Подваліны свѣта стряслъ;

А вѣй нарбды Европы
Подъ егò зваленї стбпы
Застогнали въ одиинъ часъ:

Коли князѣй и престоли
Змѣнилися эзъ егò вѣлѣ
И не одиинъ въ грѹзы впали;
Онъ брдами эзъ надъ Секвани,
Въ долголѣтній тяжкодѣй браши,
Край Австрійскій заливали:

Тогдаи въ ровенихъ Вербны,
Для Ломбардовъ охороны,
Кароль, Архикийзъ стояль;
Подъ нимъ мибогихъ роботъ дѣти,
Якъ собраний несны цвѣты
Стерегли Монарха прасть.

Межи ніими — руска слава,
Гбжѣ хлбицѣ эзъ Станислава,
Эзъ Коломыи легчили:
Полкъ Булін съ хоругвю
Розпростириалъ сїлу свою
Въ нерозорваной стѣни:

Ужъ не тымлю — такъ го звано:
Ци Арколе — ци Ленъяно,
Ци котрѣ эзъ Итальскихъ мѣсть:
Тамъ точиль си бой кернавальный
А скончашь для нашихъ славы,
Якъ памъ кбждай оновѣстъ.

День былъ красный, весна мила
Цвѣтомъ землю пристелала,
И поранокъ золотый,
Мы готовы ужѣ до боя
Каждый зладилъ гасну збрю
И отмовилъ пачѣрь спой!

Въ рядахъ тихо, глухо, сумно;
Гейбы каждый въ свое трумно,
Отворене поглядалъ;
Разъ морозъ пойдѣ по тѣлѣ
Кровъ ударитъ въ лицѣ смѣлѣ
Ажь стрясѣ ся весь составъ!

Товарищѣ шепчутъ прости;
„Слы врагъ кулею нашій монди,
„Въ сырѣ землю повалитъ,
„Когдѣ сей разъ не досыгне
„Най на грбѣ нашѣ землѣ кине,
„И родинѣ ознаймитъ,
„Що въ тузы за свбимъ краемъ,
„Въ чужой землї умираемъ,
„Акъ ся вояку годитъ:
„И съ собою той знакъ чулый:
„Щосьмо вѣрнї Царю були,
„Понесемъ на тамтой свѣтъ!

Офиціры зъ вожда волѣ
Роздаючи наамъ паролѣ,
Додавали духа всѣмъ:
А вождъ храбрый передъ нами,
Оточенный старшинами
На конику ворономъ:

Такъ промовилъ: „Мой дѣти!
„Нынѣ будемъ враговъ бити
„Еуропы рыцаря;
„Ваша храбрость, свѣту гавна,
„Страхъ геть на бокъ! бо смртъ славна
„За Отчіну и Царя!

Нѣбы моря шумнї фалѣ,
Всѣ ся громуко отъзвали,
Блысли зброею и мечемъ!

„Жéсьмо вѣрнѣ! днѣсъ доказа́жемъ,
Бóрше въ бóю всѣ поса́жемъ,
„Но зъ ме́стца не утечёмъ!

Ци то бóры съ вѣтромъ гра́ютъ,
Ци ся съ шумомъ посува́ютъ?
И вершкáми мигота́ть?
Ци ся хмáры где́сь урвáли
Зъ береговъ повыливáли,
Валомъ грубыми къ намъ лета́ть?

Ци сиглы ся запада́ли,
Густымъ дымомъ съеть затыка́ли
Въ очеретахъ горя́ть ло́мы!
Ци воздушней Алло́въ щéты
Хóче въ пропасть повалити,
Зъ чёрной хмáры ёсный грóмъ?

Нé! то Фра́нко́въ обороты,
Нéбы въ танéцъ до охоты
Смéлый во́ждъ склада́ет въ рéдъ:
Ручна зброя и арматы
Зачина́ютъ прошида́ти
Густé ку́лé, нéбы гра́ть.

Улицами серéдъ поля
Кукурузы, рýжъ, тополя
По на́дъ рýчке береги:
По съмъ бóцъ на́шá рóты,
А зъ та́ктого — чéбы пíлоты
Розставле́ни вороги. —

“Гурра!” „хлóпцъ!” загрема́ло
„Въ имя Бóже!” — иже смéло!”
Гóмбнъ въ хмáре ся отбéль!
Курки фысли — кульки свéсли,
Пушбнъ пáща пожáръ прысли,
Дымъ ся клубомъ покоти!

Быстрѣй кѣнѣ чваломъ гонять,
Шаблѣ пасиѣ искры ронять,
Въ походѣ гучно банды тнутъ:
Гучно — а вамъ не до тбого:
Бо подъ бокомъ не зъ однога
Пѣски тѣплу крѣвцю пыуть!

Крѣкъ, — збикъ, громуомъ глущитъ уха,
Видѣ тьмитъ дыму заверуха,
Середудни падѣ змрокъ:
Мы облайн тяжкимъ знбемъ
Премъ Французовъ сильнымъ ббемъ,
Платимъ крѣвю кѣждый крѣкъ.

Ужѣ блова смѣртна сила
Густѣ лавы прорѣдila,
Акъ покосъ мертвѣцъ лежитъ:
Зъ обѣхъ сторонъ многи страты,
Мы бѣмъ жваво, — лишь не знати,
Кто зъ насъ боле удержитъ?

Въ томъ адъютантъ даѣ знати:
„Хлопцѣ! мѣста добувати!
„Ишо на рѣчцѣ иижше — гѣтъ!
„Ворогъ хутко зачалъ клѣсти,
„Щобы зъ ббоку на насы впасти.
„Ступай Булья на перѣдъ!“

„Набѣй бстрый! — а баѣнѣты,
„Въ стрѣльбы стбрцомъ застромити!
„Жваво! крѣки подвойть!“
Нѣмъ скончайль, — а мы въ той хвѣли
Густою лавою повалили
Ворогови на сосрѣтъ!

Тужь! на рѣчки ббцѣ лѣвомъ
Ужѣ ся Франкамъ въ очи дѣвимъ,
И приступомъ берѣмъ мѣсть;

Рясни кулъ и багнёты
 Валитъ мұжғвъ — іакъ зъ трепеты
 Сілна бўри жолтый листъ!

Уже́съмо тру́помъ загати́ли
 Быстру рѣчку — моста взяли
 Кра́вымъ бое́мъ большу ча́сть,
 Силъ остати́ныхъ добувае́мъ,
 Тлажкай нападъ отпирае́мъ,
 Чей ся ре́шта ща́стно ўда́сть!

Але! ци ихъ чортовъ сила
 Принесла? — ци птаховъ крила?
 Иакъ ся взяли въ ровнишъ?
 Где́сь тамъ иижше швале́ры
 Чваломъ рѣчку перебрыли
 И взялай нась въ два оги!

Смे́рть! погибель! братъя всю́ды!
 Шаблъ въ плечи; — кулъ въ груды,
 Мибгай воякъ зъ моста — мякъ!
 Мутна рѣчка зъ рускони крви,
 А изъ нашои хоругви
 Не осталъ ся лишь патыкъ!

Мы передний ослабленный,
 И отъ Нашихъ отътиенны
 Слово: „Пардонъ!“ — не рекли!
 Въ ридахъ заднихъ больши сильы,
 Враговъ стени проломили,
 И — — до своихъ утекли!

Насъ на мостъ — горька беда!
 Обскочили іакъ псы дѣда
 Ворогъ — и горнутъ въ плѣни!
 Отъбрали, где що було
 Гверъ, багнёты, поброхъ, кулю,
 Нѣчаймъ бити; — ану гинь!

Мы голѣрѹчъ — съ оружиною
 Пращавмъсь, іакъ съ дружиною —
 Слеза капле долбнъ ліцъ;
 Такъ сто мѹжа зъ батальону
 Геть займили до призбону
 Иакъ телита до рѣзници!

А въ томъ зъ заду — что за дїво?
 Ци збріаълъ ся вихоръ жіво?
 И туманомъ копотитъ;
 Ахъ! то намъ на оборону,
 Кирасиробъ побъ швадробну
 Черезъ иболе въ чвамъ летитъ.

Нѣбы зъ хмарьи разомъ виали,
 Зъ рукъ чужихъ насы отъбрали,
 Гордый ворогъ хутко знікъ:
 Бо тельмомъ, іакъ вода зъ спусту,
 Всехъ посѣкли на канусту!
 Лишь съ оружіемъ возъ утѣкъ!

„А! славажь Ти Боже мілый!
 „Ще живцемъ насы хотъ не съѣли!
 „Же вертаемъ хотъ таки!
 „Честь войцку чей не стратимъ,
 „И Французамъ ся отплатимъ!
 „Ще здоровий кулаки!

А комендантъ насы въ двѣ лавы
 Геть за фронтомъ тамъ поставилъ:
 „Вы беззробоині стойте тутъ,
 „Щобы ворогъ не взрѣлъ локи!“
 А мы поспускали руки,
 Дивимо ся, іакъ насы бути!

Осина му! Французы лютый,
 И тутъ не дастъ отътхнuti!
 Такъ насы дуже полюбили!

Не дость! же намъ побылъ мўжье, —
И забравши всѣ оружье,
Ще зъ насъ дўриѣвъ поробилъ.

Скоро заэрѣль — сюда — туда; —
Шо кѣло насть грубше люда,
Выцѣлиль на насть пушкѣ:
Цѣлѣсенька батерія,
Зарычала иѣбы смій,
Летитъ кулѣ лакъ грушкѣ!

Лѣдво колька хвиль минае,
Огень дужше докучав;
Видимъ близко нашъ конецъ:
Куля кулю постигав,
Мужъ по мўжу подлагав
Нѣбы Сѣчия пластовецъ!

Адъютанта слова чуті:
„Тамтыхъ трѣба въ бокъ цофнуті!
„Бо цѣль взяли иороги!
„Они зъ зброни обголені,
„Стойть иѣбы осужені,
„И погинутъ до ноги!“

Старшій йиній надбѣгаютъ,
Бригадирю предлагаютъ:
„Конче настъ взйти хотятъ!
А бригадиръ — цапу — лапу!
Розкладае лакусь мапу:
„Такъ плишъ вакже: най стоять!!“

Падоньку нашъ нещастливый!
Чогожъ мы ще ту дожили!
Такій плишъ! — ай! гбрькій свѣтъ!
Лакъ бвцій підъ ножъ лягати,
И безъ помсты умирati!
А цижъ то ся такъ годитъ?

Щè пасъ осьмдесять чтыри
 Акъ быдлата на оффры,
 Стоимъ безъоружинъ:
 Въ томъ иыскочилъ эъ першон лавы,
 Подъофициръ, легчиивъ жвавый,
 Гдесъ зъ подъ горъ поповской синъ:

„Анù хлопцъ! — намъ то знати,
 „Ци сакъ — ци такъ — умерати!
 „Разъ умрè — ктось разъ родилъ!!
 „Припомнэтъ си такъ то дома:
 „Где чуприна гей солома
 „Кругомъ лежитъ по подъ столъ!

„Або въ лесѣ, где суть зрубы
 „Кто зъ нечистон лишь губы
 „Выпустилъ таку зъ обидъ;
 „Вы свѣдомы той роботы
 „Съ медвѣдемъ ся побороти,
 „Въ полонійнѣ вамъ не встыдъ!

„А ту руки поспускати;
 „И спокойно смрти ждати
 „Цижъ то слава для жолибрь!
 „Щобы Французы — псы жилы!
 „До одного подусили,
 „Нѣбы эъ бантовъ куры тхоръ!!

„Анù хлопцъ! такъ по свому,
 „Честну вѣсть ноплемъ до дому —
 „Най Гуцуловъ знає свѣть!
 „Дивѣть! онде въ виноградѣ,
 „Грубе тычье стойте въ рядѣ,
 „Съ краснымъ колъемъ добрій плотъ!

„Анù — а самъ илюнулъ въ жменѣ!
 А мы роемъ гей шершениѣ,
 Повалили за нимъ въ чвалъ;

Кóждый вырвалъ, ішо мбгъ скбро;
Тычку, коль — або подбрю,
Абы въ руки щось досталъ!

„Тéперь дáлбй, въ имя Бóга!
„На Францúза намъ дорóга,
„Що нась лóто дóсы бýль!
„Мы ся всѣ перекрестíли,
„Съ вѣтромъ на вздохóнъсь пустíли
Ажь ся побохъ закурíль!

Ужéсъмо бáйзко — а въ той хвáли,
Иснай лóпты засвѣтили,
Ивна — але слáвна смéрть!
Они мыслить, что варыты
Бéжатъ съ колъёмъ на армáты
Ище собѣ стройтъ жárтъ!

Въ бойцѣ жárту мы не знаемъ!
Чимъ разъ бáйжне подбýгаемъ,
Ужéсъмо колъе поднесли:
Ахъ! такъ сынугъ зъ пушбкъ разомъ!
Десять нашихъ стéлить плаzомъ —
Ажь землéю потрисли!

А мы скбкомъ на ливéты:
Иакъ зачиёмъ колъемъ валити,
Когбсъмо лishь засигдї!
Хоть намъ кляли и кинчали,
Но пушбкъ не набивали!
Всѣ до ногъ полигдї!!

„Такъ вámъ трéба лóти дѣти!
„Знáйте такъ кронъ рýску пыти!
„Тенéрь землéю закусйтъ!!
„Многи зъ вáшихъ руки помéри,
„И намъ естé честь выдерли,
„Такъ ся вбикъ крýвды метйтъ!“

Скёрше кóнѣ припрягáемъ,
И съ пушкáми отбѣгáемъ

А Францúзовъ гúстый рой,
Тўжь за наими, а мы дálѣй
Иакъ мáртовй съ ви́хромъ фáлѣ
Забѣгáемъ за фрбнгъ свóй.

Хоть малéньке наше дѣло :
Цѣлѣ войско покрѣпilo ,
Въ сумныхъ свѣжий дўхъ вступаlъ ;
„Вразъ до ббю !“ закричали
Цѣлымъ горломъ енералы ;
„Непріятель подстуpилъ !“

Ту зачалъ ся на баgнёты
Бой кервавый и завзятый
Иакъ сгадаю, ще ми страхъ !
Сопица луци ужѣ згасали ,
Нѣмъ нашіи праговъ прогнали
И побили, тетъ на прахъ !

Мы тимъчáсомъ іакъ на грани
Обвиvаemъ свѣжий раны
Лахманами нашихъ шатъ :
Бо францúскї канонѣры
Шаблями нась густо зрыли ,
Нѣмъ потахли отъ арматъ !

Супочинокъ нашъ минавъ ,
Бо полковникъ надѣтъ
Сопѣ, іакъ въ кузыни мѣшокъ ;
Кричитъ, сваритъ, що му силы ,
А не вйдитъ, жесмо взяли
Отъ Францúзовъ ишѣсть пушокъ ?

„Іакъ вы смѣли безъ велѣния
„Ити зъ мѣстца, въ смѣрти тѣня !
„Чувши: „стой ! на кóждый кробокъ ?

„Тéперь кóждому куíону
 „Кáжу дáти безъ пардóну
 „Тугихъ пятьдесáть памóкъ!

„А фелvébelъ зухоáтый
 „Що смéль дру́гихъ бунтовáти,
 „Зуфáльствомъ си скóпаиъ грóбъ:
 „Аудíтора сúдъ воéнныи
 „Осýдить ёгò пропи́ны
 „И дôстáне кúлею въ лбъ!

„Туть маéте ридомъ стáти,
 „Що ся стáне мóлчки ждáти,
 „Сúдъ вамъ зáразъ оби́стйтъ.“
 Отъ тákъ же! За наине жито,
 Иакъ то кáжутъ — вицё наисъ бýто!
 Гóрький же ваниъ, тéмный свéтъ!!

И ўже бóбы, зъ плечíй зняли,
 И канрáléвъ посклыáли
 Конче бýти, тай иъ сей часъ!
 Въ тóмъ летйтъ штáбъ енерáльный,
 Въ середиñе Вождъ начáльный,
 Зъ боéвица въ прóстъ на наисъ!

И пытаются: „Що новóго?
 „За що въ сúдъ лóда мибóго?
 „Кто зъ иихъ и що пропиñильтъ?“
 А полковникъ — страхъ егадáти
 Иакъ начиè имъ пои́дáти,
 Ажъ кóждый зъ наисъ остоимéль!

Туть фелvébelъ пришилъ бóрту,
 И прбситъ ся до рапóрту,
 Кладé рóку на чолò:
 Всé цéкáвáи, що приносятъ,
 А онъ смéло все гоlбситъ,
 Такъ до крыхты такъ булò!

Въ рѣштѣ мѣнитъ: „Такъ зухвѣло

„Сѣрдце наше не жадало:

„Зъ мѣстца бѣю утечѣ:

„Але гиаль нась жаль роспѣки

„Що нема що взяты въ руки

„Абы братъмъ помочї

„Отъ! стоять тоты арматы

„Що удали ся намъ взяти,

„Осьде раны, весь наше блудъ!

„Мы послушани для старинни

„Отечества вѣрий сыны,

„Приимемъ вдѣчио прѣвыи судь!

Въ томъ присѣчиль къ намъ близено

И промѣнилъ лагбдиенъко

Кароль, Вождъ нашъ, Архикайзъ:

„Послушенство здобитъ збрюо,

„Покрѣплѣ сїлы въ бойо

„Заручавъ намъ звѣтъ!

„Слѣбысьте то въ инишой цѣли

„Въ такомъ разѣ училъ

„Стрѣгій судъ бы на васъ виаль;

„Але взаини на розвагу

„Вапшу вѣрибѣсть и бтиагу

„И той чинъ, що ся удали;

„Вертаемъ вамъ честь повинну,

„Отпускаемъ всю провинну:

„Славна вапша храбрѣсть будь!

„На наимятку топи хили,

„Гдѣсьте врагонъ побѣдилъ

„Крестъ оздобитъ вапшу грудь!

„Всѣхъ о стѣпень посувайо

„Надгороду прирѣкаю,

„А же сѣтникъ вапъ упаль;

„Сей фелвебель, що провадилъ
„Васъ до славы и не зрадилъ,
„Его мѣстце днесъ занялъ!“

„Вѣвать! Ирой нашъ най-жіе!
„Що карати, такъ умѣе
„Слава! Честь Му! Гурра! га!“
Такъ мы громко закричали,
Бо подъ Немъ лишь пѣвицѣ хвалы,
Всюда ишайсьмо на врага!

Ци праѣда? Не небыдїца!
Кажутъ, що сама Цариня
Вышивала хоруговъ,
Котрбю, по томъ страниномъ блю
Дополненну силу свою
Булію здобила знобъ!

Такъ ми Сава изъ Подгоря,
Старый воякъ, гдень вѣры,
Росповѣдалъ давни вѣсть:
Кто эзъ книжокъ болыше читавъ,
Або откисъ лучше знає
Най Вамъ лѣниче оповѣсть.

Анатонъ Л. Могильницкий.

149.

Сѣверно-восточна Оѣгороцина.

Подъ сѣверно-восточною Оѣгороциною розѣмѣкъ овдю часть тога аустрийскаго кореннаго краю, котрѣ лежитъ виѣтъ граніцъ почавши отъ Семиграда, Бѣковинъ, южнаго хребта Галицкѣхъ Карпатъ, по рѣкѣ Попрадъ и Замоша.

Поземелье той части Королевства Оугорья есть по большей части гористое, а почвиши вzdольже подножий северных Карпат покрывается отвѣтчию лѣсами тѣи стороны. — Межи рѣками заслѣгше Тиса на первенство. Она же склонисто-ники въ самомъ оугорѣ творимъ Карпатами и Гемигрѣдскими горами называемы Бѣлою и Чорною Тисою; и притомъ въ склонѣ южно-западномъ текенію изъ севера Бишовѣ, Мармарошь, Берганская, Рѣни, Талавори, Ягъ, Боржавѣ, Краси, Чародѣ, Латорицю, Оугрѣ изъ Терьею, Тѣрпїцею, Лютою, Лаборцю, Ондакою, Орликомъ и многого иныхъ мѣлкихъ потоками а завершивши сѧ на югѣ чеरезъ стѣны впадає въ Днѣпъ.

Преважнѣйшѣ множайшость жителейства той части становатъ Рѣни, по иныхъ слѣдствију Ромыни (Волохи), потомъ Мадари, Нѣмци, Словаки, Оромены и Жиды.

Рѣни заемаютъ неомаль цѣлии столицѣ (житѣльства) Мармарошкю, Бережскю, Оугорческю, Оужгордскю и Сатмарскю изъ северными сторонами Земленьскон и Шарашскон; находатъ сѧ такожъ въ великомъ числѣ въ столицахъ Спиjsкой, Яблонварской, Торнанской; по части въ Боршодской, Гемерской и Заклачской, но многии изъ тихъ Рѣниовъ бѣсѣдуютъ мѣстами по словаки — наконецъ въ Бѣгарской и въ Чонградской столицахъ находимы Рѣниовъ численно. Число всѣхъ Рѣниовъ въ Оугории выноситъ свышъ полъ мілліона.

Въ о旣ихъ столицахъ, въ котрихъ Рѣни становатъ меншость, тамъ Ромыни (Волохи) становатъ перевѣсъ, а то предвсѣмъ въ южныхъ

столицахъ и по надзѣ рѣкѣ Залмѣшѣ, котрѣхъ (весь овѣтѣючи хъ въ Семиградїѣ) приближитѣльно до 400,000 можж чїслити.

Мадѣри суть по всѣхъ вѣшии помѣщеныхъ столицахъ порозскіиоканіи и становѣати то вѣльшии то меншии чисто мадѣрскіи г҃рѣши.

Нѣмци житѣстивютъ по вѣльшии-части въ мѣстахъ и занимаютъ сѧ тортобаю и промысловианьемъ.

Словаки овѣтѣюти почавши отъ Понрадскон долинки въ западѣ.

Оромѣни нахѣдати сѧ въ Мармароши.

Жиды поселіли сѧ поѣбѣшиими часамъ въ знамѣніи количествѣ въ сѣверныхъ столицахъ.

Прѣдки икнѣшии хъ Оугоѣскіихъ Рѣспубликъ падѣжали до скіптра осенованого Ростиславомъ Веліко-Моравскаго Кнѧжества, и въ IX. ѿже столѣтию отъ Апостолік Славянѣ Кернѣла и Медѣда прѣймѣли Христіанство подлѣ обрѣда восточного Церкви. Коли же чеरезъ сѣлкии, отъ р. 890 — 907 продолжаяи сѧ ѿдѣры Мадѣрбѣкъ Веліко-Моравскѣ Кнѧжество сѧ рознѣло — переселіла сѧ велика частк житѣстка въ Карпатскіи горы, и переходяла въ скопищ одиоплеменникамъ, съ котрѣми отъ сего часа въ тѣснѣйшой склѣи подъ обирили именемъ „Рѣспубликѣ“ остакала. Значна одиакожъ частк не перешесткѣа Мадѣрбѣкъ подъ скопищ Кнѧзѣли рѣскимъ (Дѣка — Владѣка) Лаворцемъ при домушии вѣтрѣ — а ѿмножена Рѣспублики прѣдшиими подзибѣише сѧ Мадѣрами, потомъ по имена Рѣспублики поселішиими сѧ въ тїи стѣроны

подъ Царёми Ярлаковом именем: Индрееми I, и Коломаном, а подъ Ильиши зновъ подъ Геною IV. и Адрианом Клеманом, крѣпла сѧ въ вѣтринѣ скобѣи и изъ вѣтви. Племя рѣское вѣлавіло сѧ виже болѣше въ пѣрвѣй половинѣ XIV. столѣтїа, коли Князь Подольскій Федоръ Коріатовичъ лишнѣиъ свойхъ отцѣвскихъ земель прѣишолъ изъ Огурціи и подѣлилъ отъ Царя Альдонаика Белого домашніи Мѣкачевскіи и Маковицкіи а познѣши сѧ Князѣмъ Рѣскимъ, построилъ мѣбіо Церкви, позакладалъ и вѣновалъ мѣбіи монастыри, позаводилъ школы и сталъ сѧ земѣтникомъ и покровителемъ народного просвѣщенія.

Огурецкая Рѣка разпространилась сѧ виже болѣше на востокѣ въ концѣ XIV. столѣтїа, коли Галицкій Рѣсий пѣртніи брдами дѣнихъ Татаръ вѣли привѣждѣніи оѣ скобихъ сорѣтніи Огурецкихъ привѣжнѣа искати — они займили оѣстонѣй мѣстца лѣжи Карнатами и горѣшиною Тисою.

Земленѣсное положеніе сѣдѣлищъ Рѣсийскъ вѣло то найболѣшою изъ мѣгихъ причина томъ, чо они въ XV. и XVI. столѣтїахъ могли вѣти иѣмѣми лѣши сѣдѣками волнѣи пристрастныхъ Мадарескихъ Магнатахъ, котрѣи неомалъ всю южную и западную часть Огурціи чередъ везкоустаний войскѣ то сѧ Нѣмцами то сѧ Тѣркали въ Згарице и оѣстополицю обериѣли. Рѣсий найшовши въ недостѣнныхъ скобихъ лѣсахъ и горахъ природнѣю крѣпость, засѣкан сѧ въ тѣю — и лѣши сѧ сосѣднѣими градами соединили сѧ въ мѣрѣ скоби потрѣбы. Такожъ и религійнѣи прѣниа приверженцикъ Реформаціи Лютера и Кальвина не мали наймѣншого вплѣвѣ на Рѣсийскъ, котрѣи при-

лагибвши цѣлѣмъ сѣрдцемъ до праѣдѣнаго ского бѣра да восточнou Церкви жадною чеолоѣческою силою не дали сѧ отвѣстїѣ отъ скобего Богочестїѧ анѣ отъ скончихъ народныхъ звѣичаѣвъ и овѣичаѣвъ. Даремиши вѣли всѣ оуспѣлїѧ Запольи, Бочкала и Бѣтлены, хотѣвшихъ корѣнѣ Оугорцины на скобо головъ вложити, а наѣтъ хѣтростю ихъ сдѣланое подчиненіе Рѣсницкъ и Ромкѣнѣкъ (Болохѣвъ) поди влѣсть Тѣрѣцкou Порты, за котрои помочию дѣмали скобо цѣль осажибти, не потагибло иначъ вѣльше за скобою, иако, про Невѣрники везъ милосердїѧ вѣнерали чеरѣзи не дольши часу данъ отъ скончихъ подданыхъ рѣскихъ и ромкѣнскихъ; — во оужѣ д. 31. Жолтия р. 1687. прїймѣли Оугорскii Стани предложеніе Цѣсара Леопольда I, изглѣдомъ окролошенну Оугорцины за наслѣдственныи корѣніи країи Австріи. Орѣжіе Австрійское вѣперло польки Сѣлтаны мѣло помалѣ изъ предѣлокъ Оугорцины, освободилъ оугнетеныхъ отъ тѣжкого йга, положилъ гать везирѣю и сковѣльствѣ, привернѣло порадокъ къ цѣлобимъ краю и завеспѣчило кѣждомъ житељи законинѣ овороиѣ.

Про тѣснотѣ великихъ въ гористыхъ сторонахъ переселѣли сѧ миожанъ рѣскии родини р. 1749 въ отсы въ иѣнѣшию Сѣрвскѣ Венѣдикѣ, въ котрой числомъ 8,612 въ Бачской и Срѣмской столицахъ а именно въ сѣлахъ Керестѣрѣ и Кѣцѣрѣ мѣшкаютъ. Они, про до вѣронеповѣданїѧ, налѣжатъ до Спархїи Крижевской и мѣмо малобо числа скобего не слѣдли сѧ окрѣжаяющими ихъ народностми, по розличающи имъ скончиии совѣтѣнно познаки задѣрждаютъ вѣрио.

Ромкѣни (Болохи) суть похождѣнїѧ Романьскаго и И. оу же столѣтїѧ поди Траяномъ Імпера-

торомъ Римскому изъ Италии поселены въ Дакію и Панонію (Оуѓоріппіс) — а съмѣшавши сѧ въ продолженіи времене съ Славянами прійміли отъ тихъже многіи въ овражитїи ѿживаніи слова, котрыхъ до нынѣ въ бѣдѣ и письму бѣ потревбллють. Ихъ совершиеніе къ вѣрѣ Христіанской обраціеніе налѣжитъ около 940 года прійміти, отъ котрого то часъ онъ при обрадѣ восточномъ Церкви непоколебимо остало. Хотѣ онъ быти може и нынѣшии сѣдѣланія въ сѣверно восточныхъ сторонахъ не задолго заразъ по первомъ ихъ пришествіи залѣміли, то однакожъ стало сѧ тое числениѣ и значиѣи р. 1285 подъ Царемъ Ладиславомъ Камяномъ, коли Татары по разу вѣркій въ Оуѓоріппіс сѧ вдѣли. Сей Царь привѣкши Романовъ на Восточъ въ Державѣ Імператора Андроника поселеныиихъ сѧ, повѣдѣлъ за нихъ помочію напастыниихъ Татаръ, а прогналии тихъ послѣдніиихъ изъ предѣловъ своихъ земель, опредѣлілъ приспѣвшимъ емъ къ помочи Романамъ (Болохамъ) жилища въ столицахъ Берегской, Оугорской и Мармарорѣской, изъ котрыхъ вѣроѣтию онъ далъше на западъ и югъ сѧ розширили. Въ слѣдствіе безпрерѣкіиныхъ непоколебимъ отъ иноzemенниковъ вѣйшла болѣша изъ нихъ честь подъ начальствомъ Богдана изъ Берегской столицѣ въ Молдавію и въ нынѣшию Бѣковинѣ — прѣчи же Романы топи столицѣ слѣдли сѧ съ Рѣчинами.

Романы въ прѣчезъ хотѣ вліїшии вѣли злопамятныхъ побоевицъ, на котрыхъ чрезъ два неомалъ столѣтїя широкий стрѣльѣ крови сѧ проливали, старали сѧ однакожъ зостати вѣсторѣкіими и лишь въ оборонѣ своихъ правъ

сілько виступали — а находячі достаточні по-
твхі в своєму відроєнні від арабів не дали ся бти
того жадицьми феодалами Реворматорами бтиесті.

Мадарі (Огірі), котріх отечество ві-
роатно єсть пінгвіна країна Казань від Азії,
захватеній волами проходачих пародів, оп-
стіли свої сідівниці и йако кочюючі пароди че-
резі добрій часу луцилли тіже. Переди пришест-
віему від Наполеона (пінгвінів Огірів) мешкали
они три послідовні століття (бти р. 940) межи Славянам-
и зокоміжами Хазарами, окіло пінгвінів Молдав-
ії; по звідки Пасініцтвами вінчертії, пота-
нили від Балакію и Бессарбію, а та знову тиму
самими пародами підзвіїши тиснені кергелі ся
на Наполеона и підвіли тбо двома бтрядами, із
котріх одінк підк відждому Ариадому через
Семигради и краї наадніїскії, а другий підк
Албаному через Хробацю (Галіцію) и краї рес-
кій Оужскій від предіваки Огірівши прийшли. Не
долго стояло Беліко-Моравське Княжество, по
буже р. 980 через фударки пришілців ветрасло
са тое віківдих підвалінаж и стало ся их
здовбичею. Цастліїї війни ся соседами Дер-
жавами сіце віддаче футіврділи фронту Мадар-
ів, котрі залишивші своє кочюче житкі мі-
сто помалі приносячи сопів звичаї и онічай-
тих, которіх стали ся владітелками. Світло
Христіанства прогнано ткмъ тяготачи на их
бумі, а також звідракскій дічин стало ся по
не доброму часу земледільческий пароди. Нервс
сімла Христіанства керженю по межи той пароди
р. 940, коли они провінцію межи Хазарами ста-
ли ся союзниками ся Цариградому, где их дія-

вождь Бѣлъ и Дѣлъ дали сѧ окрестыи и сѧ
сокію Епіскопа Іерофѣя сѧ миѳули греческии
свѧтѣшикамъ дла проповѣдѧша вѣры Христоѹ
междѹ сбѹми соплеменникамъ привелъ. Годкаша вије
часть Мадарѣвъ линїя сѧ поганкетка пришедши
въ Оѣгбрѣши, въ котрой оѣжѣ Ромыиовъ, Рѣшиовъ,
Словаковъ и Болгаръ сѧ 7 Епіскопствами застали.
Численїйшое залишение поганкетка послѣдовало
подъ Оѣгбрѣскии Евекоѹдою Гѣйзою, котрый оже-
нивши сѧ сѧ Христіанкою Шаролтою, дочерию Семи-
градского Евекоѹ Дію, склонилъ сѧ къ привѣ-
тию Христіанства и постыдилъ сбѹмъ примириючи
миѳули къ послѣдованию емѹ. — Наконецъ подъ
сѣномъ его Еойкомъ, въ сватомъ креїнїи наз-
ванимъ Стефаномъ послѣдовало совершиеніе
обращенїе Мадарѣвъ къ вѣрѣ Христоѹ. Еси
Мадары вѣроѧтию исповѣдали въ начала вѣра
Христоѹ по бѣрадѣ восточномъ Церкви и ажъ за
посѣтемъ смириши Стефана, Гизелль, Бавар-
скон Кнагинѣ, пришедши сѧ нѣю пѣмѣцкии и чеш-
скїи свѧтѣшики розширили мѣло по мѣлѣ обрѣдъ
западнои Церкви такъ, что кеѣ неомалъ Мадары
т旣же обрѣдъ прѣѣли. Стефанъ и бѣчредиихъ миѳу-
гии тѣгожъ бѣрада Епіскопствиа и вѣновалъ тиже
прѣдро, по при тѣму не позабылъ и на остѣа-
шихъ сѧ при дрѣвнѣйшомъ бѣрадѣ восточномъ
Церкви, котрый мѣши оѣжѣ давнѣйше сбѹхъ
Епіскоповъ, подъ тиаумъ Царемъ вѣно дла миѳу-
жихъ монастѣрѣи и церкви поставили.

Ок Аидреемъ III. вѣгаса (р. 1301) родъ
Королѣвъ Оѣгбрѣскихъ племене Ариадока (Аллѣс-
совъ), изъ котрого мѣла Оѣгбрѣши 24 благо-
родныхъ, а гдѣкотрѣхъ изъ нихъ преславихъ

Королѣвъ. Корѣна Оұгбѣрїшины прїйшлѣ за посрѣд-
нічествомъ Римѣ до Домѣ Индегавскаго зъ
Неаполю; а позднѣйше оставали Мадѣри при
правѣ обирана скончкъ Королѣвъ и давали корѣнѣ
Оұгбѣрїшины, котора властіво спадала въ наслѣ-
дїе Австріи, то Польши, то Мадїо, скончи Гѣ-
ннѣда, то знову родинѣ Игайлоби. — По
смерти Людвіка I., послѣднаго Игайлоби (р.
1526 погибъ подъ Могачомъ противъ Тѣркамъ)
поднесли сѧ сильно разлічнїи сторонніцтва въ
краю и розгорѣла ожаснала война межи Нѣмѣц-
кимъ Царѣмъ и могучими родинами Запольї, Вен-
еселіихъ, Текеліихъ и йнкихъ. Кромѣ тогожъ и
Тѣрки подчайни владѣнїе въ Оұгбѣрїшиже-
стокъ тобе исполнѣли. Ехъ тоже самое время на-
чали такожъ и присерженици Рєформациї Ліотра и
Калвіна скончъ пакъ пакъ ширити, и пайшовши
межи Мадѣрами, Нѣмѣцами и Італіанцами ве-
лїке соѣднѣе, доинскали сѧ неслыханыхъ безче-
ловѣчий. Всѣми несгодамъ и ожесточдамъ поло-
жила конецъ цастика отмена въ Оұгбѣрїшиже
подъ Царѣмъ Леопольдомъ I., на котрого предло-
женїе, якъ вишше ожѣ скажано, Оұгбѣрїши Станы
овголосили дробъ Оұгбѣрїшины за наслѣдственныи
въ Нѣмѣцко-Австрійскому мѣжествѣдливому а
поколѣнию а
поколѣнию тогожъ въ Нѣмѣцко-Австрійскому.
При концѣ р. 1687. корѣнѣовано пайетаршаго цѣ-
сарскаго Принца Іосифа I., и овголосено яко
пѣркшаго наслѣдственаго Королѧ Оұгбѣрїшины.
Безїка часткъ Магната, яко отечестволюбивыхъ
скончали сѧ сѧ мѣжествѣнными сілами
Австрійскаго войска, котрѣ подъ скончкъ преслав-
ными вождомъ Принцомъ Егეніемъ Савадскимъ

пôдъ Зéнтою (р. 1697) и Петроварадíномъ (р. 1716) побѣдило и прогнало изъ краѧ Тѣркбвъ, тихъ то нечасытиыхъ пїакбокъ Оўгбriцины, котрѣ отъ тога часъ пôдъ правительственnoю влâстю въ вслѣдъ бтношений йакъи сѧ бtродилъ.

Иможайшбсть жительства сѣверно-восточнoи Оўгбriцины есть кафоліческого вѣронсповѣданія по бврадѣ восточнoи Церкви; а йменію Рѣшии суть пôдъ З. Епископами: Мѣкачевскими, Прѣшвскими и Беліко-Варадскими; пôдъ двома послѣдними есть такожъ и Романіи, котрыхъ однакожъ преважнѣйша часть находитъ сѧ пôдъ Беліко-Варадскими. Прочіи сеи части Романіи не есть соединеными съ западнoи Церквою. Мадѣри, Словаки, йакъ и Нѣмцѣ въ тихъ сторонахъ ожитаютъ суть по части Кафоликамъ по бврадѣ латинскому, по части Протестантамъ Аугсбургского и Гельвецкого вѣронсповѣданія.

Юношество всѣхъ парбдностей мѣе спбльнii вѣшии бѣчнцира, а бпричъ тога и свой влâснii искалоично кафоліческии аво искалоично протестантскii приходскii школы, йакъ и искателѣ стаи8 дѣхбнного свой сѣменица.

Мадѣри передъ колъкомъ еїрѣ десаткамъ лѣтъ не мали скони совѣтвенной лѣтератбрь, — Латинцина йакъ въ церкви такъ и въ школѣ и оѣрѣдѣ вѣла неомаль одиоклиж срѣдсткамъ сооприаня сѧ. Парбдный ихъ язкіи вѣлъ ограничненій лишь на непросвѣренѣ вѣрствъ парбда. Издѣвники однакожъ часами провѣдѣли сѧ и въ тихъ дѣхъ парбдный, а при великихъ ихъ вѣщественіяхъ срѣдствахъ стало просвѣреніе и оѣнъ ихъ на парбдинѣмъ пѣти сильно розвивати сѧ.

Но и прóчии народности тóгото краю, именем
Рéсни и Словаки иакъ и Ромкии, не остаются на
зáдъ, и, по еликъ имъ ихъ дхóбий и кециествéн-
нii сíлky вистарчáютъ, оживляютъ мéжи собóю
народно-дхóбое житíе и просвéщéие, къ чóмъ
стремити основание р. 1850 „рéское литеаратурное
заведение Прáшовское“ за пайголовицейши зада-
чъ мае.

Землемéдльство, промыслéнность и торговка
— въ той части краю стоятъ необыкновенно
наромъ степени иакъ из Галиции.

B. K.

150.

Смерть на Прáздник8.

Ктось, такъ бы зналь ся, что намъ по тóму,
Уэртель въ самъ прáздникъ смéрть въ свóемъ дому;
Иакъ припадаю, просяль съдати —
Не съла; а бы: ступай ми зъ хáты!
Мéсто нашибу, тай мéсто стрáвы,
Кидáль бы въ очи лихй вї спрáвы.
Тай здѣляль чудо: смéрть ся змѣшиала,
И якъ могла, такъ ся извилила:
Господинъ въ дому добráвии злости
Завзяль ся стéти струи хлй кости,
Тай якъ то въ прáздникъ давно бывало,
Взяль смéрть носить, що сíлы стáло.—
Хватилю ю въ руки якъ мотовило,
Ажь въ головахъ ся всéмъ закрутило;
То въ задъ то въ перéдъ яль смéрть крутити,
Нѣ вї дыхнути, нѣ то спочити;
Тай не лишиль ся плохого дѣла,
Ажь си засаилю, а смéрть умѣла! —
По такой гульцѣ аиѣ му въ гáдцѣ,
Що гостѣ зъ тиха шéпчутъ си въ кратцѣ:

Же не краснò такъ гостёмъ крутити!
 Ще кáже смéрти въ грúди ся бýти;
 Тай дивѣтъ, въ веѣмъ ся повиновáла
 Хоть женà, мўжемъ зъ страху ся звáда!
 За такè дѣло честь му та слáва!
 Лише чи цíра смéрти попráва?
 Кто знáє, мбже лёда годíна
 Выведе въ пóле смéрть Господíна!

Лукà зъ Рáкова.

151.

Красотà Еерхóвины.

Ахъ ѿкоже то краснò, ѿкоже то напокýдно въ
 нашðй Еерхóвиц! Не вкíпевъск, не вкíпешек,
 хóть въскъ горорíлъ величáвымъ шáломъ мóрдъ,
 шéпталъ малгáйми грëдкмъ лéгота, леведéлъ пре-
 ветáми соловéя, писáлъ всéмъ краскáми скéта.
 Кsдà óкомъ веरжéшк, всéода непаглáдна рáдость,
 неовмежýма величинà! — Дивъ сж! тамъ по прá-
 вой рðцъ широкий лéгр, а въ кóло нéго поднепéс-
 ний стéни, а въ кóло стéни тычъ кшкáми лé-
 сочкъ, въ кóло лéсочкóвъ ходбvка, а кóло ходбvки
 сопéлка. Но лéзъ гne сж срëвérнаа рéчка, въ рéчи-
 цъ истрëжóки сковóдно гвлáе, а по падъ рéчкó
 шолкóвн цвéты, помéжъ цвéткáми дфтина. Я
 дáлвй хáтка на малбмъ веरжéкъ, а въ кóло хáтки
 висóкъ ѿлýцъ, а на ѿлýци гóлëвка. Я все кесéле,
 все лáдне, все лéгke, всéода житиё вїё пóлиами
 жíлами, китýти, гвлáе рáдостио, сковóдно, ѿкъ
 въ пòрх живà водíчка. Я если совé не вдáчишкъ
 тхðà óко пáсти, то глáнь на лéко. Тs глáвóка дé-
 бра, чориáа веziдна, въ ней дрëмлáтъ лáры
 отъ початкъ скéта; тамъ съмъ розложилъ чóрию

колывъ, и по первовѣчныхъ лѣсовыихъ конарахъ розвѣшилъ дѣмы. Тѣ птички мѣлѣ не зазвонитъ пѣсни, тѣска сопѣлка воздѣхъ не провѣдитъ; хиба лишь вѣра завѣе стогнами, та вѣрь квадратный заревѣ надъ жиромъ. Но виѣть надъ тѣми вездѣнными смигами, взноситъ сѧ новыи свѣты. Вершокъ надъ вершкомъ, гора надъ горою пнѣ сѧ, врыває до нѣва. Чоломъ въ везмѣжномъ мори на воздѣхъ, стопою въ везодии розвалыца земныхъ, стояти о колыко око сагиѣти козможе, чимъ разъ въ спѣйшой мрѣцѣ свѣта, вѣлити земли. Единъ вѣшний надъ дрѣгого, единъ спасшій надъ дрѣгого. Я же въ золотѣ, сѧ несѣльмухъ икъ нѣбо лицѣмухъ. Часами иѣвы призадѣмлютъ сѧ и срѣвѣрии хмарки овалажутъ имъ чоло, тогдѣже не надѣйсѧ, ани и сонце рознеселалло свѣти скопимъ лѣчикомъ, и онѣ закрѣе сѧ хмарами. Часами зашѣмлѣти страшио, загдѣлти иѣсь разорена и громами розговѣратъ сѧ сѧ себою; а оужасъ прiplаже все, що живое, птичка ховаве сѧ въ гиѣздѣ оукрите, медвѣдѣ за гѣдрѣ пытаве. Часами знови розсмѣѣ сѧ сѧ піми природѣ; коздѣхъ икъ медомъ розлїє сѧ межъ піми, и іакаѣ радость, іакаѣ незнаніа веселость оударитъ по всѣхъ ти жилахъ. И ширше станешъ грѣдѣмѣ отдыхати и спорше зачинѣ вѣти сѣрденько, іенѣйше влкисиѣти зѣници. Я икъ вциѣ станешъ на пайвѣшиблъ вѣрхъ, и глѣнешъ въ около на тѣи красоты, и змѣришъ окомъ везодию при тобѣ, а надъ тобою везмѣжностій море, тогдѣже взнесе сѧ дѣша твоѣ къ горѣ, икъ оныи вѣлитъ, що сѧ на иѣму стогнами, и иѣвы тѣломъ влїзшій нѣвѣ, чоломъ оударишъ предъ престоломъ тѣго, що

гóры и бóры, и зéмлю и мóре, и всю беzméж-
нóсть держíтъ въ свóей долóни. — Ахъ йкакже то
красно, йакъ наповíдно, йакъ величáво въ нашой
Берхóвнї!

Н., Устїянович.

152.

Графъ на Гауссбрг8.

Бадліда — изъ Шиллера.

Въ Царской столици, въ мѣстѣ Акнисграинѣ
Престолъ Монарховъ Графъ Рудольфъ засѣлъ,
И тамъ въ свѣтлаци честной — стародавной
Гучно день своего вѣничанія чтіль:
Розносіль стравы Рена Палатинъ,
Чехъ лійль доборныхъ по достаткомъ вайнъ;
А Електбры: седмъ въ цѣлномъ числѣ
Йакъ коло солнца юсній звѣздъ окружи
Ставши готовъ Царю до услуги,
Урядъ свої честный исполніли всѣ!

Подсѣнь окружна, польна юкъ набита, —
Гостей охочихъ наполняль ю ликъ:
Радостній гѣсни, — и „мибгая лѣта!“
Мѣшали си гучно съ хорами музикъ;
Бо по укончено безцарствіи звадъ
Засѣлъ єже міръ и пожаданій ладъ;
Судїя же зломъ скрѣпленои власти,
И словомъ прауды на землѣ владѣль,
А охорону отъ гордыихъ напасти
Слабшій и тихій довольну имѣль!

Тогда поднесши золотый пугарь,
Съ лицемъ веселымъ такъ промовилъ Царь:
„Красный сей праздникъ и учта премила,
Чувствомъ утѣхи сердце наполнила,

Но ѿщемъ пѣвца ѡкомъ не дозрѣлъ,
Щобъ грудь струєю небесъ напоилъ,
На крилахъ пѣсни подиѣль мя до раю!
Бо щомъ зъ дѣтійныхъ лѣтъ ище полюбілъ,
Чимъ скрѣнъ рыцарску при уткахъ здобилъ,
Того въ царской днесь палатѣ желаю!“

Тутъ! межи князей всесвѣтлый совѣтъ
Выступиши пѣвецъ въ новажной сукманѣ,
Сивый іакъ голубъ, — зъ числѣ многихъ лѣтъ,
Но ѿщѣ съ силою молодці въ орханѣ. —
„Знаю, ишо въ струнахъ звукъ солѣдкій спитъ
Пѣвецъ утѣхи — и любоющи чтятъ,
И выхвалие, — ишо красне и гоине;
Що сѣрдце прағне, чогдѣ умъ желаетъ;
Но наї твой пѣсни шайиѣ отгадае,
Що въ день вѣничанія, Царѣ есть достойне?“

„Но, — и кто же пѣвцю пѣти повелѣтъ?“
Рече Царь ўсты побѣдами веселъ, —
„Пѣвцемъ, Нашъ бѣлыциѣ отъ мене рядитъ:
Несподѣвана вотхновеній хвіля!
Бо іакъ не знаемъ, изъ отки си взіль
Вихоръ, ишо тихій прадухъ зволновалъ,
Отки водъ ибры въ глубинахъ новстали,
Такъ вѣтія пѣсни зъ виутрь походить вся,
Чувствія сонній будитъ до житій,
Що досы въ сѣрдцю непонятно спали!“

А пѣвецъ взівши солѣдкій ручай,
Зачалъ звукъ пѣсни съ струнами мѣшиати:
„Зъ дворія на ловы ёхалъ рыцарь въ гай,
Щобы пивидкои дичини достати;
За нимъ иѣсть хлонакъ сайдакъ иблій стрѣль;
А скоро быстрымъ коникомъ вступайлъ
На замаеній цвѣтомъ оболонѣ:
Глость звонка ся о слухъ му отбилъ.

Съ тѣломъ Христовымъ іеряя срѣтіль,
Церковникъ прѣдомъ сиѣчу иѣсь въ долбни.”“

„А граffъ низбѣко къ землї ся схиліль,
Склоніль покорно голову открыту,
Щобъ праюю вѣрою достойно почтіль
Тоgo, що справиль спасеніе сиѣту!
Но погдѣкъ быстрый, що тѣкъ середъ нивъ,
Зъ береговъ вѣлиль отъ вчерайніихъ зливъ,
И подорожнимъ клалъ велики тамы;
Но іерей Тайны сложивъ на облобъ,
Зачалъ обувье иззувати зъ ногъ,
Щобъ перебрысти босыми стопами!”“

„Що хочь чинити?” граffъ му на сопрѣть;
А бить зъумѣлый такъ му повѣдаe:
„Спѣшу до мuja, що хорый лежитъ,
Дуній посилку усѣрдно жадаe;
Але пріишовши надъ потока бродъ
Где була кладка, лѣдво вікю слѣдъ,
Съ пободи волною мусла поплысти,
Но щобимъ єщѣ спасенія часть
Зашвесь slabому, нѣмъ духа бѣдѣсть,
Спѣшу чимъ борше босо перебрысти.”“

„Тужъ граffъ всадилъ го на свого коня,
Подавши въ руки златистй зубила,
Щобъ иѣсь slabому хлѣбъ спасенія,
Дови способна хвия не упала;
А саmъ на служки коника усѣяль
И хутко далъ на лобы займіль.
Іерей щастливо дополниши ходу
Тихо, смиренъко, лишь свѣтъ зазорѣль
Краснѣ съ подакою за таку выгбду,
Графови назадъ коника привѣль.”“

„А сохрань Боже! какъже бы я смѣль?”“
Рече му Рыцарь покорными словы;

„Конѧ, що Твóрца мóго ўжè носíлъ,
Знбвъ сёдлати на бóѣ и на лóвы!
Слы на свóй хосéнъ не вóзьмешъ го Ты,
То го услúгамъ Цéркви посвятї!

Бо я тóму го въ жéртву отступаю
Отъ Котрбого слáву и добро все,
Дóшу и тéло, — и самó житьё
Въ незаслужéной даровýзнѣ маю!“

„Нáйже Вáмъ Гóсподь стóкроть заплатитъ!
Той, що нембщныхъ молýтвы прíимáе,
Такъ Вáсъ въ сéмъ житю и въ будúщомъ чтýть,
ІАкú честь нынѣ отъ Васъ отбиráе!
Кóждый Вáнъ краáсныи и рыцарскii чинъ,
Голосныи свéту, зъ Швайцáрскихъ краинъ;
Шéсть дочóкъ гóжихъ, такъ цвéты веснáйи,
Найже имъ краáсна будéе доля всéмъ,
И процвéтаютъ въ сóтие поколéниe!
Най цáрскихъ вéнциéвъ шéсть внесутъ Вамъ въ
домъ!“

Царь ся на тóе задумалъ глубоко
Спóинуаъ на слúчай проминuвшихъ лéть;
И поглянуши пéвциу ближне въ óко
Ôтгадáлъ заразъ, що та пéснь значитъ:
Бо зъ лицí ўзрéвши, що той сámъ Йерéй
Въ радостномъ бцѣ слезъ ряснéицкíй здрой,
Закрылъ полáми багрýони шáты;
Всѣ поглянули на лицé Царя,
А въ Нéмъ познáвиши тóго рыцаря
Зачали прóмыслъ Бóжий величáти!

* * *

Вéнцого пéвци натхнéні словá
Шéсте столéтіе слáвио дополниá.
Бо вéнцемъ Цáрскимъ стройна голова
Ужè въ поколéнию десятомъ сíяе:

Гáбсбургъ, той сóколъ, пôдъ сóнце ся взбýлъ,
И мнóгй рôды обнýлъ тýнью крýлъ;
А въ лютой бýри, въ волнованю стрóгомъ,
Екъ серéдъ мбря крýпость зъ твердыхъ скálъ
Неоскорблéный въ побéдѣ стоялъ,
Дóки, такъ Рудольфъ, поступае съ Бóгомъ!
Ужé устà пýвциа пýсть сóтъ лýтъ молчáтъ,
Котрý прорóчимъ дúхомъ пýсни спéвáли,
А цéлый впè стóйтъ союзъ свýтъ,
Хóть лóтъ вóдны на него вставали;
А сми жéзль прáвды, щíрость съ любвю
И надáлъ свýже Нарóды съ соббю;
Незадавищéй правá зъ рúкъ прирóды
Удéлитъ щíро, такъ дýтемъ Отéцъ
И въплетe въ чéстныи Прáдъдóвъ пýнечъ
Цвéткъ свýжéнькъ розúмнои свободы:
Тогды най бýри въ крýгъ скалы внийтъ,
Пýна розырсне, — скалà цéлà бýде!
Бо Ирестóлъ люббь людóвъ укрýпítъ
А найсильнейша крýпость, — вýринй грýди!

Антонъ Л. Могильницкий.

153.

Псаломъ СIII.

Благослови душé мой Гóспода.

Іегóва, Бóже мóй, колíка слáва, колíкое
Белíчество окрýжáе Тéбè! Ты обléекъ са скé-
томъ; яко одéжею.

Ты распróстéръ есъ нéво, яко шатрò; Ты
покрылъ есъ чéртóги Твой кодóю. Ты восходиши
на облаки, яко на колесницë и носиши са на
крилахъ вéтрóв. Бóръ идётъ перéдъ Тобóю а
пóломчи в огненнии спроводжáютъ Тéбè.

Ты основа́лъесь к ѿлю землию на ней самой, и вѣгты ей не поколевлатъ сѧ. Ты покрылъ есь ѹ мѣрѣмъ, яко свѣтою.

Больны шѣмѣли надъ горами. Ты есь пагровъялъ имъ, а онъ овериѣли сѧ назадъ вънизши, оѣбоѣвиши сѧ грѣма голосъ Твоего. Гѣры возвѣшишалоутъ сѧ; долины спаскаютъ сѧ на мѣсто призначеное имъ Тобію. Иъкбли вѣлыше не овериѣти сѧ вѣды покрыти землю; Ты положиаъ есь предѣлъ, котороого онъ не перестанатъ.

Ты есь сопронождайший источники въ долинѣ; ихъ вѣды проходяты скрѣзъ горы. Польши звѣрѣ приходяты тѣда пти и вѣлкилюди ждѣтамъ, авѣ оѣтолити жаждѣ свої. На ихъ верегахъ сѣдяты птицы певеси и сиѣвакоутъ въ зелени. Вершины горъ напаляешъ блаками. Всѧ земля наскичена Твою благодатию стае сѧ падорѣдио.

Ты повѣлѣвашъ росту травѣ на коры и скотѣвъ, и росли нали, изъ которыхъ произходиша хлѣбъ потрѣвній до житѣ чоловѣковъ и вѣдо роввеселючое сѣрдце егѡ и олѣй роспространяющій радость по чолѣ егѡ. Наскиченіи стоять дѣрева гаю, кѣдри либанскіи пасадженыи рѣкою Твою. На нихъ гнѣздятся сѧ птицы; на высокихъ бѣлѣцахъ обитаетъ родъ чапакъ; сѣрины маютъ привѣжніе свое на склахъ, крѣники въ каменихъ цемпінахъ.

Онъ сотвориша лѣнъ для раздѣленія времена и солнце знающе цѣль течения скобего; Онъ возводитъ темнотъ и выкаке ибчи. Тогда звѣрѣ дѣврѣвніи выходитъ на полье; молодыи лѣвъ рычатъ за добѣчею и просаутъ поживѣна отъ

Бóга. Но скóро сóлнце засéлье, онíй оûжé совраний лежáтъ въ скоицкъ легóвискахъ. Тогда въхóдитъ человéкъ до дéла скóго ажъ до вéчера. Гóсподи, икъ же то преоксчóдни естъ дéла Твой! Ты веъ рéчи оûстроилъ еск съ везконéчию премáдростью. Всѧ землѧ переполнéна есть влагодéльцами Твойми.

Не измéримое мóре кинятъ мибжествомъ живóтенъ малыхъ и вóлкшихъ.. Тамъ плаиваютъ корабли, тамъ дýкы овиптáютъ и играютъ съ колиами.

Есъ оûпокáютъ на Тéве, а Ты даёшь имъ кóрмъ въ тóе врéмѧ, коли потреbютъ. Ты даёшь, онíй сопирáютъ са; Ты простираешъ рðкъ Твою: онíй веъ наполилъ са влагословéниѧ.

Отвéрнешъ ли лицé Твоё: онíй оûстрагашáютъ са, откимéшь ли имъ дыхáниѧ: онíй изчезáютъ и овертáютъ са зиовъ въ поróхъ. Даёшь ли имъ зиовъ дыхáниѧ Твоё: онíй ожидаютъ са и лицé землѧ овиовладе са.

Въ вéки наý въдде влагословéнио имѧ Іегóвъ! Онъ сáмъ наý рáдъ са о сотворéниихъ скоицкъ. Онъ, отъ котóрого взбрѣ землѧ содрогáе са, отъ котóрого дотиковéниѧ горы дýмомъ конотатъ. Чéрезъ вею жýзнь мою спéвати въдъ Іегóвъ, хвалити Бóга мóего, дóки живъ. О въдъ Емъ оûгóдною вéсéдо моѧ! Онъ одиныхъ есть моѧ рáдость, онъ одиныхъ есть мое прaсткe. Пропáдкте съ шéмомъ веъ оскорвлючии Егò и загибкте; тýже дыше моѧ, влагослови Гóспода!

B. Вóляни.

С о д е р ж а н ю .

Число		Сторона.
1.	Правило житѧ. — <i>Васи́лій Ковáльскій</i>	3
2.	Добра м áти (подл а Гевла). — <i>В. К.</i>	—
3.	Пчолки и ихъ м áти. — <i>Чарнианъ Маковицкій</i>	7
4.	Байки Лессинга:	
	I. Доброд ътельства — <i>В. К.</i>	8
	II. Левъ и з áца. "	—
	III. Конь и в ýка. "	9
	IV. Орелъ и г ъска. "	—
	V. Волкъ и б ч áрка. "	—
	VI. Хлопчина и г áдина "	10
	VII. Лисъ "	11
5.	Ика стрáва, така запл áта. — <i>В. К.</i>	—
6.	З áгадка. — <i>А. Духн óвичъ</i>	13
7.	Байки. — <i>IA. Балагура:</i>	
	I. Ракъ и корона "	—
	II. Волкъ и тел áта "	14
	III. Пчола "	—
	IV. Жм ъль и пчола "	15
8.	Овца и Газда (Байка). — <i>Лук á въ Ракова</i>	—
9.	Припов ъдка народна "	16
10.	Ипоньска родина (Изъ Цимермана). — <i>В. К.</i>	—
11.	Пр áпоръ. — <i>В. К.</i>	18
12.	Два сп ъваки. — <i>В. Зборовскій</i>	19
13.	Лисъ и когтъ. (Байка). — <i>В. К.</i>	20
14.	Пов ъжденые слы. — <i>В. В олянъ</i>	21
15.	Сп оръ зв ър ъвъ о первенство (подл а Лес- синга). — <i>В. К.</i>	22
16.	Молодый з áца. — <i>В. К.</i>	24
17.	Левъ. — <i>В. В олянъ</i>	25
18.	Найденый ослы. — <i>В. К.</i>	27

Число		Страница.
19.	Самохвáльство. — В. К.	27
20.	Гóрдам гбска.	28
21.	Срéдство против смерти. — В. К.	—
22.	Кréчкий чоловéкъ.	29
23.	Бóлг и оселъ. (Бáйка).	—
24.	Штбчка. — В. К.	30
25.	Ли́ова днíна. — И. Наумóвичъ	31
26.	Богъ знае, чимъ чоловéка карáти мáе. — Мих. Тимáкъ	32
27.	Беснóвка. — М. Р. Шашкéвичъ	36
28.	Деренцé. (Бáйка). — Вас. Зборóвский	—
29.	Молодкý Бжасóвичъ. — В. К.	38
30.	Зáгадка. — А. Духиóвичъ	39
31.	Ивáсь въ цластю (подлa Гrýмла). — В. К.	40
32.	Кóминz и ворóна (Бáйка). — Лукá зъ Ráкова	47
33.	Хóдз до пíсаной кирнíцѣ. (Оўрыковы). — И. Устíяновичъ	—
34.	Надгрóбникъ сварлýвой жené. — М. Коза- нóвичъ	49
35.	Старкý песz (подлa Гrýмла). — В. К.	—
36.	Знаменà погóды. — Неремышлянийъ	51
37.	Цкéткý до вéнка чéсти и вратнéи люб- вé. — В. К.	57
38.	Слонz. — В. Вóлянъ	58
39.	Пóтёки, ставz, соньце. — Лукá зъ Ráкова	63
40.	Казка: „Такz свéткъ платýтъ.“ — Неремыш- лянийъ	64
41.	Що есть лбчшe? — И. Гушалéвичъ	69
42.	Приyча о йáлоцѣ. — Вéстникъ	70
43.	Сkitáлецz. — В. К.	72
44.	Два токаришé. — И. Устíяновичъ	—
45.	Крецéнкé Болодимýра Беlíкого и Кíевлánz. — Анш. Добрáньскíй	76
46.	Сíла дбха чоловéческого. — И. Гушалéвичъ	80
47.	Малé и велике. — В. К.	81
48.	Свéткъ надзéмныЙ. — М. Малинóвский	82

Число		Стропола.
49.	Образъ смéрти. — Г. Вóлянъ	85
50.	Кто достойнъ? — Лука зъ Рáкова	86
51.	Па́бки (изъ Гéблa). — В. К.	87
52.	Китиця розноцеўта. — Новины, — И. Гу- шалéвичъ. — В. К.	89
53.	Зéрина для родíшши пýвки. — В. Зборóвский	90
54.	Пóвѣстка изъ Яблa Гéллія. — В. К.	92
55.	Бандэристъ. — Маркіянъ Р. Шашкéвичъ	93
56.	Человéколібe. — В. К.	95
57.	„Коли въдà ёстъ найбольша Быкае по́мочь найвли́жша:“ I. Мáрку Іерeлій. — В. К.	96
	II. Ове́дчие мъста Ниенбюри. — В. К.	97
58.	Корабель коéниций. — В. К.	98
59.	Лéгко прїишлò, лéгко и пойшлò. (Казка). — Влад. Даљ	—
60.	Мáти и дѣти. — Чарніянъ Маковицкий	104
61.	Песн зъ горы Св. Бернарда (подлa Ка- кернагла). — В. К.	105
62.	Пригóда въ лѣсѣ. — Марк. Р. Шашкéвичъ	107
63.	Рѣчика. — ІА. Головацкий	110
64.	Ошивка въ розчетѣ. — В. Вóлянъ	111
65.	Добра рецéнта. — В. К.	112
66.	О благодáрности. — В. Вóлянъ	114
67.	Држеска гостъба. — В. К.	116
68.	Зáгадка. — А. Духновичъ	117
69.	О звéздахъ. — М. Малиновский	—
70.	Богъ надѣл! — В. К.	123
71.	Рóдство и слѣжва (Казка). — Влад. Даљ. —	—
72.	Любовь дѣтii къ матерi. — Чарніянъ Ма- ковицкий	131
73.	Пештињскii валкiiй торгъ (шрмарокъ). (подлa Кóлл). — В. К.	132
74.	Зáгадка. — А. Духновичъ	154
75.	О солици. — М. Малиновский	155
76.	Могсéй Пéнделсонъ. — В. К.	156

Число		Страница.
77.	Подорожник.	158
78.	Проценте овідь.	160
79.	Ластовка и коровець.	161
80.	Дріхва (из Фогла).	—
81.	Бєрлакъ.	163
82.	Когти (из Ленца).	165
83.	Пчола и мотыль.	168
84.	Оу тёве самого есть ской розумъ	—
	<i>IA. Головацкий</i>	169
85.	Хмароломъ.	171
86.	Смерть.	178
87.	Ікона Геровский (Сказка посмертия). — Зоря галицка	—
88.	О Беневіи или Збраници.	183
89.	Мідрий сідїл.	184
90.	Котъ сиѣли четвѣри волы.	185
91.	Отказъ	189
92.	Калінъ.	194
93.	Заводы си волками.	195
94.	Мідрий вики.	201
95.	Солицтвное взглаждомъ терпимости.	—
	<i>B. К.</i>	—
96.	Лірникъ и волкъ (под. Шідвєрта).	202
97.	Велікій сиѣжий грбдъ.	204
98.	Дождикъ сірковый.	205
99.	Дождикъ жавачий.	206
100.	Дождикъ кркавый.	207
101.	Оученый панъ и простый Иванъ.	—
	<i>M. Козановичъ</i>	208
102.	Іоанн мілостивый.	209
103.	Ездк ціедрый.	210
104.	Шедрота (из Рихтера):	
	І. Іоанн мілостивый.	211
	ІІ. Серафіон Сінодитъ.	212
105.	Житїе (Казка).	213
106.	Квока и кбратко.	215

Число		Сторона.
107.	Оцѣненіе по слѣшности. — В. Волянь	217
108.	Бѣр. — И. Гушалѣвич	—
109.	Ялбрехтъ (IV.) Графъ Гавесбрскій пра- щадѣ сѧ съ своею родиною въ гробници въ Мѣри (подлѣ Циглера). — В. К.	221
110.	Слеза. — Новини	224
111.	Два пласти. — В. К.	225
112.	Чѣ юныѣ , чѣ є зѣтра? — И. Гушалѣвич	226
113.	Листъе и цвѣты (подлѣ Жанъ Поля). — Зоря галицка	227
114.	Бесна. — ІА. Геровскій	228
115.	Свѣздарскій вѣдомости оѣ сельскихъ людей. — Пере мышленіи	229
116.	Галицїа. — В. К.	232
117.	Непастыкій. — М. Р. Шашкевич	249
118.	Ходъ на Острѣ Кѣчиркѣ (Оурывокѣ). — И. Устянович	250
119.	До Зорї. — И. Гушалѣвич	253
120.	Похожденіе Домѣ Гавесбргѣ (подлѣ хро- ники Я. Циглера) — В. К.	254
121.	Адинапск. — ІА. Геровскій	259
122.	Водоспадъ Прѣта кольо Доры. — Зоря галицка	262
123.	Людске сѣрдце и людска бола. — Гриць Кукурудза	264
124.	Благенныи камень (Оурывокѣ изъ епи- ческаго стихотворенія „Скитъ Машев- скій“). — Анна. Л. Могильницкій	—
125.	Житѣ Йоанна Сиѣгбрскаго — Іосифъ Лозинський	272
126.	Іосифъ II., ѿко орачъ. — В. К.	284
127.	Чарбючий господарь	286
128.	Іванъ Швѣдкій. — Левъ Трещаковскій	287
129.	Псалмы Рѣслановий: I.	—
	II.	288
	III. Вѣнокъ	289

Число		Страница
130.	Два скита. — В. К.	290
131.	О любви (мъсации). — М. Малиновский	291
132.	Таныи обѣдъ. — В. К.	294
133.	Домонѣ житкѣ Гранничарѣвъ (подлѣ Гиценгера). — В. К.	295
134.	Загадка — А. Духновичъ	299
135.	Старикъ. — В. Волянъ	—
136.	Освѣївша хоробра. — В. К.	300
137.	Ерейскіи мелодіи (изъ Лорда Байрона) И. И. Бужаненъко	302
138.	Прогулка по Семеринѣ. — В. Волянъ	303
139.	Песнь житла. — Ив. Гушалевичъ	309
140.	Ленок и лисъ. — В. Волянъ	310
141.	Бойтъ Подольскій. — Зоря галицка	—
142.	Благодарность (изъ Рихтера). — В. К.	317
143.	Лакомство: I. Царь Никифоръ. — В. К. II. Король Аригеръ.	319 322
144.	Надѣя, мѣха и синица. Зоря галицка. Е. Г.	323
145.	Кризисъ славы. — В. К.	324
146.	До здорова (подлѣ Кохановского). — Іос. Левицкий	328
147.	Гранитъ гостинности. — В. К.	—
148.	Повѣстка старого Савы изъ Подгора, аустрийского вояка. — Анш. Л. Могильницикъ	329
149.	Свѣро — восточна Оуфортина. — В. К.	342
150.	Смерть на Прѣздникѣ. — Лука изъ Ракова	352
151.	Красота Берхонки. — И. Успеновичъ	353
152.	Графъ на Гавенбрѣ (Баллада изъ Шиллера). — Анш. Л. Могильницикъ	355
153.	Псаломъ Сп. „Благослови душѣ мої Господѧ“ — В. Волянъ	359

Рѣшѣнія загадок:

Число	Сторона
6.	Звѣнѣ.
30.	Лѣстѣ.
68.	Плугъ.
74.	Права и лѣва рука.
134.	Муха.

